

ЮЛИЯ ЛИМОРЕНКО

**ВОЙНА
НОМЕР
ЧЕТЫРЕ**

Юный наследник небогатого рода, оставшись сиротой, попадает в дом опекуниши, назначенной отцом в завещании. А опекуниша-то непроста! И герой включается в странную войну, вместе с прогрессивными силами родного мира пытаясь защитить его от власти пришельцев и их здешних союзников. Те уже трижды потерпели поражение, но в четвёртой войне мечтают взять реванш!

Часть 1, где цинично поправаны родственные связи

Глухой тяжёлый удар. Что это за звук? Ах, это же он сам захлопнул за собой дверь отцовского кабинета. И как захлопнул! Пыль полетела от косяков. Отец никогда себе такого не позволял: при посторонних это выглядит грубо, когда ты один — глупо... Орсо вдруг рассердился на себя: не прошло их двух дней, как отца нет, а сын уже дичает и забывает преподанные отцом уроки.

Орсо опустил на деревянный стул у конторки, свесил руки между колен и печально задумался. До этого дня он и не представлял, насколько же он один в этом мире. Пока рядом был отец, его никогда не посещала эта глухая пустота. Отец был точкой отсчёта — его несуетная мудрость, спокойствие и мягкий юмор освещали весь мир вокруг словно уютным светом жарко горящего камина. Всё, дорогой, чудеса кончились, камин погас, а в холодной золе толку немного — что с того, что когда-то она была живым огнём. Теперь нужно всё решать самому, и при этом от твоих решений зависит поразительно мало. Распорядиться наследством можно будет лишь через два с небольшим года, кредиторы уже вот-вот постучатся в дверь дома, который тебе не принадлежит, а единственные близкие люди — родня матери...

Э, нет, оборвал себя Орсо. Врать себе не надо: о материнских родственниках ты если когда и вспоминал, то разве когда приходило очередное письмо от тётушки Фучии с просьбой помочь деньгами. По-родственному. И как же радостно было думать, что тебе не надо с ними жить! В хорошие времена они были омерзительны — с чего бы в горе стали милее? Стоит ступить на их порог — и будешь ты готовый герой сказки про бедного сироту, на котором воду возят. Только вот тебе добрый волшебник вряд ли принесёт рыцарского коня, блестящий доспех и верное копьё — соверши, мол, три подвига и станешь королевским зятем. Сказки не для этой жизни, а в этой жизни вы, Орсо Травенари, для своих любезных тётушек — досадная помеха, если только им не удастся запустить лапы в наследство до того, как вам стукнет двадцать. Но хотя бы от этого закон защищает даже сирот.

Орсо попытался примерить к себе это слово — «сирота». Стало муторно и мерзко, будто заглянул в богадельню, где тебе предстоит провести остаток жизни. Но выхода нет — придётся тащиться в дом проклятых Каленти, а оттуда его наверняка отошлют в жуткую захолустную дыру, которую тётушки громко титулуют «имением». Отец, будучи в скверном расположении духа, называл это место «немением» и однажды рассказал сыну, как приехал туда знакомиться с родителями будущей жены. Дом отец не описывал — он его нарисовал несколькими скупыми штрихами, потом смял бумагу и бросил в камин. Но Орсо слишком хорошо запомнились обветшавшая крыша, проломленные резные перила террасы, запущенный сад, лужи на подъездной дорожке и унылые хозяева, полные сознания собственной важности вопреки очевидному... Нет уж, оттуда он сбежит, не пройдёт и дня! Лучше украсть у дядюшки старинное ружьё и податься в разбойники, чем жить в таком родовом гнезде. Он не ворона, в конце концов.

Вот она, свобода выбора: ты свободен своими руками надеть на шею ярмо...

Орсо поднял голову, словно проснувшись от тяжких мыслей, и оглядел кабинет. Всё здесь — не случайно: случайных вещей отец не держал. Каждая книга, каждый остро отточенный карандаш в подставке на столе, каждый листочек бумаги — это память. Всех

этих вещей только позавчера касалась рука хозяина. Позавчера он сидел за этим столом до глубокой ночи, составляя письма друзьям, запечатывая своей крошечной печаткой и чётким книжным почерком надписывая адреса. Писать близким людям дважды в месяц для отца было святым делом, этого он никогда не забывал и не откладывал. Вот они, письма, лежат аккуратной стопкой слева на краю стола, и в них — живой голос человека, говорящий с живыми. Они будут читать эти послания, а написавший их уже мёртв. Орсо передёрнул плечами и вдруг подумал, что письма надо обязательно отправить адресатам и к каждому приложить короткую записку о том, что отца не стало. Только надо указать свой адрес — а вот адреса Каленти он не знал. Да и будут ли хозяева так уж рады, если к ним в дом принесут письмо от друга того, кого они даже отказывались считать роднёй!

Мучительно жаль расставаться и с домом, и вещами отца, а Каленти наверняка не разрешат взять с собой ни книги, ни письменный стол... Продадут старьёвщику и не поморщатся. А в отцовском собрании есть книги позапрошлого века! Раритеты, которые оценит только знаток: рукописные церковные поучения, собрания старых карт, первые выпуски «Журнала для чтения», ещё тоненькие и без картинок... А «Описание плавания кругом земли» — этих, самых первых, изданий уцелело не больше десятка! У Орсо мелькнула мысль: а нельзя ли передать коллекцию книг какому-нибудь музею? Как наследник он, наверно, имеет такое право?.. В музей — не жаль, там они послужат людям, и на полку наверняка повесят бронзовую табличку «Личное собрание Гаэтано Травенари, передано в дар» и прочее, что там положено писать.

Эта мысль, как ни странно, немного успокоила тоску. Орсо поднялся, подошёл к резному креслу у письменного стола и встал за спинкой, как часто делал, когда был маленьким, если отец рано заканчивал с делами и брался за угольный карандаш. Он делал вид, что не замечает затихшего сзади мальчишки, но на листе бумаги один за другим возникали забавные персонажи. Вот рыцарь на коне пытается поднять невероятно длинное копьё. Вот щенок чешет лапой за ухом и лукаво глядит на замершего в восторге Орсо. Вот раздувшаяся от важности лягушка сидит на листе огромной кувшинки — точно такие плавают в пруду в парке Риполи, где Орсо часто гулял с отцом... Когда мальчик не выдерживал и начинал хохотать, отец сажал его к себе на колени и давал в руки карандаш. И Орсо дорисовывал рыцарю тяжёлый щит, щенку — сахарную косточку, лягушке — пролетающего мимо жирного комара... Отец не жалел для него дорогих карандашей и не сердился, если сын случайно разбивал грифель. Он был уверен: нельзя ничему научиться на негодных материалах. Ведь на хромой лошади не научишься брать барьеры, а с кривым вертелом — драться на саблях. Рисовать — так уж рисовать, хорошими карандашами на подходящей бумаге!

Вон они, эти карандаши, замерли аккуратным строем в коробке. И от пачки бумаги для набросков осталось ещё несколько листов в бюваре с золотым тиснёным дубовым листком. Дуб Травенари. Орсо — его последний отросток.

Что это за голос внизу? Неужели прискакала тётушка? Нет, этого резкого хрипловатого голоса Орсо раньше не слышал. Это точно не тётушка Фуччия — на похоронах она так надрывно и визгливо ныла о «забвенном Гаэтано», что у Орсо до конца дня звенело в ушах и болели зубы. Если он ещё раз услышит тётушку, с ней может случиться что-нибудь нехорошее! Но что чужой женщине делать в его доме? Ах да, это ведь больше не его дом...

Орсо рванул дверь, выскочил в коридор и застыл самым неприличным образом. Все манеры вылетели из головы. На верхней ступеньке стояла незнакомая очень высокая

женщина в тёмном платье, в серой вуалетке и с двумя белыми розами в руках, как положено являться в дом, где умер член семьи. Орсо торчал молча не меньше минуты, прежде чем смог промямлить какое-то вежливое приветствие.

— Здравствуйте, — кивнула незнакомка. Да, это был её голос! Вполне способна заменить корабельную рынду... — Желать доброго дня сегодня неуместно. Прошу простить, что я вот так врываюсь к вам, но дело весьма срочное. Я Ада Анлих. Мы с вами, насколько мне помнится, не встречались.

Самая неожиданная персона, какую только можно было представить сегодня здесь. Если отбросить слухи, твёрдо о ней можно сказать лишь одно: как ни странно, она в самом деле приёмная дочь короля Джакомо и королевы Марии. Иностранка, простолюдинка, всем известная, но далеко не светская особа и, говорят, весьма небедная. Пришла выразить соболезнования? Лично? И разве они с отцом настолько хорошо знакомы? В мыслях стремительно сгушался туман.

— П-прошу вас, — Орсо отступил с дороги. — Проходите, прошу... Я... извините, я несколько неучтив, но...

— Понимаю, сейчас не до куртуазии. — Ада выглянула назад и вниз, в холл. — Вы не возражаете, если моя охрана подождёт меня внутри... я надеюсь? Они не позволят никому вломиться в дом без вашего согласия. А заодно и отгонят репортёров... впрочем, быть может, вы желаете побеседовать с газетчиками?

— Нет-нет, не стоит! — испугался Орсо. Репортёры, как же он забыл. Трагическая фигура юного сироты, наследника рода и кучи долгов. Газеты выходного дня такая история украсит наилучшим образом...

Юноша открыл перед гостьей дверь кабинета и запоздало подумал, что лучше было бы пригласить её в гостиную — так не хотелось пускать чужих в свои воспоминания... Но не гнать же даму вниз по лестнице! А в свою спальню он точно никого не пригласил бы.

Ада, припадая на левую ногу, прошла в кабинет, Орсо подвинул ей кресло — не то, в котором работал отец, другое, узкое, обтянутое зелёной кожей. Для мужчины оно было тесновато, а дама расположилась в нём вполне удобно. Положила розы на софу, достала из песцовой муфты какой-то очень официальный конверт с жёлтыми печатями и протянула его хозяину:

— Орсо Травенари, согласно распоряжению вашего отца, со дня его смерти я являюсь вашим опекуном до достижения вами возраста двадцати лет. Соответствующая куча бумажек — здесь, в пакете, вскройте сами и убедитесь.

Орсо молча взял конверт, тщетно пытаясь отыскать слово, которое в полной мере описало бы его изумление. Машинально он протянул руку к столу, ощупью отыскал нож для бумаги — как всегда, на месте, справа от письменного прибора, — и разрезал плотную хрустящую бумагу. Наружу посыпались листки с печатями и затейливыми вензелями. Орсо с ходу узнал две подписи: отца и его поверенного Липпи. Он сам не далее как вчера ставил свой кривой росчерк на каких-то бесконечных бланках, а поверенный визировал их своей изящной закорючкой. А вот и незнакомый вензель — двойная А в полупетле и с хвостиком снизу. Принимая во внимание... до наступления совершеннолетия... доверить... какое имущество... охраняется законом... на основании параграфов... «Утверждаю» — суровый вердикт поверенного и ниже — три подписи: отца, Ады и...

— А это что? — глупо спросил Орсо, ткнув пальцем в сложную сигнатуру свидетеля.

— Это подпись Её Величества Марии, — пожалала плечами Ада, как будто подпись

королевы была делом совершенно рядовым и должна быть знакома каждому.

— А... как... — от удивления Орсо не мог изложить словами простой вопрос, который просился на язык: каким образом и чего ради документ о назначении опекуна ничем не выдающегося дворянского отпрыска подписала королева?

— Да никакой загадки: Её Величество случайно оказалась рядом, когда ваш отец и я подписывали бумаги. Дело было в Верхнем парке, там очень удобные перила террасы — пиши не хочу...

— М-м... прошу меня извинить, я... что-то никак не могу собраться с мыслями... это всё несколько... э... неожиданно... — пробормотал Орсо.

— Ваш отец решил, что о его поручении лучше никому, кроме поверенного, не сообщать: если бы ваши родственники со стороны матери заранее узнали об этом, они успели бы основательно испортить вам жизнь.

Орсо вскочил, сел, снова поднялся, прошёлся по кабинету, мучительно пытаюсь куда-нибудь деть руки и вообще прийти немного в себя. Вспомнился совет отца: когда не знаешь, как вести беседу, предложи гостю выпить. И время выгадаешь, и обстановка станет более непринуждённой. Только вот послать за вином было некого! Слуг в доме не осталось, да и вино вовсе не обязательно найдётся. Камердинер отца помог с похоронами (что бы Орсо без него делал!), но остаться отказался и даже не взял плату за прошедшую часть месяца, хотя Орсо предлагал заплатить или хотя бы возместить расходы на дорогу. Видно, старику было тяжело задержаться в доме хоть на лишний час... Кухарка была приходящая, в последний раз Орсо видел её на похоронах, но в дом она больше не зашла — насквозь пропиталась своими суевериями! А конюха отец вообще не держал, Пороха юноша чистил, кормил и проминал сам. Жеребец был верным другом — отдать, а тем более продать его у Орсо не поднялась бы рука. Что с ним станет? Ещё один камень на сердце...

— Прошу прощения, из меня никудышный хозяин — надо было предложить вам вина...

— Не стоит вашего беспокойства, — отмахнулась Ада. — Я, собственно, хотела предложить поехать ко мне, пообедать как положено, а потому уже не торопясь решать, как вы распорядитесь имуществом. Догадываюсь, что в последние сутки вам было не до обедов, да и спали вы, как посмотрю, неважно...

— Вообще не спал, — признался Орсо и прикусил язык: выглядит как жалоба и нытьё! Ада, впрочем, нытья не заметила:

— Тем более. Мои люди посторожат дом и в случае надобности выставят Каленти, приди они хоть ротой. Вообще я бы вам посоветовала, буде попадутся на дороге ваши тётушки, с ними не разговаривать — оставьте их мне. У меня большой опыт... — В словах Ады прозвучало что-то кровожадное, и Орсо на мгновение даже пожалел родственников.

Но прежде чем уйти из этого дома, надо понять главное. Откуда всё это, зачем, почему?

— Простите мою несообразительность... я всё же никак не пойму... почему отец так решил? Я не хочу сказать, что недоволен его решением, но...

— Вы вполне можете быть недовольны, что тут такого? — пожала плечами Ада. С усилием толкнувшись от подлокотников, она поднялась на ноги, дохромала до окна, приотодвинула штору и с любопытством выглянула на улицу. На карнизе снаружи намело уже, оказывается, порядочно снега... — Я вовсе не подарок, да и в воспитании давно уже не разбираюсь. Я горжусь доверием вашего отца, но... знаете, у меня есть только одно объяснение его решению. Предупреждаю: я не настаиваю на нём, но оно самоочевидно.

Женщина отвернулась от окна и посмотрела прямо на обитателя комнаты:

— Всем остальным, кому вообще могло быть дело до его семьи, он доверял намного меньше.

— Но... почему? — Нет, положительно сегодня у него туго со словами — простейшие вопросы не удаётся задать ясным языком. Однако Ада, кажется, поняла:

— Мы с вашим отцом были знакомы давно, хотя я не назвала бы это знакомство очень близким. Если захотите, я расскажу вам, как было дело, но не сейчас — история долгая и может показаться малопонятной. Давайте решим все срочные насущные дела, сейчас вам всё равно не до разговоров. Согласны... я надеюсь?

— Согласен... Госпожа Анлих...

Ада умоляюще подняла руки:

— У меня к вам просьба: называйте меня Адой, хорошо? Я совсем не госпожа, тем более для вас. На людях обращайтесь как вам будет удобнее, но когда мы одни, прошу, не надо титулов и фамилий!

— Как пожелаете. — Здесь порядочному молодому человеку, видимо, следовало бы покраснеть или смутиться, но Орсо сейчас и в самом деле было не до того. Он вдруг остро почувствовал, что не спал две ночи и чем скорее ему попадётся пригодная для сна поверхность, тем лучше. Но и заставлять опекуншу ждать неправильно...

Юноша провёл ладонью по лицу:

— Прошу меня простить, я боюсь заснуть на ходу. Если я скажу что-нибудь неуважительное, умоляю отнести это на счёт...

— Отнесу, отнесу, не беспокойтесь, — рассмеялась Ада. А вот смеётся она приятно, и даже голос кажется не таким резким. — Едемте ко мне, пока вы в самом деле не уснули. У меня на улице возок. Коня можно сразу взять с собой, за остальным вернёмся.

Орсо ещё раз потёр ладонями лицо. Помогло — кровь прилила к щекам, глаза слипались чуть меньше:

— Я задержу вас на одну минуту.

Через минуту он и в самом деле появился одетый и при шпаге, предложил Аде руку, и та с готовностью оперлась на неё. Лестница, видимо, была для её ноги нелёгким испытанием.

Морозный воздух и снежинки, касающиеся лица, ещё немного отрезвили Орсо. Вот бы сейчас вскочить на Пороха и — карьером отсюда, в метель, куда глаза глядят, чтобы из всех звуков остались только свист ветра и грохот копыт по подмерзающей земле... Он с трудом оставил заманчивую картину бездумной бешеной скачки и вернулся в реальность: даме нужно помочь сесть в экипаж.

Возок Ады мягко шёл по заснеженным улицам, полозья иногда чуть слышно гудели на льду. Маленькие окна залепило снегом, внутри стало совсем темно. От голода и усталости Орсо начал мёрзнуть и из последних сил боролся со сном. Чёрная шубка Ады касалась его плеча, она даже на вид была такой тёплой, такой уютной... не спать, ещё не хватало!

— Вы уже подумали, что будете делать с обстановкой дома? — спросила опекунша.

Орсо ещё раз героическим усилием отогнал дремоту:

— Я бы хотел... если это вам не помешает... я хотел бы забрать вещи из кабинета отца, всю библиотеку, Пороха, конечно, и... если можно... ещё рояль.

Часть 2, где говорится о мечтах, Творце и звёздах

Зима взялась за город по-настоящему: дворники не успевали бороться с сугробами, карнизы украсились снежными фестонами, мосты обледенели, и ночами целые отряды уборщиков с пешнями и лопатами долбили наледь, чтобы утром можно было ездить без опаски. Похолодало, и в одно хмурое морозное утро город расцвел словно яркими фонариками — в него вторглись стаи снегирей. Громкое требовательное «пик-пик» доносилось с каждого куста, рябиновые деревья дрожали и колыхались под натиском сотен голодных птиц.

Орсо мог часами просиживать у окна своего нового обиталища, глядя на снегирей, облюбовавших рябиновую аллею. Наружная стена спальни была, собственно, скатом крыши, и окна в ней получились огромные, с широкими подоконниками. Тёмно-рыжие ягоды и алые грудки снегирей горели на фоне пасмурного неба, их мелькание притягивало взгляд, и на какое-то время забывалось всё — редкие радости и большое горе, тревога о будущем и странное чувство потерянности в неожиданно изменившемся мире, где теперь приходилось жить. Ибо жизнь в доме Ады была поистине ни на что не похожа.

Дом, где жила приёмная дочь королей, снаружи казался совсем маленьким, но остроумная планировка внутренних помещений не давала ощутить тесноты. В распоряжении Орсо были две комнаты — кабинет и спальня на втором этаже. Кабинет был совершенно обычным небольшим помещением, где нового хозяина уже ждали удобные книжные полки; отцовский стол поместился прямо напротив окна, как будто всегда там стоял, а в маленькую нишу, невесть зачем оставленную в дальней стене, как родной встал большой глобус на медной подставке. Большую библиотеку, конечно, здесь было не разместить, но Орсо, раз решившись, не передумал. Почти все книги отправились в Музей изящных искусств — хранитель тамошней библиотеки не мог поверить своему счастью и долго в немом восторге перелистывал составленный отцом каталог. Себе Орсо оставил лишь старинный атлас, где земля ещё была представлена квадратом, и «Плавание кругом земли», а Ада попросила себе на память рукописную «Повесть о девице Леонор» — тетрадка в плохо сохранившемся кожаном переплёте была, должно быть, переписана как раз девицей, полудетским крупным почерком с забавными ошибками. «Повести» было никак не меньше ста пятидесяти лет, значит, и тетрадка, вероятно, помнит ещё Луиджи Первого. Так-то: была девичьей забавой — стала раритетом.

Кабинет Орсо обставлял постепенно, торопиться было некуда. Со спальней знакомство вышло коротким: первые два дня он почти безвылазно провёл именно там. Пережитые события сделали с ним что-то странное — он почти всё время спал, как ёж в норе, изредка воскресая, чтобы перекусить. На третий день поднять голову от подушки стало полегче, Орсо виновато явился к завтраку, ожидая, что Ада выскажет обиду или неудовольствие, — и обнаружил, что она готовит завтрак сама. От этой картины все предполагаемые оправдания вылетели у юноши из головы, остался лишь глупый вопрос:

— А где кухарка?

— На рынке, — мотнула головой Ада, стараясь не размахивать руками, перепачканными в муке. — Покупать хорошие продукты она умеет, но, Творец, что она дальше с ними делает!.. Это ужас, я не готова с этим мириться. Полейте-ка мне в эту квашню воды — вон из того кувшина... так, достаточно, достаточно! Если я ничего не забыла, через

полчаса у нас будут калачики.

Калачики были. В сопровождении домашней ветчины и тернового варенья они были прекрасны вдвойне. Ада заметила смущение Орсо и развеселилась ещё больше:

— Не знаю, говорили ли вам, что я не аристократка? Я бы, пожалуй, сама смогла работать кухаркой, случись такая надобность. Это, между прочим, одна из причин, по которым я не живу во дворце: нельзя во всё без разбора сыпать мешками тимьян! Это преступление!

Орсо так и не понял, шутит его опекунша или серьёзна, но готовила она и вправду отменно.

За исключением коротких разговоров с Адой во время трапез, больше Орсо почти ничего не делал. Постоянная непроходящая усталость и равнодушие, как после болезни, окутывали всё сильнее, а тут ещё зима решила, что снега к праздникам маловато, и целыми днями на землю не падало ни единого лучика солнца. Плотные снеговые тучи цвета старого серебра цеплялись за шпиль, висли на пожарных каланчах и застревали в кронах пирамидальных тополей. Орсо казалось, что каждый день повторяет предыдущий: едва рассветало, снегири слетались на рябины, а с темнотой исчезали, и нередко наследник Травенари задрёмывал прямо на подоконнике и просыпался уже глубокой ночью.

Со дня, когда не стало отца, прошла уже декада, и однажды утром Орсо проснулся под звон капли (внезапно северным ветром принесло оттепель) с ужасным чувством. Он совершенно позабыл о Порохе! Бросил друга в незнакомом доме и даже ни разу не навестил!

Полный отвращения к самому себе, Орсо наскоро оделся, сбежал вниз по скрипящим ступеням, через чёрный ход выскочил во внутренний двор, откуда было ближе всего до конюшни, — и столкнулся с входящей с мороза Адой. Она была в мужском костюме, меховая шапочка сбилась набок, перчатки были насквозь мокрыми и пахли конским потом.

— Доброе утро, — буркнула Ада и уронила перчатку. Орсо, помня о её больной ноге, нагнулся, поднял перчатку, подал хозяйке. Та смерила его сердитым взглядом:

— Очень мило с вашей стороны было взвалить на меня, старую больную женщину, заботы о вашем любимом коне. Он велел передать вам, что всё же надеется на встречу.

— Я... вы... простите, я в самом деле... — вот тут Орсо наконец залился краской, как девица. Просто почувствовал, как пылают уши.

Ада хмыкнула, сердито хлопнула перчатками по ладони:

— Впредь прогуливать его будете сами. Извинения тоже адресуйте Пороху — он их заслужил.

Опекунша, хромая, отправилась в дом, а Орсо побежал по истоптанному копытами двору в конюшню. Конюх Ады, весёлый чернявый парень вряд ли старше самого Орсо, уже обтирал Пороху ноги, мышастый красавец терпел, но нервничал, раздувал мягкие ноздри и норовил отойти от незнакомого человека, насколько позволял денник.

— Дайте мне, — Орсо решительно отстранил конюха, обнял Пороха за шею, прижался лицом к гриве:

— Прости, зверь, прости меня. Скучал, да? Скучал,мышь?

Конюх тронул Орсо за руку и что-то вложил ему в ладонь — сухарик! Сам-то не додумался прихватить угощение, вот болван.

Порох взял губами корочку, фыркнул, боднул хозяина тяжёлой башкой. Прощённый наследник обернулся к конюху:

— Я теперь сам буду его чистить. Он ко мне привык. Зря я не приходил...

— Оно так, — кивнул мальчишка, — тосковал он сильно. Хозяйку в первый раз к себе не подпустил, так и стоял, бедолага, три дня не гулявши. Потом уж она на Сове выехала, так этот следом запросился...

— Сова? — Орсо оглянулся: в дальнем деннике, отделённая от Пороха четырьмя смиренными упряжными меринами, стояла кобыла. Пороха можно понять — тут запросишься следом! Отгородить жеребца от такой девочки очень даже полезно...

Закончив чистить и расчёсывать Пороха, Орсо подошёл рассмотреть Сову. Кобыла пегокrapчатой масти, с коротко подстриженной гривой, уже вычищенная, смиренно жевала, вроде бы совершенно не интересуясь посетителем. Лукавый глаз был точно такого же цвета, как у хозяйки, — карий с лиловым ободком. Конюх подошёл тоже, постоял, любуясь лошадьёю:

— Видите, господин, ноздри-то у неё розовые!

— Да, и что?

— А то, что от рожденья она, значит, белой масти! А пежины потом проступили.

— Разве так бывает? — Орсо начал подозревать, что мальчишка пытается подшутить над ним, но тот был серьёзен:

— Мне так дед объяснял. Он на конном заводе всю жизнь работал, всё про мушек знает. Всё-о знает, — повторил он ласково, глядя атласную шею Совы. Кобыла взмахнула длинными ресницами и томно вздохнула.

— Мушка — она и есть мушка, так их дед звал, — парень нащупал и осторожно вытащил из гривы «мушки» свалевшийся клочок волос, разгладил ей чёлку, закрывавшую россыпь рыжих крапин на лбу кобылы.

— Красавица, — признал Орсо.

— А то! — В голосе конюха была гордость, будто он сам в роли Творца создал это существо. — Она ещё и иноходка у нас! Мууушка...

Кобыла блаженствовала: её любят, хвалят и ценят, чего ещё надо?

— Знаете, — сказал Орсо, — не называйте меня господином. Я просто гость у Ады.

— А она говорит — воспитанник, — важно ответил конюх. — Это значит, вроде сына получается. Ну, воля ваша, господская, а как же вас тогда звать?

— Можно по имени. Меня зовут Орсо.

— А меня Ринальдо. Ну... — мальчишка смутился, ощутив, что перешёл границы, — если позволите...

— Рыцарское имя, — усмехнулся Орсо. — Спасибо за Пороха!

— Да не за что. Мушки — они все славные...

Объяснение с Адой Орсо решил не откладывать — если уж заслужил выволочку, то чем быстрее, тем лучше. Но когда он, переодевшись, заглянул в кухню, Ада была поглощена сооружением очередного кулинарного чуда и сердитой не смотрелась. Увидев воспитанника, она в знак приветствия тряхнула головой, украшенной поварским колпаком, и продолжила отсчитывать ложку за ложкой какого-то тёмного порошка, отправлявшегося в котёл:

— Восемь, девять, десять, хорооош! Закрываем, — опекунша отставила баночку с порошком, накрыла посудину крышкой, взяла с полки над плитой песочные часы и перевернула. Белый песок невесомой струйкой, словно нехотя, заструился вниз. Ада отряхнула руки и обернулась наконец к Орсо:

— Это наш обед. В роли завтрака сегодня буженина и оладьи с лимонным джемом. Какао?

— Спасибо, — вспомнив о какао, юноша ощутил, что порядком замёрз, пока носился по

двору. Ада зачерпнула из котелка густой ароматный напиток, налила в забавную серебряную кружку, похожую на кувшин с откидной крышкой, Орсо осторожно принял у неё сосуд, самостоятельно нагрёб на тарелку еды и устроился поближе к печи. Руки уже согревались, только всё ещё было немного боязно начинать разговор...

— Ну, дорогой воспитанник, у вас накопились вопросы... я надеюсь? — Ада присела на скамейку напротив, не снимая кухарочьего фартука. — В ближайший час я всё равно не смогу отлучиться и бросить рагу без внимания, так что, если хотите, составьте компанию.

— Я... не знаю, что мне делать, — признался Орсо. — Отец хотел, чтобы я учился, но мы не успели с ним решить, чему именно...

— Так решите сами. Определитесь для начала, что вас больше привлекает — военная служба или гражданская карьера?

— Я думал об этом, — проклятье, да когда же он перестанет смущаться? С отцом о мечтах и планах говорить было легко, он никогда бы не позволил себе ни насмешки, ни осуждения, но Ада женщина... к тому же неизвестно, не наделила ли её, например, королева Мария в придачу к подписи на документе какими-нибудь инструкциями относительно наследника Травенари?

Ада молча ждала продолжения, глядя на новоявленного воспитанника спокойно и как-то грустно. Орсо вдруг увидел, что она намного старше, чем показалась тогда, в отцовском доме, и сегодня утром, после скачки на коне. Ей ведь лет сорок, если не больше. И она, кажется, не мажется белилами и румянами, чтобы скрыть возраст, — от этого женщины только кажутся ещё старше... Орсо видел таких устарелых модниц в театральных ложах. Они с отцом бывали в Новом театре почти каждый месяц, дирижёр Маротти был старинным приятелем отца и всегда сообщал о новинках и гастролях задолго до того, как появлялись афиши и приходили почтой уведомления. Маротти не стало в прошлом году, а теперь ушёл и отец... Орсо потряс головой не хуже Пороха, отгоняя печальные мысли.

— Я хотел бы... знаю, это звучит смешно, но я действительно хочу этого. Не знаю только, как подступиться...

— Расскажите, — ободрила Ада. — Не вижу ничего смешного в планах и желаниях. Вы же не хотите стать пиратом... я надеюсь?

— Нет, — прыснул Орсо и тут же снова стал серьёзен. — Но я хочу ходить в морские экспедиции. Не военным, нет! — добавил он торопливо. — Географом. Составлять карты берегов, течений, островов, ледовых полей...

— География — почтенная наука, — Ада долила воспитаннику какао и подвинула новое блюдо с оладьями. — Не жалейте, ещё напеку. Однако я бы дала вам странный совет, если позволите. Образование для этого лучше всё же военное. Вас же никто не заставит сдавать экзамены на офицера больше одного раза, а иметь хоть лейтенантский чин и географу не зазорно. Военных готовят на совесть, для практики, а не для кабинетной болтовни.

Орсо приуныл. Он смутно представлял себе военные учебные заведения, но подозревал, что жизнь там была бы не сахар. Особенно у него: с одной стороны, сирота, с другой — воспитанник приёмной дочери королевской четы, положение непонятное и в определённом смысле смотрится как протекция. А этого не любят нигде.

— Вообще-то, — прервала его размышления Ада, — у вас в любом случае есть полгода на решение. Вступительные испытания всегда идут летом, когда определитесь — начинайте готовиться. Если понадобятся учителя — найдём. Библиотеку я в доме не держу, но могу

раздобыть для вас пропуск в королевскую. Да и собрание, которое вы вручили музею, весьма впечатляет... Не жалеете?

— Нет, — помотал головой Орсо. — Это, наверно, плохо, но я не такой трепетный любитель книг, как отец. Иногда мне казалось, что он... разговаривал с ними. У меня этого нет, так что пусть служат тем, кому нужнее.

— С такими взглядами на жизнь вам нелегко придётся, — покачала головой опекунша.

Орсо обиженно вскинулся:

— Отец учил меня не сидеть на сундуке с сокровищами, как скупец из басни! Он... он всегда отдавал то, что имел, если кому-то было по-настоящему нужно...

— Дорогой мой, — улыбнулась Ада, — я ведь не говорю, что ваши взгляды плохи! Я лишь предупреждаю: с ними вам будет трудно жить. Недостаточно быть щедрым — нужно ещё уметь защищать то, что даёшь, от хапуг и скупцов и давать лишь тем, кто в самом деле нуждается. Поэтому, — заключила она неожиданно, — я и не терплю благотворительности.

Песок успокоился в нижней пузатой колбе, Ада встала, помешала в котле громадной деревянной ложкой и обернулась к Орсо:

— Помогите сдвинуть с огня.

Вдвоём они переставили тяжёлый котёл с горячей плиты, и его место немедленно заняла кастрюлька с подостывшим какао. Ада разлила ещё по порции себе и воспитаннику, уселась обратно на скамью и обхватила кружку ладонями, словно греясь.

— Кстати о скупости. Своих денег у вас пока нет, а расходы непременно будут. Деньги я держу в гостиной, в шкатулке за айской вазой. Вазу только не уроните. Если идёте прогуляться по городу, советую не брать крупные ассигнации — в крайнем случае наменяйте мелочи в лавке Тобиаса, на углу, он никогда не отказывает.

— А... сколько можно брать? — опешил Орсо. Такое отношение к деньгам было для него, мягко говоря, в новинку.

— Сколько понадобится. Вы же не станете покупать клипер... я надеюсь?

— Нет, но...

— Всё остальное вы можете себе позволить. Но если вас будет мучить совесть по поводу крупной траты, спросите меня — что-то, а вашу совесть я успокоить смогу. — Всё же смеётся она как-то очень тепло и радостно и совсем не кажется ни старой, ни холодной.

Ада оглядела кухню хозяйским взором, смела со стола крошки, тщательно закрыла и убрала на полку банку с джемом:

— Меня здесь больше ничто не держит, рагу дойдёт без посторонней помощи. Пойдёмте-ка в гостиную, я лягу, наконец.

Орсо подал опекунше руку, проводил в зальчик, служивший гостиной (хотя гостей он в доме пока не видел), Ада разместилась в любимом кресле, достаточно длинном, чтобы в нём можно было полулежать. Орсо подвинул стул поближе к огромному мраморному камину — он не горел, но и без огня притягивал неясным ощущением уюта и тепла. Особенно добавляли тепла четыре одинаковых пистолета, висевшие над каминной полкой...

Ада помолчала, перебирая край покрывала, потом сказала, словно продолжая разговор:

— Что касается долгов вашей семьи, я нашла единственно пригодное решение: я закрою их все...

Орсо подскочил:

— Нет-нет, так нельзя! Это... слишком... — Он снова ощутил, как краска заливает лицо.

— Вы дослушайте, юноша, не спешите! — рассмеялась опекунша. — Сейчас я закрою все займы, а когда вы сможете распорядиться наследством или найдёте другие источники дохода, вы отдадите мне долг — и всё. Такое решение устроит... я надеюсь?

— Д-да... так, конечно... — привычно смутился Орсо.

— Есть ещё несколько важных тем, которые лучше обсудить сейчас, — продолжала женщина. — Первое: вы должны знать, что и дом, и деньги — всё это не моё.

— Как?!

— Вернее, моё, пока я жива. Наследовать мне не может никто — ни дети, ни внуки, буде доживу, вообще ни одна живая душа. В случае моей смерти всё, чем я владею, немедленно возвращается в казну. Это одно из условий, на которых Их Величества признали меня приёмной дочерью. — Пальцы женщины механически заплетали и расплетали косички на бахrome покрывала. — Как вы понимаете, это защита от попыток использовать меня в корыстных целях. Конечно, есть более тонкие способы вытянуть из меня деньги, но для этого нужно, чтобы я была на это согласна. — Она неожиданно грустно вздохнула. — А это вряд ли.

К числу того, чем я владею единолично и без права отчуждения, относятся мелкие личные вещи, вот это оружие, — она показала на стену над камином, — и Сова. Всё остальное, можно считать, взято займы.

Слушая Аду, Орсо внезапно осознал, что так неясно беспокоило его с первых минут, как он оказался в этом доме. В нём царил атмосфера временности, непрочности, но при этом он не смотрелся нежилым — скорее наоборот, Ада, лишь переступив его порог, будто сделала его частью себя. Так бывает в походных лагерях: шатры и палатки поставлены на время, но они — вполне настоящий дом.

— Так что и вы, — голос Ады вырвал юношу из задумчивости, — находитесь, можно считать, на содержании казны. Относитесь к этому как к неизбежному недостатку. В конце концов, это ненадолго. — И снова в голосе опекунши почудилась грусть...

— Далее, — вся бахрома, до которой Ада могла дотянуться, не вставая, уже была заплетена в аккуратные косички, и женские пальцы взяли за кисти, украшавшие подлокотники кресла. — Почти наверняка вы встретитесь с неприятными слухами относительно меня и вас. Разрешаю проучить болтунов, но умоляю обойтись без смертей. Я не одобряю человекоубийства.

Последняя фраза прозвучала как религиозный обет или торжественная клятва.

— Знаю, знаю, сейчас вы скажете, что вы... никогда... даже помыслить не могли... и прочее. Я это понимаю, но помыслить как раз советовала бы. В мыслях мы свободны, а вот в поступках связаны логикой, законом и... тут уж каждому своё.

— Я... понял, — неуверенно сказал Орсо. Он-то отнюдь не был убеждён, что понял, но идея кого-нибудь убить ему до сих пор всерьёз в голову не приходила. Видимо, Ада права: думать о таких вещах надо заранее, а то таскаешь на боку орудие убийства — и забыл, для чего оно!

— И, пожалуй, последнее из срочного, — кисти на кресле тоже оказались заплетены в хитроумные узлы. — В ближайшее время, как только кончится ваш официальный траур, мы с вами должны будем посетить Их Величеств. Не волнуйтесь по этому поводу сверх меры, визит неофициальный, но вам будет полезно побывать во дворце. Когда-то ещё позовут, а представление, как там всё устроено, иметь надо. Ну и приглашение на первый же малый бал у Её Величества вы обязательно получите. Скорее всего, это будет в праздники, ближе к

концу декады гуляний.

— Мне... на бал?.. — оторопел Орсо.

— Ну да. Вам. На бал. — Ада вновь рассмеялась, совершенно необходимо и при этом неясным образом давая понять, что смеётся не над воспитанником. — Вы наследник Травенари, неженатый, но уже достаточной взрослый, чтобы смущать девиц. Кстати, у вас есть на примете девица, которую вы могли вывезти на бал... я надеюсь?

— Н-нет... — покачал головой Орсо. Видимо, приличные молодые люди на этом месте тоже должны краснеть. А он какой-то неприличный: когда речь о дамах — хоть бы что, но стоит зайти разговору о деньгах — уши горят, как фонари!

— Подумайте, декады три ещё точно есть. Если вспомните какую-нибудь симпатичную родственницу — не забудьте заранее ей написать, а то вдруг у неё другие планы... Естественно, приглашение будет на двоих, а уж кого вы приведёте, вам виднее.

— А... вы? — ляпнул Орсо и прикусил язык: он ведь явно сказал что-то не то, что вот что именно?

— Да кто ж меня туда пустит? — снова легко рассмеялась опекунша. — Я не дворянка, да и возраст уже не тот, чтобы ходить по танцуйкам одной, без дочерей или хоть племянниц. Ну и танцор из меня, сами понимаете, с моей-то ногой.

Вот оно! Вот что он ляпнул!

— Простите! Я... не хотел...

— Да перестаньте извиняться, Орсо, меня обидеть трудно. — Ада оставила в покое подлокотник. — Что там, Паоло?

Ну и слух! Орсо только теперь понял, что по коридору топочет слуга — один из тех двоих, что помогали перевозить вещи. Когда юноша впервые их увидел, они показались мрачными громилами; потом рассмотрел поближе — обычные деревенские парни, без лизоблюдской нагловатости типичных городских слуг, со смешным акцентом и искренне преданные Аде. Они и к Орсо отнеслись как к давно знакомому, будто он не первый год живёт в доме.

— Исвиняюсь, коспоша, почта пришла, — Паоло внёс пачку разномастных конвертов, поискал глазами, куда бы их положить, и пристроил на столике у камина.

— Спасибо, — улыбнулась Ада. — Сходи ещё, пожалуйста, за газетами.

— Как опычно? — уточнил Паоло. Орсо уже знал, что он еле-еле читает и всегда боится ошибиться с названиями.

— Да, «Курьера» и «Морской вестник».

— Пеку! — Паоло скрылся. Орсо удивлённо поднял брови:

— Что он сказал?

— Бежит, — перевела опекунша. — Дайте-ка мне эту кипу — что там нанесло?

Разноцветные пакеты рассыпались у неё на коленях.

— О, а это вам! — Ада протянула воспитаннику тонкий синий конверт, надписанный незнакомым почерком. — Девушка... я надеюсь?

— Боюсь, что нет... — Орсо сразу же выхватил взглядом имя отправителя. Полковник Редджио Тоцци — это имя было в списке адресатов последних писем отца.

— Извините, я прочту, — Орсо вышел, на ходу разрывая конверт. Дойти до кабинета и вскрыть, как положено воспитанному молодому человеку, ножом было выше его сил. Вряд ли этот не знакомый ему полковник написал что-то очень уж срочное, но почему-то юношу обуряло волнение. Должно быть, потому, что ему редко приходили письма...

Сложенный вдвое лист плотной, не почтовой бумаги он разворачивал уже поднимаясь по лестнице. Не глядя толкнул дверь кабинета, ногой подвинул стул к окну, чтобы бледный зимний свет падал на листок.

«Дорогой господин Травенари». Неплохое начало. Многообещающее. Да ему ли это письмо? Может, всё же отцу?..

«С прискорбием узнав печальную новость о кончине моего старинного товарища Гаэтано Травенари, спешу выразить Вам свои соболезнования и приношу благодарность за то, что Вы взяли на себя труд отослать мне последнее письмо Вашего батюшки. Оно дорого мне вдвойне — как последний привет от доброго друга.

Из столичных газет мне стало известно о решении Вашего отца передать опеку над Вами до Вашего совершеннолетия госпоже Анлих. Не скрою, это решение весьма меня удивило, хотя я ни в коей мере не сомневаюсь, что Ваш отец имел весомые основания поступить именно так. Мне не известно, насколько близко Вы знакомы с госпожой Анлих, и я могу лишь догадываться, объяснил ли Вам отец причины своего решения. Не скрою, при этих обстоятельствах Ваша дальнейшая жизнь до достижения Вами совершеннолетия может оказаться весьма непредсказуемой. Со своей стороны, спешу заверить, что в память о давней дружбе с Вашим батюшкой и о глубоком уважении к нему я и моя семья рады быть Вам полезными. Если мы можем чем-либо помочь и подействовать Вам, это будет для нас не только не обременительно, но исключительно приятно.

С глубоким почтением,

Редджио Тоцци»

Как это понимать? Полковник что-то знает об Аде и призывает молодого наивного наследника старинного друга к осторожности? Понятно, что в письме много не скажешь, но полковники — люди серьёзные, без причины таких писем писать не станут...

Орсо ещё раз перечитал адрес на конверте. Ринзора. Не так уж далеко. Съездить, что ли, к этому полковнику? Как дворянин к дворянину... Нежданной ворвалась мысль: он пишет о своей семье — может быть, у него есть симпатичная дочь? Или даже не одна?

Эту мысль Орсо попытался решительно отогнать как неуместную и несвоевременную, но ушла она недалеко. Вообще-то познакомиться со старым другом отца ничто не мешает, наоборот — все обстоятельства за этот шаг. А в разговоре полковник, возможно, будет откровеннее...

Орсо торопливо сел к столу и по горячим следам набросал черновик ответного письма, где выражал ненавязчивое намерение лично засвидетельствовать своё почтение полковнику и его семье. Переписать аккуратным почерком, а не торопливыми каракулями, отослать сегодня же — через три-четыре дня... ну пусть через пять дней письмо будет в Ринзоре, тогда декады через полторы можно ждать ответа. Может, даже раньше.

Оставив черновик сохнуть, наследник спрятал конверт в ящик стола и вышел на лестницу. Надо сказать Аде, что он хочет навестить отцовского знакомого — вряд ли она будет возражать... Эй, притормози-ка, дорогой господин! Полковник-то, если он правильно понял письмо, к Аде настроен по меньшей мере настороженно. А если Ада платит ему тем же? Она ведь может его знать, раз они оба — знакомые отца! Ну тогда тем более надо ей сказать — если эта новость дойдёт до неё через третьи руки, будет только хуже.

Решившись, Орсо спустился в гостиную. Ада разбирала почту — ей писали помногу и каждый день. Распечатанные письма она раскладывала по стопкам:

— Это мы уже знаем... Люблю банкиров, каждый ан на счету! Это в камин... Это надс

в газету, а не мне, я что — свалка для новостей?! Это тоже в камин... Так, это потом почитаю, это на трезвую голову никак... Что за чушь вообще? Какая курица это писала?! А-а, поняла, какая... в камин. А, Орсо! Будьте так любезны, киньте вот это всё в камин, пожалуйста. Не надо зарастать бумажками, это вредно, и так живу как в нотариальной конторе...

Орсо послушно взял у опекунши пачку листов вместе с конвертами:

— Камин разжечь?

— Ой, а он не горит? То-то я мёрзну! — спохватилась Ада. — ДжIANНИ! Принеси дров для камина!

Слуга проворно раскочегарил мраморного монстра. Труба была, очевидно, вычищена на совесть — ни малейшего запаха дыма в гостиной не ощущалось. Когда ДжIANНИ ушёл, Орсо присел перед каминной пастью и осторожно затолкал бумаги под пылающее полено.

— Благодарю, — рассеянно сказала Ада, снова углубляясь в чтение. Орсо пододвинул поближе к огню косматую, как тулуп, шкуру южного медведя и сел на неё, глядя в жёлтое пламя.

— Ада, — заговорил он несколько минут спустя, — я хотел бы съездить в гости к другу отца. Незадолго до... в общем... отец написал нескольким знакомым, я отослал эти письма и сообщил здешний адрес как свой.

— Разумно, — согласилась Ада; кучка посланий, которые должны были отправиться в камин, снова росла.

— Ну и один из них написал в ответ.

— В гости зовёт... я надеюсь?

— Нет, не так прямо, но... пишет, что желал бы быть полезным. Мне кажется... он что-то хочет рассказать, ну, что-то такое, что не напишешь незнакомому человеку.

— Весьма возможно, — Ада закончила с корреспонденцией, поднялась из кресла и сама бросила в камин остатки ненужных бумаг. — Поезжайте, знакомства вам не повредят. Ехать-то далеко?

— В Ринзору. Я напишу ему, если ответит до праздников — нанесу визит. Как раз и повод будет.

— М-да, — Ада остановилась перед воспитанником, рассматривая его сверху вниз, — а я вас, похоже, недооценила. На что вам эта география — идите в дипломаты, задатки имеются!

Орсо поднял голову и всмотрелся в лицо опекунши, пытаясь понять, смеётся она или нет. Кажется, всё-таки смеётся. Но по обыкновению не над ним.

— Простите... что? Я что-то не так сказал?

— Нет-нет, — определённо, она веселится, но, бесы б его взяли, что тут смешного?!

— Вы обратили внимание, что просчитали простое действие на три шага вперёд, притом учитывая, кто что подумает и скажет? — Ада подвинула к камину резной деревянный стул, села, протянула худые белые руки к огню. Блеснул одинокий гранат в тонком серебряном кольце. — Или вы вообще скрытны и хитры, — чего я, впрочем, раньше за вами не замечала, — или что-то вас беспокоит, но вы не можете найти этому разумного объяснения, поэтому опасаетесь всего.

Юноша снова почувствовал, что неудержимо краснеет. Как сказать ей, после всего, что Ада сделала, что он её не понимает? Нет, сама Ада его не пугает — но вокруг неё есть что-то, чего он не знает и не надеется быстро узнать, а это всё равно что идти по тёмному

чулану, где обязательно есть паутина. Пока пальцы вытянутых рук не ощущают её, но в любой момент готовы встретить липкие призрачные нити...

Словно испугавшись, что Ада прочтёт его мысли, Орсо торопливо взглянул на опекуницу. Нет, она продолжала смотреть в огонь; ни тревоги, ни гнева на лице, только кончики пальцев чуть подрагивают, словно касаясь невидимых клавиш рояля.

— Я обещала вам историю знакомства с вашим отцом, — медленно произнесла женщина, не отрывая взгляда от чёрно-пламенных углей. — Если вы не спешите, я расскажу сейчас, чтобы рассеять вашу тревогу. А то вообразите невесть чего! Ещё не придумали романтических тайн... я надеюсь? А потом пойдём есть рагу.

Стало очень тихо, только чуть гудело в трубе, пощёлкивали поленья в камине и часы над дверью шёпотом сообщали: «Чук... чук... чук...».

— Когда я только приехала сюда, в Андзолу, мне во многом пришлось разбираться. Меня надоумили искать справки в архиве. Вы, наверно, знаете, что в каждом архиве свои правила... Я пришла за сухими выписками, а получила подробную лекцию, с картами, графиками, таблицами... Мне посчастливилось обратиться к хранителю архива — господину Гаэтано Травенари, и тогда я поняла, что значит по-настоящему знать и любить своё дело! Мы проговорили до глубокой ночи, охрана пришла с фонарями выяснять, не случилось ли чего с хранителем...

Орсо слушал и по-прежнему боялся вляпаться в темноте в паутину. Ада многое скрывала, много недоговаривала, но история, которая связала Аду с отцом, была правдива. Неполна — да, связана с тысячей других загадочных историй — да, но правдива. В этом он был убеждён.

— Ваш отец был очень умён и очень проницателен, — говорила Ада. — Он понял, что я ищу и зачем, но почему мне это было нужно, догадаться почти невозможно. А молчать я не могла — это, в конце концов, несправедливо! Я рассказала, зачем я здесь, и он обещал, что поможет мне всем, что в его власти. И помог. Как много он сделал, Орсо! — это может оценить только тот, кто вынужден вслепую искать помощи в чужой стране, плохо зная язык и обычаи, оставаясь чужаком... Благодаря господину Гаэтано я смогла поговорить с королём... моим приёмным отцом. Поговорить предметно, с фактами в руках, с именами и датами.

Женщина отвернулась от огня и поймала взгляд воспитанника. Что у неё в глазах — грусть? Надежда? Она пыталась что-то объяснить, донести что-то, что не выражается в полной мере словами. Орсо вовсе не был уверен, что всё поймёт, но сейчас проще всего было просто слушать, молчать и запоминать. Подробности — потом.

— Мне нужен был дом. Нельзя быть всем чужой, а я была очень, очень чужой... Сейчас я даже иногда чувствую себя дома... Мне помогли король, королева Мария и господин Гаэтано. Все остальные — потом, позже... Нас мало, Орсо, очень мало, а мир так велик...

Она говорит уже не с ним, не для него, ладони перекатывают колечко с гранатом, а мысли далеко, глубоко во времени, и время невероятно растянулось, часы давно уже не повторяли своё «чук-чук», огонь не движется, он застыл, как на картине, и угли медленно, неправдоподобно мерцают то алым, то чёрным, воздух замер, как замороженный, время встало и тоже внимательно слушает негромкий, немелодичный и усталый голос.

— Мы все в большой опасности, Орсо, и чем меньше людей о ней знают, тем она больше. Она заслуживает отдельного разговора, и я вам его обещаю, но прошу только об одном... Не делайте выводов обо мне, пока не услышите всё. Я понимаю, что после всего

того бреда, который я вам несу, — Ада хрипло, невесело рассмеялась, — верить мне трудно. Я этого не требую. Но если ваш отец ошибался в людях...

— Нет, — выдохнул Орсо. — Не ошибался. В людях и в книгах.

— Тогда просто предположите, что он не ошибся и во мне. — Ада поднялась на ноги, расправила плечи, размяла руки, сложив ладони — пальцы одной руки к запястью другой. Огонь снова плясал и прыгал по поленьям, от двери доносилось трудолюбивое «чук-чук-чук», за окном пищали снегири и скрипели полозья. Время словно очнулось и снова маршировало в положенном темпе.

— Это, кстати, самая важная причина, по которой он написал распоряжение об опеке именно так. Он не хотел, чтобы вы были в стороне от... того, что происходит. А теперь поднимайтесь и пойдёте обедать.

Уже по дороге в столовую Ада вдруг встала как вкопанная и хлопнула себя по лбу:

— Ну и воспитательница из меня!.. Орсо, сходите в церковь, повесьте звезду в память отца. Я заказала от вашего имени поминальную службу, но вам сказать забыла, вот старая дура! Хотя вы вроде бы не особенно набожны... я надеюсь?

— М-м... да, я как-то... вы правы, — смутился Орсо. Сам-то тоже хорош — совершенно забыл помянуть отца как положено! — А вы... не пойдёте со мной? Ну... то есть...

— В другой раз. Не хочу вам мешать.

В церковь издавна принято ходить пешком. Как бы ни хотелось прогулять Пороха по изукрашенным снегом улицам, поездку придётся отложить... Орсо миновал три ближайших церкви и двинулся к той, что была рядом с его прежним домом. Она была ничем не лучше других, не больше, не красивее, просто хотелось, чтобы звезда Гаэтано Травенари висела там, под скромными лампадками цветного стекла, перед знакомым с детства ликом Творца в чёрной от древности деревянной раме, там, чуть в стороне от центрального прохода, где мозаичный пол меньше вытерт обувью молящихся и мощные бронзовые ноги канделябров покрыты зелёной патиной, гнездящейся в углублениях витого узора.

Идти было не так уж далеко — полчаса неспешным шагом. Когда за рядами лавочек и киосков показался знакомый шпиль с четырёхлучевой звездой, в город втекали синие морозные сумерки. Кареты и возки, пронесившиеся мимо, уже качали жёлтыми фонарями, утомившиеся за день от криков и драк воробьи устраивались спать под карнизами, дымки над крышами поднимались вверх ровными столбами — к ночному морозу. Ступеньки церковного крыльца были старательно очищены ото льда, и Орсо, отряхнув сапоги от налипшего снега, легко взбежал к тяжёлой резной двери. Она отворилась бесшумно — навстречу дохнуло пахнущее воском и яблоками тепло.

Служба ещё не начиналась, людей было совсем мало. Сухопарый старик с военной выправкой, закутанная в платок женщина с двумя маленькими детьми, держащимися за мамину юбку, молодой человек и девушка в кружевной накидке, намертво сцепившие руки... Вошедший не привлёк ничьего внимания. Старенькая служка в углу склонилась над лотком со звёздами. Что-то поправляла, протирала блестящие золотые лучики, расправляла запутавшиеся цепочки. Орсо положил в кружку двадцать паулов, служка левой рукой подала ему звезду, а правой, сложив большой и средний пальцы, коснулась его руки:

— Умер-то кто? — её голос звучал как шорох, не нарушая тёплой тишины, в которой каждый может остаться один, если ему так нужно.

— Отец, — так же тихо ответил Орсо.

— Лёгкой дороги, — вздохнула старушка.

Орсо взял звезду, цепочка стекла между пальцев, он бездумно пропустил её сквозь пальцы другой руки. Слева от главного дерева, точно как ему помнилось, стояло деревце поменьше, не завешанное сплошь звёздами. Юноша подошёл поближе, осторожно ступая по начищенному до блеска полу, поглядел вверх, на Творца. Здешний Творец был какой-то очень земной — мужчина средних лет с яркими фиолетовыми глазами, с буйной шевелюрой, обрамлявшей серьёзное выразительное лицо с суровой челюстью. Творец глядел прямо на людей, но встречаться с ним взглядом было не страшно — скорее, тревожно: как-то ты смотришься оттуда, из-за плоти земного мира? Что ты собой представляешь? Что совершил и чего ещё не сделал?

Наследник Травенари погрел в ладонях звезду, вспоминая отца: представил, как он сидит за любимым письменным столом, как держит в руках книгу, словно диковинное хрупкое растение, как неторопливо едет верхом на Порохе по аллее пустынного весеннего парка, как со шпагой в руках отбивает ещё неумелые атаки маленького сына и улыбается каждому «пропущенному» удару... Цепочка скользнула на свободную ветку бронзового дерева, хранящая тепло руки звезда закачалась, ловя и отражая блики лампад, заиграла ласковым золотым светом. Души — это звёзды, которым Творец сделал подарок: они могут воплощаться на земле, проживать жизнь, полную горестей и радостей, борьбы и покоя, а когда подходит её конец, возвращаться назад, в звёздные сферы, в вечный дом Творца неба и земли.

Кружилась над головой красная стеклянная лампадка, блестели звёзды на древе, сквозь цветные огни глядел на Орсо Творец, а чуть ниже ловили людские взгляды три его супруги. Слева — Украшение мира: тонкое белое лицо с огромными карими глазами, брови разлетаются к вискам смелыми птицами, чёрные волосы гладкой волной стекают на плечи, во взгляде — ожидание счастья. В середине — Надежда мира: белые кудри, как лучи света, окружают круглое нежное лицо с синими глазами, бледно-розовые губы чуть разомкнуты в полуулыбке. Справа — Слава мира: пожар ярко-рыжих локонов, зелёный взгляд несёт весёлую ярость и обещание победы, жемчужные зубы приоткрыты в усмешке, не обещающей врагам мироздания ничего хорошего... Орсо никогда не мог решить, которая из трёх нравится ему больше. Видно, священники правы: у каждого в жизни бывают минуты, когда нужны то одна, то другая, то третья, а кто не знает ни одной, тот прожил свою жизнь зря. Юноша ещё раз посмотрел на дерево: вот она, звезда отца, ещё чуть заметно качается, — погладил её пальцами напоследок и решительно зашагал к выходу.

Часть 3, где опять начинается жизнь

Обещания, данные людям, можно взять назад или отсрочить, но если что-то пообещал коню — выполняй, как хочешь. Мороз, не мороз — изволь выгулять Пороха, да не три круга сделать по двору, а проехаться как следует! Ещё по сумеркам, когда в городе только открывались хлебные лавки, Орсо выезжал на жеребце в Марболу — большой запущенный парк, растянутый вдоль реки. Дорожки, конечно, расчищали от снега, но только те, что ближе всего ко входу; дальше начинался почти дикий лес, где с дрожащих кустов ещё облетали последние листья, тучи снегирей терзали дикие яблоньки, по грудам палой листвы шмыгали зайцы, чёрные белки стрекотали высоко над головой, в кронах угрюмых кедров. Пороху нравилось скакать по припорошенной снегом листве, прыгать через поваленные деревья. Иногда Орсо спешивался и давал ему поиграть; Порох принимался брыкаться, как жеребёнок, прыгать вбок по-заячьи, валяться на свежем снегу и бить ногами в воздухе, взмётывая тучи снежной пыли... Потом всадник приводил коня в порядок, вытряхивая из длинной гривы сухие листья и веточки, и оба чинно возвращались на дорожки парка, а оттуда — по просыпающимся улицам домой. К этому времени как раз светало.

Выезжая на главную аллею, Орсо пустил было коня крупной рысью — и тут же осадил: прямо ему под ноги с боковой тропки выскочил пешеход. Закутавшись в шарф и натянув на уши берет, он торопливо шагал к воротам и, должно быть, вообще не увидел коня и всадника. Человек едва не столкнулся к широкой грудью коня, обернулся, и Орсо узнал школьного приятеля.

— Квалотти! Ты?

Матео Квалотти сдвинул берет на затылок, чтобы не мешал смотреть вверх:

— А я-то думаю, что за гордый кавалер! — Он рассмеялся. — Творе-ец! Это твой конь?!

— Мой, — Орсо спрыгнул на землю, погладил Пороха по шее. — Почти всё, что у меня осталось.

— Да, прости, — Матео виновато опустил глаза, — я как всегда, по свежей ране... Сочувствую, мы прочли в газетах.

— Да, спасибо. Я не заглядывал в газеты — там, наверно, расписали целую драму?

— Не без того, — приятели пошли к воротам бок о бок, Орсо вёл Пороха, втихомолку гордись красавцем.

— Слушай, а правда, что Анлих — твоя... как это...

— Не она — моя, а я — её, — усмехнулся Орсо. — Правда. Сам ни беса не понял, как так вышло, ну да отцу виднее...

— Так ты теперь во дворце живёшь? — Глаза у Матео стали совершенно круглыми.

— Нет, с чего бы? У госпожи Анлих дом в городе. Кому я там, во дворце, нужен! — Внезапно Орсо стало стыдно: столько времени не виделись, а разговор только о его собственной персоне! — А ты куда в такую рань?

— На занятия, — вздохнул Матео. — Готовлюсь в Школу правоведения. Весной испытания...

— А что так не радостно? Не нравится?

— Не очень, — приятель снова привычно опустил глаза. На жизнь он жаловаться не привык и всё время ощущал себя в чём-нибудь да виноватым. Орсо пытался сначала объяснить ему, что это неправильно, потом понял: с другой стороны на Матео давит

семейство, и первая — матушка, домашняя тиранша высшего сорта. Спорить с ней ни у сына, ни у дочерей не получалось...

— Матушка горячо настаивает? — предположил Травенари.

— Как ты догадался? — Снова округлил глаза соученик.

Орсо не выдержал серьёзную мину — рассмеялся:

— Прости... прости, я балбес... конечно, с этим не шутят...

— Какие тут шутки, — вздохнул Матео. — Матушка считает карьеру правоведа... в общем, считает. А меня там засмеют! Дворянский сынок — крючкотвор! Это ж додуматься надо... — он снова растерянно примолк: критиковать матушку даже в её отсутствие казалось ему немалым преступлением.

— Да не бери в голову, — Орсо подавил смех, и вовремя. — Если уж не удастся отвертеться от этой Школы, учись спокойно, получай высшие баллы, а потом подайся в профессора. Чем плохо? И для дворянского сына самое место на кафедре. Знаешь, сколько в университете дворян преподаёт?

— Думаешь, получится? — грустно взглянул на него Матео.

— У тебя-то? Да ты ж был умнее нас всех в группе! Кто господина Нетак поправлял, помнишь?

Приятели снова рассмеялись, уже вместе. Господином Нетак в школе прозвали учителя математики, обожавшего этой хлёткой фразой сбивать с толку самых дерзких учеников. Он был твёрд во мнении, что на отлично математику знает Творец, хорошо — он сам, а прочим не подняться выше балла «посредственно». Однажды он решил окончательно укрепить выпускную группу в сознании её ничтожества в математических вопросах и задал заковыристую задачу, которой не было ни в учебнике, ни во вспомогательных книгах, которыми по совету старших пользовались ученики, чтобы уследить за требовательной мыслью господина Нетак. Никто из группы не справился — за вычетом Матео Квалотти. Под изумлённым взором учителя Матео расписал решение в двух вариантах, для чего ему не хватило доски и пришлось внести из соседней классной комнаты ещё одну. Господин Нетак, согнувшись вперёд и вытягивая длинную жилистую шею, словно гриф, долго расхаживал вдоль досок, изучая каждый знак, потом торжествующе ткнул пальцем в последнюю строчку:

— Не так!! Вот, — он для верности постучал пальцем по доске, посыпался мел, — вот, извольте видеть, ваша ошибка! Ошибка, сударь! Ваше решение ничего не стоит!

Матео виновато склонил голову и — к ужасу всей группы — смиренно произнёс:

— Это решение не моё, господин учитель. Это задача из «Искусства алгебры» Цетти. Я нашёл её уже после того, как решил сам, и выписал для сравнения. Моё решение, конечно, длиннее, но итог сходится.

— Чта-а?! — Возопил господин Нетак, покраснев от ярости, и стал похож не на грифа, а на петуха, завидевшего соперника. — Вы смеете спорить?!

— Позвольте, господин учитель, — Матео метнулся к своему столу, схватил тоненькую книжечку, прятанную среди тетрадей, и раскрыл на закладке. — Вот, взгляните: вот это решение. И вот здесь, на следующей странице.

— Дайте. — Господин Нетак вырвал у него книгу, впился глазами в указанную страницу и замер, шевеля губами. Группа, замерев от восторга, следила за поистине алхимическими трансформациями учителя: из красного он понемногу делался бледным, потом жёлтым и наконец нежно позеленел.

— Сядьте, — хрипло велел он Матео и решительно взмахнул губкой, стирая с доски свидетельства своего позора. Больше до самого окончания курса он Матео не вызывал и перестал испытывать неокрепшие ученические умы излишне сложными заданиями. Впрочем, на итоговые баллы господин Нетак повлиять не мог — их выставляли после выпускных испытаний, которые каждый проходил в меру собственной старательности. Матео был первым по математике и естествознанию, вторым (после Орсо) по географии и изящным искусствам и лишь девятым — по истории и словесности. И с такими баллами заставить человека поступать в Школу правоведения!.. Впрочем, понять мотивы матушки Квалотти Орсо решительно отказывался: не будучи курицей, нечего и пытаться постичь куриные решения.

Приятель подошли к воротам парка: отсюда Орсо надо было поворачивать налево, к дому Ады, а Матео — направо, на мост и дальше, к Оффициале — деловому сердцу столицы. Там, в тёмных скучных учебных кабинетах Школы правоведения Матео торчит день за днём, готовясь к постылым испытаниям. А у него, Орсо, есть всё для достижения цели — время, деньги, возможности, свобода выбора... и чем он занят? Скачками на коне и болтовнёй у камина?

Орсо покраснел и отчаянно понадеялся, что приятель спишет это на разыгравшийся мороз.

— Знаешь... я полная свинья, что за полгода ни разу не увиделся с тобой! Полный свинтус, — признался наследник Травенари. — Ты видишь кого-нибудь из наших?

— Иногда вижу Альберто Канния, Уско, Лоренцо... но редко...

— А давай-ка приходи ко мне в гости! И зови всех, кого увидишь! В любой день, только напиши заранее, чтобы мы устроили обед, как положено. И с вином!

— А... госпожа Анлих не будет против? — опасливо спросил Матео и снова привычно опустил глаза.

— Госпожа Анлих будет за. Я с ней говорил, она сказала, я могу приглашать гостей хоть каждый день. Ну, каждый день к нам не находишься, но хоть раз в месяц-то выберешься?

— Спасибо, — тихо и смущённо выдохнул Матео. Орсо его понимал: в дом, где царит любезная матушка, гостей не пригласишь. — Но... я не знаю... будет ли удобно...

— Будет! Траур — это, конечно, важно, но отец бы не хотел, чтобы я запирался от людей. Тем более, от друзей. — Чем на самом деле и занялся, мысленно упрекнул себя Орсо. Но теперь с этим покончено! Хватит ныть в обществе Пороха! Надо жить, и жить со смыслом. Так, как жил отец, не теряя ни минуты времени зря.

— Мне пора бежать, — Матео протянул на прощание замёрзшую руку. Ну конечно, любезная матушка жалеет два ана на тёплые перчатки старшему сыну... Злобная курица!

— Удачи. — Орсо проводил приятеля взглядом, вскочил на застоявшегося Пороха и погнал его лёгкой рысью домой, на Звериную площадь. Вот как — это уже «домой»! Привык.

В тот же день, прямо после завтрака, Орсо отправился в кабинет и засел за тощенькую книжечку с гербом университета на обложке — список примерных тем для желающих держать экзамен на отделение естествознания. Хватит терять время — у него всего полгода!

Письмо от Матео пришло в конце декады: приятель уточнял, в силе ли приглашение и можно ли привести с собой даму. То, что у тихони Матео может быть дама, поразила Орсо до глубины души. Но раз есть — отчего бы не привести?

— Ада! — он в три прыжка спустился по лестнице и ворвался в гостиную, где хозяйка

дома, сидя перед камином, старательно переписывала что-то с разрозненных листочков в красиво переплетённую поваренную книгу. — Ада, помогите советом!

— Я, конечно, лучший советчик, — хмыкнула опекунша, отрываясь от рецептов. — А что случилось?

— Ко мне собирается в гости друг... с девушкой.

— Так это же прекрасно! А в чём трудность? Или вам не нравится эта девушка и вы не знаете, как об этом намекнуть?

— Я ещё не знаю, кто она, Матео не написал, — смутился Орсо. — Но... я не знаю... ведь нужен обед...

— Будет! — Ада отложила свою книгу и довольно резво для своей ноги встала из кресла. — Будет и обед, и вино... Когда вы их ждёте?

— Если можно... завтра...

— Конечно, можно, что за вопрос. — Ада уже помчалась в кухню, и Орсо поневоле пришлось следовать за ней. — А кто этот ваш друг?

— Школьный товарищ. Случайно встретил на улице и понял, что страшно соскучился. — Близких друзей в школе у Орсо не было, но ровные отношения сохранились почти со всеми, кроме... а, впрочем, ну его, что о нём вспоминать. Школу наследник Травенари не особенно любил, но как же теперь пусто без знакомых лиц!

— Ну что ж, — Ада уже прохаживалась туда-сюда перед полками, где в строгом порядке хранились баночки с пряностями, крупы, макароны и прочие заготовки для кулинарных шедевров. — Чеснок... имеется, перец — маловато... Коринна! Завтра нужно купить баранью ногу и обязательно — красного перца! Без перца тут никак... Таким образом, — сообщила опекунша по итогам осмотра, — на обед у нас баранья нога с чесноком, пирог с сыром и абрикосовые корзинки. Девушка любит пирожные... я надеюсь?

Часть 4, где всё время приходят гости

Прогулку с Порохом пришлось начинать ещё раньше обычного — в темноте. Долго не катались — снегопад и резкий ветер вместе образовали такую метель, что в парке можно было запросто потеряться. Конь будто чувствовал возбуждение и беспокойство хозяина, домой нёсся без понуканий, грохоча подковами о булыжник и выдыхая густые облака пара. Орсо сам не понимаю, по какому поводу с раннего утра не может усидеть на месте. Ну, гости, ну и что? Привыкший разбираться в причинах своих ощущений, он старательно раскладывал по полочкам всё, что ожидалось. Копаться пришлось долго: Матео, старый приятель... Ада — непонятно, что он на самом деле думает об Аде... но это нас не касается, это его дело... будет спрашивать о планах на дальнейшую жизнь — да есть у нас планы, весь стол в кабинете завален... ещё эта его дама... Вот оно! Дама. У Матео, вечнс стеснительного, тихого Матео появилась дама, а Орсо, всегда считавший себя не последним среди сверстников, девушкой не обзавёлся. Да и где бы её можно было встретить, безвылазно сидя дома?

Ада уже колдовала над завтраком, и Орсо почувствовал себя виноватым: ладно что сам вскочил ни свет ни заря, ещё и опекуншу заставил подняться! Однако Ада была весела и совсем не смотрелась сонной:

— А, господин Травенари! Вы не находите, что сегодня прекрасная погода? — спросила женщина, изображая томную светскую красотку.

— Нет, не нахожу! — рассмеялся Орсо. — Стоило остановиться, и вокруг Пороха наметало сугроб в конский рост.

— Тогда наливайте себе какао, пирожки будут готовы через десять минут. А потом займёмся ногой! Бараньей, естественно.

— Хорошо... — Орсо радостно вздохнул и устроился поближе к печи. Встать на исходе ночи, проехаться по метельным сумеркам на любимом коне и вернуться в тёплый дом к завтраку... в этом есть что-то от состояния, которое принято называть счастьем!

Время до полудня надо было занять чем-то полезным, хотя бы для того, чтобы унять глупое волнение. Сосредоточиться на книгах получалось плохо — через час Орсо в третий раз поймал себя на том, что вскакивает из-за стола каждый раз, как под окном раздаётся звук проезжающего экипажа. Довольно метаться! — приказал он себе, снова сел за стол и углубился в тригонометрию. На этот раз его хватило ещё на час, и от занятий не отвлекли ни запах жарящейся баранины, который уверенно вполз на второй этаж, ни стук в оконный переплёт — снегоири очистили рябины под окнами и решили попытать счастья в доме. А потом он услышал сдавленный женский крик. Ещё не задумавшись, что делает, он уже оказался на лестнице со шпагой в руке, ожидая любой пакости. По крайней мере, так казалось, пока пакость не явила себя во всей красе.

Сперва Орсо не понял, что творится в доме, ещё минуту назад таком мирном. Паоло запирал парадную дверь на засов — настоящий тяжёлый деревянный засов! Коринна металась с веником в одной руке и совком для золы в другой. Холл первого этажа заполняло паром, валившим из двери чёрного хода; на двери, удерживая её открытой, повис Ринальдо, а из клубов пара медленно выплывал Джианни, таща за собой по полу что-то большое и тяжёлое. Ада тоже была там, Орсо слышал её резкий голос, но саму женщину не видел. У самых сапог Джианни показалась куча какого-то тряпья, потом чья-то голова... До Орсо

дошло, наконец, что творится, он прыжком преодолел лестницу и, отбросив шпагу, кинулся помогать. Вдвоём они заволокли в холл неопрятную тряпку — то ли драный плащ, то ли видавшее виды одеяло, на которой, как на волокушах, лежал человек. Ада шагнула следом, отряхивая снег с домашних туфель, Ринальдо, наоборот, нырнул наружу и захлопнул за собой дверь. Остальные мужчины собрались вокруг лежащего, и Ада незнакомым решительным тоном приказала:

— Ко мне. Коринна, дверь!

Втроём тяжёлое тело удалось даже поднять. Служанка торопливо распахнула дверь в спальню Ады, нежданного гостя внесли туда и уложили на ковёр. Ада твёрдой рукой взяла Орсо за плечо:

— На пару слов. Ненавижу объяснять второпях, но придётся.

Опекунша, оставляя на коврах мокрые следы, вела воспитанника в гостиную, встала так, чтобы говорящих было не видно из окна:

— Орсо, никто не должен знать, что у нас такой гость. Обещаю — я расскажу всё, что знаю, но не сейчас. Ему нужна помощь, и срочно, и я не могу отвлечься ни на что другое. Я примерно знаю, что и как нам теперь делать, но только примерно... — Она замолчала, провела ладонью по лбу, словно снимая паутину. — Если придёт почта или кто-нибудь будет спрашивать меня, — вы хозяин в доме. Хозяйка больна и не принимает гостей — вот и весь ответ. Будут настаивать или расспрашивать — придите в гнев и гоните всех дрянной метлой с порога. Где найти метлу, Коринна покажет. — Почудилось, или она ещё и шутит? Нет, улыбается бледненько. Что же происходит?

— А... но Матео!.. Может быть, послать письмо... ну, отложить?..

— Уже поздно. Да и вопросы появятся... Нет, эти гости меня не беспокоят, к тому же они — ваши. Я выйду поздороваться, но много времени им уделить не смогу, сами понимаете, — Ада виновато развела руками.

— Ничего, мы... я найду чем занять гостей!

— Вот и прекрасно. Обедать будете без меня. Коринна способна хотя бы разогреть мясо... я надеюсь?

— Да... хорошо, я понял. Хоть об этом-то не переживайте, — не удержался Орсо и прикусил язык. Но опекунша не обиделась:

— Договорились. Обед — на Коринне, приятная обязанность выставить за порог нежеланных гостей — на вас.

Ада скрылась в своей спальне, Орсо подобрал брошенную в небрежении шпагу и побрёл наверх. Предсказание полковника сбывалось: жизнь стала «весьма непредсказуемой». А что, собственно, толку в предсказуемости!

Вернуться к учёным занятиям толком не удалось: стоило Орсо сесть за книги, как в дверь (на сей раз парадную) решительно заколотили. Орсо перегнулся через перила:

— Джианни, откройте! Я сейчас!

Когда он спустился в холл, луж воды на полу уже не было, а Джианни, кланяясь, распахнул дверь перед пожилым полным мужчиной в полицейском мундире. Вместе с ним в дом незваным ввалился целый сугроб и мгновенно начал таять. Вошедший величественно отряхнул с эполет сугробики поменьше, полетел мокрый снег.

— Прразрешите!.. — взревел гость так, что дрогнули стёкла. Орсо, вспомнив, что посетителей положено выдворять, кинулся к полицейскому, вытаращив глаза:

— Прощу вас, умоляю! Тише! — И, оглянувшись опасливо на дверь гостиной (к счастью,

закрытую), добавил интригующим шёпотом:

— Мигрень!

— О... — полковая труба заглохла, и дальше полицейский чин изъяснялся тоже шёпотом, от которого качались канделябры. — Прошу меня простить, господин...

— Травенари, — представился Орсо. — Я воспитанник госпожи Анлих. Я понимаю, у вас наверняка срочное дело, но... видите ли... с утра ходим на цыпочках — мигрень...

— Ох уж эти женские мигрени, — полицейский сочувственно вздохнул; картина в простенке между дверями кухни и столовой дрогнула и покосилась. — Что ж, тогда не смею беспокоить. Я лишь хотел лично предупредить госпожу Анлих: в квартале сегодня замечен вор. Стащил чемодан у пассажира на станции дилижансов и скрылся во дворах. Мы, конечно, приложим все усилия к поимке негодяя, но граждане тоже должны соблюдать бдительность! — Обладатель трубного гласа приосанился. — Бдительность — лучшая защита!

— Благодарю за предупреждение, — чуть поклонился Орсо. — Я передам госпоже Анлих, что вы лично приходили предупредить об опасности.

— Передайте, будьте так любезны, — кивнул полицейский. — Скажите, что капитан Перрони желает ей скорейшего выздоровления.

— Непременно передам! — заверил юноша, ещё раз покосившись на дверь гостиной. — Непременно!

Капитан удалился, на прощание впусив в дом ещё немного снега. Похоже, чтобы открыть дверь Матео, придётся вылезать из окна и расчищать крыльцо! Если, конечно, Матео рискнёт приехать в такой снегопад.

Орсо перевёл дух, глядя на дверь, прочно отгородившую капитана с его непонятной заботливостью. Впрочем, его история про вора была примерно столь же убедительна, как мигрень.

Из спальни Ады воровато выглянул Паоло, убедился, что нежеланный визитёр ушёл, вытащил неаккуратно свёрнутый тюк каких-то тряпок и понёс их к чёрному ходу. Рассудив, что его помощи попросят, если понадобится, Орсо ушёл из холла в гостиную. Снова засесть за учёбу нечего и думать: теперь кроме ожидаемых гостей, он волнуется ещё о неожиданных.

Паоло вернулся в спальню с кадучкой воды, провожаемый ворчанием Коринны — не успела она вытереть насухо пол, как этот неотёсанный балбес опять натоптал! Орсо с тревогой прислушался — не удастся ли понять, что творится за дверью. Но ничего услышать не удалось. Остаётся только надеяться, что Матео со своей девушкой не наткнутся в холле на что-нибудь, чего им видеть не стоит... А вот и они!

Решение открыть входную дверь самому было совершенно верным, хотя на пороге вновь был на Матео. Двое осыпанных снегом и очень подозрительных субъектов стояли на крыльце и, когда дверь распахнулась, откровенно попытались заглянуть, а то и просочиться внутрь. Но Орсо быстрее сообразил, что к порогу вновь принесло не тех; он решительно шагнул навстречу посетителям, не дав им сунуть нос в холл. Разбираться, кто это и что им нужно, было некогда, поэтому он набрал в грудь побольше воздуха, заорал:

— Что вам тут надо? Опять побирушки?! А ну пошли вон! — и захлопнул дверь, оставшись снаружи.

Два сугроба попятились, но не отступили.

— Он сюда забежал, я точно помню! — забормотал один, помельче, другому, тыкая пальцем к двери. — Точно!

— Нехорошо, господин, нехорошо, — занял второй, повыше и потолще, — нехорошо прятать воришек, а то, знаете, люди с ног сбились, разыскивая, а вы... нехорошо...

— Что?! Шпики?! — взревел Орсо, и уж здесь-то не было необходимости изображать гнев — он был самый настоящий. — Ищейки?! Не потерплю! Эй, парни! — крикнул он в дверь, приоткрыв щёлочку, — а ну сюда! Пистолеты я зарядил!

Шансов на то, что Джианни и Паоло услышат, не было — к счастью или к сожалению, Орсо не взялся бы сказать. Появись они не вовремя, ищейки сообразили бы, что дело нечисто. Но соображать они не стали — услышав о пистолетах, оба развернулись, как по команде, и припустили бегом, торопясь свернуть за ближайший угол. Бежать по снегу было непросто — удерживая равновесие, тот, что повыше, взмахнул руками, и Орсо заметил блеск ножа.

— Ещё раз увижу вас тут — сообщу лично капитану Перрони! — грозно пообещал напоследок юноша и скрылся за дверью. Прислонился к ней спиной с внутренней стороны и стоял с минуту, пытаясь отдышаться. Только сейчас до него дошло, что он без шуток мог остаться там, на крыльце, получив ножом в живот... И слуги вряд ли нашли бы его достаточно скоро.

А капитан непрост, если это он послал сюда этих двух клоунов. Что ж, если ему очень надо, пусть получит их отчёт и, если явится снова, то попозже — когда освободится Ада! Судя по его манерам, их с хозяйкой дома нельзя назвать добрыми знакомыми, а тогда капитану не позавидуешь... Выводить Аду из себя — рискованное искусство, примерно как бегать по канату, только за это не платят! И раз уж началась такая «непредсказуемость» (спасибо полковнику за удачное слово!), надо привыкать не выходить из дому без оружия. Да и в доме держать что-нибудь наготове, благо законы Анздолы позволяют защищать жилище всеми доступными средствами, вплоть до убийства навязчивого гостя.

В дверь снова постучали, Орсо рванулся было в гостиную — за пистолетами, висящими над камином, — потом сообразил, что они наверняка не заряжены, а тыкать незаряженным оружием в кого бы то ни было отменно глупо. Тут ему наконец пришло в голову простое и изящное решение: он выбежал в кухню и выглянул в окошко, наполовину занесённое снегом. Страхи оказались напрасны: на крыльце стоял Матео, поддерживая под руку закутанную в плащ девушку.

Орсо распахнул дверь:

— Прошу в дом, скорее!

Свистящая снежная муть осталась снаружи, подбежавший Джианни принял ученическую шинель Матео и плащ девушки, и Орсо проводил замёрзших посетителей в гостиную, к заранее протопленному камину. Любимое кресло Ады стояло ближе всего к огню, и Орсо церемнно усадил туда гостью. Она оказалась хорошенькой: невысокого роста, с приятной фигурой, внимательные и ясные серые глаза смотрели на мир лукаво и с любопытством, на розовых губах то и дело появлялась мимолётная улыбка.

— Вот, Роза, — волнуясь, произнёс Матео, — познакомься: это мой школьный друг Орсо. Орсо Травенари.

— Т-травенари? — переспросила девушка и вдруг мгновенно покраснела. — Я... простите, я... Матео, ты должен был мне сказать! Должен! — В её голосе слышалось настоящее отчаяние.

— Да что случилось, Розетта? — Матео совершенно растерялся и глядел на Орсо, умоляя о помощи.

— Прошу прощения, — удивился хозяин, — он что, не сказал, к кому вы идёте?

— Не сказал! — призналась Роза. — Хотел сделать мне сюрприз...

— Сюрприз удался, судя по всему, — рассмеялся Орсо. — Что же в этом плохого?

— Ничего... нет, ничего плохого, но... я не знаю, что вы обо мне подумаете...

Теперь уже Орсо смотрел на приятеля вопросительно и непонимающе.

— Э... — выдавил наконец Матео, — позволь представить тебе... ну, в общем...
позволь представить Розу Каленти.

Часть 5, где появляются лекции, война и обязательства

Когда за гостями закрылась дверь, уже смеркалось. Орсо постоял в холле, глядя на дверь, вздохнул и внезапно зевнул. Этот суматошный день когда-нибудь кончится или нет?

Однако надо доложиться опекунше. К гостям она вышла на десять минут, очаровала Розу, смутила Матео и, сославшись на нездоровье, ушла в спальню. С тех пор прошло больше трёх часов — а она даже не обедала!

Решившись, Орсо осторожно толкнул дверь спальни. Возможно, политес требовал постучаться, но было боязно помешать стуком ещё больше. Дверь отошла без скрипа; в комнате не горело ни ламп, ни свечей, и синий полумрак прятал мелкие детали обстановки. Кровать занимал неожиданный гость, Ада сидела рядом в плетёном кресле и, кажется, спала. Нет, не спит — обернулась к двери. Взгляд Орсо она истолковала как вопрос, поднесла палец к губам, потом подняла вверх — жест незнакомый, но понятный. Бесшумно поднявшись из кресла, опекунша выскользнула в холл.

В свете неярких ламп Орсо разглядел хозяйку дома — и поразился произошедшим переменам: за несколько часов она, казалось, постарела лет на двадцать. Восковое лицо, чёрные тени под глазами, губы серые, руки дрожат, волосы, выбившиеся из узла на затылке, торчат в стороны, как проволока. Опомнившись, юноша решительно подал ей руку:

— Вам надо поесть. А главное — выпить. — И без церемоний повёл женщину в кухню — кресло там тоже есть, а политес, кажется, надёжно остаётся в прошлом. Какие, к бесам, приличия, когда она вот-вот упадёт!

Где хранятся вино и мёд, Орсо уже выучил, как подогреть мясо — тоже. Поставив перед Адой тарелку с бараниной и куском пирога, кружку подогретого вина со специями и последнюю уцелевшую абрикосовую корзинку, он молча сел напротив и стал ждать. Торопить её не потребуется, отдышится — сама расскажет всё, что можно рассказать.

Ада, как во сне, подцепила вилок мяско, макнула в соус, прожевала. Взгляд стал более осмысленным:

— А вы понимаете в скорой медицинской помощи, дорогой воспитанник! — Голос слабый, но шуточки на месте. Жить будет!

Чем бы она ни занималась полдня, еда явственно помогла прийти в себя. Орсо тем временем докладывал:

— Баранина — выше всяких похвал, пирог чудесный, пирожных мне не досталось, но девушка, судя по всему, была в восторге... Заносило полицейского, назвался капитаном Перрони, хотел видеть вас, я сказал, что у вас мигрень...

— Так ему и надо... — одобрила Ада с набитым ртом.

— Он сказал, что в квартале ловят воришку. Только он убрался — пришли какие-то оборванцы и норовили пролезть в дом. Один был с ножом. Я их выгнал.

— Смело! — восхитилась опекунша. — Как думаете, зачем они все приходили?

— Думаю, за ним, — кивнул Орсо в сторону холла. — Откровенно говоря, на воришку он мало похож, а вот на бродягу — более чем.

— Он и есть бродяга. — Ада покончила с пирожным, уже сама налила себе неизменного какао. — Эх, холодное! Ладно, обойдусь. Не думайте, что я собираюсь держать вас в неведении, я просто соображаю, с какого конца начать. Вы не обиделись... я надеюсь?

— Ни в коей мере. Но нападать с расспросами мне помешала... как бы это... врождённая застенчивость.

— Врождённое что?! — искренне удивилась Ада. — Это вы-то застенчивы? Я на ваш счёт не обманываюсь, но если вам угодно так считать...

— Да нет, я... ну вот, опять...

— Тут всё просто, — женщина поставила кружку на стол и блаженно закрыла глаза. Ненадолго. — Когда вы говорите о себе, то начинаете заикаться, когда о деле — говорите чётко и по делу. Полезное качество.

Она поднялась из-за стола, извинившись, потянулась, потёрла глаза:

— Буду сегодня спать в гостиной. На шкуре у камина...

— Зачем, я... есть же моя спальня...

— Да не волнуйтесь, комнат хватит, — улыbnулась Ада и снова стала женщиной без возраста. Пожалуй, это хорошо...

— Ладно, — решительно сказала женщина без возраста и поставила какао на плиту. — К делу. Этот мальчик — гонец, отправленный ко мне. Я не знала, кто именно придёт с новостями, и тем более не ожидала увидеть зинала...

— Кого?

— Зинала! Не перебивайте старую больную женщину. В дороге на него напали, причём уже в столице или близко к ней.

— Зачем?

— Это отдельная история, — вздохнула Ада. — Не торопитесь. Хотите какао?

— Готов на всё, только бы узнать остальное.

Ада наполнила кружки, подтянула к себе стеклянную мисочку с мёдом, посмотрела на просвет. Мёд был золотисто-зелёный, прозрачный, как хороший янтарь.

— Я вам уже говорила, что Андзолу хотят втянуть в войну? Нет? Это давняя задумка кучки подлецов, которым поперёк горла развитие страны. Она становится слишком сильна...

— Для чего?

— Для того, чтобы изменить течение истории раз и навсегда. Об этом мы говорили с вашим отцом, он составил что-то вроде прогноза на будущее. Андзола — надежда всей планеты.

— Потому что мы богаты и уже давно не воевали? — У Орсо закружилась голова: что-то подобное он слышал от отца, но поскольку отец говорил не с ним, вспомнить подробности не удавалось. Видимо, он, тогда ещё совсем мальчишка, просто выбросил всё это из головы.

— В том числе. Вы мыслите в верном направлении. Андзола не воюет, потому что достаточно сильна, чтобы добиваться своего без войн. Развитая промышленность, сильный флот, прекрасные университеты, нет необходимости ввозить продовольствие из-за границы — наоборот, мы торгуем зерном, фруктами, рыбой, андзольские вина — одни из лучших в мире.

— Вулканы! — вспомнил Орсо.

— Да, склоны вулканов дают совершенно особый виноград. Посади точно такие же сорта на другую почву — результат будет на удивление убогим. К тому же наши торговые партнёры в другом полушарии — когда у них зима, у нас снимают урожай. Экспортировать продовольствие для Андзолы просто естественно.

Это Орсо помнил более твёрдо — на уроках естествознания он не рисовал на полях тетрадей лошадей и женские головки, а смотрел на карты и слушал лекции о географических условиях. Почуввав под ногами знакомую географическую почву, он попытался уложить в голове остальное:

— Но что из этого? Если мы — самая богатая страна...

— Не самая, но это не так важно.

— Хорошо, не самая, но в чём надежда?

— В том... вернее, в тех, от кого зависит богатство страны.

— Не понимаю...

— Кто производит всё то, что мы тут со вкусом перечисляли? — Ада явно подводила воспитанника к какой-то мысли. Этого Орсо с детства не любил, поэтому спешил дойти до вывода сам, пока его не ткнули носом в очевидное... как потом оказывалось.

— Ну... люди...

— Не просто люди, — подняла палец Ада. — Вы ведь понимаете хотя бы из собственного опыта, чем отличается рабочий с завода от деревенского хозяина, который сам вырастил свою свёклу и сам продал?

— Рабочие сами ничего не продают, — предположил Орсо.

— Блестяще! — обрадовалась опекунша. — Некоторым моим собеседникам, считавшим себя знатоками вопроса, я так и не смогла этого объяснить... Что происходит с произведёнными рабочим вещами? Они попадают... ну, скажем, на склад завода, откуда владелец завода их продаёт. Он сам имеет весьма опосредованное отношение к созданию этих вещей — он только пользуется плодами чужого труда.

— Понимаю... — протянул Орсо. — Но ведь он организует производство, закупает материалы, всё прочее, что нужно. Без этого нельзя будет ничего произвести.

— Однако производит всё равно не он, так ведь?

— Так... Но если не будет оборудования, производства тоже не будет.

— Верно, — кивнула Ада. — А теперь представим себе, что оборудование и сырьё просто лежит в чистом поле, его можно взять и работать. Получится производство. В этом нет сомнений... я надеюсь?

— Нет.

— Фигура владельца завода здесь вообще не появляется — заметили? Перевернём всё с ног на голову: есть завод, есть станки, сырьё, но нет тех, кто работает на этих станках. Будет производство?

— Нет!

— Вывод, — удовлетворённо заключила Ада, — состоит в том, что обладание средствами производства без тех, кто их применяет, ничего нам не даёт. Впрочем, — спохватилась она, — это уже довольно сложные материи, если я буду дальше углубляться в них, вам придётся верить мне на слово, ваш личный опыт здесь не поможет.

Женщина сделала ещё круг по кухне, остановилась, облокотившись на спинку кресла:

— Оставим это и вернёмся к тому, с чего начали: все наши богатства, вся сила армии и флота в конечном счёте зависит от тех, кто производит оружие, продукты, строительные материалы, корабли... — Женщина, видимо, окончательно пришла в себя и в возбуждении хромала туда-сюда по кухне. — Те, кто рассуждает о судьбах мира, чаще всего не учитывают этого факта. Не потому, что они глупы или не знают жизни, нет! Чтобы понять то, что вы поняли с моими подсказками, надо обладать знаниями, которых наука ещё не предоставила

в распоряжение каждого желающего.

— Откуда тогда вы это знаете? — не утерпел Орсо.

— Во-первых, мне служат достижения другой науки, совершенно другой. Во-вторых, я видела, как это работает. Я сама работала на большом заводе — было такое дело... В-третьих, есть чужой опыт. Часто горький, но тем он поучительнее.

Орсо почувствовал, что только образовавшаяся картина опять поплыла.

— Не понимаю... Какая другая наука? Какой завод? Я не сомневаюсь, что вы меня не разыгрываете, но... вы говорите не всё до конца, да?

— Да, — Ада села, налила себе ещё какао. — Вы знаете, что у других звёзд есть свои системы планет... я надеюсь?

— Нам говорили в школе, но никто их не видел.

— Они есть. Увидеть их и в самом деле трудно — очень далеко. На них есть своя жизнь, свой разум, свои страны...

— Как в «Путешествии с закрытыми глазами», — вырвалось у Орсо.

— Да, только чтобы попасть туда, бочки из-под селёдки будет маловато, — усмехнулась опекушка. — Там, у других звёзд, жизнь во многом отлична от здешней, но есть и много схожего. Все люди одинаковы, и в этом — наше большое счастье.

— Почему?.. — машинально спросил воспитанник, уже переставший что-нибудь понимать.

— Потому что достижения одного мира применимы в другом, — просто сказала Ада. — И эти достижения — в первую очередь, опыт истории, — учат нас, что именно те, кто производит разные блага, и составляют основу существования цивилизации. Нет станет их — не станет ничего. Конечно, их легко принудить работать под угрозой наказаний, смерти, нищеты... но долго это не продлится. Ни одну верёвку нельзя растягивать до бесконечности: когда она порвётся — а она всегда рвётся, — те, кто тянул её за конец, упадут.

— А при чём тут Андзола?

— Это одна из самых богатых стран мира, богатых в первую очередь промышленностью. Значит, в ней очень, очень много людей, прямо занятых в производстве. В движении истории они рано или поздно станут основной силой. Страна, которая даст им это сделать, совершит огромный рывок вперёд, навсегда обогнав тех, кто откажется от этого пути. Так уже было.

Ада помолчала, воспоминания легли на лицо суровой тенью:

— Но было и по-другому: задавив и уничтожив эту силу, целые планеты подписывали себе смертный приговор. Больше некому было двигать их вперёд, и они рушились. Колесо, которое останавливается, падает. Механика вам знакома... я надеюсь?

Женщина вздохнула, провела по лицу ладонями, и Орсо снова вспомнил, что за сегодняшний день она, видимо, чудовищно устала.

— Если Андзолу вынудят ввязаться в войну, все её богатства канут в эту войну, как в бездонный колодец. Кроме того, воюющая страна должна увеличить численность армии, а за чей счёт? Сёла и города опустеют — под ружьё погонят всех, кто до этого работал на производстве, всё равно чего. — Она прикрыла глаза и произнесла, словно вынула из памяти, открыв нужную страницу на закладке:

*Рычащие форты, горящий в бочках порох,
Крушеньё брандеров, багряный блеск воды,
Кривой полёт ядра в заоблачных просторах,*

Подобный гибели звезды...

— А крысы, как обычно, отсидаются по норам, — закончила она с неожиданной яростью.

Орсо молчал, не решаясь задать вопрос, который рвался наружу, потом всё же осмелел:

— Вы... расскажете о своей... о своём доме?

— Это трудно, — покачала головой Ада. — Трудно подбирать слова, которые бы не ввалили и при этом были понятны... Но я попытаюсь. Не сейчас. Сейчас у нас более важная задача: гонец привёз мне письмо от друга, который следит за приготовлениями к войне. Они идут, хотя не там, где ожидалось. Сведения надёжны, но дались дорогой ценой. Впрочем, настоящей цены мы ещё не знаем...

— Что я могу сделать? — выпалил Орсо ещё прежде, чем успел задуматься. Впрочем, задумавшись, он понял, что взять свои слова назад не хочется совершенно.

Ада изучающе поглядела на воспитанника, в задумчивости постучала пальцами по столешнице, словно по клавишам рояля:

— Когда гонец придёт в себя, вам надо будет вывезти его из столицы — ему нельзя здесь долго находиться. Да он и сам не останется, вольнолюбивая натура... Уезжать надо подальше, подойдёт любой город на севере — зиналов там много, укрыться легко.

— От кого укрыться?

— Точно не знаю, но возможно, что его выследили и запомнили. Как и что делать на месте — он придумает лучше, ваше дело — вывезти его отсюда тихо, быстро, незаметно. Справитесь... я надеюсь? — Опекунша ещё раз пристально посмотрела на Орсо.

— Думаю, да, — пожал плечами воспитанник. Возможно, он и погорячился, но лучше ошибиться, делая что-нибудь, чем не делать ничего.

Ада оперлась о стол, поднялась, снова размяла руки — ладонь к ладони:

— Надо бы присмотреть за ним до утра. Если я всё сделала правильно, спать будет, как сурок, но бес его знает...

— Я присмотрю, — решительно заявил Орсо и подал женщине руку. — А вы пойдёте спать в мою комнату, и всякого, кто попробует вас разбудить, я задушю.

— Душить-то зачем? — усмехнулась Ада, послушно следуя за воспитанником на второй этаж.

— Чтобы тихо, — со зверским выражением лица пояснил Орсо.

В спальне Ады было уже совсем темно, но юноша помнил расположение мебели — достаточно, чтобы ни на что не налететь сослепу. Кресло всё там же, у кровати, столик сдвинут к окну, свалить его опасности нет... Ковёр очень удачно глушил звуки шагов; Орсо подкрался к кровати, прислушался — невезучий гонец вроде бы действительно спал. Ну и отлично, а если что пойдёт не так — поможет привычка просыпаться от каждого шороха. Старый отцовский дом умел разнообразить ночь удивительными звуками... Орсо развязал ворот рубашки, осторожно, чтобы ничем не скрипнуть, устроился в кресле и мгновенно уснул сам.

Часть 6, где появляются угрозы, пар и порох

Пик-пик! Пик-пик! Тум-тум-тум! Пик-пик!

К бесам, рано же ещё! А, нет, не рано, светает... Орсо привычно потянулся — руки наткнулись на резную высокую спинку кресла. Он что, заснул в гостиной? Нет, шторы голубые, плотные, а за ними — наглый снегирь долбит клювом в окно и пищит. Клюв как долото!

— Брысь! — сказал Орсо. Снегирь не обратил внимания и продолжил расклёвывать раму, зато рядом кто-то зашевелился и вздохнул.

Фу ты, ну надо же было всё настолько перезабыть! Дурак, наверняка разбудил больного, вот болван! Мысленно ругая себя как можно разнообразнее, Орсо осторожно поднялся из кресла, расправил плечи — после сидячей ночёвки немного ныла спина, — и наклонился над кроватью. Нет, не разбудил... Надо бы проведать опекуницу, она вчера тоже была весьма не в себе!

Голос Ады разнёсся по холлу, как звук боевой трубы:

— Паоло, где снеговая лопата? Расчисти крыльцо — дверь открыть невозможно! Что?.. Нет, веник уже не поможет, только лопата. Прости, не поняла?.. А, двор пока можно не чистить, будет ещё снегопад.

Дверь спальни распахнулась, Ада явилась на пороге бодрая и громкая:

— С добрым утром! Мне стыдно: из-за меня вам пришлось спать в этом ужасном кресле! Но если вы никуда сегодня не собираетесь — а я вам настоятельно не советую сегодня выходить, — то наверстаете упущенное днём.

Спящий зашевелился и застонал, а Орсо вытаращил глаза:

— Теперь точно разбудили...

— Да пора бы уже, — весело сказала Ада, села в «ужасное» кресло и провела жёсткой ладонью по лбу и заросшей щеке зинала:

— С добрым утром, кому говорю.

Пациент тревожно распахнул глаза и что-то прошипел на неведомом Орсо языке. Ада ответила без малейшего замешательства, и несколько минут наследник Травенари чувствовал себя удивительно неуместно, не понимая ни слова и не решаясь вмешаться в чужой разговор.

Наконец Ада обернулась к позабытому воспитаннику:

— Его зовут Зандар, он добирался сюда кружным путём из Кобальи — напрямую сейчас не пробраться, перевалы засыпало снегом. Письмо я вам потом покажу, его проще просмотреть, чем пересказывать... Как только ему можно будет уехать, вы уедете немедленно — нечего искушать судьбу. — Взгляд Ады посуровел. — Рано утром Паоло видел следы на заднем дворе. Кто-то ходил вокруг дома — возможно, шпионил.

— Я уеду завтра, — хрипло сказал гонец на внятном андзольском. — Нельзя делать опасным твой дом.

— Посмотрим, — строго пообещала Ада, — как будешь себя чувствовать. Сейчас похолодало, не хватает только простудиться в дороге! Скажи лучше, кто на тебя напал?

— Пятеро бродяг, — Зандар попытался подняться на локте и сесть, но сил не хватило.

— Ку-да? — рассердилась Ада. — Сегодня лежишь и делаешь всё, что я скажу, иначе никуда не выпущу. Язык шевелится — рассказывай, вставать запрещаю.

— Сперва я думал, они хотят ограбить, — сдался зинал. — Трое шли за мной целый квартал, двое выскочили навстречу в переулке. Меня предупреждали... — он хрипло закашлялся и прикрыл глаза; Ада стремительно обернулась к воспитаннику:

— Коринна должна была согреть вина, несите всю кастрюлю!

Ёмкость была немаленькая; Орсо догадался захватить к ней смешную адину кружку с крышкой и серебряный черпак. Когда он вошёл, открыв дверь ногой и держа двумя руками кастрюлю, Ада что-то тихо объясняла Зандару на том же неведомом языке, а он только медленно задумчиво кивал.

Кружка подогретого вина с каким-то пахучими добавками, возглавляемыми мёдом, вернула зиналу голос и он продолжил:

— Те пятеро думали, я буду убежать, я не стал. Дал им свалить себя в сугроб — хотел посмотреть, что будут делать... Они не взяли кошелёк, стали щупать подкладку плаща. Я решил: шпионы. И стал их бить.

— И как? — забыв о приличиях, спросил Орсо.

— Их было больше, — вздохнул Зандар так, словно это была его вина, — я прибил двоих и решил убежать. Полез на крыши и так бежал по крышам, пока не упал. Крыша короткая оказалась.

— Драку видел ещё кто-нибудь? — с тревогой спросила Ада.

— Не знаю. Может, кто видел из окон. Но никто не прибежал и не свистел, как полиция.

— Это могли быть обычные грабители, — предположил Орсо.

— Грабители не стали бы ходить вокруг дома, где скрылась их жертва, — возразила опекунша. — Кто бы ни были эти нападавшие, есть кто-то, кто следит.

— Я найду его и отрежу голову, — спокойно пообещал Зандар.

— Не советую, — серьёзно забеспокоилась Ада. — Полиция не поймёт, а убежать от андзольской полиции — утомительное занятие. Я понимаю, тебе не хочется оставлять шпиона гулять на свободе, но даже если удастся его найти (в чём я вовсе не уверена), делу это не поможет — скорее, наоборот. Против нас — большая и сложная сила, с ней нельзя драться, как с грабителями на дороге.

— Как ты скажешь, — покорился зинал.

— Всё, отдыхай, — Ада придвинула столик, ещё раз наполнила кружку и поставила поближе к кровати. — Сегодня не вставай, кружку допей, я приготовлю то, что тебе можно есть, и покажу Орсо письмо. Потом приду. Идёмте, дорогой воспитанник.

Когда они шли к дверям, Зандар всё же с трудом повернулся в их сторону и что-то сказал на своём языке, шипящем, как яичница на сковороде.

— Уже благословил, — улыбнулась Ада и вышла.

— С зиналами сложно, — обрадовала она воспитанника, помешивая варево из мяса, лука и ароматных трав. — Во-первых, есть города, в которые им вход закрыт, и столица относится к таким городам.

— Я помню, — кивнул Орсо. — Кажется, у них нет документов?

— Нет, — согласилась женщина. — Документы — бесовское изобретение. Некоторые, особенно привезенные традициям, бесовскими считают даже бумажные деньги и берут только монеты... Во-вторых, традиции. Вы никогда не можете быть уверены, что не нарушаете какую-нибудь из многочисленных и, несомненно, священных традиций, но от этого и сами зиналы не застрахованы. За нарушение мелкого обычая вполне могут потянуть

в суд старейшин.

— И чужака тоже? — удивился Орсо.

— Нет, суд — только для своих, чужака выставят куда подальше и, возможно, ещё проклянут на сдачу. Чужих они не убивают, и то радость. В-третьих... ах ты, зелёную соль забыла! — Ада бросилась к полке со специями, мгновенно схватила оттуда какую-то баночку и метнулась назад, к кипящей похлёбке. — В-третьих, некоторые общепринятые обычаи всё же стоит запомнить.

— Постараюсь, — пообещал Орсо. С зиналами он раньше не встречался: большую часть жизни они с отцом прожили в столице, куда зиналам в самом деле было запрещено въезжать, а что было до переезда из имения, Орсо помнил очень смутно. Во всяком случае, зиналов в этих воспоминаниях вроде не было. Такое, пожалуй, забудешь!

— В их языке нет особого вежливого обращения. Вам говорят «ты» — вы отвечайте тем же. А вот если услышите, что о присутствующем говорят «он», не называя прямо, — значит, он стал врагом.

— Откуда вы знаете их язык? — не удержавшись, перебил Орсо. — Простите!.. я опять...

— Прощаю. Он похож на мой родной, — объяснила Ада. — Говорю я, в общем-то, неправильно, но меня понимают... Имейте в виду, кстати: тех, кто знает хоть пару слов на их языке, они уважают, но побаиваются; особый язык дан им Творцом, и проникнуть в его тайну дано не каждому.

— Хм... Попытаюсь усвоить хоть несколько слов, — усмехнулся юноша.

— Думаю, Зандар вам поможет, — Ада сняла котелок с огня, накрыла крышкой и укутала поверх полотенцем. — Всё, готово! Я сказала ему, что вы мой приёмный сын. Наши правовые ухищрения с опекуном, завещаниями и прочими хитростями зиналам чужды и непонятны...

— И поэтому он мне поможет? Не понимаю!

— Зиналы из Кобальи кое-чем обязаны мне, поэтому создали на мой счёт какую-то легенду. В подробности я не вникала, но зинал никогда не рискнул бы явиться в столицу, если бы его послали не ко мне и не от моего имени. А родственные связи для них очень дороги. На моего сына — пусть и приёмного — распространяется их покровительство. Пользуйтесь им с умом! Тех, кто оказывает им услугу, они не забывают, но тех, кто доставил неприятности, не забывают тем более...

Ада прошла по кухне, проверяя, всё ли в порядке и на месте, и неожиданно добавила:

— Но имейте в виду: зиналы живут большей частью в выдуманном мире. То, что не в согласии с их верой и традициями, они отвергают. От этого мир не перестаёт быть таким, каков он есть. Так что, если позволите дать совет, не особенно увлекайтесь экзотикой: живите в том мире, который считаете своим!

Вслед за опекуницей Орсо двинулся в гостиную, где Ада достала из-под вороха газет смятую и бережно расправила бумажку:

— Вот, ознакомьтесь. То самое послание, из-за которого Зандар рисковал головой.

Орсо повертел листок в руках — где у этого послания верх? А, вот: среди листка нарисован совершенно незнакомый механизм, а внизу подписана только цифра «три».

— Что это?

— Боевая машина, — объяснила Ада. — Она может передвигаться по любому типу местности и по мелкой воде, покрыта металлом, чтобы не пробивали пули, а вот из этой

трубки вылетают гранаты. Летят много дальше, чем может метнуть человек.

— Как это — передвигаться? — В доме Ады Орсо навиделся и наслушался уже всякого, но чтобы машины *передвигались*...

— Медленно. Но самостоятельно, — непонятно ответила женщина. — Видели, как на кипящей кастрюле прыгает крышка? Внутри этой штуки похожее устройство: вода сильно разогревается, превращается в пар и толкает маховики, а они крутят колёса машины. Пар — могучая сила.

— И что это значит? — Орсо вернул драгоценное письмо. В голове не укладывалось: нелепое железное сооружение, движущееся силой пара и кидающее гранаты? Дурной сон!

— Это значит, что три таких машины могут передать Андзоле, если она примет участие в развязывании войны. И, боюсь, это лишь начало...

— Но кто их передаст?!

— Такие же, как я, — печально сказала Ада. — Только они пришли в этот мир, чтобы пустить его по ложному следу.

В доме поселилась смутная тревога. Ада не разрешила воспитаннику проминать Пороха — послала Ринальдо, но ездить позволила только по заднему двору. На рынок Коринна ходила в сопровождении Паоло, вооружённого серьёзных размеров ножом. Сама же хозяйка дома повела Орсо в подвал:

— Вам теперь угрожает опасность так же, как Зандару, если не больше. Я была бы плохим опекуном, если бы не позаботилась хоть немного о сохранении вашей жизни.

Спускаться по крутой лестнице для Ады было, вероятно, делом непростым, но настроена она была решительно, и юноша не решился спорить. Внизу оказалось просторное помещение, в котором Джианни уже зажёл лампы. Орсо не сразу понял, что здесь устроено: яркий свет, лёгкий деревянный барьер у самого входа, на столике у стены — коробочки с пулями и пыжами, пороховницы, развеска и шомпола, занавешенная чем-то дальняя стена... Да это же тир!

Ада встала у барьерчика, взяла у Джианни пару пистолетов — совсем простых, не чета висевшим над камином, — проверила заряды:

— Видите жёлтый круг?

Орсо кивнул.

— Сколько до него?

— Шагов... двадцать, вряд ли больше, — прикинул воспитанник.

— Довольно точно! Хороший глаз. Знаете, что положено делать с мишенями? Вперёд!

В руку Орсо лёг тяжёлый пистолет. Стрелять ему приходилось, но тренироваться было особенно негде. Да и отец с его зрением хорошим стрелком отнюдь не был.

Орсо припомнил всё, чему его учили, стал боком к мишени, вытянул руку — она сразу задрожала от непривычной тяжести. Три, два, один, выдох, жми на курок!

Грохот, едкий дым, удар в плечо, Джианни вдоль стены проходит в противоположный конец подвала, приподнимает мишень: в пределы круга Орсо попал, но не более. Ада отобрала у воспитанника оружие, неторопливо зарядила, взяла второй пистолет, взвесила в руке:

— Джианни, новый круг!

Два выстрела один за другим, две дырки близко к середине круга, совсем рядом. Опекунша сложила пистолеты на столик:

— Упражняйтесь на здоровье. Лишним не будет.

Часть 7, где убегают, хитрят и врут во спасение

Ночью в дом попытались пролезть через подвал. Джианни пальнул для страху в воздух, из-под крыльца чёрного хода выскочили двое неизвестных и бросились бежать. Слуги с радостным улюлюканьем устроили погоню, но за первым же поворотом её прекратили — догнать злоумышленников всё равно бы не удалось, а оставлять дом без присмотра негоже...

Рано утром, ещё в полной темноте, Орсо и Зандар тихо убрались из дома и, сделав крюк через дворы, отправились вдоль набережной на станцию дилижансов. Коринна снабдила их немалым запасом еды на дорогу, но большей её части предстояло кончиться ещё до обеда. Орсо, вооружённый двумя пистолетами и тысячей анов, чувствовал себя не в своей тарелке. Зандар, обвешанный ножами, наоборот, был доволен жизнью, но не забывал оглядываться по сторонам. Кто из них кого охраняет, неясно: у Орсо есть документы, деньги и внятное объяснение, зачем он разъезжает по дорогам страны вооружённый до зубов, у Зандара — только ножи, жажда поскорее двинуться в путь и стремление вопреки советам Ады найти шпионов и что-нибудь им отрезать. Раз уж голову резать нельзя. От попыток устроить охоту Орсо должен был зинала удержать — но как удержишь бывалого бойца на три года старше, на голову выше и вдвое шире, привыкшего полагаться только на себя и верный тесак! Есть люди, у которых не надо стоять на дороге...

Ехать решили в Ринзору. Крупный порт, не закрытый для зиналов и при этом не превратившийся в разбойничий вертеп вроде Кобальи или Платини. Оттуда Зандар собирался кружным путём, по морю, добраться домой, а Орсо оправдывал свою поездку приглашением старого друга отца. Приглашение, справедливости ради, пока не пришло, но Орсо в самом деле намеревался посетить полковника.

Дилижанс уходил в семь; предстояло трястись по подмёрзшей дороге до вечера, потом пересаживаться и надеяться, что из-за морозов не случилось чего-нибудь с переправами на Поэне. Иначе — длинный крюк в объезд, лишних три дня...

Зандар вполне сходил за местного северянина, пока молчал и не сдвигал на затылок шляпу. Однако его всё равно сторонились — длинный угрюмый субъект не внушал доверия и любви с первого взгляда. Орсо втиснулся между зиналом и бортом кареты; борт был холодный и из щелей посвистывало, зато кошелёк, прижатый к стенке, был в большей сохранности. Зандар надёжно отделял спутника от соседа по скамье: рядом с суровым громилой все будут поневоле вести себя тихо и мирно... Орсо помнил, что надо не терять бдительности и проявлять осторожность, но, как только могучий рыдван тронулся и затрясся по снежной колее, он самым позорным образом заснул, привалившись к стенке.

Разбудил его тычок в бок, и тут же справа навалилось что-то тяжёлое; Орсо рванулся, машинально пытаясь освободиться, и в ухо зашипел знакомый голос:

— Надо убежать. Спокойно, медленно.

Орсо в этом предложении виделась некоторая нелогичность, но он сам обстановку ещё отнюдь не изучил, а Зандар, видимо, не только не проспал всё на свете, в отличие от некоторых, но и заметил что-то важное. Пускаться в расспросы сейчас было неудобно и нелепо, и Орсо вслед за товарищем выбрался из тёмной коробки экипажа в синеющий зимний вечер.

Остановились в Ачилле всего на час — сменить лошадей, поужинать и отогреться в душном трактире, высадить пассажиров и взять новых. Кучер отчаянно, с проклятьями и

угрозами спорил с трактирным хозяином, его сменщик уже шмыгнул в тепло пропустить рюмочку, пока не припрягли к работе. С крыши экипажа мальчишка, прислуживающий в гостинице, снимал тяжеленные тюки и чемоданы. Орсо, растерявшись в толпе, завертел головой, но железные пальцы Зандара ухватили его за локоть; вместе с озябшими пассажирами они протиснулись к крыльцу трактира, но зинал, особенно не скрываясь, повёл спутника к воротам конюшни. Там было намного темнее — фонарь над конюшенным двором еле теплился, и люди, чертыхаясь, ходили туда и сюда в полумраке. Зандар втолкнул Орсо в чёрный проём ворот и потащил за угол, к стойлам, где кто-то уютно пыхтел и хрупал ячменём. Юноша прислонился спиной к стене и повернулся к товарищу. Задавать вопросы не потребовалось — зинал вжался в холодные брёвна рядом и зашептал:

— Одного я узнал — тот, которого не прибил тогда. Сел сразу за нами, выскочил перед Ачилле и чего-то говорил полицейскому. Теперь этот полицейский тут. А другой, сержант, сидит внутри трактира, считает всех, кто входит.

— Ты уверен, что это тот самый полицейский? — Орсо понимал, что вопрос, пожалуй, глупый, но уж очень невероятным казалось, что по следу двух безобидных путешественников пойдёт полиция...

— Уверен. Если полиция — значит, за мной.

Полиция — это очень неудачно, очень. По правде говоря, Орсо надеялся при необходимости обратиться за помощью именно к полицейским, но в компании зинала... дурацкая идея.

Орсо порадовался, что багажа у них немного — заплечный мешок Зандара почти пустой, у него самого только чемоданчик, который незачем увязывать в груды багажа на крыше: поставил под ноги — и порядок... Теперь чемодан с ним, так что можно без сожалений покинуть унылый сарай на колёсах!

— Надо уходить, пока дилижанс снова не поехал, — предложил Орсо. — Вернёмся немного назад, через город, и сядем на паром через Поэну. Если переправа ещё не закрылась...

— Не закрылась — я видел деревенских, мы их обогнали на дороге. Они с того берега.

— Откуда ты знаешь? — засомневался Орсо.

— Они болтали. Громко. Пьяные были.

— Ну... значит, нам повезло! — Орсо подхватил чемоданчик. — Бежим?

— Бежим, — согласился зинал. Через незапертые грузовые ворота они вышли из конюшни не во двор трактира, а на соседнюю улицу, где мокрый снег перемешался с грязью в глубоких колеях. Переправившись через эту полноводную мутную реку, путешественники попали в ту часть Ачилле. Которая позволяла посёлку считать себя городом. По мощёным улицам шли быстрее, и всё же час, отведённый на стоянку дилижанса, подошёл к концу, когда уже в кромешной тьме внизу, под крутым спуском к реке, показался освещённый тусклыми фонарями причал. Оттуда разносился непривычный для вечернего времени шум: кричали люди, мычали коровы, что-то скрипело и грохотало.

Оступаясь на стёртых каменных ступенях, беглецы спустились к берегу. Вдоль причала стояли три грязных унылых плоскодонки, в которые лезли по сходням люди, неуверенно шагали коровы и кони, дюжие грузчики волокли крюками ящики и бочки. Во тьме палубы чернел силуэт лебёдки, похожей на скрючившееся от холода чудовище.

— Нам куда? — вполголоса спросил Орсо; он никогда в жизни не ездил на паромах.

Зинал величественно пожал плечами, но тут с одной из плоскодонок хрипло заорали:

— На Джеризу! На Джеризу последний!

— Скорее! — Орсо бросился к трапу, Зандар быстрыми шагами следовал за ним. На сходнях юноша сунул сорок паулов в грязную лапищу паромщика, и их пропустили в сырую душную темноту полуоткрытой палубы. Протиснувшись между кучками людей, тюками, чемоданами, Орсо выбрался к противоположному борту. Здесь было холоднее из-за ветра, зато можно было дышать и держаться за поперечные брусья, огораживающие палубу — у них должно быть какое-то особое корабельное название, но Орсо его не знал.

Зандар подошёл следом и шёпотом сказал в самое ухо товарищу:

— Стань ко мне спиной и держи руки в карманах — тут могут быть воры. — Орсо вспомнил о жутком зандаровском ноже и даже немного посочувствовал ворам.

На пароме засвистела сигнальная дудка, палубу качнуло — плоскодонку в десять рук оттолкнули шестами от причала. Орсо обдало ледяными брызгами, лебёдка взвыла, наматывая трос, которым паром соединялся с другим берегом, и судно тяжело двинулось прочь от опасного для путешественников Ачилле.

Глядя на приближающиеся огни Джеризу, Орсо обдумывал, как быть дальше. Если к их поискам подключена полиция, её не удастся дурачить долго — нетрудно сообразить, куда они пропали, если знать про паром. Получается, что в Джеризу ночевать нельзя, а что за ним, Орсо не знал — там начиналась совершенно не знакомая ему часть страны. Зандару эти места были тем более не знакомы.

Нет, так ничего не придумаешь, надо осмотреться на месте и тогда уже решать, как быть. Что на том берегу, не предскажешь, но полиция там вряд ли уже предупреждена. Им нужно время, чтобы обнаружить пропажу беглецов, сообразить, куда они подевались, и отправить кого-нибудь на тот берег. Этот паром — последний на сегодня, значит, придётся брать лодку, а грести ночью в снегопад очень долго... Значит, они выигрывают время! А там посмотрим, кому больше повезёт.

Когда паром дополз до противоположного берега, Орсо уже промёрз до костей и при этом спал стоя, как лошадь. Плоскодонка ударилась бортом о причал, заскрипели кранцы, юноша очнулся и затряс головой не хуже Пороха. Зандар подхватил его за руку и вдоль борта потащил к сходням; благодаря зиналу, который напористо расталкивал других пассажиров, включая флегматичных коров, беглецы сошли на пристань в числе первых.

Орсо, окончательно проснувшись, оглядел берег: к ним не бежали полицейские, да и будь они здесь, бежать за кем-либо им было бы нелегко. Пристань была забита людьми с разнообразным багажом — тюками, коробками, корзинами. В плетёных клетках квохтали куры, в мешке повизгивал поросёнок, с поводка в могучей руке хозяина рвался громадный волкодав. Вся эта публика шустро набивалась на судно, устариваясь там и тут на палубе. С минуту столичный житель, никогда раньше не видевший паромов, не могу уразуметь, что они делают и зачем, потом понял: они хотят отплыть первым рейсом с утра и ради этого готовы заночевать на самом пароме. Видно, тоже боятся, что навигация закроется...

Мысль остаться на ночь в портовой гостинице Орсо отверг сразу. Но куда пойти поздно вечером в незнакомом городишке, чтобы при этом не вызвать вопросов и сопутствующей драки?.. Он остановился в раздумьях, глядя в чёрное небо, уже не сыплющее снегом. Ветер донёс одинокий удар церковного колокола: час до полуночи. Орсо зримо представилась внутренность небогатого храма — тусклые жёлтые светильники, запах масла, воска и пыли, бронзовые древа, отягощённые десятками звёзд, наивный, словно нарисованный ребёнком, Творец за рядами лампад... Уютная картинка навеяла новую, неожиданную мысль; Орсо

схватил Зандара за руку:

— Попробуем найти, где заночевать... и спрятаться, если что.

Зинал удивлённо поднял брови, но до расспросов не снизошёл. А может, не хотел терять времени зря.

Первую попавшуюся церковь Орсо отверг — для его плана она не подходила: слишком парадная. Наверняка отстроило купеческое общество — купцы в городках на Поэне баснословно богаты. А вот следующий неприметный храм на улочке, криво уводящей куда-то в поля, приглянулся больше. В высоких узких окнах теплился свет, и Орсо решительно толкнул тяжёлую дверную створку.

Толстеный бородатый служка, подметавший пол, вероятно, удивился поздним посетителям, но испуганным не смотрелся. Неторопливо отставив веник, он прошёл мимо ряда скамеек для прихожан и скрылся в дверце служебного помещения. Через минуту оттуда появился молодой священник — маленький, худой, с торчащими рыжими волосами, чем-то похожий на воробьиного слётка:

— Живите в свете. Что я могу для вас сделать?

Орсо торопливо сдёрнул с головы шляпу:

— Добрый вечер... Мы... я... нам нужен совет.

Священник спокойно смотрел на них, ожидая продолжения, но не торопил и не выказывал недовольства или нетерпения. Орсо собрался с мыслями — что говорить, он уж придумал, и вранья в этом было не так уж много:

— Мы путешественники, едем в Кардолу. За нами увязались какие-то несимпатичные люди — мне показалось, что это шайка грабителей. Моя вина — нужно было одеться скромнее и не возить с собой больших денег... — При этих словах добронравный наследник Травенари изобразил такое смущение и раскаяние, что, не будь Зандар предупреждён заранее, он бы, пожалуй, заподозрил нехорошее.

— Вам угрожали? — спокойно спросил священник.

— Нет, к счастью, нет... Мы приехали на пароме, и на пристани я увидел того же человека, который упорно шёл за нами до причала на том берегу. А теперь двое где-то на соседней улице: один — тот самый, который следил, а второго я раньше не видел... Я не знаю города... знакомых тут нет...

— Вам нужно было идти в полицию, — полувопросительно произнёс священник.

Орсо вздохнул — уже непритворно:

— Нельзя. Мой друг — зинал.

Зандар молча поклонился. Шляпа не скрывала его лица, и всякий, кто встречался с зиналами, не усомнился бы в том, что встретился с одним из них снова.

Священник молчал, размышляя, его взгляд не изучал путешественников, а был устремлён куда-то поверх их голов, в чёрную бездну за окном. Орсо внутренне трясся от волнения: история была не высшей пробы, но сочинять правдоподобную ложь у него всегда выходило не особенно удачно. Наконец священник подошёл к Зандару и, задрав голову, посмотрел ему в глаза:

— Ваш народ чтит Творца так же, как мы, и Он не делает между нами различий. Скажи пред Его ликом: не совершал ли ты чего-либо преступного, чего-то, что навлекло бы на тебя преследование полиции и иных мирских сил?

— Нет, — покачал головой Зандар, вытянул из-под ворота крошечную звёздочку на шнурке и, зажав её в ладони, добавил:

— Не было.

Священник удовлетворённо кивнул:

— Ложь ради спасения и защиты в глазах Творца может быть прощена. — При этом он бросил быстрый внимательный взгляд на Орсо, но юноша постарался смотреть как можно более невинно. — У нас есть комнаты для гостей, вы переночуете там. Утром я поеду в Занью, там есть станция дилижансов. Если вам это удобно, я вас подвезу.

— Спасибо, — вполне искренне сказал Орсо.

Комната в доме священника на задворках храмового двора была крохотная, но чистая и очень тёплая. Бородатый служка принёс тарелку с сыром и хлебом, маленький кувшин подогретого вина и второй тюфяк, который ловко расстелил на широком сундуке, видимо, часто служившем спальным местом. Едва проглотив кусочек сыра, Орсо понял, что падает с ног и, если немедленно не ляжет, то заснёт одетым на стуле. Героическим усилием он стянул промокший плащ и сырые сапоги и рухнул на сундук (рост позволял ему там разместиться, в отличие от Зандара). Последним, что видели его слипающиеся глаза, был зинал, тщательно прячущий под узенькую подушку свой устрашающий тесак.

Часть 8, где говорится о беззаботности, ножах и поражении бесов

В дороге они потеряли день, зато ехали не по тому маршруту, на котором их могли ждать. Тесный возок настоятеля Конрада довёз путешественников до Заньи, где они любезно распрощались со священником и отправились короткими переходами: из Заньи — в Аберино, оттуда — в Лострес, а оттуда — прямым путём в Ринзору. Не с юга, как собирались вначале, а с востока.

Здесь было заметно теплее: снег не лежал на земле и даже не падал с неба — яркое и глубокое северное зимнее небо сияло над серебристым морем, как будто здесь сразу после осени понемногу начиналась весна. Правда, зимние ветры мешали парусникам отойти от побережья, с океана то и дело приносило снежные заряды, а волны, взламывая тонкий ледок у берега, каждую ночь заливали ступени набережных и рыбацкие причалы; но и это ненадолго — совсем рядом тепло и новый год, сразу после солнцеворота Ринзора первой из портов севера открывала навигацию.

Орсо шагал по мокрым от ночного дождя мостовым, круто спускавшимся к залитому светом морю, дышал влажным, совсем не зимним воздухом и радовался, что смутная угроза позади, они на месте и больше бояться нечего. Зандар своих чувств не высказывал и по-прежнему надвигал шляпу на самый нос, но и он, казалось, не ждал больше удара в спину.

Зинальские кварталы в любом городе, где они есть, жмутся к рынку — так сказал Зандар. Но рынков в Ринзоре два — городской и рыбный. Где искать земляков, зинал не был уверен, поэтому Орсо решил пройти с ним оба рынка и убедиться, что довёз товарища до безопасных мест.

Огибая столпившиеся в проулке грузовые телеги, путешественники свернули на пустынную соседнюю улочку, и Орсо показалось, что на миг у них стало три тени вместо двух. Юноша торопливо схватил за руку Зандара:

— Опять кто-то за нами...

Метко брошенный нож подтвердил его слова, хоть и не дал их договорить. Промых вышел небольшой — тяжёлое оружие прогудело над самым плечом Орсо и с жутким тупым стуком вонзилось в закрытый ставень. Ноги Орсо приросли к земле — никогда ещё на него не нападали, желая убить. Зандар к таким положениям, видимо, был более привычен — оттолкнув товарища за спину, он выхватил тесак и бросился под прикрытие резного крылечка.

— К морю! — заорал он спутнику и для верности мотнул головой в направлении, где, как ему казалось, находился берег. — Пошёл!

Ошалевший Орсо послушался не сразу, но когда всё же развернулся, чтобы бежать, на глаза ему попались двое людей, целеустремлённо спешащих ему наперерез. Счесть их случайными прохожими было никак не возможно... Орсо бросил быстрый взгляд назад: Зандар отчаянно отмахивался от троих наседавших на него противников; пока что зинала выручали длинные руки и ярость, с которой он размахивал ножом, однако в одиночку ему явно не отбиться! Орсо в растерянности закрутился на месте; что-то тяжёлое ударило по бедру — пистолеты же! Олух, совсем забыл!

Мгновенное колебание — всё же палить в живых людей не то же, что упражняться в убийстве мишеней, — Орсо поборол одним воспоминанием об окружённом товарище.

Первый выстрел он адресовал тому из нападавших на Зандара, который на секунду отскочил из общей схватки — стрелять в кучу-малу вокруг зинала было опасно. Грохнуло, юноше обожгло пальцы и отчётливо заныло плечо, но дело было сделано — нападающий осел на мостовую, истошно вопя и зажимая бок. Орёт — значит, живой, отрешённо подумал Орсо и развернулся со вторым пистолетом к собственным противникам. Те замешкались — угроза получить пулю их не радовала. Пользуясь их нерешительностью, Орсо побежал вдоль стены, собираясь свернуть в ближайший проулок, замечательный крайней узостью: двое в ряд там не пройдут, а тот, кто первым сунется за ним, получит выстрел — там трудно промахнуться...

Противник тоже это сообразили: один взмахнул рукой, но что в ней — Орсо не заметил. Второй пригнулся и укрылся от удачливого стрелка за ближайшим углом. Снова блеснул брошенный нож — как в приморских городах любят эту забаву! Поняв, что враг снова промахнулся, Орсо всё же рванулся в проулок и успел пробежать по нему шагов двадцать прежде чем сообразил, что не слышит топота погони. Ошарашенный, он остановился: это говорило, что все четверо уцелевших врагов теперь нападут на Зандара! Вернуться? Но у него всего один заряженный пистолет, а махать шпагой, когда противники кидаются ножами, глупость несусветная. Был бы он ещё настоящим мастером — можно было бы положиться на скорость и напор, но неопытный мальчишка с зубочисткой их не испугает...

Новая тень легла перед ним над бульжники, и Орсо едва не пальнул в неё не глядя. Фффу, всего лишь лошадь! Привязанная у крыльца осёдланная лошадь — видно, хозяин зашёл в дом совсем ненадолго. Улочка, куда он выскочил, была не торговой, людей не видно, зато вот он — путь к спасению Зандара! Орсо рывком освободил поводья, обмотанные вокруг балясины крыльца, вскочил в седло и развернул лошадь, готовясь вернуться на улицу, по которой они с Зандаром шли, пока не попали в ловушку.

Вот и нужный поворот... и новый нож, на сей раз нашедший свою цель. Тяжкий удар буквально выбил из Орсо дух, и лишь потом он ощутил резкую жгучую боль и жар, разливающийся от правого плеча вниз по руке. Он выпустил поводья и вцепился в лошадиную гриву, чтобы не упасть. Лошадь остановилась, и мимо Орсо, как в тумане, проплыли пятеро неприметных людей в одежде небогатых горожан, которые внесли в карету с опущенными шторами два неподвижных тела, потом сами вскочили внутрь, кучер хлопнул вожжами, и экипаж погромыхал через площадь в одну из четырёх расходящихся веером улиц.

Вокруг было по-прежнему пусто — выглянувшая было из двери дома женщина испуганно юркнула назад, загремел засов. Орсо огляделся: нет, здесь ему не поможет никто. Потребовалось немалое усилие, чтобы сесть ровно и хотя бы посмотреть на собственную руку. Нож вошёл неглубоко, выпал под собственным весом и повис в складках плаща. Рука горела, но фонтана крови, как боялся Орсо, было не видно. Куда же теперь... вот болван! Он знает здесь только один адрес! Юноша неловко подхватил левой рукой нож, сунул за пояс, намотал на запястье поводья и ударил пятками флегматичную конягу. Она зашагала куда глаза глядят; каждый шаг отдавался новой волной жжения, но лучше уж ехать, чем брести пешком...

Только не надо пугать добрых горожан, только усидеть ровно... Орсо свернул на улицу, соседнюю с той, по которой уехали похитители. У первой же — о счастье! — открытой лавки он остановился и, стараясь не наклоняться в седле, крикнул лавочнику:

— Гранд Фонтан?

— Туда! — показал рукой горожанин, Орсо пришпорил лошадь и понёсся вперёд. Улица

пересеклась с другой, пошире, там ему снова махнули рукой — туда! — и совсем скоро за мешаниной низеньких крыш показался золотой купол знаменитого дворца Гранд Фонтан — бывшей резиденции князей вольной Ринзоры. Осмотреть бы его — похож он на собственное изображение на монете в пять анов или нет?.. Поворот, ещё поворот, пришлось пропустить ломовую телегу с ругающимся возчиком, узкая аллея с кованой решёткой справа, ещё поворот, последний — вот они, задворки Гранд Фонтан, а вот и дом с фронтоном, украшенным фигурками корчащихся в лучах солнца бесов. Виа Гранд Фонтана, тридцать пять.

Соскочить на землю, как положено, сил уже не хватит; Орсо подъехал к окну в нижнем этаже и постучал в раму. Кажется, колыхнулась занавеска... нет, это солнечный блик пробежал по стене и упал на мостовую, испепеляя беса, готового бросить нож... Цельный водопад солнечных лучей рушится с неба на головы врагов — как их много! — и позади всех вытягивается из проулка невесть как поместившаяся туда самоходная машина для метания гранат...

Часть 9, где кто-то рассуждает о безопасности, а кто-то думает о жёлтых камешках

— Правильно ли я понял, — полковник Тоцци подвинул к себе кофейник и долил чашечку гостя, потом свою, — что у вас нет серьёзных подозрений относительно целей нападавших?

— Если только это не... ну, словом... не история, которую мы притащили из столицы... — пробормотал Орсо, по обыкновению запутавшись в словах. Даже с помощью кофе не удалось прогнать полностью неприятное чувство, что он не до конца проснулся. Голова была тяжёлой, он всё время мёрз и временами боролся с тошнотой — вот здесь кофе помогал прекрасно. Но ненадолго. Сосредоточиться на важном разговоре удавалось, но временами мысли уплывали, он переставал чётко слышать, что говорит собеседник, и глаза начинали сами собой закрываться. Да проснись же, глупец! От твоих слов зависит жизнь Зандара!

— Об этом я и говорю, — полковник раскрыл шкатулку из заморского зеленоватого дерева, достал изящную чёрную трубку, неторопливо набил, зажёл. По комнате поплыл ароматный сизый дымок. — Ни один из нападавших не показался вам знакомым, следить за вами, видимо, перестали после Джеризу. Явной связи со столичными делами я не усматриваю. — Орсо показалось, что этот факт почему-то полковника радует. Он был невозмутим, деловит и логичен. Орсо показался сама себе глупым испуганным младенцем. В самом деле, быть может, он сам себя убеждает в том чего нет?..

— Таким образом, — продолжал хозяин дома и вынул из рта трубку, чтобы отпить кофе, — на вас и вашего друга, находящегося в Ринзоре совершенно законно, — это слово прозвучало очень увесисто, — совершено бандитское нападение, видимо, с целью грабежа. Я уже уведомил полицию об этом возмутительном происшествии. Сын моего старинного друга, путешествуя в компании несколько экстравагантной, но вполне невинной, стал жертвой преступников, не остановившихся перед применением оружия, был ранен... ничего удивительного, что ему пришлось стрелять по негодьям!

Орсо понял, наконец, куда клонит Тоцци, и мысленно обругал себя болваном. Очевидно, виноваты слабость и этот несносный туман в голове, иначе он не вёл бы себя как тупица!

— Какая-либо ответственность для вас здесь совершенно исключена, — продолжал объяснять полковник. — Что до вашего приятеля, думаю, его разыщут уже к вечеру. Наши полицейские — отменные ищейки, этого у них не отнять... Ещё кофе?

— Нет, благодарю... С непривычки слишком крепко для меня...

— Сейчас вам это полезно, — сообщил полковник, выбил трубку и убрал в свою роскошную шкатулку. Орсо уже заметил, что его дом был наполнен редкими и дорогими вещами со всего света. Деревянные идолы из Баар-Абы, моржовые клыки из Реттинга, чудовищный меч с волнистым лезвием — такие теперь таскают только на церемониях при девменском дворе, — шкура чёрного зверя, похожего равно на льва и тигра... И всё это очень мало говорит о хозяине. Почти ничего.

Что ж, не забросив наживку, рыбки не поймать! Наживим-ка старые связи...

— Мне очень неловко, что я ввалился в ваш дом в невменяемом состоянии, а не приехал, как положено приличному человеку, дождавшись приглашения, — начал Орсо, —

но в своё оправдание должен сказать, что я намеревался заглянуть к вам, коль скоро оказался в Ринзоре.

— С приглашением вы разминулись, должно быть, на день-два, — заметил хозяин дома. — Я сразу же написал вам, что мы всегда рады вас видеть. Впрочем, на праздники мы поедем в столицу — Джулия уже взрослая, ей негоже засиживаться в этой глуши...

Орсо промолчал — Джулия была очень неудобным предметом для обсуждения, особенно с его стороны. При одном воспоминании о старшей дочери полковника он до сих пор заливался краской до ушей. Что было с ним с той минуты, когда он постучал в оконный переплёт кухонного (как выяснилось после) окна, и до того, как удалось окончательно проснуться с полчаса назад, — всё помнилось смутно. Но среди туманных воспоминаний о перевернувшейся земле, тягучей боли и мучительной душной жаре натопленной комнаты была одна чёткая, несомненная, яркая картинка — узкое девичье личико, дым светло-русых волос и ослепительный жёлтый камешек, качающийся у бледной щеки. Он бы многое отдал, чтобы в первый раз встретить Джулию в какой-нибудь более подходящий момент!

Чтобы чем-нибудь занять руки, Орсо снова взял чашечку с кофе:

— В вашем письме ко мне — в том, которое я успел получить, — вы выражали удивление решением моего отца по поводу... опеки, — этого вопроса полковник не поднимал, однако прояснить его Орсо считал необходимым. Ради одного этого он поехал бы в Ринзору. Ни у кого не должно остаться сомнений в том, что отец действовал разумно и обоснованно! Тем более не должны в нём сомневаться старые друзья. — Отец и госпожа Анлих были знакомы давно... для своих исследований она пользовалась Королевским архивом, и отец очень ей помог.

Полковник терпеливо ждал продолжения. Младенцу понятно, что надо очень, очень хорошо знать того, кому вручаешь судьбу несовершеннолетнего сына, единственного ребёнка, — одного знакомства по архивной работе для этого недостаточно!

— Госпожа Анлих на свой страх и риск выясняет вопросы, которыми... больше никто не занимается. — Соврать здесь не выйдет, утаить важные детали — тоже, только не от этого старого орла! Но Ада не упоминала, что говорить об этом нельзя. Как она сказала — чем меньше людей об этом знают, тем опаснее? — Она полагает, что наша страна находится под тайным влиянием каких-то негодяев, которые мечтают втравить её в войну, а это... — Орсо развёл руками, показывая, что не ему, зелёному юнцу, объяснять отставному офицеру, что для Андзолы означает война.

— Вот почему она искала способов приблизиться к королевской семье... — вполголоса заметил полковник, словно думая вслух. — Впрочем, простите, я не хотел обидеть вашу опекуницу подозрениями. Возможно, я к ней несправедлив.

Орсо пожал плечами (и тут же пожалел об этом — рука отозвалась жгучей болью):

— Я мало об этом знаю. Тот зинал, которого похитили бандиты, был отправлен к ней кем-то из её друзей с важными новостями. Быть может, враги решили, что и сюда, в Ринзору, он везёт какое-то важное послание... да и я, видимо, попал под подозрение.

— Это очевидно, — кивнул Тоцци; на это замечание Орсо не обиделся, потому что сия мысль только что посетила его больную голову, а выглядело так, словно с самого начала положено было предполагать именно это.

— Больше мне нечего рассказать, — произнёс Орсо и снова чуть не пожал плечами (дурная привычка, надо бы отучаться от неё!), — но я не хотел бы, чтобы вы считали решение отца ни на чём не основанным.

— Я так и не считал, — просто сказал полковник. — Но решил предупредить вас, что в отношениях вашей семьи с Адой Анлих не всё очевидно. Вы сами дошли до этой мысли, но я не хотел, чтобы вы были излишне беспечны. Это может смотреться как вмешательство в чужие дела, тем более в дела семейные, но лучше я буду в ваших глазах навязчивым старым дураком, чем упущу угрозу для сына моего давнего друга. Этого я бы себе не простил. И когда я обещал вам помощь, я действовал не из вежливости, а потом, что был уверен: она вам понадобится.

— В этом я убеждаюсь прямо сейчас, — мягко сказал Орсо; в самом деле, хорош бы он был, обижаясь на навязчивость хозяина дома, который укрыл его у себя от бандитов и делает всё, чтобы помочь Зандару!

— В таком случае оставим пока эту тему и идёмте обедать, — полковник поднялся из кресла. — Сможете идти?

— Да-да, всё хорошо, — Орсо торопливо встал, стараясь не опираться о подлокотник больной рукой (да сколько же он ещё будет инвалидом!). Шагая вслед за хозяином по коридору, он вдруг вспомнил, что за обедом будут обе юных Тоцци — Джулия и Серена, — и вновь покраснел от одной этой мысли. Так и явился в столовую с пылающими ушами. Может быть, всё-таки не заметят?..

Как ни странно, в доме полковника Орсо не чувствовал себя в безопасности. Конечно, сам полковник никак ему не угрожал, напротив — было ясно, что он делает всё он него зависящее, чтобы помочь Орсо и Зандару. Но какая-то атмосфера тревоги и скрытых маховиков,двигающих неведомые события, ощущалась постоянно. Сёстры Тоции, конечно, ничего волнительного не замечали и изо всех сил старались развлечь гостя, а Орсо мучительно стеснялся их обеих: Джулии — потому что она видела его слабость, а Серены — из-за её бьющей через край общительности. По природе сдержанный и тихий, Орсо не знал, как себя с ней вести...

Часть 10, где кое-что возвращается в прежнюю колею

Обратный путь был не в пример легче и приятнее. Полковник решил выехать в столицу пораньше и взять Орсо с собой. У него был хороший просторный экипаж, а ненавязчивая, но бдительная охрана излишней отнюдь не показалась. Смущало только общество девиц Тоцци — о чём говорить с ним, кроме как о погоде, Орсо не мог выдумать, да и любое сказанное слово обдумывал так и сяк, боясь показаться смешным. Джулия, видимо, тоже смущалась; молчаливая серьёзная девушка смотрелась очень взрослой и, казалось, обо всём имела своё взвешенное мнение, никому его, однако, не навязывая. Джулия, видимо, была в отца — то же величественное спокойствие, ничем не выдававшее переживаемых бурных страстей. Зато Серена, четырнадцати лет, напротив, говорила без умолку, смеялась, дурачилась и никому не позволяла скучать. Она и внешне не походила на отца и старшую сестру: черноволосая, смуглая, с огромными карими глазами, постоянно готовая рассмеяться. С ней юноше было несколько легче говорить, хотя бы потому, что особых усилий не требовалось — только кивать и иногда отвечать на вопросы Серены, если они не были заданы в пространство. Так бойкая девочка понемногу вытянула из Орсо всю его жизнь — её интересовало буквально всё, и, как он случайно убедился, ничего из рассказанного она не забывала. Видно, в Ринзоре Серена скучала — Орсо не заметил, чтобы у девушек было много подруг, а старшая сестра не любила шалить и веселиться вместе с младшей.

— Смотрите, смотрите, какая красивая лошадь! Отец, ну смотрите же! Джу-улия, ты не туда смотришь, вон, вон! Господин Травенари, а как эта масть называется?

Орсо вынырнул из своих неторопливых мыслей:

— Что?.. Кажется, караковая.

— А вы хорошо ездите верхом?

— Не очень, — признался Орсо.

— А мне отец разрешает ездить только на пони. Он милый, конечно, но разве можно так на нём скакать? Смотрите, смотрите, как пошла!

— Ты слишком беспечна, — покачал головой полковник. — Езда на лошади требует внимательности и собранности, стоит отвлечься — и полетишь из седла.

— Так и есть, — кивнул Орсо. — Меня конь однажды сбросил из-за того, что я слишком много глазел по сторонам.

Серена ахнула, округлив глаза:

— Какой ужас! Страшно было?

— Испугался я уже после, — улыбнулся юноша, — когда сидел на земле. Но если хочешь стать хорошим наездником, к сожалению, падений не избежать...

— Вот видишь, Рена, — серьёзно сказал её отец, — скачки — не для девушек. К тому же ты очень маленькая — лошадь тебя не чувствует.

— Да, — огорчилась Серена, — я мелкая. Если бы кто-нибудь катал меня в седле, как вы, отец, катали маму...

— Для этого надо сперва выйти замуж, — неожиданно улыбнулась Джулия.

— Так и сделаю, — Серена скорчила чопорную мину, но не выдержала и снова рассмеялась.

— Кто бы ни был этот несчастный счастливек, ему потребуется море терпения... —

вполголоса заметим полковник, и Орсо уловил в его тоне грусть. То ли вспомнилась жена — Орсо видел её портреты, Серена вылитая мать, — то ли мысль о расставании с дочерью, даже такой непоседливой, как Серена, заранее печалила...

Заночевали в Джеризу, и на Орсо вдруг нахлынула печаль: совсем недавно они с Зандаром крались по этому ночному городку, пугаясь каждой тени, а кажется, это было уже давным-давно... Теперь история с бегством от неведомых преследователей казалась просто приключением, и не приходило мысли, что конец его может быть весьма печален. Прощание с зиналом в Ринзоре вышло неожиданным и торопливым. Перед рассветом в день отъезда в столицу в окно комнаты на первом этаже, которую занимал Орсо, поскреблась закутанная в платки и покрывала старая зиналя. Орсо вышел через чёрный ход, твёрдо решив, что дальше крыльца с этой подозрительной старухой не пойдёт. Но она лишь мотнула головой в сторону — в сумраке у ограды парка Орсо различил высокую фигуру в знакомой шляпе.

— Держись ближе к этому шпиону, Тоцци, — сказал Зандар без предисловий, — он не даст тебя убить. Я останусь и спрячусь. Тех, напавших, ищет полиция, это пусть без меня. Весной приеду к Аде.

— Нет! Опасно... — запротестовал Орсо, но Зандар покачал головой:

— Всё опасно. Жить опасно. У нас война. Я буду нужен. — Он помолчал, потом вспомнил:

— Присмотри за ней. Она беззаботная, а женщину должен охранять мужчина. Там, в столице, тоже много крыс... — Зинал шагнул к товарищу, на мгновение сжал рукой его здоровое плечо, потом повернулся, вспрыгнул на ограду, приземлился на другой стороне, в парке, и пропал из виду. Орсо огляделся — старухи уже не было. Сумерки были ещё густы и холодны — их никто не видел.

Раздумывая об этой встрече, Орсо не понимал одного: почему Зандар назвал полковника шпионом. Расспрашивать тогда было некогда — если бы это таило опасность, Зандар обязательно сказал бы, а для праздных вопросов не было времени. Значит, он что-то знал о Тоции и считал, что он может быть полезен. Сам любезный хозяин рассказал, что бандиты сбежали, бросив пленника, как только узнали, что по их следам идёт полиция. У них хватило ума не убивать зинала — после убийства их шансы скрыться становились совершенно ничтожными, да и бросать такой след полицейские ищейки не имели привычки. Орсо жалобу о нападении не подавал по совету полковника: если банду поймают, им и так найдётся за что ответить, а если ему как потерпевшему велят задержаться в городе до окончания розыска преступников, можно просидеть тут всю зиму!

В конце концов Орсо бросил ломать голову над этим вопросом: без Зандара его всё равно не разрешить, а полковник в самом деле не даст его убить. Это приятно! Сам Орсо вовсе не был уверен, что сможет защититься от неведомых врагов без посторонней помощи. К тому же пугали намёки Зандара насчёт Ады: юноша теперь не сомневался, что опасность реальна, что против Ады и всех, кто помогает ей, играют серьёзные противники, но что он сможет противопоставить им? В одиночку он не сила, а собрать верную дружину в наше время не так-то просто...

Погода смилостивилась над путешественниками — все четыре дня дороги светило солнце; вместе с солнцем пришли холода, но хотя бы не мело и не поливало. В столицу въехали уже в темноте; здесь всюду лежал снег, и освещённый цветными фонарями город казался очень праздничным. Девушки во все глаза рассматривали заметённые улицы, даже Серена притихла и молча смотрела на невиданное чудо — в Ринзоре снег не ложился

надолго. Полковник велел сперва ехать к дому Ады, от приглашения зайти погреться отказался, и экипаж укатил в разноцветную ночь, оставив Орсо на пороге.

Дверь ему открыла Коринна, внутри пахло имбирём, яблоками и пирогами, а под вешалкой в холле стояла, обсыхая, лишь одна пара мужских валяных сапог — в них слуги чистили снег на заднем дворе.

— Джианни выдал вас и Зандара бандитам, — с порога сказала Ада, оторвавшись от украшения замысловатого пирога. — Позавчера его нашли мёртвым на кладбище Чипреса. Очень кстати, что вы догадались отправить письмо, что выезжаете, — мы тут с ума схо... очень беспокоились. Ну идите сюда, поближе к печи, вас прямо трясёт.

Часть 11, где удивляются не тому и говорят о молодости

С минуту Орсо простоял посреди кухни, полной тепла, света и дразнящих запахов, и все чувства говорили, что он дома. Это — дом. Не чужой, не временный — он может пропасть, его могут отнять, но быть домом он не перестанет, пока стоят его стены. Он прошёл к печи, опустился в деревянное кресло, в котором обычно сидела Ада, протянул руки к огню; плечо протестующе заныло, но согреть пальцы хотелось сильнее, а ране пора бы уже и заткнуться...

— Что с рукой? — Ада мгновенно углядела неловкое движение.

— Пустяк, — пожать плечами уже не хотелось — вот что значит следить за своими привычками! — Что тут происходило, я не понял? Кто убил Жианни?

— Врать не буду, — покачала головой опекуна. — Пока не знаю. Но что за предательство наши враги заплатят именно так — я предупреждала. Всех предупреждала.

Почудилось, или она в самом деле внезапно рассердилась? Орсо поднял голову, глянул в лицо Ады — когда она так сжимала губы и раздувала ноздри, добра не жди... Он поспешил сменить тему:

— Письмо намного нас обогнало?

— На день, — женщина успокоилась так же быстро, как пришла в гнев. — Из него я с удивлением узнала, что друг вашего отца, который вас так заинтересовал в Ринзоре, — полковник Тоцци. Дела вашей семьи меня могут и не касаться, но мне казалось, что вы скрывали этот безобидный, в общем, факт именно от меня. Вероятно, на то были причины?..

Надо рассказывать — иметь тайны от Ады сейчас опасно: любая мелкая деталь может значить многое, а он не всеведущ, чтобы отличать важное от неважного. Особенно теперь.

— В своём письме полковник высказал удивление решением отца. Удивление было выражено так, что можно было понять его как недоверие к вам и вашим мотивам.

— И только-то? — усмехнулась Ада. — Для него проявлять недоверие — естественное занятие. А если вы хотели уберечь меня от переживаний по этому поводу... я ценю вашу заботу, но это меня не беспокоит совершенно. Если бы я переживала из-за того, кто что обо мне думает, я бы не прожила на свете и пары дней!

— А... почему для него естественно... ну, быть подозрительным?

Ада вытаращила глаза на воспитанника в искреннем удивлении:

— Вы не перестаёте меня поражать... Провести в обществе Тоцци целую неделю и не знать, что он был главой политической разведки! О чём вы с ним говорили, можно узнать?

— Не обо мне и не о нём, — признался Орсо. — Полковник удивительно тонко умеет выбирать темы...

— Да, этого не отнять. — Ада пересела поближе и заглянула ему в глаза. — Вы, гляжу, кое-чему научились от вашего нового друга. Вопрос, что с рукой, остался без ответа.

— Я... ну... — Орсо замялся, как обычно, не зная, с чего начать, и вдруг понял, как он за это время устал. По дороге на север каждую минуту ждал нападения — и дождался; все дни, что провёл с Тоцци и в их доме, и в дороге, всё равно подсознательно боялся какой-нибудь гадости, без малого две недели сплошного непроходящего напряжения и страха — и только сейчас он начал отпускать. Здесь, на тёплой кухне, дома, рядом с Адой. Будто сбросил тяжеленную ношу и медленно разгибал усталую спину.

Рассказ получился долгим, путаным, вместил в себя две кружки какао, от накотившей усталости начали дрожать руки, но история была очень длинная, и надо было добраться до конца, это важно, всё важно — и Зандар, и старая карга в сумерках, и то, что нападавших было не пятеро, а шестеро, и что у полковника две дочери, и что на след Зандара натравили полицию, и ещё много-много деталей всплыло и проявилось, и все их надо было вспомнить, потому что на войне неважных мелочей нет..

Пока он говорил, запинаясь, возвращаясь и забегая вперёд, Ада распустила ему ворот рубашки и положила длинные пальцы на больное плечо — первое прикосновение обожгло, но все ощущения быстро утихли, как не было. Как только боль отступила, ещё сильнее потянуло в сон, но с ним надо было бороться — Ада должна всё понять, а объясняет он из рук вон плохо... И всё-таки, сбиваясь и повторяясь, Орсо добрался до сегодняшнего дня:

— Ну, и... мы приехали. Сперва полковник завёз меня сюда... я приглашал его к нам, но...

— Но он отказался и откланялся, — закончила Ада. — Разумно. Ну, теперь старый лис от меня не отвяжется... Впрочем, — добавила она, увидев полное раскаяние на лице воспитанника, — это и неплохо: что мы пропустим — он не прозевает! — Она встала, прошлась по кухне, глянула ещё раз на Орсо и вдруг наклонилась к нему, крепко обняла, прижав светловолосую голову к своему плечу:

— Устал, умница моя... Ну всё, всё, ты молодец, всё вытащил на себе, ничего не упустил... Пойдём-ка наверх, Коринна тебе постелила... а у печки спать только котам положено...

Снег сыпал и сыпал уже пятый день, дворники устали махать лопатами, расчищая проходы и проезды, а работы не убавлялось. Но кроме дворников все, пожалуй, были довольны. Порох на прогулках валялся в свежем снегу, как жеребёнок, радостно молотя копытами сладкий зимний воздух. Тучи воробьёв пятнали беспорочные сугробы, украсившие деревья, стряхивали снежную пыль и орали, как на базаре. В парке выросли снежные горки, с них, визжа, катались малыши, а импозантные мамы в новомодных коротких, по колено, шубках чинно скользили на коньках по застывшему пруду. Солнце почти не показывало свой апельсиновый круг из-за горизонта — чуть за полдень начинались длинные тягучие сумерки. Студенты ходили по питейным заведениям, распевая праздничные хоры, и везде рассчитывали на даровое горячее вино — по кружке на брата. Женщины прибирались в домах, мужчины — во дворах и конюшнях, дети вполуха слушали учителей и таращились за окна, в весёлую предпраздничную метель — через несколько дней занятия кончались, и дальше шла сплошная череда радости: страшная и манящая ночь солнцеворота, большие и маленькие праздники, подарки, поездки в гости и снег, снег, снег...

Снежным утром Ада сама пришла наверх к воспитаннику, не жалея больной ноги, — одетая в тёмное, как обычно, но весьма парадно — в жемчужном ожерелье и с жемчужными же шпильками в тщательно уложенной причёске. Орсо порадовался, что уже успел подняться и привести себя в порядок. Вставать рано в такие тёмные дни было нелегко, зато Ада всегда просыпалась чуть свет и неутомимо носилась по дому до поздней ночи. Юноша оторвался от тригонометрии: Ада не полезла бы по лестнице, не будь серьёзного повода.

— Присаживайтесь! — он подвинул опекунке кресло. — Зачем же вы... я бы спустился...

— Коринна — бесконечно милая женщина, — вздохнула Ада, усаживаясь и вытягивая ноги. — И очень болтливая, нашёлся бы слушатель. Ни к чему искушать бедняжку... Как

говорили у нас дома, у меня новости — тебе лучше сесть.

У Орсо упало сердце: опять что-то с кем-то случилось?! Но разум быстро победил панику: будь так, Ада не устраивалась бы в кресле, вдумчиво, как птица на насесте, а вывалила бы всё, что знает, с порога. Он сел, с тревогой глядя на женщину.

— Сегодня нас ждут Их величества. Поедем прямо сейчас. Долго не собирайся — времени мало. Оружие можно не брать.

Последнее добавление было нелишним: за время путешествия тяжесть пистолетов и шпаги стала привычной и необходимой, особенно когда Орсо убедился, что в случае надобности может применить их без раздумий и довольно успешно.

— Что... что мне надо будет говорить? — охрипшим от неожиданности голосом спросил он.

— Правду, — пожала плечами Ада. — Это лучше всего.

Путь до Кончилле Орсо не запомнил: его волновала одна мысль, которую он долго не мог выразить внятно. В какой мере Их величества знают, чем занята Ада? И какова его роль (скромная, да, но есть — не отпереться!) в её делах? Неужели полковник прав и Ада извлекает из этого своеобразного родства только политическую выгоду? Нет, такой неприкрытый цинизм в представлении Орсо не вязался с характером Ады: что-что, а использовать людей как инструменты — не для неё! И всё же... всё же, став приёмной дочерью королевской четы, она и вправду получила весьма выгодную позицию. Иначе кем бы она была в Андзоле — иностранка без семьи и родословной, без денег (видимо), без знакомств... а получается, что и своей страны в этом мире у неё нет, и обнаружить это, в общем-то, нетрудно. Любопытно, как к этому относится Его высочество?

Этот внезапный вопрос пришёл так неожиданно, что Орсо едва не задал его вслух. Но вовремя вспомнил, на каком он свете. Какими бы ни были отношения Ады с королевской семьёй, его в этот круг не звали.

Дворец и в самом деле похож был на прихотливо изукрашенную морскую раковину. Прямых линий в нём как будто вовсе не было: волны, завитки, спирали, дуги и полукружья... Задняя лестница, по которой Ада и её воспитанник входили во внутренний круг дворцовых зданий, была намного меньше, чем центральная, похожая на водяной каскад, но смотрелась, пожалуй, даже изящнее. Уходя вверх, она плавно поворачивала на прямой угол, так что посетитель, входивший во внутренний сад с запада, на верху лестницы вдруг обнаруживал, что смотрит на север. Орсо поддерживал Аду под руку — ступеньки были невысокие, но очень уж их было много — как пластинок в костяном веере. Бежавшие туда и сюда слуги торопливо уступали им дорогу, какой-то невозможно изящный кавалер выразительно склонился перед Адой и стоял так, пока она не прошла мимо. Видимо, они были знакомы, но Ада ни словом не объяснила эту встречу, и Орсо тоже промолчал. Захочет — расскажет, а глядеть волком на всех её знакомых — он же не ревнивый любовник!

В начале длинной светлой анфилады их встретил какой-то слуга рангов повыше — Орсо не мог сообразить, как называется эта должность, но, должно быть, что-то важное. Благоухая пудрой и каким-то непривычным «дворцовым» запахом (паркетный воск? Свечи? Орсо так и не смог определить), слуга повёл их мимо больших и маленьких помещений, украшенных то колоннами, то чем-то висящим на стенах, то живыми растениями в кадках. Если всё рассматривать — голова закружится. Как среди этого жить?..

В конце анфилады обнаружился ещё один спуск — на сей раз не лестница, как можно было ожидать, а пологий пандус, застланный ковром. Он привёл в совсем небольшой

овальный зал, где в неярком зимнем свете все цвета виделись приглушёнными, бледными. Ада остановилась у порога, дождалась, когда слуга выйдет, и лишь тогда подошла к креслу-кушетке у окна. Орсо двинулся следом, на шаг позади, и наконец разглядел в комнате хозяев — Его величество Джакомо и Её величество Марию. Пожилой король полулежал в кресле, укрытый пледом, и вид имел до того домашний, не королевский, что Орсо растерялся. Королева сидела рядом, чуть ближе к окну, и вышивала на станке; рядом стояла корзинка с нитками. Ада поцеловала ей руку, кивнула Орсо, приглашая подойти поближе; тот осторожно взял в ладонь сухую хрупкую ручку, поднёс к губам. Волной наплыл запах какого-то неведомого благовония. Его величество ласково кивнул воспитаннику приёмной дочери, сказал несколько этикетных слов. Орсо показалось, что король мыслями постоянно где-то далеко отсюда, в своём особом мире и лишь время от времени, сделав над собой усилие, возвращается к делам окружающим. Король милостиво кивнул юноше и жестом подозвал Аду. Она устроилась на обитом шёлком табурете возле кресла короля, они о чём-то тихо заговорили.

Королева отставила вышивку и улыбнулась Орсо:

— Идите сюда, молодой человек. Присядьте — здесь вам будет удобно?

— Да... спасибо, — снова растерялся Орсо.

— Не смущайтесь — я так рада, что Ада привела вас сегодня. Она очень давно у нас не была...

Орсо промолчал, изо всех сил стараясь не мять в руках манжету и вообще не дёргать руками без нужды — дурацкая привычка! Впрочем, Ада тоже без конца заплетает какую-нибудь бахрому и тербит кончик косы, когда волнуется...

— Когда ваше отец просил меня скрепить обязательство по опеке, я... не думала, что оно вступит в силу так скоро, — королева покачала головой, блеснул украшенный гранатами гребень в пышных, почти не поседевших волосах. — Как вам живётся у Ады?

— Я... мне... хорошо... — пробормотал Орсо и задумался: ему велели говорить правду — а ведь это правда! Ему хорошо у Ады, со всеми её таинственными делами, с убийцами, выскакивающими из-за угла, с подозрениями полковника, с её странным прошлым и не менее странным настоящим — всё равно хорошо!

— Я рада, — мягко улыбнулась королева. Юноша не решался разглядывать её в открытую, но, бросая короткие взгляды, поражался противоречивому впечатлению. Признаки пожилого возраста — пергаментная кожа, морщинки, скованность движений, вызванная, как предположил Орсо, болезнью суставов, — не вязались с сияющими карими глазами, молодыми, яркими: казалось, внутри немогущей оболочки заперта, как в темнице, юная, горячая, страстная женщина, скорая на гнев и нежность, жаждущая жить и жить ещё долго, но слабое тело отсчитывает свои последние годы, и весь этот юный огонь совсем скоро уйдёт в пустоту... Молодой человек вздрогнул от этой мысли, и тут же, словно отвечая его думам, королева произнесла:

— У бедной девочки, конечно, очень много дел, и когда она заходит, это такая радость... Она — знак, что Творец не забывает о нас.

Орсо удивлённо поднял глаза на королеву, забыв о смущении:

— Почему?

Королева вздохнула, но ничего не ответила. Только ещё ярче вспыхнул в глазах огонь неутолимой жажды жизни.

Опекунша поднялась с табурета, пожала руку королю, поклонилась королеве и оперлась

на руку воспитанника, прошептал:

— Нам пора.

Неловко поклонившись, юноша вышел вслед за Адой по пандусу в длинный коридор, который сейчас, после уюта овальной комнаты, казался очень холодным. Из дворца они вышли по какой-то новой лестнице, не там, где входили. Пока ехали домой, Ада молчала, и лишь войдя в тёплую кухню, самое своё любимое место в доме, задумчиво произнесла, не обращаясь ни к кому определённо:

— Радоваться-то особенно нечему...

Орсо решил вопросов не задавать. Ему снова вспомнилась королева — живая, увлечённая жизнью, внимательная ко всему вокруг. Вдруг подумалось: портреты короля он, конечно, видел не раз — в школе они висели повсюду, на разных праздниках их можно было встретить там и тут, даже в гостиной Тоцци над камином вместо изображений именитых предков помещался Его величество в тёмной золочёной раме. А вот королеву он никогда на портретах не видел — то ли не попадались, то ли её вообще мало рисовали...

— О чём задумался? — Ада ласково тронула его за локоть. — Давай-ка обедать, мы в этом дворце, будь он неладен, почти три часа проболтались!

— Я подумал, — медленно произнёс Орсо, — что о пожилых женщинах часто говорят «в молодости она была красавицей» и считают, что это комплимент. А Её величество не «была», а такой и осталась...

— Да, — согласилась Ада, — это семейное. Она из рода Балатара, династии королей Девмена. О них есть легенда, что женщины Балатара всегда умирают молодыми, но что под этим понимать...

— Никогда не стареют? — предположил Орсо.

— Может быть, может быть. Вообще-то это хорошая мысль: не стареть! Вот бы мне тоже попробовать...

— Мне, конечно, трудно судить, — осмелился встрять Орсо, — но мне кажется, вы и так... — Сказал и тут же испугался: не обидел ли женщину. Но Ада рассмеялась:

— А ведь возможно! Годков-то мне уже немало — весной будет сто двадцать шесть.

Орсо решил уже не удивляться — на его век изумительных вещей, видимо, хватит. И всё же посещение короля привело на ум ещё одну мысль:

— Может быть, это непочтительно... мне показалось, что...

— М-м? — Ада с любопытством подняла брови.

— ...что Его величество какой-то... словно из сказки про доброго и милостивого короля, а вот королева...

— А королева — из суровой легенды о древних рыцарях, — согласилась Ада. — Верное впечатление! Джакомо Третий и есть добрый король, ты же помнишь, что при нём не было ни одной войны. Он хранит мир для королевства. А его хранит королева Мария. Видишь ли, — Ада подперла голову рукой и задумчиво смотрела в печной огонь, — у Девмена странная слава. Отсталая страна, устарелые обычаи... а ведь Девмен — последний оплот рыцарских традиций. То, что нам кажется нелепым пережитком старины, для них живо! Поединок со злом, рыцарская честь, почитание Света... И через королеву Марию эта святая традиция живёт здесь, в Андзоле, пусть хотя бы и только в пределах королевского дворца. Их сын может стать великим человеком... — Ада умолкла, и Орсо остро ощутил, что она не очень-то верит в такую возможность.

Часть 12, где появляется тайное общество

Орсо получил письмо от Матео. Приятель извинялся, что не нашёл времени снова зайти или хотя бы написать подробно — две декады безвылазно просидел, готовясь к экзаменам. Теперь они позади, он снова располагает временем и приглашает Орсо пойти вместе с ним в «одно интереснейшее общество». Будут только мужчины, и разговоры там тоже «преинтереснейшие». Орсо пожал плечами: почему бы нет? — и написал, что совершенно свободен и готов идти куда угодно, как с дамами, так и без.

Вспомнив о дамах, он снова покраснел, благо стесняться было некого. За три декады до Малого бала он, получив приглашение, традиционно подписанное рукой Её величества (по крайней мере, так считалось), послал его Джулии. Два дня не решался — и всё-таки отправил: в конце концов, что такого, если он вызовется сопроводить девушку из хорошей семьи? Наверняка ведь ей хочется на бал, нельзя же все праздники просидеть дома. К его удивлению, быстро пришёл очень милый ответ: Джулия рада, что сможет провести время в его обществе, да ещё на балу. Весь день Орсо не мог поверить, что это происходит с ним, наяву, на самом деле. А потом задрал нос: почему это он должен казаться девушкам неподходящей компанией? Пусть гордятся, что знакомы с ним, — а особенно Джулия! В библиотеке Ады он разыскал последнее издание «Этикета для юношества» и понемногу листал его в перерывах между учебными занятиями. Не хочется смотреться неотёсанным, сопровождая такую даму!

Однако пришлось вернуться мыслями к приглашению Матео. Орсо слышал о молодёжных клубах и салонах — в столице их немало, но приятель, видимо, звал его в какое-то совершенно иное «общество». Проще всего было предположить, что это политический клуб... Тогда можно понять, почему он без дам; непонятно только, почему бы прямо об этом не написать. Политические объединения разрешены! Студентам иногда настоятельно рекомендуют (запрещать не позволяет закон) не участвовать в таких «обществах», но Орсо и Матео ещё не студенты. Что заставляет Матео секретничать? — вот что беспокоило Орсо, когда он думал о предстоящем походе.

Аду юноша честно предупредил, что не знает точно, куда идёт; опекунша только вздохнула и посоветовала взять пистолеты. Матео написал, что будет ждать возле входа на рынок у Роши; в давние времена это был дремучий лес за пределами города, и даже сейчас тамошние кварталы напоминали деревню — одноэтажные домики, палисадники, огороды, пустыри прямо между домов, где летом паслись неведомо чьи коровы и козы, а зимой мальчишки строили горки и снежные крепости. Тамошний рынок тоже походил на деревенский: торговали там овощами, рыбой, сеном, лошадьми и прочим хозяйственным добром. На отведённом для торговли месте рынку было тесно, и рядки лотошников вытекали из покосившейся рыночной ограды на улицу, и торговцы стояли прямо на обочинах, по колена в рыхлом снегу. Орсо про себя удивлялся, что «интереснейшее общество» делает в такой дыре?

Матео ждал его у крыльца какого-то несимпатичного на вид трактира. Вывеска «Кобыла и ворона» со скрипом качалась над головой, двор был не чищен от снега, от крыльца в сторону служб тянулись кое-как протоптанные извилистые тропки. У коновязи снег был истоптан и грязен, на провисших верёвках на заднем дворе болтались какие-то тряпки... Одним словом, место на взгляд Орсо мало походило для встречи

«преинтереснейшего общества».

Приятель порядком замёрз, ожидая Орсо; когда юноша пожал ему руку, то ощутил какие у Матео заочевенвшие пальцы.

— Идём скорее, там тепло, — трясущими губами сказал Матео и повёл его внутрь. Тяжёлая дверь застонала, пропуская молодых людей в дымный сумрак и выпуская наружу плотный горячий запах угля, масла и старого дерева.

Внутри собралась немалая компания. Человек десять совсем молодых людей сидели за двумя сдвинутыми столами, где красовались пять бутылок вина, блюда с нарезанным шпиком, сыром, колбасками и ломтями хлеба, отрезанного щедро, толсто, и очень пышного — не чета худосочным хлебцам, которые принято было подавать к вину в приличных домах. Все, рассевшись за столами, слушали человека значительно более зрелых лет — никак не меньше двадцати пяти. Он сидел во главе стола, держа в левой руке бокал вина, а в правой — лопот буженины, и почти кричал:

— Что есть человек? Слабая плоть, ведомая огненным духом! Духу претит покой, дух жаждет действия, борьбы, гнева, горения!

Оратор взмахнул рукой с бокалом, алые капли брызнули на стол, и в ответ взметнулись вверх десяток рук и кружек.

— Нельзя запира́ть наш огненный дух в повседневности! Нельзя годами, десятилетиями тихо тлеть под грузом рутины! Рано или поздно дух возьмёт своё! Пожар, пожар охватит всю нашу прежнюю жизнь, и она сгорит дотла, оставив лишь кучку золы. Так кто же, — вскричал он вдруг, — кто лучший хозяин своего внутреннего огня? Те ли, кто стыдливо запирает его сотнями запретов и суеверий, не даёт себе вольно гореть и гибнет, бесполезный и безвестный? Или мы, стремящиеся к борьбе, к действию, к решению своей судьбы своею волей, мы, сознательные деятели, бойцы, смельчаки?

— Мы! — в десять глоток отозвалось собрание. Оратор залпом допил вино и повернулся к вошедшим:

— Брат Лукано, как случилось, что ты и твой достойный друг ещё не за столом и не пьёте вместе с нами?

Собравшиеся подвинулись, освобождая место, откуда-то появился ещё один стул, Орсо и Матео усадили, протянули им по кружке, и рослый круглолицый юноша, сидевший справа от Орсо, как старый знакомый, спросил его:

— Красное или белое?

— К такой закуске лучше красное, — ответил Орсо, оглядев стол, и подвинул кружку.

Сосед взглянул на него с уважением:

— А я как-то не подумал об этом...

Вино полилось в кружку — свободных бокалов на столе уже не было.

— Сейчас, — снова раздался голос вожака, — мы должны объяснить нашему гостю устав, по которому мы живём. Каждый, кто приходит к нам и делит с нами хлеб, вкладывает небольшой взнос в общую кассу — вот она, — Вожак указал на деревянную миску, на дне которой в самом деле блестели монеты. — каждый из нас сегодня вложил сюда по одному ану.

Орсо и Матео, не дожидаясь приглашения, опустили в миску по монете. Собрание одобрительно зашумело, кто-то дружески, не стесняясь силушки, шарахнул Орсо по плечу. Вожак продолжал:

— Второй пункт нашего устава гласит: мы остаёмся друг для друга просто товарищами

без фамилий и настоящих имён. Поэтому каждый, кто желает остаться в нашем кругу, избирает себе псевдоним. Хочешь ли ты остаться с нами и разделить нашу борьбу? — Вожак смотрел на Орсо дружелюбно и без следа угрозы, но воспитанник Ады вдруг ощутил бегущий по спине холодок. Он должен остаться. Что за компания, пока неясно, но собираются они явно не только вино хлестать! Раз уж он здесь — надо разузнать, что тут происходит на самом деле, — хотя бы для того, чтобы Матео не влип в одиночку...

— Хочу, — сказал Орсо и глянул в глаза вожаку. В ответном взгляде ему почудился вызов... или нет. Буйная фантазия и вино, случается, вместе порождают удивительные вещи.

— Как же нам звать тебя, о вновь пришедший брат?

Орсо не задумался ни на миг:

— Брат Гаэтано, если никто не возражает.

— За нашего нового брата! — провозгласил вожак, и компания разом осушила стаканы и кружки. Орсо невольно покосился на Матео: тот пил как ни в чём не бывало, и не заметно было, чтобы вино как-то на него действовало. Впрочем, это впечатление бывает обманчивым... Орсо мысленно укорил себя: напрасно он считает приятеля несмышлёным мальчишкой! Он уже взрослый и, во всяком случае, сам может решать, что ему пить и с кем. Юноша решительно отвернулся — и почему-то вспомнил вдруг Зандара: на миг увидел его, как тогда, в Ринзоре, в тени парковой ограды, в предрассветной мутной синеве.

Тем временем все «братья» тянулись через стол пожать руку новообретённому товарищу. Один за другим называли псевдонимы: брат Карло, брат Микеле, брат Эмилио... Вожак поднялся последним, подошёл к Орсо, стиснул его ладонь холодными сильными пальцами:

— Брат Мауро. Я создатель нашего маленького кружка, но здесь я лишь первый среди равных. Мы говорим о серьёзных предметах, но не стоит ради них забывать о пище телесной! — С этими словами брат Мауро подвинул к неوفиту блюдо с нарезанной бужениной, сам налил ему вина и вернулся на своё место. Постучав вилкой по бокалу, словно судья по колокольчику, он привлёк внимание своих молодых последователей:

— Мы знаем, насколько неукротим бывает внутренний огонь. Мы знаем, что давать ему волю бездумно — значит своими руками кинуть горящую головню на крышу дома. Но что же делать, когда огню нет никакого мирного выхода, а погасить его — хуже смерти?! — Брат Мауро, надо признать, был выдающимся артистом: его голос мог выражать тонкие оттенки чувств, и сейчас он всего тремя фразами словно провёл слушателей вверх по незримой лестнице — от беспокойства и сомнения через понимание неизбежности решения к высшей точке накала страсти, за которой или взрыв чувства, или разочарование. Но разочаровывать юных членов «интереснейшего общества» в его планы явно не входило!

Собрание замерло: Орсо видел, как побелели сжатые пальцы, как дрожат руки, беззвучно шевелятся губы, вновь повторяя тот же вопрос. Да, вожак не зря поил юнцов вином: выпивка и атмосфера таинственности сделали их податливыми к любому внушению, к любой брошенной идее... И сейчас оратор прекрасно воспользовался паузой:

— Что же нам остаётся, братья?! Только война!

— Война-а-а! — поддержал нестройный хор. Бокалы зазвенели о бокалы, со всем концов стола понеслись крики:

— Огонь войны!

— Битва — призвание храбреца!

— Чем мы хуже предков?!

— Именно! — взвыл брат Мауро. — Вы потомки древних воинов, всю жизнь проводивших в бою, а сейчас мы ведём унылую жизнь амбарных крыс! Только война не даст нашему пламени погаснуть без пользы. Оно не может творить новое, но только лишь война направляет его на разрушение ветхого, ненужного, прогнившего, отжившего! Только так!

Не может творить новое. Орсо будто бы нашарил иголку в стоге сена — нашарил и укололся. Перед глазами проплыли одно за другим словно выхваченные из тьмы лица. Ада. Отец. И почему-то Творец с образа в знакомом с детства храме.

Не может творить новое — значит воплощает тьму. Так гласило учение Творца, это вбито с детства, затвержено, как непонятная формула, наизусть, но теперь ничего не значившие слова наполнились живым, осязаемым смыслом.

Брат Мауро кричал ещё что-то, остальные одобрительно вопили в ответ, всё чаще поднимались бокалы, всё более нестройно звучали выкрики «братьев». Орсо глядел на «преинтереснейшее общество» словно со стороны и видел пьяных юнцов, которых одурманил и околдовал языкастый, обаятельный плут. Если не кто похуже.

Матео как-то загрузил, вертел в руках недопитый бокал, и в его нетрезвых глазах плавала вселенская печаль. В ответ на невысказанный вопрос друга Матео поднял бокал, глянул сквозь него на тусклую лампу под потолком и вздохнул:

— Но с кем же нам воевать? У нас ведь нет врагов...

Краем глаза Орсо заметил, что брат Мауро прислушивается или, скорее, присматривается к их разговору. Оно и понятно: новичок и тот, кто его привёл, не участвуют в общем веселье — это необычно...

Орсо налил другу вина, потом раздобыл себе чистый бокал и патетически произнёс:

— У нас всегда есть враги. Наши враги — это те, кто покушается на наше предназначение. Они лгут нам, заманивают нас в ловушки, где мы напрасно растрачиваем наши годы, соблазняют призраком успеха, независимости, славы — а это лишь западня для свободного духа... Теперь я понял, как описать то, что раньше только ощущалось... Вот кто наши враги. Вот с кем придётся воевать, упорно и беспощадно. Выпьем за битву, — и первым осушил до дна немаленький бокал. Матео послушно отпил из своего; кошачьи глаза брата Мауро, внимательно следившего за этой сценой, блеснули и погасли...

Орсо понял, что сегодня, возможно, нажил первого личного врага. Вожак увидел, что «брат Гаэтано» неглуп, нахален и вполне может составить ему конкуренцию — с ним одной болтовнёй не обойдёшься. Значит, в ближайшее же время последует приватный, более откровенный разговор с новоявленным «братом»: почти наверное у вожака есть круг приближённых, которые больше знают о его делах и помогают ему. И завлечь сообразительного новичка в этот круг — самый очевидный ход. Можно, конечно, и просто избавиться от него... но это зависит от размера ставок в игре, которую ведёт Мауро. Возможно, и он сам — лишь вербовщик дурачков, а из мелкой рыбёшки, которую он ловит, кто-то другой отбирает будущих зубастых щук...

Эти мысли Орсо не то чтобы удивили — ничего сложного в них не было, — скорее, его поразило, что он начал думать об этом кружке именно такими словами почти тотчас же, как его увидел. Переобщался с полковником Тоцци?..

Орсо отставил бокал, подошёл к брату Мауро и негромко сказал:

— Пожалуй, моего друга пора проводить домой — отпускать его одного в мороз я опасюсь... Я рад знакомству... хотя и не знаю, кто на самом деле мои новые братья, но догадываюсь, что это отпрыски благородных семейств?

Вожак кивнул:

— Верно. Это наше будущее — те, на кого будет опираться королевская власть...

Власть опирается на золото и штыки, подумал про себя Орсо. Мысль была внезапная, злая и какая-то чужая, хотя и казалась верной. Вслух, понятно дело, воспитанник приёмной дочери короля её отнюдь не высказал — вместо этого он любезно раскланялся с «братьями», помог Матео одеться, вывел его в метельную темноту и, едва за ними захлопнулась дверь, сгрёб ладонью горсть снега и решительно размазал её по лицу друга. Матео замотал головой, зафыркал, вытаращил глаза, но шататься перестал — словно проснулся:

— Ох... я что, напился?

— Да, если без церемоний, это так и называется, — покачал головой Орсо, подавая ему платок. — Вытри воду, а то поморозишься. Держись за меня и идём!

— Куда?.. — пробормотал «брат Лукано», покорно шагая следом за Орсо.

— Ловить извозчика, куда же ещё. Поедем к нам — домой тебе в таком виде являться не стоит!

— Да уж, это верно... Но постой, а госпожа Ада не...

— Об этом не беспокойся. И вообще это не твоя забота — думать сегодня буду я.

Ада не выразила не то что недовольства — даже удивления, за два часа до полуночи увидев на пороге совершенно замёрзшего воспитанника с приятелем, которого приходилось тащить на плече:

— Вам сегодня повезло, молодые люди: я сварила компот из лимонов с корицей. Он ещё горячий, и для вас это в самый раз. Коринна, милая, — крикнула женщина, обернувшись в дом, — постели на софе в гостиной! И разожги камин!

Над кружкой компота Матео снова немного взбодрился и виновато сказал:

— Зря я потащил тебя туда. Испортил тебе вечер...

— О нет, не зря, — возразил Орсо и сам удивился, какие зловещие, в стиле Ады, нотки прорезались в его голосе. — Без тебя я не узнал бы об этом гнезде порока! — И уже обычным своим голосом добавил:

— В самом деле, я рад, что ты мне их показал. Правда, теперь ты можешь быть в опасности из-за меня...

— Поч-чему?.. — сонно удивился Матео.

— Давай завтра поговорим об этом, хорошо? Мне надо всё обдумать, а хочется не думать, а спать...

И ещё хочется побеседовать обо всём этом с Адой и полковником, мысленно признался себе Орсо. Если и дальше придётся играть в эти игры, неплохо бы для начала узнать их правила!

К том уже у него осталось чувство, будто он услышал сегодня нечто очень важное, но не смог понять, что именно.

Часть 13, где рассматривают карту и говорят о семейных делах

Начинание воспитанника Ада не критиковала, хотя и предупредила сразу: шансы узнать что-нибудь стоящее через «брата Мауро» невелики. Может ведь оказаться, что этот след никуда не ведёт. Орсо не стал спорить, хотя связь «интереснейшего» кружка и таинственных недругов Ады казалась ему очевидной...

Матео заработал от матушки невообразимый нагоняй за «разврат и гульбу», зато следующим вечером Орсо неожиданно получил письмо от Розы Каленти. Она благодарила «дорогого кузена» за заботу о Матео, который, как ей точно известно, попал в весьма опасную переделку и выпутался из неё лишь благодаря умному и решительному другу. Орсо прочёл письмо с удивлением. Матео, несмотря на крутой нрав матушки, нашёл, очевидно, возможность увидеться с Розеттой и изложить ей какую-то авантюрную историю с его, Орсо, участием. Хотелось бы знать, имел ли его рассказ хоть что-либо общее с действительностью? И зачем ему вообще всё это понадобилось?..

Ада тоже в эти дни получила странное послание — впрочем, большинство приходящих ей писем вполне заслуживали называться странными. Вскрыла она конверт при воспитаннике, и он вместе с опекушкой вдохнул странный чужой запах, исходивший от бумаг, и ощутил на руках тонкую жёлто-охряную пыль, которой были покрыты листы в конверте. Там лежала свёрнутая во много раз карта, вычерченная не очень умелой рукой на тончайшей, полупрозрачной бумаге. Что она изображала, Орсо без подсказки понять не смог: какие-то скопления точек, заштрихованные области, линии, соединяющие точки друг с другом, обведённые пунктиром фигуры разнообразных форм... О том, что это карта, говорила лишь координатная сетка, как на обычных географических картах.

— Это известные нам звёздные острова, — объяснила Ада в ответ на изумлённый взгляд молодого человека. — Вот тут отмечены звёзды, где бывали наши враги; вот здесь — области, где с ними ведут открытую войну, а это — системы, о которых известно очень мало, а значит, велик шанс наткнуться там на крепости или базы противника...

— Но кто он, этот противник? — задал Орсо давно занимавший его вопрос. — Какие у него силы? Что это вообще за враг, который с такой лёгкостью шагает по звёздам? И что ему от нас нужно, при таком-то могуществе?

Ада расстелила карту на столике в гостиной, перед жарко горящим камином, закуталась в необъятную пуховую шаль, опустилась в любимое кресло и начала теревить бахрому покрывала:

— Ему нужно всюду, куда он дотянется, установить свои порядки. Помнишь, мы говорили, почему наша страна опасна для врагов?

— Потому что тех, кто занят производством, очень много и они могут составить политическую силу? Так?

— Так, — кивнула женщина, пропуская между пальцами шёлковые нити бахромы. — Те, кто производит, и те, кто покупает их труд, живут разной жизнью, в разных условиях, но они связаны друг с другом и, пока всё это не переменится, одни не могут существовать без других. Но есть и те, кому поперёк горла само это их существование. Они понимают только один порядок: господин и пресмыкающийся перед ним раб. А те, кто работает на заводах и в шахтах, строит и даже воюет, рабами не являются. Как бы бедно они ни жили, они продают

свой труд, а не принадлежат хозяину, как полезное имущество.

Ада поднялась из кресла и захромала по гостиной, хлопая по ладони конвертом от письма.

— Ты, вероятно, знаешь, почему аристократия ненавидит богатых промышленников и торговцев?

Орсо кивнул:

— «Жирная трава без корней» — старое ругательство...

— Да, корни у нынешних богачей обычно уходят неглубоко, — кивнула женщина. — У многих деда, отцы, а то и они сами начинали зарабатывать, торгуя вразнос пирожками или разгружая баржи в порту. Очень немногие из них имели готовый начальный капитал... Пройдёт пятьдесят-сто лет — и у купеческих и промышленных фамилий тоже отрастут корни, но пока дворянам, которые не умеют или брезгуют богатеть таким путём, остаётся гордиться родословными — больше-то нечем...

— Но есть ведь и очень богатые дворянские роды! — заметил Орсо.

— Есть, — согласилась опекунша, снова уселась в кресло и начала в задумчивости расплетать толстую косу. — Чаще всего их состояния выросли на грабеже, а кого и что грабить: заморские колонии, государственную казну или население собственной страны — не так уж важно. Грабёж, воровство, взятки, женитьба на богатых наследницах — вот истоки этих состояний. — Ада отбросила за спину волну тёмных волос и недобро усмехнулась:

— А проще и удобнее всего грабить рабов.

Теперь уже Орсо мерил шагами гостиную, пытаясь уложить в голове все эти премудрости:

— Аристократия — за войну? Не могу поверить...

— Отчего же? Аристократы — военное сословие, смысл их жизни — война в защиту своих земель, полученных от сюзерена, и грабёж соседей. Вспомни любимые развлечения дворян — охота и турниры. Воинские занятия.

— Но сейчас ведь... другие времена... — Орсо попытался представить отца в рыцарской броне во главе отряда... кого?

— Да, такие, как твоя семья, — порождение более поздней эпохи, — Ада угадала его мысли. — Вы не воины — вы рантье. Владаете землёй, но никогда не имели в собственности людей, живущих на ней. Источник ваших доходов — арендаторы, а это уже весьма далеко от милой сердцу старой аристократии картины «раб и господин»! Те, кто трудится на вашей земле, так же точно продают свой труд, как рабочие на фабрике.

Орсо потряс головой не хуже Пороха:

— Но какая связь между этими дворянскими бреднями и войной?!

Ада вздохнула:

— Понимаешь, всё завязано на способ ведения хозяйства. В нашем случае — хозяйства страны. Война заставит заводы работать на износ и одновременно потребует призвать в армию людей, которые раньше трудились на них. Значит, у станков их заменят женщины и дети. И крестьян, которые будут вынуждены кормить армию, тоже станет меньше — они ведь попадают под мобилизацию. Значит, и здесь вместо мужчин пахать и ловить рыбу будут женщины и дети. Кончится тем, — женщина пошевелила кочергой угли в камине, — что государство или победит ценой полного падения производства... или проиграет с тем же исходом. Полумёртвая от голода, обезлюдевшая, нищая страна. При любом раскладе Андзола в проигрыше. Вот тут-то и явятся те, кто считает себя хозяевами мира: предложат дары —

весьма соблазнительные, плохого не держат! — в обмен на признание за ними верховной власти. Жизнь сытого раба, всегда готового лизать сапог господина, — думаешь, не найдётся те, кому это бальзамом на сердце ляжет? Эти-то, приносящие дары, и станут господами, а вся страна — толпой рабов, отличных друг от друга только количеством хозяев, стоящих выше.

Ада помолчала, потом словно нехотя добавила:

— И это — одна из самых мощных стран мира! Айсизи уже далеко не так сильна, а остальные... Остальные уступают Андзоле по населению, по развитию производства, по природным богатствам или по другим меркам... Они тем более не устоят. А наша здешняя аристократия с немалым удовольствием поможет захлопнуть эту ловушку!

— Но... почему? — тихо спросил Орсо.

— Потому что рассчитывают занять при новом порядке местечко повыше, следовательно, поближе к господам, — пожалала плечами Ада. — Наивная мечта! Как и все их мечты, впрочем...

— Значит, — юноша думал вслух, и опекунша не прерывала его, — часть наших дворян поддержат войну? Тогда выходит, что брат Мауро может... ну, то есть... — Ада молчала, не желая сбивать воспитанника с мысли.

— То есть он не ждёт, что все эти братья непременно будут воевать — они же сопляки, кто их пустит... но из них готовят будущих господ? Сословие властителей? Так, что ли?!

Ада посмотрела на него с гордостью и ноткой печали:

— Да, мой дорогой, примерно так. Не в первый и, боюсь, не в последний раз. А теперь подумай, много ли жителей Андзолы поймут это заранее, до того, как начнётся всё это безумие. Да и когда начнётся — этого бывает мало для понимания... — Ада подняла глаза к темнеющему окну и тихо произнесла, словно прочла на оконном переплёте:

*Ваши владыки, что падки до славы,
Смеют указывать скиптром своим,
Чтобы умножить триумф свой кровавый,
Новые жертвы, потребные им...*

— Но... — Орсо заметался по комнате, — но почему вы не расскажете всё это? Всем? Можно же написать в газете, в конце концов...

Женщина вновь устроилась в кресле, вытянула ноги к огню и сложила руки на груди; отражая свет углей, кровавой каплей блеснул гранат колечка.

— Мы уже пытались так делать. По наивности — только, умоляю, не принимай на свой счёт! — я сначала тоже верила, что стоит только всё рассказать — и люди сами поймут, что и как делать... К сожалению, есть много «но». Ты веришь мне, потому что мне доверял твой отец и сам ты уже успел на своём опыте проверить, что мои слова хотя бы отчасти правда. Его величество верит мне, потому что никогда не спорит с королевой Марией, а она верит, потому что я смогла показать ей свидетельства давнего большого заговора — те, что помог найти твой отец. Зандар верит, потому что сам встретился с врагами и только потом узнал, что это за враги... А как мне убедить миллионы других людей? Жизни, даже моей, не хватит, чтобы дать каждому его личный, особенный опыт, который заставит его задуматься и поверить!

Ада резко подняла на ноги, тяжело опираясь на подлокотники кресла, встала перед огнём и теперь говорила как будто с играющим на поленьях пламенем, а не с воспитанником:

— С таким врагом, как наш нынешний, должны бороться не рыцари-одиночки, а организованные всеобщие силы — армии, партии, страны, миры... Чтобы это случилось, общество должно знать о природе, корнях этого врага, об опасности, которую он несёт, и о путях борьбы. А этот опыт нельзя пересказать. Его либо получают на своей шкуре — и, как всякая подобная наука, он может быть смертельно опасен, — либо перенимают у другого общества, прошедшего этим путём. Перенимают, сливаясь с ними, образуя новое общество, наследующее всем свои предшественникам...

Отдавшись мыслям, Ада, казалось, вовсе забыла о собеседнике и словно продолжала какой-то давний спор, не связанный ни с Орсо, ни вообще с делами этого мира:

— Сколько раз пытались «пересадить прогресс на новую почву»! Сколько потратили сил, сколько угробили достойных людей... Как можно пытаться вертеть колесо истории, не понимая, на чём оно крутится?! Чего же теперь удивляться, что вместо светозарной армии добра по вселенной катится колесница разрушения! И кончится тем, что кто-нибудь опять потребует «последней милости»... мерзавцы...

Юноша почти перестал понимать её, тем более что в её взволнованной речи всё чаще проскальзывали неведомые ему слова. Звучали они вроде бы знакомо, но уловить их смысл не удавалось.

Ада внезапно замолчала, прошлась туда-сюда по гостиной, сцепив руки, потом обернулась к воспитаннику:

— Говоря упрощённо, здесь, у нас, ещё не хватит знаний, чтобы понять весь размах беды. А требовать слепой веры я не стану и никому не советую: это любимый приём наших врагов. Так что, если уж быть честной до конца, мой дорогой воспитанник, я могу действовать здесь только от лица своей небольшой семьи — не Их величеств, а моих родных. Мы, если можно так сказать, наследственные борцы с нашим давним врагом, выискиваем его по всем мирам и преследуем, где можем. А он преследует нас. Причём враг начал раньше, так что вопрос о праве на самозащиту здесь даже не обсуждается. Это вам на всякий случай, если какая-нибудь гнида попытается тебя упрекнуть...

Словно вдруг разом устав, Ада тяжело опустилась в кресло:

— Конечно, мы не всегда действуем как одиночки. Мы — часть большой силы, но сила эта то появляется, то исчезает, смотря по тому, какими путями идёт история. Вот эта карта, — она погладила разложенный на столике невесомый лист, — составлена, точнее, обновлена женой моего мужа. Для меня это не просто полезный инструмент — это привет от подруги, с которой мы давно не встречались и не знаю, как увидимся...

— Как... женой... мужа? — растерялся Орсо.

— А что такого? Нас у него много, — серьёзно сказала Ада; в голосе её послышалась очень давняя и глубокая печаль, истоков которой Орсо неоткуда было знать.

— А... где же он сам? — он наконец справился со словами, которые по обыкновению куда-то разбежались.

— Он всюду со мной, — тихо сказала Ада, и это тоже было эхом каких-то давних, запредельных и чужих скорбей.

Орсо замолчал — он винил себя, что навёл Аду на эти ранящие мысли; в молчании обдумывая всё, что она сказала, юноша вдруг споткнулся о слово, которое должно было сразу привлечь его внимание, а он, глупец!..

— Вы сказали: это дело семьи? — произнёс он осторожно.

— Да, можно считать так.

— Но... тогда... простите, если я много на себя беру, но... вы сказали Зандару, что я ваш приёмный сын, и...

— Да, всё верно, — женщина посмотрела ему в глаза и неожиданно ласково улыбнулась, — ты теперь часть нашей семьи. У тебя есть братья и сёстры, да ещё несколько приёмных матерей вдобавок. Если будет с нами удача — со всеми встретишься... правда, не могу обещать, что скоро.

— И мой отец... ведь он знал, что... так будет?

— Он этого хотел, — просто ответила Ада. — Ему была невыносима мысль, что ты останешься один в мире, где многое зависит от семейных связей. Конечно, тут есть и порядочно обязательств, но и преимуществ немало. Они тебе скоро понадобятся, чувствует моё сердце...

Ада вышла, а её воспитанник ещё долго сидел в любимом кресле опекуны, пытаясь привести мысли в порядок. Семья Ады выступала из темноты как некая сложная система, для которой привычное дело и звёздные карты, и мировые войны, и какие-то почти надмировые исторические события... А теперь он часть этой системы, и придётся на ходу постигать эти хитросплетения, потому что времени совсем не остаётся. Что он знает? Немного истории, немного географии — и всё! Орсо на минуту стало страшно. А что если он не справится? Воспитанник ещё может пренебречь делами опекуна — меня, мол, так воспитали, я ни при чём. Но сын — тут Ада права! — обретает и обязанности перед матерью и её семьёй.

От этих мыслей закружилась голова. Посмотреть бы на эти звёзды, на невообразимые дали мира! Говорят же в церкви, что Творец дал звёздам воплощаться в людях и что это великий дар... интересно, бывает ли наоборот?.. Орсо решительно поднялся из кресла: сомнения в своих силах не совсем покинули его, но появилось чувство, что даже сейчас своими несложными делами он вкладывается в тот самый надмировой процесс, о котором смутно за недостатком слов говорила Ада. Нет, операция против «брата Мауро» должна быть доведена до конца! Не только Ада и её семья — эти «братья» тоже часть какой-то надмировой силы. И битва с ними — не глупость, не ерунда, их нужно поразить, пока они не разорвали на части Андзолу.

Потерев щёки ладонями (это всегда бодрило, даже на скучных лекциях), наследник рода Травенари и не только его одного отправился к себе наверх: враг у него, похоже, посерьёзнее, чем ожидалось, недооценивать его нельзя. Смутные мысли о том, что и как можно сделать с «братом Мауро», уже созревали в его голове, но им требовался некоторый корм. Орсо открыл привезённый из отцовского дома большущий справочник «Вся столица» за позапрошлый год, полистал и раскрыл в том месте, куда до этого заглядывал нечасто. Список аристократических семей столицы и окрестностей с адресами особняков и пригородных поместий. Как вы, дорогие братцы, ни прячьтесь за псевдонимами, вычислить вас несложно...

Часть 14, где приходится молчать и кидаться столами

Разговор с полковником дал довольно много. Из него Орсо понял, что Тоцци не рвётся давать ему советы, как жить, куда влезать, а куда не соваться, но если молодой человек ясно понимает, что хочет сделать, он, Тоцци, готов помочь в конкретных вопросах. Орсо уточнил, чего хочет добиться, и в ответ узнал несколько мелких тактических ходов и уловок, которые позволят в случае чего провести разговор с «братом Мауро», а если придётся — то и с более мелкой сошкой, которую он может послать вместо себя. Впрочем, с мелкой сошкой полковник предложил разговаривать сразу на языке шпаг, чтобы неповадно было...

Долго ждать не пришлось. На очередной прогулке с Порохом в парке почти под ноги коню выскочил оборванец и, нахально схватившись за стремя, бесцеремонно глянул в лицо всаднику:

— Господин желают увидеться. Сегодня после полудня в...

— Пошё-ол! — Орсо, не дослушав, ударил Пороха пятками в бока, умница-конь скакнул вперёд, бродягу опрокинуло в сугроб. Юноша перегнулся с седла и погрозил упавшему кулаком. — Наглый попрошайка, благодари Творца, что я не ношу плеть! Ещё раз увижу твою паскудную рожу — велю пересчитать зубы, чтобы лишних не оставалось!

Порох рванулся в пепельную утреннюю метель, оставив подсыла валяться в глубоком пушистом снегу, из которого не вдруг выберешься. А Орсо приготовился к новостям.

В тот же день с почтой ему пришло письмо от некоего Маурицио Сеската, библиофила и собирателя редких книг. В письме содержался вопрос, нет ли в коллекции Гаэтано Травенари, о безвременной кончине которого уже известно всем любителям раритетов, списка «Поучений Славы», сделанного ранее 1600 года. А из развёрнутого письма выпала совсем маленькая записка: «Любезному брату Гаэтано — привет и приглашение распить согревающего». Время встречи в записке не указано — значит, ждут, что Орсо назначит его сам. Что ж, погреемся! Молодой человек спрятал записку в тетрадь по геометрии и отправил любителю редкостей сообщение, что если он в столице, то может ознакомиться со списком завтра в два часа пополудни в кофейне «Весёлая треска».

Дальше начинался простор для фантазии: как и что делать, Орсо понятия не имел, но раз брат Мауро знает, кто он и где живёт (и даже где прогуливает коня), за домом легко и просто могут следить. Поэтому к полковнику за советом, как собирался, он не поехал, а отправился в Музей древностей, где около часа изучал остов шлюпа «Задира», поднятого со дна гавани Ринзоры, по дороге домой заглянул к знакомому букинисту, в цветочной лавке купил букетик зимних лилий и отослал его Джулии, а уже в темноте, когда метель разыгралась по-настоящему, вернулся домой через соседский двор. Обнаружить хорошую слежку он, конечно, не надеялся, но не удержался от желания подразнить возможных наблюдателей.

Держать всю эту историю в тайне от Ады было, конечно, незачем, да и невозможно. Она выслушала, не делая никаких замечаний, и только спросила:

— А почему, собственно, «Весёлая треска»?

— Мы там частенько грелись после уроков, когда я ещё учился, — объяснил Орсо, с удовольствием налегая на свиные рулетки с базиликом. — Хозяин, думаю, меня ещё не забыл, да и с Матео мы туда недавно заглядывали...

— Думаешь, хозяин, если что...

— Может быть, — пожал плечами Орсо, — а нет — и не надо. Я не верю, чтобы эта компания решилась напасть. — И снова почувствовал, как ему зябко лезть в эту авантюру без Зандара...

В тесной и тёплой, пропитанной кофейными ароматами «Весёлой треске» на душе стало чуть спокойнее. Привычное место школярских пирушек, временами несколько буйных, но совершенно невинных, знакомые девушки-официантки, а главное — два чёрных выхода, которые раньше никогда не подводили не в меру разыгравшихся школяров, если какой-нибудь излишне чопорный посетитель вызывал полицию...

Главенствовал в кофейне, как и прежде, господин Меркатта — высокий, длиннорукий, с тихим голосом и вежливыми манерами, непревзойдённый мастер варить все четыре традиционных вида кофе. На примере соучеников Орсо знал, что молодые люди за год-два меняются разительно, — а вот хозяин кофейни не изменился ни в малейшей степени. Оставалось надеяться, что он узнает бывшего завсегдатая... Орсо прошёл к стойке, свободно, как завсегдатай, поприветствовал хозяина и по его лицу понял: его помнят.

— Я ожидаю друга... возможно, он будет не один, — тихо сказал Орсо самым невинным тоном. — Мои друзья не местные, из провинции, и могут по незнанию допустить какую-нибудь неловкость... ну, вы понимаете...

— Я понимаю, — прошелестел господин Меркатта, и в его печальных чёрных глазах мелькнуло волнение. — Осмелюсь предложить вам вон тот столик, под картинами. Там, конечно, немного сквозит из двери на кухню...

— О, я не боюсь сквозняков! — рассмеялся Орсо и положил на стойку два ана. — Будьте любезны, мне порцию шоколадного, как мы заказывали обычно, а моим друзьям... или другу, если он будет один... чашечку чёрного и мёд.

Хозяин неторопливо кивнул, обернувшись в сторону кухни, махнул рукой, показал два пальца, потом один и будто что-то размешал в воздухе. В полумраке кухни было видно, как кухарки метнулись к огромной пышущей жаром плите.

Стёкла в окнах кофейни чуть дрогнули от раскатистого звона башенных часов на площади — пробило два; в ту же минуту брат Мауро, закутанный в шарф до носа, но вполне узнаваемый, толкнул тяжёлую резную дверь. Орсо привстал на стуле и махнул ему рукой.

Сегодня брат Мауро не выглядел ни загадочно, ни мрачно — одет как небогатый адвокат или мелкий торговец, глаза не мечут молнии, вид несколько не богемный. Орсо постарался запомнить его и таким — кто знает, когда и как придётся увидеться снова. В «интереснейшем обществе» после нынешней встречи ему уже не бывать, это ясно...

— Я ждал вас, — сказал молодой человек с ударением на глаголе.

— Дела, дела, — вздохнул брат Мауро, устраиваясь на стуле. — Вы уже заказали?

— Да, и на вас тоже, если позволите. Вы пьёте чёрный?

— Я пью всё. Вы очень любезны.

— Стараюсь, — усмехнулся Орсо, не желая и дальше барахтаться в учтивых словесах. — Я могу надеяться, что вы расскажете мне несколько больше, чем я знал до сих пор? Для этого, полагаю, нет необходимости встречаться вечерами на задворках?

— Я сразу понял, — медленно произнёс брат Мауро, — что в нашем клубе вам будет... скучновато. У вас другой опыт, другие интересы...

— И опекунша Ада Анлих, — закончил Орсо. — Это кое-что меняет. А вот что именно, мне крайне любопытно узнать!

Девушка в белоснежном переднике бесшумно появилась за плечом брата Мауро (Орсо отметил, что тот не вздрогнул, как всякий нормальный человек, и даже не покосился в её сторону) и аккуратно поставила на столик поднос с двумя чашками, крошечной розеткой с мёдом и двумя коржиками на блюде. Орсо глянул на коржики, потом встретился взглядом с девушкой, и она чуть заметно кивнула на стойку.

— Спасибо, милая, — Орсо на правах хозяина положил на краешек стола монетку в пол-ана, и она тут же исчезла в белой ладошке официантки. Когда девушка отошла, брат Мауро придвинулся к столу:

— В своей застольной речи я не врал ни словом, хотя, конечно, говорил не всё... В такой обстановке, думаю, это объяснимо.

Орсо кивнул с видом искреннего внимания.

— Мне не хотелось заранее пугать молодых увлечённых людей лишними сложностями, нагружать их идеями, для понимания которых нужно нечто большее, чем воспитанию в хорошей семье... — Брат Мауро осторожно отпил из чашки, надломил коржик и словно забыл о нём. На его лице застыло такое выражение, словно он тщательно подбирал каждое слово. Возможно, так и было!

— Перед нами — действительно война, — продолжал он, — но размах и цель этой войны пока ясны не всем. Необходимость войны диктуют условия, в которых мы живём, и те, в чьих руках находится весь мир, прекрасно это осознают. Это в их интересах. Сбросить общественное напряжение, отправить на передовую тех, кто слишком много думает о вещах, для него не предназначенных, создать некоторый недостаток рабочих рук...

— Лишить перспектив и свободы реального выбора... — задумчиво добавил Орсо.

— Да, — просто кивнул его собеседник. — Я ведь говорю, что ни словом тогда не соврал. Разрешать неизбежно накапливающиеся кризисы современный мир умеет лишь одним способом — войной. Как истеричная дамочка — истерикой.

Орсо кивнул. В этих объяснениях он ощутил те же самые основы, о которых говорила Ада. Та же логика, те же исходные представления. А это тревожно! Этому ещё не учат в университетах, об этом не пишут книги, Ада принесла это знание с собой из отдалённых миров, но откуда его взял этот жуликоватый «брат»? Молчи и слушай, как неофит, приказал себе Орсо. Если он поймёт, что для тебя это не в новинку, он просто уйдёт — и это в лучшем случае!

— Нам навязывают войну — значит, мы будем воевать! — в голосе и манерах брата Мауро вновь проявились те же нотки, что и тогда, в захолустном трактире. — Но цели наши — другие. Не пожертвовать собой во имя спокойствия тех, кто посылает нас в бой, а расправиться с ними, сломать то порочное, бесчеловечное устройство мира, которое с неизбежностью приводит к новым и новым войнам. Вернуть себе то, что должно принадлежать нам по праву: власть над нашей собственной судьбой, над нашим наследием, наши права, наконец!..

Молчи, молчи, неофит, убеждал себя Орсо, наступая сам себе на ногу. Молчи и не подавай знака, что ты уже слышал всю эту агитацию совсем с другой точки зрения! Задай какой-нибудь вопрос, но так, чтобы он не выдавал твоих знаний!

— Иными словами, — сказал он вслух спокойным тоном, — это война за восстановление прав... кого? Дворянства?

— Аристократии высшей пробы, — тихо пояснил брат Мауро. — Истинно благородных людей чистой крови, чистых помыслов, чистых стремлений...

— Ну, про стремления благородных мне можно не рассказывать, — усмехнулся Орсо, мысленно представляя себе тётушку Фуччию. — Вино, проститутки, карты и где бы занять денег — вот и все их высокие цели.

— А что им делать? — вздохнул аристократический трибун. — У них отняли всё, что составляло основу их прав: политическую власть, богатство, влияние... Всем распоряжаются толстосумы, монета — ключ ко всем дверям, и последний холоп, если у него достанет наглости и хитрости, может скопить денег и подняться из грязи в так называемое высшее общество — общество таких же, как он сам, воров и спекулянтов!

— Я не вижу здесь нарушения ни справедливости, ни логики, — пожал плечами Орсо и допил остывающий кофе. — Кто смел — то и съел, этот принцип вечен. К тому же мне нет места среди этой самой высшей пробы — мы не особенно родовиты, а у меня маловато шансов заключить равный брак... Богатая невеста — это чаще всего неродовитая дочка купца или банкира, и тут приходится выбирать, какой позор предпочтительнее — поступиться благородством крови и жить в относительном достатке или выбрать себе ровню по происхождению и нищенствовать, надеясь на подачки более успешных родственников. То и другое омерзительно! — здесь юноше даже не потребовалось особенно лукавить.

— Среди истинных аристократов не принято особенно считаться родословными, — улыбнулся брат Мауро. — Вы нашего круга по духу, это достаточно. А родовитость... знали бы вы, сколько генеалогий утеряно в смутные времена!

Орсо заглотив этот толстый намёк, как положено неофиту, и задал новый вопрос, вполне логичный в этом положении:

— Вы говорите «вернуть утраченное». Но как получилось, что всё это в самом деле было утрачено?

— С властью, — таинственно прошептал брат Мауро, — надо обращаться осторожно. Никакая власть не может быть вечна, если её не беречь. А старая аристократия уверилась в несокрушимости своей власти и, как вы верно заметили, предалась мелкому разврату — особенно оскорбительна именно его мелочность. Стидливые нарушения простейших традиций и законов человеческого общества выдаются за истинную свободу духа. Как будто адюльтер графа чем-то отличается по природе от адюльтера судейской крысы! Показное мелочное превосходство и беспечность — вот что нас погубило. Но мы не повторим этих ошибок! Горький опыт двух последних столетий послужит нам уроком.

— Это обнадеживает, — задумчиво произнёс Орсо, — особенно когда это говорите вы. Но среди братьев я всё же чувствую себя довольно неудобно... Я ведь догадался, из каких они фамилий — в нашем кругу трудно не узнать друг друга, а я... к тому же госпожа Анлих простолюдинка...

— Да, ваше положение сложно, — вождь аристократии сочувственно покачал головой. — Но мы не бросаем своих. Дуб Травенари ещё отнюдь не засох и способен дать новые сильные ростки, я убеждён в этом.

Орсо понял, что выбрал в целом верный тон: собеседник считает, что нашёл у него слабое место, и немедленно предложил бальзам на душевную рану по сходной цене. Вот только Аду он что-то слишком уж легко списал со счетов... или просто не знает, какие отношения связывают воспитанника и опекуницу. Если он всё мерит своей меркой, это вполне объяснимо: потомку дворянского рода, хоть и обедневшего, невместно близко сходиться с неродовитой иностранкой, пусть и приёмной дочерью короля. Королевские

причуды — дело особое, но этот клещ уверен, что узы дворянского братства и обещание вернуть роду былой блеск (предположим, что он был) окажутся крепче, чем навязанная чужой волей связь с нелепой престолюдинкой.

Когда на ум пришло слово «связь», Орсо невольно покраснел. Наверняка по этому поводу в узких кругах уже ходят разные слухи, и чем дальше эти «круги» от придворных, тем жирнее должны быть сплетни. На глазах у короля за такое можно и ссылку схлопотать — когда он возвращается в реальный мир, нрав у него по-прежнему тяжёлый...

— Я понимаю вас, — медленно сказал молодой человек, — но меня тревожит одно соображение. Будет ли такой поворот событий прогрессивен?

— Вы заботитесь о прогрессе? — кажется, брат Мауро в самом деле сильно удивился.

— Приходится думать и об этом, если не хочешь пропасть в современном мире, — пожал плечами Орсо. — Если ты не займёшься прогрессом, прогресс займётся тобой и разрешения не спросит. Иными словами, этот шаг, — он посмотрел в лицо собеседнику, — должен принести очевидные выгоды достаточно большому числу людей. Если это возможно...

— Вы помните мою речь тогда, в таверне? Звучало несколько патетически, конечно, но это единственное оружие против скепсиса молодых, сами понимаете... Так вот, я вновь повторяю: я не лукавил, говоря, что огонь живёт в каждом человеке. В каждом. И нынешняя наша жизнь старательно гасит его в каждом, будь он дворянин или грузчик. Не выделяйся, не думай, не мечтай, будь как все, и тогда тебя, возможно, пощадят. В прошлом этот огонь горел не в пример ярче! Даже крестьянские восстания — дело, между нами говоря, бесполезное, — были проявлениями огня.

Орсо прикусил язык, чтобы не спросить: а нынешние забастовки рабочих — это не от огня? Молчи, молчи, почти уже купленный неофит, молчи и дай ему выболтать всё, что он для тебя приготовил!

— В истории я, честно говоря, не силён, — сказал он вслух, — какие там восстания, не очень помню. Но я вам верю. Те времена, о которых мы говорим, сегодня многие вспоминают как золотой век...

— Именно! Именно золотой, — кивнул брат Мауро. — Эта память дорогого стоит. И так?..

— Теперь мне намного понятнее. Я вам благодарен... — начал Орсо, и тут в нём прорвалось горячее, буйное бешенство, которое, оказывается, всё больше разгоралось внутри по мере того, как двуличный «брат» нёс свою тщательно сочинённую ложь. Он едва не вскочил на ноги, но совладать с языком уже не смог.

— Я благодарен вам за откровенность — вы неплохо всё подготовили... кроме одного. В попытке вернуть прежнее насилие на место нынешнего поддержки масс вам не видать.

Словечко «массы», услышанное от Ады, он ввернул нарочно, чтобы у Мауро не осталось сомнений: он знает, о чём говорит. Он чувствовал, что у него горит лицо, руки тряслись, он был готов ко всему, даже к нападению. Но «брат» заговорил совершенно спокойно:

— Что ж, тогда... — он пожал плечами и вдруг с быстротой змеи выбросил вперёд левую руку, до тех пор прятавшуюся под столом. Орсо едва не усыпил его обыденный тон, но боевое безумие ещё делало своё дело — нервы были напряжены и тело опередило разум. Он толкнул на противника стол, рывком поднялся, бросил следом лёгкий стул, чтобы освободить себе дорогу, и бросился за дверь, из которой, как и обещал хозяин, тянуло сквознячком, приправленным запахами кофе и специй. Пролетев через дымную кухню, Орсо

оказался на заднем дворе кофейни, где мало что изменилось с буйных школьных лет, привычно прыгнул через низенький заборчик в сугроб, выбрался из него и оказался в проулке между трактирами и гостиницами, которых тут было множество. За ближайшим углом был узкий лаз на проезжую улицу — этим путём школяры тоже пользовались нередко. Холод напомнил о себе разгорячённому телу, Орсо понял, что забыл в кофейне плащ. Бес с ним, не так уж холодно!

Он буквально бросился под колёса первому же проезжавшему извозчику, тот на удачу оказался свободен.

— Звериная! — крикнул Орсо и поскорее захлопнул дверь.

За время дороги он всё же порядком замёрз, однако Ада и тут словно бы заранее знала, что так случится. В руках у воспитанника, едва он переступил порог, оказалась кружка с горячим какао, а опекунша придирчиво осматривала его:

— Не подрались... я надеюсь?

— Не успели, — криво усмехнулся Орсо и только тут понял, что, повернись дело по-другому, он был хладнокровно убил этого паскудного «брата». И пусть бы потом разбирались полиция и суд — всё это не остановило бы его руку и, главное, голову.

Хорошо, что не убил, подумал Орсо, но вслух не сказал ни слова, только кивком поблагодарил за какао.

Часть 15, где происходят романтическое похищение и прозаическая смерть

Нападение устроили рано утром в парке — это было, пожалуй, единственное место, где появление Орсо, да ещё в одиночку, можно было предсказать почти наверняка. Выстрел над самым ухом Пороха напугал коня — он не был привычен к такому обращению, встал на дыбы и метнулся в сугроб. Всадник чудом удержался в седле — только для того, чтобы метко брошенный аркан сдёрнул его на землю, всё в тот же сугроб; сверху тут же навалились трое тяжёлых противников, не давая пошевелиться. Снег забивал глаза и мешал рассмотреть, кто напал и сколько их на самом деле. Отчаянно извиваясь и кусаясь, Орсо почти освободил левую руку, что позволяло дотянуться до пистолета, — но оружия на месте уже не было, зато резкий удар по голове сзади совершенно лишил сил. Он не потерял сознания, но не мог пошевелиться и, как в тумане, смутно соображал только, что его крепко связали, куда-то потащили и погрузили, словно тюк, в просторный и холодный экипаж. Колымага долго тряслась по нечищенной дороге, каждый толчок отзывался тошнотой и головокружением.

В конце концов жертве нападения, видимо, удалось задремать или отключиться — переход к следующему месту действия случился неожиданно, как в театре. В очередной раз без всякого удовольствия открыв глаза, Орсо обнаружил себя в пыльной, неприбранной комнате, которую украшало множество сломанной мебели, частью, несомненно, антикварной. Диваны с распоротыми подушками, козетки без ножек, продранные колченогие кресла, кривые трюмо со слепыми рамами на месте зеркал толпились вокруг, словно нарочно собрались поглядеть на невиданное зрелище — целого и невредимого человека. Его привязали крепкими верёвками к довольно прочной кушетке — без отделки и с потрескавшимися досками, она, по крайней мере, надёжно стояла на ногах. В воздухе висел запах пыли и старого сухого дерева. Болела голова, по-прежнему приступами накатывала дурнота, ужасно хотелось пить, к тому же, как быстро осознал пленник дома мебельных уродцев, здесь было довольно холодно — изо рта при дыхании поднимался пар. Сквозь прикрытое разохшимися ставнями окно пробивался резкий белый свет — значит, сейчас около полудня, не позже. Где же Порох? — пришла тревожная мысль, и от неё стало совсем тошно. Если что-то случилось с конём...

Осторожно повернув голову, Орсо попытался рассмотреть помещение. Сперва ему показалось, что он здесь один, но потом за горой наваленных друг на друга разбитых стульев кто-то закашлялся и хрипло выругался.

— Эй, подойди сюда! — позвал Орсо; заговорив, он заново ощутил, как болит голова, но надо же было выяснить, что творится. — Эй, не бойся, покажись!

Мысль, что связанного и полуоглушённого пленника кто-то может бояться, пожалуй, могла бы рассмешить, но не сейчас... К бесам, что же произошло и зачем? Происки «брата» Мауро? Но он, кажется, хотел просто и незамысловато убить несговорчивого неофита. Загадочные шпионы, гонявшиеся за Зандаром? Но ведь Зандара здесь давно нет, да и тех, кто напал на них в Ринзоре, схватили, и вряд ли они уже бегают на свободе...

— Ну выйди! — снова позвал Орсо. Из-за баррикады стульев показался невысокий тощий человек, до ушей замотанный грязным шарфом. Он беспрерывно глухо кашлял и совсем не казался опасным... Хотя из-за пояса у него торчал пистолет, Орсо показалось, что он не очень опытен в ношении такого оружия: выдернуть его быстро и грамотно из такого

положения не получится. Хотя, если он решится стрелять, времени у него будет достаточно — цель неподвижна...

— Где мы? — продолжал допытываться Орсо. Полковник Тоцци как-то заметил, что тот, кто намерен молчать в ответ на расспросы, должен молчать глухо и упорно — если он скажет хоть слово, самое незначительное, дальше молчать не выйдет: тот, кто выманил единственное слово, так или иначе вынудит заговорить.

— Тебе велели охранять меня? Кто? Что случилось?

Но человек в шарфе то ли получил строгий приказ не говорить ни слова, то ли не имел желания отвечать, то ли... не понимал языка? А что, это была бы умная мера предосторожности — исключает возможность сговора пленника и стража или хотя бы сильно осложняет дело! На всякий случай Орсо повторил свой вопрос на айсизском диалекте и по-девменски, но охранник не ответил. Он убрёл назад за свою баррикаду и знакомо забулькал там чем-то — должно быть, прикладывался к бутылке. Орсо лишней раз почувствовал, как хочется пить... какие, казалось бы, мелочи, собранные вместе, способны отравить жизнь!

Чтобы отвлечься от боли и холода и не поддаваться унынию, он попытался считать по движению солнечного луча, сколько проходило времени. Судя по яркости света, окно смотрело на юго-запад, и можно было примерно сосчитать, что прошло часа три, когда солнце окончательно ушло за угол, а потом и вовсе погасло — наступили сумерки. Это должно было случиться около четырёх часов, а с наступлением темноты вычислять время станет невозможно...

Охранник за своей загородкой затеплил тусклую свечку — она давала больше теней, чем света, огонёк качался от сквозняков и выписывал тенями странные картины на потолке. Орсо не был особенно мнителен, но сейчас эти пляски теней смотрелись довольно жутко! Боль и дурнота накатили с новой силой, а чувство бессилия стало непереносимым. Он прикусил губу, задавив стон, и вдруг ощутил на лице тёплое дыхание с запахом корицы и свечного воска. Определённо домашние запахи, мирные и уютные. Ну вот, уже и галлюцинации пожаловали, подумал он, и в эту минуту дом сотрясся — тяжело и мягко. Гора мебели скрипнула и осела, полетела пыль, потом с самого верха мебельной горы лениво сполз и рухнул на пол одинокий стул. Страж выскочил из своего укрытия, на ходу хватаясь за пистолет, но оружие ему не помогло — вся куча обломков пришла в движение и обманчиво медленно повалилась. Свеча погасла, но Орсо успел увидеть поднимающуюся тучу пыли, а вслед за мгновением темноты в комнату ворвался яркий луч фонаря, громом разнёсся выстрел, охранник осел на поваленные обломки, вспыхнул ещё один фонарь, комната наполнилась людьми — по крайней мере Орсо так показалось. Свет ослепил его, он зажмурился и помотал головой, вызвав новый приступ боли; луч фонаря упёрся ему в лицо, и знакомый молодой голос крикнул назад, в темноту:

— Нашли!

Всё вокруг задвигалось; кто-то разрезал верёвки, Орсо снова ощутил кровоток в конечностях, его рывком поставили на ноги, тут удар по голове наконец взял своё, и он всё-таки упал. Из памяти, видимо, снова выпали какие-то важные минуты, потому что следующим, что удалось чётко увидеть, была знакомая внутренность возка Ады. Орсо лежал на заднем сиденье, сделанном в виде сплошного длинного дивана, а опекунша, сидя прямо на полу возка, подносила к его губам тяжёлую тёплую кружку с чем-то, судя по запаху, довольно вкусным. Орсо осторожно отпил, потом в два глотка прикончил всё, что было в

кружке: знаменитый адин компот оказался тем самым, чего мучительно хотелось всё это время. Сразу стало теплее и даже боль немного отступила. Мысли прояснились — и тут же вспомнилась самая тревожная из них:

— Где Порох?!

— Здесь, бежит за возком, — Ада провела по его лбу прохладной рукой, погладила по плечу. — Голова болит?

— Пустяки. Там... кто это был? — Вопросов было множество, и слова тут же привычно разбежались.

— Кто тебя похитил, сейчас будет разбираться наш общий друг... я надеюсь. А нашли тебя военные городского гарнизона — ты разве не видел мундиров?

— Я... ничего толком не видел, — покраснел Орсо.

— Неудивительно, — проворчала Ада, поджав губы. — Сначала полковник послал каких-то своих знакомых, но они тоже запропали. Два часа от них не было вестей, потом мне пришлось самой заняться делом. Он меня очень отговаривал...

Ада замолчала — возок вдруг остановился. Женщина, не отнимая руки, приоткрыла дверцу возка, выглянула наружу. Орсо слышал, что всадник подъехал прямо к дверце и что-то тихо, очень тихо сказал Аде. Её рука сразу стала чужой и холодной. Орсо ощутил, как где-то в желудке сжался тугой ледяной ком тревоги, да такой, что снова подступила тошнота — от страха.

Ада вышла из возка, постояла немного на морозном воздухе, потом нырнула назад. Лицо у неё было очень белое, чёрные глаза проступали на нём, как провалы во тьму.

— Его Величество скоростижно умер двадцать минут назад, — сказала она тихо, на мгновение зажмурилась, глубоко вдохнула и спросила:

— Я возьму Пороха?

— Конечно, — Орсо, опираясь о стенку экипажа, сел и тоже выглянул. Ада уже вскочила в седло, чьи-то руки отвязали повод коня и бросили ей, Порох молча, как во сне, взвился на дыбы и ту же исчез в метели. Орсо высунулся ещё сильнее, чтобы увидеть, кто сидит на козлах; вопреки ожиданиям, это был не Паоло, а незнакомый пожилой солдат в форме столичного гарнизона. Рядом с ним сидел ещё один, держа на коленях наготове армейское ружьё.

— Едем во дворец, скорее! — крикнул Орсо.

— Невозможно, — развёл руками возница. — Экипажи туда не пускают — перекрыли все подъезды за два квартала, со всех сторон. Госпожа Анлих приказала доставить вас к ней домой...

— Нет! Нет, подождите... стойте! — Орсо торопливо выбрался из возка, снова закружилась голова, но удалось не упасть — и то хорошо. Он огляделся: возок стоял у ограды какого-то особняка, все окна в первом и втором этажах светились янтарным светом — хозяева были дома, возможно, у них гости... Полузасыпанный снегом герб над воротами — бегущий заяц на фоне трёх ёлок. Герб Масканьи — это всё, что припомнил Орсо.

Пока он смотрел на ворота, пытаясь поймать какую-то светлую, но неотчётливую мысль, рядом зацокали копыта — всадник по-хозяйски подъехал к воротам и решительно дёрнул колокольчик, вызывающий привратника. Свет фонаря над воротами упал на его лицо, и Орсо вспомнил, наконец, что говорил ему бегущий заяц. Стоящий перед воротами человек был брат Карло из «преинтереснейшего общества». Так вот кто это — Федерико Молла, виконт Масканьи. Вот на кого он похож — на своего деда, министра флота, портреты коего

висят в каждой школе!

Орсо решительно шагнул к нему:

— Брат Карло! Минуту твоего внимания, если позволишь!

У него было тягостное чувство, что он обманывает этого юношу, безобидного, не сделавшего ему ничего плохого... Да, ничего плохого он не сделал — только слушал болтовню «брата» Мауро, который готов убивать всякого, кто пошёл против него! «Я тебя вытащу оттуда», — пообещал про себя Орсо.

— Брат... Гаэтано? — Молла тоже его узнал. — Что случилось? Может быть, ты войдёшь и поговорим спокойно? Правда, у матери гости, но...

— Нет времени, прости. Ты не одолжишь мне коня? Своего я отдал, а возок не пропустят ко дворцу...

— Да, там повсюду заставы, но... если ты уверен, что...

— Я уверен, — решительно кивнул Орсо. — Я не забуду этой услуги, поверь.

— Да я... что ты, какие услуги... бери, конечно, — Федерико без сомнений отдал поводья безумно дорогого коня едва знакомому человеку. Вот это вера в чужую честь! — Его зовут Грозный...

— Спасибо! — Орсо одним прыжком взлетел в седло. Грозного пришлось основательно прищипорить, чтобы он понял: пора шевелиться. Порох не зря звался Порохом — едва почувствовав всадника, он уже был готов нестись куда угодно и скакать хоть весь день... Это конь был такой же медлительный добряк, как хозяин.

От скачки голова разболелась снова, но теперь это можно было терпеть — нужно было непрерывно думать, считать, решать на ходу. Орсо сразу понял, что к парадному въезду торопиться бессмысленно — туда не пропустят даже самую важную шишку. К воротам со стороны Морской улицы можно попробовать — там, если что, можно просто прорваться мимо привратника, на таком коне это легко... О том, что будет, если его попытаются задержать, Орсо не думал — просто выпало из головы, что такое может произойти.

Свернув на Морскую, он понял, что был, пожалуй, прав в обоих предположениях: проехать там было можно, но прорываться придётся. Весь подъезд был загромождён каретами и возками, они перекрывали улицу, теснились по обочинам, напирали на ограду. Кучера бранились и спорили, пытаясь разделить спутавшиеся экипажи. Ждать, пока они разъедутся, совершенно невозможно!

Грозный, не сбавляя хода, покорно скакал туда, куда вёл его всадник, — прямо на мешанину повозок. Чуть ли не в последний момент Орсо придумал, куда направить это могучее животное: успел слегка развернуть его и послать в прыжок через невысокую живую изгородь и калитку для привратника. Летом это было бы смертельно опасно, а сейчас из-за насыпавшегося и укатанного снега калитка оказалась несколько ниже. Когда громадные копыта Грозного коснулись земли по ту сторону ограды, Орсо, борясь со страшным приступом боли, успел подумать, что Порох, пожалуй, был бы не способен на такой подвиг — для этого надо быть настоящим рыцарским конём, привычным носить на хребте трёхсофунтовую тяжесть. У семьи Травенари таких коней не было никогда, семья Масканы по традиции держала этих реликтов древности... Рыцарский дух и аристократические традиции. Спасибо прошлому, оно сегодня пришлось удивительно кстати!

Орсо подъехал к самому крыльцу, соскочил на верхнюю ступень, мимоходом удивился, что его никто не останавливает — гвардейцы охраны замерли, как куклы, по сторонам двери, но не сделали ни единого движения в его сторону. За дверью было тепло и душно,

лестница была ярко освещена, по ней туда и сюда носились люди, и снова Орсо никто не попытался остановить. Он не знал, куда ему теперь надо попасть, понятно было только, что необходимо найти Аду. Зачем? Почему её надо искать? Орсо дал себе минутную передышку подумать над ответами — и осознал, что ответы ему известны, но очень уж малопонятны. Ада в опасности, здесь и сейчас. Дворец — больше не защита для неё, здесь рухнуло что-то, что давало ей надёжный тыл, и теперь её надо увести отсюда, вытащить, пока не обрушилось ещё что-нибудь. Как будет потом — неизвестно, но прямо сейчас здесь затаилась опасность, и не приведи Творец встретить её вот так, без защиты, не зная, чего ждать! Молодой человек подумал ещё немного и решительно бросился на второй этаж, решив, что ему нужно туда, где больше всего народу.

Тактика была почти верной: до бального зала, где толпились, наверно, сотни людей, он не добежал — раньше он увидел Аду. Она стояла посреди проходной комнаты, словно отделённая от окружающих людей стеклянной стеной — никто не приближался к ней более чем на десять шагов. Внутри этой стены, кроме неё, был лишь один человек — мужчина лет двадцати пяти в нарядном мундире с тускло сияющими орденами, с модной шляпой в руке, с украшенной драгоценными камнями шпагой у пояса. Охрана или свита в нервных позах замерла позади него — в круг отчуждения, замкнувшийся вокруг Ады, их что-то не пускало. Орсо узнал наконец этого франта — это был принц Джакомо, теперь уже король Джакомо Четвёртый. Меньше всего он сейчас был похож на почтительного сына, у которого только что умер отец...

— Всё возможно, — произнесла Ада, продолжая начатый до появления Орсо разговор. — Может случиться и так, что знаки опасности мы видим, но не можем понять. Поэтому я и спрашиваю вас, *любезный брат*, не известно ли вам чего-нибудь о событиях, предшествовавших кончине Его Величества.

Допрос принца?! Прямо тут, посреди дворца?! У Орсо глаза полезли на лоб. У окружающих, видимо, возник то же вопрос, но никто не подавал голоса: семейные дела королевской фамилии их никоим образом не касались.

— Нет, *любезная сестра*, — медленно, с расстановкой ответил Джакомо. — Мне ничего, совершенно ничего не известно.

Он церемонно поклонился Аде, повернулся и шагнул из заколдованного круга назад, к своим свитским щёголям. Те мгновенно окружили его, сверкая глазами на собравшихся, словно те были в чём-то виноваты, и вся компания удалилась — не туда, где стояла Ада и куда они, судя по всему, шли до того, — нет, они развернулись и покинули залу, словно поле боя.

Орсо бросился к Аде, поддержал её под руку (очень вовремя — женщину качнуло, словно от большой усталости), заглянул ей в лицо:

— Едем домой?

— Да... домой... — как во сне, пробормотала Ада, провела рукой по лицу, на мгновение крепко зажмурилась, открыла глаза, огляделась:

— Этот уже ушёл?

— Да... Да, всё в порядке, уже всё, — Орсо вдруг почувствовал, что в этом переполненном людьми огромном здании словно бы стало легче дышать. Незримая опасность, которую он учуял в дверях, растаяла. Оставила по себе память, но ушла.

— Зачем мне след, который никуда не ведёт?.. — сказала женщина, словно это её чрезвычайно удивляло. И как будто Орсо мог дать ей ответ.

Часть 16, где приходится вооружаться и немного подгасовывать факты

Над столицей повисло тревожное ожидание беды. Похороны короля прошли помпезно и мрачно, будто вместе с ним хоронили что-то ещё, что-то ушедшее вместе со старым, по большому счёту добрым королём, который за всё своё тридцатилетнее правление не вёл ни одной войны, а умер так удивительно не вовремя... Ада на похоронах не была — вернее, была в толпе зевак, когда процессия выезжала из дворцовых ворот. С королевой она встретилась заранее, женщины о чём-то поговорили, кратко и без слёз (чего втайне побаивался Орсо), Мария крепко обняла смущённого приёмного внука и отпустила обоих — ей было нелегко, но помочь здесь никто не мог.

В ночь, когда не стало короля, ни Ада, ни Орсо толком не спали, а с утра, только рассвело, женщина отправилась в городской особняк полковника Тоцци; по правилам светского общества должно было быть наоборот — полковнику было бы вполне прилично приехать в дом на Звериной и выразить соболезнования, но Орсо уже понял, что Ада по каким-то серьёзным причинам не хочет, чтобы отставной шпион бывал у неё. Ей виднее, решил воспитанник, а поскольку его Ада с собой не позвала, он решил не откладывать свой нелёгкий разговор — нужно было вернуть коня и побеседовать с хозяином...

У него не было никакой уверенности, что брат Карло вообще станет слушать его — новичка в «интереснейшем обществе», к тому же не особенно родовитого. Но по старой пословице несчастье помогло — правда, несчастье было такого рода, что Орсо предпочёл бы обойтись без этого аргумента. Вечером того дня, когда его похитили, в гостинице «Уточка» неизвестным лицом был заколот Сексто Арицци — «брат Джузеппе», хорошо знакомый молодому Масканьи. Эту леденящую кровь историю Орсо узнал от Паоло, которого Ада подключила к поискам похищенного воспитанника. Паоло в молодости служил в городской полиции и, выйдя в отставку, отнюдь не растерял тамошних друзей. Ему поручили выяснить всё, что известно за последние дни о нападениях и похищениях, и в числе прочих он откопал эту историю, понятия не имея, что Орсо она скажет очень много. По сообщениям свидетелей, молодой Арицци встретился в гостиничном ресторане с каким-то своим знакомым, они поговорили несколько минут, после чего знакомый откланялся, расплатился и ушёл, а юноша остался сидеть за столом. Прошло не меньше получаса прежде, чем девушки из обслуги сообразили, что он мёртв. Длинное трёхгранное лезвие пробило ему аорту выше сердца, прошло насквозь и вонзилось в спинку кресла, куда впиталась и кровь. Его собеседника описывали скупой и расплывчатой, но две заметные черты — зелёный плащ и шарф, намотанный до самого носа, — были для Орсо весьма узнаваемы.

— Чего же он хочет? — растерянно спросил Федерико, вполне поверивший в опасность.

— Толкнуть нас к военной истерии, а когда война всё же начнётся — на передний край, чтобы мы все там перемёрли как герои сомнительной славы.

— Зачем?.. — В глазах наследника Молла Орсо, вопреки своим опасениям, не увидел страха, но, похоже, этот простодушный парень никак не мог поверить, что кто-то способен на такое вероломство, да ещё и не со зла, не в запале ссоры, а с жестоким холодным расчётом...

— Когда погибнут наследники знатнейших семей страны, прервутся древние роды, на которых держится нынешняя дворянская традиция. И их легко будет заменить новыми

аристократами, которые будут готовы верно служить своим благодетелям.

— Ты знаешь больше, чем говоришь, — вздохнул Федерико, — хотя я тебя не виню. Ты, видно, думал обо всём этом давно, у тебя есть какая-то картина событий, но я пока не могу её понять...

— Я сам не всё понимаю, — своеобразно успокоил его Орсо, — ясно только, что мы — затравка, топливо для будущих событий. На нашем патриотическом порыве можно сделать очень выразительные газетные заголовки, да и вообще мы — прекрасный агитматериал.

— Ка-ак?! Агит...материал?! — взъярился наконец Федерико. Смотрелось это страшно — словно пришёл в движение доселе спавший вулкан. — Ну я ему покажу материал... я ему...

— Не спеши, помни — он начал раньше нас. У него многое подготовлено для такого сценария, и он не один — такое без помощников не провернуть. Я бы предложил изловить его, вытрясти из него правду... и заодно душу.

— Я в деле, — Федерико протянул ему свою огромную мощную руку.

— Тогда предупреди остальных братьев, кого знаешь. Я для них чужой, а тебя могут послушать.

Из особняка Молла Орсо поехал к Матео и оставил ему записку, что ждёт вечером в гости. А дома застал Аду в весьма удивительном настроении: она велела принести в гостиную окованный металлом ящик и, раскрыв его, перебирала образцы самого разного оружия. Увидев воспитанника, она обрадовалась:

— Присоединяйся! Весь этот арсенал нам может пригодиться: надо заранее посмотреть, что ещё годно, а чему место в музее.

По характерным формам — длинное дуло и рукоять — Орсо мог понять, что оружие это огнестрельное, но во всём остальном оно имело совершенно непривычный вид. Даже цвет и обработка были диковинны: ни бронзовых оковок, ни резьбы, ни насечки на металле — строгие чёрные и серебристые детали, тиснёные или чеканные клейма изготовителя, угрюмый тёмный матовый блеск или холодный глянец ничем не покрытой стали...

Орсо осторожно взял в руки одно из удивительных изделий, покрутил так и эдак:

— А куда насыпать порох?

Ада подняла другой образчик:

— Порох уже в снаряде, которым они стреляют. Вот, посмотри, — она вытряхнула из коробки удлинённый жёлтый цилиндр с острым концом, — это патрон: пуля и пороховой заряд соединены внутри него. Вот этот боёк, — она оттянула какой-то рычаг, — бьёт по заднему концу патрона, вот сюда, порох взрывается, и вытолкнутая силой расширения газов пуля летит вперёд. Летит, имей в виду, намного дальше, чем из привычных тебе пистолетов! А вот такая у него пуля, — женщина взяла в руки другую коробочку, поменьше, и выкатила на ладонь крошечный матово блестящий шарик.

— Такая маленькая, — удивился Орсо, — разве от неё будет толк?

— Она летит не только дальше, но и с большей скоростью, а за счёт маленького размера входит в намного более плотные среды, чем тело человека. Ты же знаешь, что толстой иглой труднее проколоть ткань, чем тонкой... я надеюсь?

Молодой человек кивнул, рассматривая оружие. Меньше, чем обыкновенный пистолет, но намного опаснее... Он переложил металлическую диковину из руки в руку — и в ней что-то с лёгким щелчком повернулось.

— Ой... я ничего не сломал?

— Нет-нет, всё верно, — Ада показала, как у рукоятки крутится на оси барабан с пустыми продолговатыми лунками. — Сюда вставляют патроны, и, когда первый выстреливает, нужно щёлкнуть вот этим хвостиком — и следующий патрон уже готов! При некотором умении это можно делать быстро! — Она вытянула руку и несколько раз нажала тугой (Орсо уже проверил) курок, каждый раз после этого ловко отщёлкивая торчащий вверх рычажок.

— Вот это скорость!

— Да, но не надо забывать, что патронов всего семь, — Ада вернула ему оружие. — Не следует увлекаться — сделанные выстрелы считаешь не только ты, но и противник. Хуже нет, чем оказаться безоружным, расстреляв весь барабан!

Орсо подержал в руках ещё несколько образчиков странного оружия: некоторые были явно маловаты для него, другие ложились в ладонь хорошо, но очень уж были тяжёлыми, даже Ада переключивала их двумя руками... Один, серебристый, с туго проворачивающимся барабаном, просто не захотелось класть назад! Пальцы будто сами легли на ребристую рукоять, курок ходил мягко, но с усилием, а барабан при провороте лязгал тяжело, нежно и сочно...

— Возьми этот, — одобрила Ада и выкопала со дна ящика картонную коробку с выступившими на крышке масляными пятнами. — Вот к нему патроны, должно быть сорок девять штук. Когда заряжаешь, следи, чтобы патрон не перекашивало в камере... вот здесь, — она вытянула барабан и показала семь аккуратных цилиндрических лунок, потом ловко встряхнула рукой, и барабан почти беззвучно встал на своё место.

Орсо повторил её действия, убедился, что всё запомнил верно, и взял коробку. Она привлекала внимание отдельно. На крышке была наклеена двухцветная этикетка с контурным изображением звезды и непонятными буквами в несколько рядов. Буквы — это само по себе любопытно, но звезда! Звезда была точно такая же, какие вешали в церкви на бронзовые деревья, только без цепочки.

— Откуда это? — прошептал Орсо. — И почему звезда как наша?

— Такие звёзды встречаются на многих гербах, — сказала Ада. — Это сделано на одной далёкой планете, где такое оружие давным-давно в ходу. Звёздочка обозначает страну, где выпущены патроны.

— Давным-давно? — удивился молодой человек. — А выглядит как новый...

— Он и есть новый. Его сделали по моему заказу, когда я собирала разные необходимые вещи для путешествий. Остальные подобраны там и сям, часть — боевые трофеи, вот этот, например. — Она покачала на руке маленький плоский чёрный пистолет со смешным коротким стволом. — Отобрала у одного гада, когда он хотел ограбить... а, впрочем, неважно. — Пистолет отправился на дно ящика. — Бесполезная игрушка: заряжать нечем. А из своего постреляй, не пожалей десятка патронов: руки должны привыкнуть. И никогда, запомни, никогда не смотри в дуло! Даже если тебе кажется, что он не заряжен. Я знала одного, который так остался без головы...

Орсо честно отстрелял в подвале два полных барабана, хотелось ещё, но пожалел боеприпаса — пополнить-то его негде! Зарядив шесть патронов из семи (как советовала Ада) и ссыпав в карман ещё полтора десятка на всякий случай, он занялся организацией собственной операции против брата Мауро. По сведениям полиции, убийцу пока не задержали, а значит, он где-то продолжает свою опасную работу. Пока в стране смута и безобразия, самое время таким, как он, ловить рыбку в мутной воде!

Полковника Орсо привлечь не стал — не по его масштабу дело. Федерико, Матео и Паоло составили все его наличные силы, остальное должны была сделать «братья». Впрочем, в подробности ожидаемого «брат Карло» их не посвящал — просто сказал нескольким, кого хорошо знал лично, что на следующее собрание — а оно неминуемо должно состояться в ближайшие дни — надо прийти по возможности всем: обстановка в стране требует решительных действий, а для начала — твёрдой позиции. Действительно, на следующий день Федерико и его приятель Аугусто Милья сообщили, что им пришли обычные приглашения — на почтовых карточках, но без оттиска печати доставившего их почтового отделения. Матео карточки не получил, Орсо — тем более, но это было предсказуемо. Неочевидным было то, что их немедленно известят о времени месте собрания. Требуя от «братьев» всегда сохранять единство, брат Мауро внезапно добился этого на свою же голову...

Место, где должно было состояться собрание, не мешало бы заранее осмотреть и оценить. Но самому Орсо это делать было никак нельзя — если подсылы «брата Мауро» наблюдают за этой развалюхой, он сразу поймёт, что «малина стухла», как выражаются бывшие противники Паоло — столичные уголовники. Бывшего полицейского тоже нельзя было посылать в разведку: во-первых, подручные «брата» из уголовной шейки-лейки могли его узнать, во-вторых, никому из участников будущей операции вообще не стоило бы самолично появляться на месте событий раньше времени.

Положение спас конюх Ринальдо; Орсо не без опасений рассказал ему о щекотливой ситуации и честно предупредил, что дело без шуток опасное — уже есть трупы. Ринальдо беспечно отмахнулся:

— Помереть везде можно! Под ломовика вон попадётся на улице — и к Творцу в светлое небушко... Чего сделать-то надо? Вы растолкуйте, а я уж попытаю удачу, на новенького авось и повезёт. Скажу, на работу нанимаюсь подённо, там таких на пучок десятков ходит...

Выслушав наставления Паоло, юный разведчик отправился на забытую Творцом окраину столицы, где ютился кабачок. Следующие четыре часа кряду Орсо ходил кругами по своей спальне, не находя себе места от волнения. Ему казалось, что он отправил парня на верную смерть, а то и что похуже! Сам-то он, даже уверенно ожидая нападения в кофейне, едва не оказался, выражаясь воровским наречием, «наколотым на булавку»...

Уже темнело и густо валил снег, когда Ринальдо появился в доме на Звериной: продрогший, заснеженный, но живой и бодрый. Орсо прямо с порога потащил отважного разведчика на кухню и принялся поить горячим компотом — по случаю отменно зябкой погоды тёплое питьё в доме Ады не переводилось. Ринальдо в охотку выхлебал целую кружку, попросил ещё и лишь тогда взялся рассказывать:

— Кабачишко — помойка каких мало, дыра кладбищенская, а хозяин с хозяйкой — ни дать ни взять жульё, мазурики чистопородные. Глазёнки так и бегают, так и бегают! Если бы взаправду я работу искал — этот шалман за три мили обошёл бы, голова целее будет... Значит, так: двор там крошечный, зато забором обнесён на совесть — не перескочишь. — Орсо подвинул Ринальдо лист бумаги и карандаш, и конюх принялся рисовать расположение всего, о чём рассказывал. — Посреди двора — сам кабак, вот тут — ворота, но их в полную ширь не распахнёшь, снегом привалило. Калиточка только одна, здесь вот, с угла.

Подошедший Паоло тоже внимательно изучал чертёж, не прерывая доклада.

— Входов в кабак два — для людей и для прислуги, вот тут, — карандаш отчеркнул две пометки на плане. — Отсюда вот — кухня, вниз ступенька ведёт, темнотища там — глаз

коли, только ощупью можно... А тут, за столами — ещё одна дверь, чего там за ней — не видал, при мне не открывали, а замкнута на ключ, так не заглянешь.

Паоло кивнул Орсо: хорошее место! Орсо мысленно согласился, я вслух спросил:

— Сколько там людей может разместиться?

— Десятка три, если потеснее, — без сомнений сообщил Ринальдо. — Вдоль столов скамейки стоят, на них штук по пять людей посадить можно.

— Ясно, — подытожил Паоло. — План вырисовывается такой...

Поздно вечером Орсо ещё раз проверил своё новое оружие, убедился, что весь барабан, кроме одной каморы, заряжен, как показывала Ада, и спрятал его во внутренний карман сюртука. Прямо как для него карман — и не мешает, и достать легко!

Орсо потушил свечу, и теперь комната освещалась только сиянием снега во дворе. Свежие сугробы отражали свет, падавший из соседних окон, и зелёный блеск молодой луны. В этой неполной темноте, как ни странно, хорошо думалось. Юноша ещё раз мысленно повторил то, что должен будет завтра сказать «братьям»... если у него будет такой шанс. Дело может повернуться по-разному, и возможность героически пасть от пули поганца Мауро никуда не делась!

Но Орсо понял вдруг, что его это не пугает. Было, скорее, грустно, что выстрел какого-то, прямо скажем, мелкого негодяя может отправить его раньше времени на встречу в Творцом, и он не увидит ни морских экспедиций, ни новых писем от Адиных родственников... ни балов с Джулией... Может, его душа и правда лишь звезда, снятая волею Творца из чёрной бесконечности небес и поселенная на земле? И помнит ли звезда, возвращаясь в звёздный круг, что видела она, что пережила здесь, на маленькой земной тверди?

Не давая себе целиком погрузиться в печаль о том, чего ещё не случилось, он разделся и лёг — надо было отдохнуть как положено перед «операцией», а не бродить по дому в свете луны, как влюблённое привидение. Что бы сделали на его месте таинственные родственники, которых, по словам Ады, у него так много? Сочли бы они достаточно важной всю эту историю с «братом Мауро» и его затеями или сосредоточились бы на действительно важных, всемирных делах? Но разве всё рассказанное этим провокатором — не важное дело? Шестерёнка в сложном механизме мировой истории... Вынь-ка одну из шестерёнок в часах — и они встанут! Может, и в самом деле нет неважного, мелкого, несущественного, если ищешь вмешаться в события надмирового размаха?

Снился почему-то нарисованный на тонкой бумаге план звёздных систем, осыпанный пылью неизвестных миров и помнящий руки неведомых борцов за будущее счастье.

Часть 17, где кончаются разговоры и начинается поход

На встречу пришло три десятка человек — потомки почти всех знатных семей столицы и окрестностей; многие приехали на праздники и поневоле остались на королевские похороны, так что собрание вышло представительным. Тем лучше, рассудил Орсо, подсматривая за происходящим в щель двери кладовки кабачка, который брат Мауро выбрал для «интереснейшего общества». Ринальдо описал его точнее некуда: в соревновании на звание самого унылого и подозрительного заведения столицы этот притон намного обошёл тот, где они с Матео побывали в прошлый раз...

Брат Мауро явился не один — с ним были ещё двое, почти одинаковые на вид, молчаливые и ненавязчивые; они расположились по углам трактирной залы и замерли там. Следовало предположить, что пистолеты у них под рукой, и не по одному; Орсо поделился этим предположением с Паоло, бывший полицейский согласился и посоветовал, буде возникнет потребность войти в залу, не поднимать голову выше уровня столов. Орсо проверил, на месте ли забавный серебряный пистолет: тяжёлая холодная рукоять просилась в руку... рано, рано ещё, может, всё и обойдётся!

Матео тоже напросился участвовать; обижать его Орсо никоим образом не хотел, хотя и не был уверен в боевых качествах товарища. Поэтому его роль была одновременно сложной и не очень опасной — заранее явиться в трактир и проследить, чтобы хозяева не выкинули какой-нибудь подозрительной штуки. Основания держать их в почтительном страхе у Матео имелись в виде бумаги из управления полиции — Паоло уверил, что это будет достаточно, и оказался в целом прав; хозяева, кажется, нередко имели дело с сомнительными людьми и подозрительными историями, так что навязчивое внимание полиции очень помогло им проявить здравомыслие, а ещё больше укрепили в этом решении пятьдесят анов, выданных в качестве возмещения за возможную порчу имущества.

Трое полицейских дежурили снаружи, за забором, ещё трое после того, как члены «преинтереснейшего общества» собрались внутри, неслышно просочились во двор и притаились там. Когда ожидается стрельба, надо иметь преимущество в людях!

На сей раз, оглядев собравшихся за столами с выпивкой, брат Мауро начала без предисловий:

— Братья! Страна понесла тяжёлую утрату; Его величество не зря называли самым миролюбивым монархом современности, и теперь только ленивый не размышляет, насколько доступной стала Андзола, лишённая своего главного защитника. В воздухе носится запах горящих фитилей и ружейного сала, братья! Война на пороге, и кто из соседей-шакалов первым дерзнёт нарушить наши границы — лишь вопрос времени. Готовы ли вы?

— Готовы! — рявкнули тридцать глоток; Орсо в свою наблюдательную щель с восхищением заметил, что и Федерико не отстал от других, вот только готов он был немного к другому повороту событий. Чем дальше, тем больше воспитанник Ады восхищался молодым Масканьи: туповатым и нерешительным он казался ровно до тех пор, пока не вырабатывал план и не начинал воплощать его в жизнь. Отважный, последовательный и упорный союзник и страшный противник!

— Со дня на день Его высочество Джакомо начнёт подготовку к отражению агрессии

против нас, — продолжал брат Мауро. — Наш священный долг — оказать ему в этом поддержку и помощь, убедить наших менее решительных собратьев, что время колебаний прошло: в опасности не только страна, но весь цивилизованный мир! Андзола — на острие прогресса, впереди многих по уровню развития, нельзя, чтобы всё это было разрушено ордами врагов, падких на грабёж!

Хорошо поёшь, как по нотам, мысленно одобрил Орсо. Но Ада как будто читала твою партитуру...

— Горите, братья! — воззвал брат Мауро. — Горите ясно, как светочи во тьме бессилия и трусости! Даже если не мы разожжём огонь войны, кто, как не мы, направит его на разрушение старого, отжившего, косного! Если мир стряхнёт с себя окалину прошлого и возродится, — он будет спасён! Если нет — лучше погибнуть в этом огне, чем десятками лет тихо гнить в куче навоза!

Дать бы тебе, мерзавец, вилы побольше да заставить разгрести этот навоз, который ты и твои идейные приятели навалили на мир, разозлился Орсо. Рукоять пистолета снова коснулась кожи яростным холодом: они будут гореть, будут, но не так, как мечтается этому провокатору! На мгновение Орсо словно в самом деле увидел исполинский пожар, охватывающий планету, как глобус из папье-маше: в огне съёживаются и чернеют материки и острова, пылает океан и дымные колонны устремляются к чёрным небесам, лишённым звёзд... Чтобы отогнать заманчивое и жуткое видение и вернуться к реальности, он схватился за оружие: последнее дело — в разгар важной работы предаваться визионерству, как барышня на сеансе гадания!

— Сколько же нас, братья? — взвыл Мауро. — Сколько нас пойдёт во главе святой освободительной войны?

Молодёжь вскочила, глухобрякнули сдвинутые кружки:

— Мы все здесь!

— Мы все!

— Не все! — выскочил кто-то незнакомый Орсо из-за дальнего стола. — Брата Джузеппе нет!

— И брата Лукано!

Мауро сразу погас, будто свечку задули (великий всё-таки актёр!), и сказал тихо и хрипло:

— Брат Джузеппе уже заплатил жизнью за верность нашему делу. Провокаторы попытались склонить его к сотрудничеству и, не добившись его согласия, совершили зверское убийство.

«Интереснейшее общество» вскипело, как кастрюля убежавшего молока:

— Провокаторы?!

— Кто посмел?!

— Какие провокаторы? Найти их и свернуть шею!

— Откуда ты знаешь?

— Из полицейских отчётов, — склонил голову Мауро. — Были свидетели, которые слышали их разговор. Но поймать убийцу пока не удалось... Братья! Почтим память нашего товарища!

Кружки наполнились вновь — все выпили стоя.

— А брат Лукано? С ним ничего не случилось? — продолжал тот же голос из-за дальнего стола. Орсо встревожился — не вызвал бы этот мальчишка подозрений Мауро

раньше времени! Но поборник войны не придавал этому значения:

— Нет, он...

— Нет? — поднялся Федерико. — А это ты откуда знаешь?

Взгляд Мауро метнулся по зале, замер на мгновение на безмолвных охранниках по углам — почуял наконец опасность! Орсо уже без раздумий сжал в руке пистолет: ждать больше нечего.

«Братья» недоумённо переглядывались, кое-кто начал подниматься со своих мест.

— Сядьте! — рыкнул Федерико. — Расскажи нам, что ты знаешь о наших братьях! Где Лукано? Где Гаэтано? Кто и почему показал тебе полицейские отчёты?

Риск был немалый — если Мауро успеет сообразить, где у расставленной сети дырка, он уйдёт, да ещё разрушит доверие к Федерико у остальных, тут больше ничего нельзя будет добиться.

Нет, не сообразил. Попробовал контратаку, но с козырей не пошёл:

— А почему ты спрашиваешь меня, достойный брат? Не лучше ли вам самим знать, что с вашими товарищами?

Две фигуры в углах сдвинулись с мест, плавно приблизились к председательскому месту, где сидел Мауро. Теперь он стоял, наклонившись вперёд и гневно сверкая глазами на «брата Карло». Нет, этого глазами не напугаешь, не на того напал!

— Потому что ты убийца брата Джузеппе, — ровно, спокойно, как на суде, произнёс Федерико. — И покушался убить ещё одного из нас — это он опознал тебя по полицейскому отчёту, которого ты не видел. Никто в полиции не показывал тебе никаких документов — ты всё выдумал. Хотите, — Федерико обернулся к остальным «братьям», — спросим свидетеля прямо сейчас?

— Свидетеля? Где он? Кто? — заволновалось «интереснейшее общество». Орсо оглянулся на Паоло: пора? Тот кивнул и взглядом показал на оружие в руке молодого человека. Орсо толкнул дверь и шагнул в залу:

— Да тут я. Приветствую всех. — Молчаливые фигуры охранников теперь уже откровенно сдвинулись к Мауро, закрыв его справа и слева, но Орсо на них особенно не глядел: за ними есть кому присмотреть, его дело — молодёжь. — Этот господин пригласил меня в кофейню, так же, как беднягу Сексто, и наедине предложил мне предать мой род, дворянскую честь и моих собратьев — вас! Его цель — сокрушить старую аристократию, чтобы на руинах разграбленной страны привести к власти новых дворян, набранных из торгашей и банкиров. Они сперва напьются нашей крови, потом присвоят себе наши привилегии и займут наше место!

Он обвёл взглядом притихших «братьев»; у многих, по лицам видно, уже закрутились в голове логичные мысли: небогатый и не очень знатный наследник против самых родовитых семей страны — это могло бы бы правдой! Вполне могло бы!

— Когда я сказал этой мрази, что в грязные игры не играю, он попытался ударить меня ножом, так же, как брата Джузеппе, но я ждал этого, поэтому уцелел. Поэтому ни меня, ни брата Лукано сегодня не позвали на собрание — мы больше не вызывали доверия у этого двуличного мерзавца. Теперь он зовёт вас на войну, где вы сгинете в первых рядах, а на ваше место, в замки и дворцы ваших отцов придут... кто? Кому он пообещал ваше достояние?!

Конечно, безобразие так говорить, нечестно и несправедливо взывать к сословной гордости и спеси этой молодёжи, и Орсо было мучительно стыдно перед ними, тем более что сам он, мелкий рантье, — тут Мауро прав! — ни в грош не ставил всю эту рыцарскую

мишуру. Но ничем другим их не пробить, и, во всяком случае, влияние брата Мауро в этой среде надо уничтожить любой ценой. Ни одно его слово больше не должно вызывать у них доверия.

У Мауро наконец сдали нервы — он бросился между своими телохранителями, они закрыли его от собравшихся, выставив пистолеты — не подходи! Орсо поднял своё оружие, но направил его не на охранников — пользуясь своим ростом, он мог видеть за спинами охраны своего врага, и серебряный ствол смотрел ему в голову:

— Не торопись — пуля быстрее...

Мауро, не слушая, рванулся к двери из зала — и отпрыгнул назад, выхватывая клинок, мало полезный против трёх стволов в руках полицейских.

— Дом окружён, — громыхнул Федерико, — хватит извиваться, змеюка. Тебе даётся шанс достойно ответить за свои выходки, а не сдохнуть, как трус, от пули в затылок.

— Господин, известный как брат Мауро, вы арестованы по обвинению в убийстве и покушении на убийство на основании показаний свидетелей, — голос полицейского сержанта несколько снизил пафос момента, и весьма кстати: Мауро сразу стал похож не на пленённого трибуна, а на загнанную крысу.

Один из его телохранителей дёрнулся, вскидывая руку, — и рухнул с дырой во лбу: Паоло не покинул свой пост за дверью, а стрелять оттуда было куда как удобно...

Полицейские скрутили Мауро и второго охранника и без всякого пиетета поволокли их наружу. Орсо пожал руку Федерико и вышел следом — его беспокоило, где сейчас Матео. Появляться во время всей сцены он и не должен был, но мало ли что могло произойти за стенами трактира!

Матео явился сам, да не один, а с добычей: во дворе на снегу корчился крепко связанный оборванец.

— Как-то он мне не понравился, — объяснил Матео. — Шмыгал туда-сюда под окнами, а потом, когда вы там начали палить, попытался сбежать. Скользкий тип...

Орсо в изумлении смотрел на тихого приятеля:

— Как же ты его взял?

— Как в дворовой драке: подставил ножку, потом за шиворот — и носом в снег. Меня так всё детство валяли, мне тоже захотелось, — Матео улыбался дрожащими губами, и Орсо подумалось, что и с этого собрания, как в прошлый раз, у них одна дорога — к Аде на тёплую кухню. Если только это в самом деле конец истории «интереснейшего общества»...

Орсо ждал каких-то катастрофических событий, которые, казалось, должны были посыпаться теперь одно за одним. Смерть короля, угроза войны, могучая агитация «брата» и его сообщников (а что он не один, догадаться нетрудно) — всё, казалось, говорило, что страна должна немедленно и грозно измениться. Однако шли дни, а гроза не гремела. Ада почти не получала почты — это, правда, было весьма непривычно! — и вроде бы совсем не тревожилась, но однажды утром Орсо нашёл на кухонном столе рядом с тарелкой пирожков короткую записку: «Будь готов — можем уехать в любую минуту». Сразу после завтрака юноша поднялся к себе и уложил саквояж с самыми нужными вещами, не забыв положить сверху шпагу и диковинный пистолет. Разглядывая опустевшую комнату, он вдруг с изумлением понял, что к числу самых нужных вещей как-то машинально отнёс компас, секстант и линованную тетрадь для астрономических и погодных наблюдений. Может, он и зря вообразил себя географом, но почему-то без этих вещей в поездке он чувствовал бы себя неуютно... Поразмыслив над этим ещё немного, Орсо вдруг сообразил, что по неведомым

причинам представляет себе возможную поездку как путь в дикие, ненаселённые земли, вдали от городов и дорог, в глухомань, где редко встретишь человека. Глупости! Ада не потащится ни в какие дебри, когда на носу война.

За следующую неделю Ада дважды ездила к полковнику Тоцци. Орсо узнал это без труда, нежданно встретив на улице Джулию. Разговора толком не вышло — стоять на морозе, задерживая девушку, было неприлично, к тому же сопровождавший её хмурый слуга, а скорее охранник из дома Тоцци не располагал к душевной беседе. Но эту встречу Орсо вспоминал с тёплым чувством. Ещё раз увидеть Джулию там, где никто не помешает, не надо будет никуда спешить и ни на кого оглядываться... ведь она не отказала, когда он позвал её на бал! Вряд ли это просто из вежливости... Что говорить, Джулия — замечательная девушка, и если он её хотя бы не противен, это ещё один источник радости в его жизни, и вообще радостью отнюдь не обделённой.

Зима, вдоволь поморозив город и завалив его снегом, решила уйти на покой. Всё чаще среди туч вдруг распахивались отчаянно голубые окошки неба, солнце грело уже заметно и карнизы к вечеру обрастали сосульками, постепенно улетали на юг синицы, а просохшие и нагретые скаты крыш, обращённые к солнцу, украшали лениво развалившиеся коты. Вечерами, однако, бывало ещё холодно, вода на улицах застывала катком, а задувавший с юга ветер нёс запахи снега. В такой вечер было особенно приятно сидеть на тёплой хорошо протопленной кухне с кружкой горячего компота в руках и разговаривать о том о сём с Адой, если у неё было время, а то листать книгу или газету или писать письмо, благо теперь было кому писать. Орсо жалел, что не мог написать Зандару — где он теперь прячется, поди пойми...

Сегодня Ады опять не было дома. Тревожиться об этом Орсо не привык, хотя временами и царапала мысль, что лучше бы ему хоть иногда узнавать, где она и когда намеревается вернуться... Торопливый стук отвлёк его от приключений брига «Надежда Мира» в приполярных водах Узкого моря. Уже поднимаясь на ноги, он понял, что стучали не в дверь, а в окно кухни. Осторожно отодвинув штору, он увидел в квадрате жёлтого света, падавшего из окна, миниатюрную женскую фигурку, закутанную в плащ. Худая белая рука снова протянулась из широкого рукава шубы и осторожно постучала в раму. Орсо открыл форточку:

— Кто здесь?

Стучавшая подняла лицо, и Орсо узнал Розу Каленти. Удивление было так велико, что он не сразу прислушался к тому, что она объясняла — тихо и торопливо:

— Ада велела вам выезжать немедленно! Возьмите из конюшни Сову, скачите к мосту Рабелли и ждите на этой стороне — дальше сами всё узнаете.

— Хорошо! Но... почему вы...

— Потому что я ваша кузина, что бы вы ни думали о нас, — чуть улыбнулась девушка. — Езжайте осторожно, берегитесь всех. Я желаю вам удачи, храни вас Творец, и... не забывайте нас — меня и Матео!

Она отступила от окна и тут же пропала в темноте. Орсо машинально погасил лампу, смахнул с блюда пирожки в мешок для хлеба, прыжками помчался к себе наверх, торопливо оделся, схватил приготовленный саквояж, прицепил шпагу, сунул в карман пистолет и, не оглядываясь, сбежал назад, к чёрному ходу.

Ринальдо, на удивление, будто ждал, что господин может в любой момент свалиться как снег на голову и потребовать седлать кобылу. Мальчишка быстро, но без суеты занялся

Совой, а Орсо принялся седлать Пороха. Он ни на мгновение не усомнился в словах Розы, не заподозрил ловушку: чтобы подстроить её именно так, надо очень, очень много знать о доме Ады и о ней самой. Нет, поверил он сразу. А вот тревога начала просыпаться только сейчас. Впрочем, он всегда было медлителен на чувства... Заметив, что руки начали дрожать, Орсо пристыдил сам себя: «Ты же этого ждал! Знал, что однажды так будет, и даже считал, что готов! Чего теперь трястись — у тебя есть задание, вот и делай что положено, а нервы подождут». Конюх вывел Сову из денника:

— Попону дать тёплую? Морозно будет...

— Давай, — согласился Орсо, поднял саквояж и задумался: как его на лошади-то везти? Вот дурак! Но Ринальдо разрешил его сомнения: из угла конюшни он выволок просторные парные сумки, перекинул через спину удивлённого таким обращением Пороха, пристегнул ремни тороков:

— Прямо сюда его пихайте, потом переложите как надо.

В другую сумку Орсо бросил пирожки (как на пикник собрался, честное слово!), вскочил в седло, взял повод Совы. Конюх на миг прижался лицом к пегому носу кобылы:

— Прощай, мушка, больше-то не свидимся... — махнул рукой Орсо и, торопливо отвернувшись, пошёл в конюшню.

— До свидания, — запоздало сказал Орсо его спине и прищипорил жеребца.

С первых шагов по городу Орсо понял, что творится нечто непонятное и совершенно неправильное. Окна в домах горели лишь кое-где, город лежал во тьме, как вымерший, не видно было ни одного человека. Только проехав всю улицу и свернув на перекрёстке, он заметил вдалеке чёрные на белом снегу фигуры, шагающие вдоль забора. Высокие шапки, оттопыренные манжеты, штыки над плечом — да это же солдаты! Патруль на улицах в мирное время. Скорее с испугу, чем обдуманно, Орсо заставил Пороха шагнуть назад, скрыться в улице, из которой они только что выехали. Патруль, к счастью, до них не дошёл — свернул на дальнем перекрёстке. Ну и ну, чудные дела творятся нынче в столице! «Берегитесь всех» — очень разумный совет дала Розетта, если вдуматься...

Теперь Орсо ехал шагом, осторожно заглядывая за каждый поворот. Ещё дважды попались патрули, один какой-то усиленный — не двое, а пятеро солдат во главе с офицером. Пропустив их, юноша двинул было коня к выезду на набережную, но вовремя сообразил, что там, на большом открытом пространстве, спрятаться будет некуда. А как добраться до моста окольными путями, он точно не знал — в этой части города ему мало что было знакомо. Придётся положиться на удачу и пробираться задворками, авось повезёт!

Задворки оказались не менее полезны, чем боковые улочки. Преодолев сильно заметённый снегом внутренний дворик какого-то заброшенного особняка, Орсо увидел с тыла, со стороны сада, другой дом, совсем не заброшенный, наоборот — дорожки вокруг были тщательно расчищены, деревья подпилены, медь дверных ручек блестела свежей полировкой. И в этом доме творилось что-то нехорошее. У заднего крыльца стояла большая тёмная карета с наглухо задёрнутыми окнами, во всём первом этаже особняка горели лампы, шторы были раздёрнуты, и туда-сюда ходили по дому люди, некоторые — со штыками, один — даже с саблей наголо, а некоторые — кое-как одетые, суетливые, испуганные... Кого-то вывели на крыльцо и без особой ласки втолкнули в зловещую карету. Свистнул кнут, карета взяла с места, и у крыльца остались две женщины — молодая и пожилая, едва одетые, в небрежно наброшенных шالях. Молодая девушка, стоя на снегу в шёлковых ночных туфельках, обнимала за плечи пожилую, заботливо укутывая её плечи и пытаясь увести в

дом. А та стояла как громом поражённая, не двигаясь, ничего вокруг не видя и не слыша, сжимая в заочневших пальцах конец нежного кружевного платка. Тогда и молодая оставила свои попытки и застыла, дрожа и не утирая бегущих слёз.

Орсо бесшумно спрыгнул с коня, взял его за повод и медленно повёл, прячась в тенях сада, подальше от крыльца и от двух замерших, как статуи, женщин. Герб с двумя рыбами, многожды повторённый на кованой оgrade, был ему знаком: семейство Писци считалось весьма влиятельным, уже сотню лет исправно поставляя стране способных и энергичных генералов всех родов войск. Кажется, и в нынешнем поколении есть какой-то известный вояка Писци...

Но что же происходит? Кто, по какому праву врывается ночью в дом знатнейшего семейства столицы, кого эти неведомые люди увезли в своей жуткой карете? Понятно теперь, почему так вымер город, но что стряслось? Может, это и есть та катастрофа, которой он так ждал и которая забыла прогреметь громами, предупреждая тех, кто способен понять предупреждения...

Мост Рабелли показался внезапно — пробравшись вдоль стен старого кремля и обогнув пустой и мёртвый рынок, Орсо выехал к нему через какие-то склады и сараи. Ждать на этой стороне — так сказала Роза. А сколько ждать? И кого?

Он потёр занемевшие от холода пальцы, поправил на Сове тёплую попону, скормил обоим коням по кусочку засахаренного абрикоса, прихваченного в карман на всякий случай. И тут увидел, что, пока он крутил головой, картина изменилась: у крайнего пилона моста, где ещё мгновение назад не было ничего кроме подтаявшего сугроба, бесшумно выросла человеческая фигура в широкой шляпе и бесформенном плаще, способном скрыть не то что пистолет — полевую мортиру, а дальше, в тени моста, был ещё кто-то, высоченный и очень осторожный. Орсо потянулся за своим оружием, но фигура шагнула в сторону, ныряя в тень крепостной стены, и знакомый голос тихо и отчётливо сказал:

— Мой дорогой воспитанник! Ничего не забыли... я надеюсь?

Орсо едва не понёсся к Аде вприпрыжку — оказывается, беспокойство за неё глодало почище страха патрулей! Рослый сопровождающий Ады шагнул к Пороху, протянул Орсо руку:

— Слезай, разомнись, а то замёрзнешь.

— Зандар! — громко выдохнул Орсо, и на мгновение ему стало тепло в морозную ночь.

Ада уже деловито перекладывала в седельные сумки Совы какие-то припасы, принесённые в пузатой корзине. Из вопросов Орсо, посыпавшихся лавиной, она ответила лишь на один — по её мнению, очевидно главный:

— Мой августейший брат приказал арестовать всех явных и предполагаемых сторонников мирной политики прежнего короля. На границе с Айсизи убит генерал Писци, командующий пограничной стражей Андзолы. Джакомо готов начать войну.

Часть 18, где показано, что можно купить за два ана

«Поедем закоулками», — пообещала Ада и обещание выполнила точь-в-точь. Всю ночь они скакали засыпанными снегом тропинками, накатанными колеями от саней, перебирались через бесчисленные ручьи по шатким мостикам, а то и просто вброд, перескакивали низенькие, наполовину заваленные сугробами плетни и срезали напрямик по полям... Порох отлично показал себя в этом утомительном и опасном путешествии: сколько раз Орсо рисковал полететь вверх тормашками из седла, когда под снегом коня караулило очередное малозаметное препятствие — ямы, бугорки, поваленные деревца словно нарочно сбежались, чтобы помешать скачке. Но Порох лихо справлялся с дорожными неприятностями, и Орсо ощущал коленями, как под бархатистой шкурой, под крепкими рёбрами ровно и размеренно бьётся могучее сердце. Верный друг, кажется, готов был нестись так же неутомимо круглые сутки.

Сова не отставала — она была легче Пороха, все дорожные помехи перелетала, расстилаясь над ними низко-низко (в манеже это называется «облизывать препятствия»), а потом снова переходила на свою мягкую иноходь. Она шла первой — Ада выбирала, куда ехать, — но Пороху даже на широкой дороге с трудом удавалось время от времени поравняться с кобылой. Лукавый вишнёвый глаз Совы словно поддразнивал жеребца, и временами они откровенно неслись наперегонки.

Конь Зандара был тяжелее, мощнее и чем-то напоминал Грозного, памятного Орсо по сумасшедшей скачке ко дворцу в день смерти короля. Но Грозный был потомком рыцарских коней, носивших в битвы закованных в железо седоков, а от них ожидалась известная резвость. Коню, который вёз зинала, видно, ближе и по духу, и по роду были ещё более могучие, но неспешливые тяжеловозы, таскавшие на поля сражений многопудовые пушки и гигантские обозные возы — целые дома на колёсах. Он старался не прыгать через заборы и канавы, а уж если деваться было некуда, взлетал в воздух тяжело и с неохотой, а обратно рушился с таким тяжким топотом, что вздрагивала земля. Зандар был не особенно умелым наездником, а скаковые способности коня могли умотать и самого лихого вольтижёра; однако зинал держался молодцом и почти не отставал от Ады и её воспитанника — прекрасных ездоков.

На счастье путешественников, ночь была безветренной, но темень их окружала совершенная — только отблески снега позволяли хоть что-то видеть вокруг. Впрочем, дорогу находила Ада, а как ей удавалось что-то разглядеть в зимней ночи, Орсо и не пытался уразуметь. Когда, по его понятиям, было уже около пяти утра, женщина в очередной раз велела остановиться на краткий отдых. Зандар тут же спрыгнул с седла — видно было, как он устал, но решительный вид его говорил, что в случае надобности он готов скакать хоть до следующего утра. Ада попрыгала на снегу, чтобы размять ноги, помахала руками, обтёрла лицо горстью снега:

— Вот там, за рощей будет деревенька, там мы остановимся на отдых. Но не позже полудня надо двигаться дальше. Дорогой наследник, ты захватил с собой денег... я надеюсь?

Орсо выразительно хлопнул по груди — во внутренних потайных карманах там и сям были рассованы монеты разного достоинства, в кошельках и россыпью, а какая-то мелочь болталась и по другим карманам.

— Чудесно! — одобрила Ада. — Теперь надо подумать, как быть с конями.

Орсо похолодел. То есть как это — как быть? Порох... неужели его придётся где-то оставить?! Ада понимающе хлопнула его по рукаву:

— Кони у нас с тобой приметные, так просто их не спрятать, а выследят нас по ним легче лёгкого. У меня есть одна задумка... скажи, Порох хоть раз ездил в фургоне?

Орсо покачал головой.

— Жаль, — вздохнула женщина, — но он умный зверь, привыкнет. — И, видя на лице юноши искренне изумление, развила мысль: — Порох и Сова поедут в крытом фургоне, в каком перевозят коней для скачек или породистых производителей на конные заводы. Видел такие большущие повозки? Мы возьмём такую, Зандар будет кучером, ты — конюхом... справишься, я надеюсь?.. Ну а я поеду отдельно.

— Как... куда? — испугался Орсо.

— Недалеко, — успокоила Ада с улыбкой, — только до точки встречи. Там можно будет снова ехать верхом, и там мы расстанемся с Зандаром. Ненадолго, не волнуйтесь! Но к месту назначения нам придётся добираться разными дорогами — так безопаснее.

— Но куда мы едем? — спросил наконец Орсо. Не то чтобы ему было не всё равно — с Адой он готов был ехать куда угодно, хоть на другую звезду, но хотелось увидеть хоть проблеск логики в их неожиданной скачке задворками. За всю ночь он понял только, что от столицы они направлялись примерно на северо-восток, иногда забирая к востоку, поперёк течения рек.

— На границу с Айсизи, разве не очевидно? Впрочем, о целях и задачах нашего с вами похода я расскажу в тепле и за чашкой горячего вина, а они ждут нас во-он там — видите, огоньки? Держим прямо на них, только осторожнее — справа овраг, не скатитесь.

Ещё несколько минут езды — и кони ступили на узкие, полузаметённые улочки деревни. Время было настолько раннее, что на свежем снегу их следы оказались первыми за это утро. Провожаемые разноголосым лаем из-за заборов, всадники подъехали к трактиру. Ещё через десять минут они уже сидели у старинного, как в крестьянских домах, открытого очага, дым неторопливо, завиваясь прихотливыми кольцами, утягивался в дымогон, а руки каждого из путешественников согревала старинная же глиняная чашка с горячим вином, щедро заправленным мёдом и специями.

— Итак, молодые люди, — сказала Ада, отпив пару глотков, — с такого питья вы скоро уснёте, как младенцы, поэтому говорить я буду коротко. Мы едем на айсизскую границу по целым трём причинам. Во-первых, там начались провокации, причём начались, видно, давно, а убийство бедняги Писци — это уже последняя капля. Во-вторых, оттуда — вернее, из Айсизи — я получила сообщение точно того же свойства, что и привезённое Зандаром в начале зимы. А в-третьих, там уже некоторое время подвизается некий брат Родджио — возможно, в буквальном смысле духовный брат нашего здешнего Мауро. Говорят, там он пользуется известностью в кругах молодёжи, особенно юных незамужних дворянок... Стало понятнее?

— Но что мы там будем делать? — уточнил Орсо.

— Ловить провокаторов, искать боевые машины и вешать брата Родджио на фонаре, что же ещё? — пожалала плечами Ада, и юноша не смог понять, насколько она серьёзна.

*

Фургон с породистыми лошадьми ехал, не останавливаясь, с утра дотемна, только на ночь угрюмый возница и молодой конюх — по виду суцая деревенщина — находили какой-нибудь замусоленный трактир, где, отчаянно торгуясь за каждый грош, обеспечивались едой

для себя, фуражом поплоче — для упряжных коней и лучшим овсом — для перевозимых в фургоне дорогих лошадок. Видать, лошадки были и вправду драгоценными — промять их конюх выводил только в плотных пополах, спускавшихся до самой земли, и по очереди с возницей стерёг их ночами. Не один трактир, увидев эту компанию, от души потешался над причудами богачей, которые через полстраны посылают друг другу этикие подарочки, да ещё в нынешние беспокойные времена, когда того и гляди война начнётся. На постоянных дворах конюх разыскивал брошенные другими гостями газеты (на покупку новых не тратились, жмоты!) и вслух читал неграмотному вознице новости. Тот мрачно кивал и дымил своей вонючей трубкой, не говоря ни слова.

А новости были одна другой гнуснее. После провокаций на границе с Айсизи андзольские местные власти получили приказ утроить бдительность и по возможности не пропускать через границу никого и ничего, ни туда, ни обратно. От этих мер уже пострадали крупные торговые компании, частные путешественники засыпали присутствия в пограничных городках ворами возмущённых жалоб, были случаи драк между проезжими и солдатами пограничной стражи.

Девмен, противу ожидания, не спешил стать на сторону Андзолы в разгорающемся конфликте. Король Матей Балатара отменил визит своих внуков на андзольские лечебные воды, и газеты скупо упоминали, что девменский посол с часу на час ждёт от родной страны приказа потребовать паспорта. На базарах северо-восточных приморских городов внезапно исчезли все до единого айские торгаши — ни одного киоска, ни одной палатки, украшенной конским хвостом на столбе, больше не стояло на рыночных площадях, где айцев привыкли видеть уже многие годы. Специи, солёная баранина, вязаные ковры, говорящие скворцы, бронзовые блюда с эмалевыми узорами, заводные детские игрушки, яркие платки и шали, народные лекарства от болей в спине и от бессонницы — всё исчезло, как ветром унесло. Множество иностранных кораблей было задержано в портах — матросы, у которых кончалось жалование, шумели, грозя бунтом, интенданты растягивали последние запасы продовольствия на неопределённое время, а у капитанов нечем было заплатить, отчего и сами они готовы были бунтовать.

Но самую большую тревогу вызвало напечатанное в столичной газете обращение военного министра графа Пиппо к «гражданам великой и славной страны». В обращении этом, за океанами высокопарной болтовни, граждане великой и славной ясно уловили одно: страна собирается воевать. А это значит — мобилизации, новые налоги, высылка иностранцев, аресты за «непатриотические речи»... Пустые дворы в деревнях, семилетние дети, бредущие по утрам на фабрики, толпы инвалидов-попрошайек на рынках и в портах, заоблачные цены на обыкновеннейшие продукты, очереди за хлебом. В Андзоле выросло два поколения людей, не знавших войны.

Многие в открытую ругательски ругали нового короля — что ему ударило в голову, что он решил одним махом порушить мир, который так долго удерживал его отец! Женщины, случалось, плакали по прежнем короле — упокой Творец его сердце в радости, чтобы он не видел, что делается на земле...

На пятый день пути Орсо и Зандар повстречали на постоялом дворе арестантскую карету. Охраняли её пятеро солдат, закованных и промокших; пока охрана грелась, заключённых — мужчину и женщину — тоже вытащили из кареты и втолкнули в самый тёмный угол обеденного зала. Там они и жались друг к другу, пытаясь согреться. Одеты они были совсем не по-дорожному: женщина — в короткой шубке, в нарядном когда-то платье,

теперь сильно затасканном, в тонкой шёлковой шали, кое-как намотанной вокруг головы, а мужчина — не то в мундире, не то в ливрее и в сапогах для верховой езды. Прикрыв женщину от сквозняка из дверей, он обернул её скованные кандалами руки полами форменной куртки, пытаясь отогреть; женщина сидела безучастно, прикрыв глаза, может быть, дремала. Мрачный солдат, не выпускающий из рук ружья, торчал рядом, ожидая своей очереди сдать пост и пообедать. Кормить арестантов, судя по всему, никто не собирался.

Пока солдаты размещались, Орсо следил за ними сперва с тревогой, потому с некоторой задумчивостью, а потом кивнул на них Зандару и вопросительно поднял брови. Зинал пожал плечами, надвинул поглубже шляпу и прикинулся дремлющим.

Орсо махнул рукой официантке и подсел на длинную скамейку, где разместились четыре солдата:

— Парни, по стакану для сугреву?

— Да ты что, — возмутился усатый сержант, — мы ж на службе! Никаких тебе стаканов... — он добавил пару пояснительных слов и печально уставился в кружку с компотом.

— Ну а пива-то горячего можно? С перцем? Закоченели же совсем! — Официантка подбежала к столу, Орсо отправил её за шестью кружками горячего пива, и сержант одобрительно кивнул вслед:

— Пива можно... А чего это ты добрый такой?

— Мамаля наказала: как, говорит, служивых встретишь, поднеси по кружечке да спроси, может, кто чего слышал про нашего старшего.

— А где он?

— В Кобалье служил, — вдохновенно сочинял Орсо, — да может, с той поры уже куда-то перевели. Писать-то домой по нынешним временам не позволено. (Это он, для разнообразия, знал точно: о запрете солдатам и прочим нижним чинам писать письма болтали два полицейских в предыдущем городке, где ночевали Орсо и Зандар.)

— Как фамилия? — спросил маленький солдат с быстрыми глазами.

— Канни. Джованни Канни — на меня малость похож, только повыше и потемнее.

— Солдат или унтер? — допытывался тот же мелкий солдат.

— Если и сделался унтером, так мы про это ничего не знаем. Да он всего год как служит...

— Ну, тогда не слышал, — развёл руками солдат. — Был в кобальском портовом гарнизоне сержант Канни, да он старый уже...

— Ну, значит, не свезло, — вздохнул Орсо. — Давайте тогда за здоровье, чтобы нам не болеть!

Сдвинули кружки, выпили, сержант стряхнул с усов лёгкую пену, утёрлся широкой ладонью:

— А сам-то кто такой, малец? Чего дома не сидится?

— Какое там дома, — отмахнулся Орсо, — господская воля, сам знаешь... Я в конюхах у графов Масканьи — слышал про таких?

— Не-а, — покачал головой сержант.

— Ну даёшь! У них же целый конный завод в Паллати!

— Да нам-то что до тех коней, мы пехота. С графьями, сталбыть, путешествуешь?

— Нет, коней везу. Вон возчик сидит, так мы вдвоём с ним...

— Кони-то хорошие? — любопытствовал ещё один солдат, самый старший, тощий и,

видно, больше всех замёрзший.

— Кони что надо, — кивнул Орсо, — да только по такой погодке животных везти хуже не выдумаешь. То мёрзнут, то потеют, то их укрой, то проветри, а не уберёг — пиши пропало...

— Это уж так, — посочувствовали солдаты. Им принесли ещё по кружке, и потекла обычная болтовня обо всём. Орсо, как младший, больше в неё не встревал, только раз за разом поднимал кружку, выпивая то за удачу, то за погибель какого-то капитана Бачете, который, видно, попортил солдатам немало крови.

Часового сменили на посту, он тоже подсел к столу, выдул своё пиво, закусил немалой миской свинины с капустой и принялся жаловаться на жизнь. Погода бесовская, война никому на дух не сдалась, арестанты того гляди подохнут в дороге, а им отвечать, и вообще из-за этих изменников родины добрые люди страдают. Какие изменники? Да простые — разводили панику среди населения, болтали про близкую войну и даже якобы видели что-то подозрительное. Тоже нашлись знатоки! Пограничная стража не дремлет, а эти помещики перетрусили, за свои земли испугались. Будут теперь на тюремной решётке в крестикнолики играть.

Когда солдаты засобирались ехать дальше, Орсо тоже вышел во двор, заглянул в конюшню, потоптался туда-сюда по двору. Никакого плана у него не было, но теперь солдаты не обращают на него особенного внимания...

Случай подвернулся. Арестантов впихнули в карету, заперли двери на огромные замки. Возница, уже взгромоздившись на козлы, вдруг снова намотал вожжи на столбик ворот и куда-то побежал, а остальные солдаты ещё толклись у дверей постоянного двора, ругаясь из-за нескольких паулов сдачи. Орсо проскользнул в ворота мимо кареты, подошёл к зарешеченному окну со стороны улицы и легонько постучал в решётку:

— Вы слышите меня? Кто вы и за что вас схватили?

В карете раздался какой-то шорох, потом в окошке мелькнуло лицо мужчины и сердитый голос прошипел:

— Что тебе надо, проходимец? Шагай отсюда!

— Если бы я знал подробнее, кто вы и на чём попались, — тихо заметил Орсо, — я мог бы упомянуть в своём отчёте, что вы первыми заметили опасность в приграничном районе, а военные власти проявили преступное небрежение...

В карете что-то сказал слабый женский голос, и мужчина выглянул снова:

— Ты сам-то кто такой? — спросил он уже на два тона ниже.

— Я из военной разведки, еду оценить обстановку на месте. Из гарнизонов приходят невнятные новости, а генерал Писци убит. Кто вы?

— Моя хозяйка — баронесса Чекка, а я её егерь, Сельваджо. Мы ездили на охоту в долину Качо и видели... там стоял лагерем отряд человек в сто, и на некоторых были наши мундиры, а на некоторых — айсизские... И там был айсизский капитан, а у пограничников в Айсизи нет такого звания, там после лейтенанта сразу бригадир...

— Я понял, — поторопил Орсо. — Дальше. И быстрее, сейчас вернутся солдаты.

— Я рассказал про это майору Френо из пограничной стражи, а хозяйка подтвердила, а он велел нас арестовать как паникёров и...

— Ясно, тише! — С другой стороны кареты Орсо увидел солдатские ноги в растоптанных сапогах и поспешно убрался вдоль забора прочь от ворот. Солдаты забрались на подножку кареты, возница свистнул, хлопнул вожжами, и они укатили. Орсо вылез из

сугроба, в который пришлось шагнуть, чтобы спрятаться, отряхнулся от снега и побежал обратно во двор. Зандар уже рассчитался за обед и запрягал лошадей.

Не задерживаясь лишней минуты, они выехали с постоянного двора и двинулись в противоположную от кареты сторону — на восток. Выпивка солдатам стоила всего два ана, а вот сколько пользы она принесёт...

Часть 19, где рождаются подобие плана и оперные страсти

Саттина своеобразно порадовала: там было уже не в пример теплее, чем в столице, но пасмурно и сыро. Мелкий дождик сыпал и днём, и ночью, но в снежок уже не превращался, тополя остро пахли едким соком и на обочинах зеленела новая трава. Дома, на юге, такая погода длилась от силы неделю-другую, а здесь, похоже, растянется до самого лета. Зандар расцвёл, перестал кутаться в шарф и застёгивать куртку, а Орсо уныло задумался, что ловить шпионов, бегая по лужам, должно быть, ещё интереснее, чем скакать за ними по снегу...

С Адой они встретились в предместьях Саттины, женщина долго обнималась с Совой и вычёсывала ей гриву, беззлобно ворча на нерадивого конюха. Повозку с двумя упряжными конягами Ада поручила Зандару:

— Ты пойдёшь через границу — тебе лучше знать, где и как. Передашь письмо доктору Мурье — адрес заучи наизусть, это в Лохо. Там вашим можно ходить безопасно, но в чём и насколько им доверять — смотри сам, тебе виднее. Дальше действуй, как скажет доктор, и если не будет других указаний — возвращайся в Андзолу. Мы, вероятно, задержимся тут, в приграничье, до лета. Норку найдёшь... я надеюсь?

— Найду, — уверил Зандар, поклонился Аде, махнул шляпой Орсо и погнал колымагу по наполненным водой колеям. Орсо уже усвоил, что норкой здесь называли плохо охраняемый участок на границе, через который шастали туда-сюда те, кому очень надо. Иногда норки «копали» сами пограничники за мелкую оплату вроде контрабандной выпивки и табака. Пока с Айсизи был прочный мир, это никого особенно не волновало — крупные партии контрабанды через норки не таскали, у тех были свои пути. Но как тут сейчас всё изменилось?..

Без Зандара стало как-то не по себе, зато с Адой ситуация сразу должна была стать понятнее. Про короткий разговор с пленниками-паникёрами воспитанник рассказал при первом же удобном случае. Ада похвалила его изобретательность:

— Доброе слово и кружка пива дают больше, чем просто доброе слово... Ущелье Качо я знаю, но это ведь довольно далеко от границы! Значит, настоящих айсизцев там не могло быть, а значит, это шуточки с нашей стороны. Да, кому-то не повезло, что баронессе со своим егерем приходится гулять так далеко от дома...

Орсо фыркнул от смеха, но вообще-то веселиться было не над чем: Джакомо — или кто-то другой за его спиной? — в самом деле не брезговал никакими средствами, чтобы толкнуть страну к войне. Да ещё с Айсизи.

Айсизи — это вам не Бар-Аба, где дикие царьки носятся на диких конях за своими дикими подданными, пытаюсь требовать с них подати. Это не Аяя, царство торгашей, готовая откупиться от любых неприятностей горами золота. И даже не Девмен, живущий в последнее столетие в основном старой славой. Айсизи — могучая морская республика, чей коммерческий флот, уступая андзольскому по тоннажу, заметно превосходит его по численности. У Айсизи больше укреплённых портов, больше численность морского десанта, есть две весьма труднодоступных бухты, где устроены военно-морские базы... Значит... значит, воевать с Айсизи на море может только дурак! А значит, война на море — это то самое страшное, что грозит Андзоле, та топка, в которую этот бес, «брат» Мауро, планировал бросить молодых дворян из столицы, куда утекут деньги из казны, куда призовут

молодых мужчин из городов и сёл. Полк на суше может удержать вверенный ему участок, даже если уменьшится до нескольких рот, но корабль с неполной командой в море не пойдёт и воевать не сможет! Необходима полная комплектность команды и боезапаса. А это дорого...

Впервые Орсо задумался: а что будет, если найдутся силы, способные и, главное, желающие остановить войну? Как вообще её можно остановить? Взять за шиворот Джакомо? Но этого будет мало: если военная машина придёт в движение, затормозить её ещё труднее, чем разогнать. Хороший вопрос, надо выяснить...

С этим вопросом Орсо и обратился к опекунше, когда вечером, проводив Зандара, они сидели в обеденном зале гостиницы в Саттине. Ада одобрительно оглядела воспитанника:

— Растёшь, соображаешь!

К теме борьбы Ада вернулась чуть позже, довольно неожиданно. Хмурое и холодное утро вынудило Орсо и его опекуншу просидеть в гостинице почти до обеда без всякого разумного занятия. Оставалось разговаривать, благо тема имелась.

— Когда мы говорим о больших исторических процессах, — Ада сидела у окна в неудобном гостиничном кресле и по привычке заплетала бахромку портьеры, — надо помнить, что они возникают, движутся и угасают по определённым законам. Кто знает эти законы им умеет их применять — тот владеет силами движения истории.

— И откуда берутся эти законы? — Орсо отвлёкся от перестановки бронзовых фигурок на негорящем камине; ему хотелось схватить карандаш и бумагу и поскорее начать записывать слова Ады. Это был, по сути, тот самый вопрос, который он не мог обозначить словами, но который имел самое прямое отношение к тому, чем ему (так он считал) предстояло заниматься!

— Сами закономерности исторического движения берутся из логики жизни общества, а она, как ты помнишь, зависит от экономики. — Портьера кончилась, и Ада взялась распутывать бисерные низки на своей сумочке. — Люди прежде всего — а кое-кто и исключительно — стремятся преследовать свои интересы. Часть этих интересов всегда у всех общая, часть — личная, а часть совпадает лишь у небольшого числа людей. Но в итоге в жизнь воплощаются только те стремления, которые поддержит большинство. Ни одна реформа, ни одно преобразование, придуманное политиками, не станет реальностью, если оно не отвечает интересам наиболее влиятельной — а это обычно значит самой большой — прослойки общества.

Орсо склонил голову в задумчивости:

— И если большинство желает перемен, то...

— Перемены случатся. Если же большинство пытается оставить всё как есть, то... — Ада сделала паузу, вопросительно и лукаво посмотрела на воспитанника.

— То всё останется по-старому, — предположил Орсо.

— Увы! — вздохнула женщина. — Так не бывает. Это лишь означает, что перемены будут не такими, как ожидалось. Иначе говоря, или общество ставит перемены под контроль, или они совершаются стихийно. А это обычно ведёт к ухудшению жизни.

— И какой выход? — спросил потрясённый этим выводом Орсо.

— Смотря какие у тебя планы, — Ада оставила в покое сумочку, дёрнула себя за кончик тщательно уложенной косы и ахнула — шпильки дождём посыпались на ковёр. Орсо бросился их собирать. Ему пришлось буквально обшарить пол, и, подобрав последнюю шпильку у самых ног опекунши, он глянул на неё снизу вверх:

— Как можно остановить войну, если она начнётся?

— Когда, — вздохнула Ада, подставляя шкатулку, куда Орсо ссыпал свою добычу. — Боюсь, теперь уже «когда». Ты прав — это непросто... но возможно.

Молодой человек молча ждал продолжения; Ада за руку подняла его с ковра, заглянула в глаза:

— Только если те, кому дали в руки оружие, повернут его против той силы, что посылает их воевать. Властители всех сортов почему-то всегда уверены, что вооружённый народ — эдакая слепая масса, покорно бредущая куда скажут. Иногда это и в самом деле так. Иногда люди обращают оружие друг против друга, и народ исчезает в междоусобьях. Но если интересы народа в том, чтобы вернуть мир и впоследствии защищать его — это может стать реальностью. Так бывало, я знаю это. Я это видела.

Во взгляде и голосе Ады было сейчас что-то такое, что вопреки очевидному вселило в Орсо твёрдую и суровую веру: если где-то когда-то такое произошло — это возможно и здесь, у него дома. Снова, как бывало уже дважды, перед его глазами понеслись видения нездешних событий. Люди в военной форме бегут навстречу другим, в другой форме, но не стреляют друг в друга, не колот штыками, а хлопают по плечам, обнимаются, пьют из одной фляжки, пуская её по кругу... Группа мужчин в одеждах, украшенных повсюду золотыми шнурами, все с саблями на боку, а на них напирает толпа: женщины, молодые и постарше, дети, мужчины-калеки, безрукие, безногие, ковыляющие на костылях и деревянных ногах... И перед этой молчаливой толпой парадные красавцы в золоте тушуются, отступают, а потом и вовсе бегут, будто с поля боя... Плац крепости, окружённый могучими стенами, сгорбленные спины тяжёлых орудий, уставившихся дулами в землю, и кучка офицеров — форма незнакомая, но повадки ни с чем не перепутаешь — в кольце людей с диковинным стрелковым оружием. Они без формы, одеты как попало, но на всех одинаковые смешные головные уборы — и когда последнего офицера уводят куда-то под конвоем, эти забавные шапки летят в воздух под победные вопли и радостную пальбу в небеса. Среди новых хозяев крепости видны и мужчины, и женщины, и даже совсем юные мальчишки, моложе самого Орсо, но оружие — у каждого.

Что это за внезапная память, чьими глазами ему иногда удаётся увидеть неведомые события — этого Орсо не мог ни понять, ни спросить — объяснить, что именно ему видится, он бы не взялся. В одном он был уверен: это было — неизвестно где, неизвестно когда, но было. Сам он в буквальном смысле не мог бы такого вообразить.

Из созерцания видений Орсо вывела Ада — взяла за плечи, слегка встряхнула, с тревогой всмотрелась ему в лицо:

— Что ты, малыш? Устал? А я-то, дура старая, болтаю и болтаю без умолку...

— Нет-нет, я... просто задумался, — смутился Орсо. Врать опекунке не хотелось, а вдаваться в объяснения — как-то нелепо...

— Но я ответила на твой вопрос? — уточнила Ада. — Ты узнал, что хотел... я надеюсь?

— Да, да... спасибо, я... понял.

— Н-ну хорошо... Будем считать, что очередная лекция попала на благодатную почву, — Ада вернулась к обычному своему полушутливому тону. — Посвятишь меня в свои планы?

Орсо вздохнул:

— Да я пока и планов-то не имею... Задачи примерно ясны: здесь, в приграничном городе, должны быть участники заговора, который нацелен на расжигание войны... верно?

— Видимо, так, — согласилась Ада и снова уселась в кресло.

— Поскольку они вряд ли здесь особенно таятся, — рассуждая, Орсо почувствовал себя увереннее, — их можно выявить и...

— Вот главное тут «и»! — заметила опекуна. — Что дальше? Пожаловаться Его свеженькому Величеству? Сдать в полицию? Я пока не придумала, что с ними делать, когда мы их найдём!

— Давайте сперва найдём, — предложил Орсо. — Посмотрим ещё, кто они такие.

— Согласна. Но тут мне даже неуда обратиться: в Саттине у меня связей нет, увы.

— Я попробую найти свои связи, — задумчиво произнёс Орсо, — а если их нет, заведу новые.

— Ну вот, а говорил «нет плана». Отличный же план! И где ты будешь искать связи?

— Попытаюсь найти знакомых отца, шансы есть.

— Тогда действуй сам — я тебе здесь скорее помеха, — подвела итог Ада.

— Хорошо... прямо сейчас и начну, — внезапно решившись, Орсо проверил карманы плаща — есть ли мелкие деньги, — оделся, взял шляпу, задумчиво поглядел на пистолет и решил, что сегодня обойдётся, пожалуй, без него.

— Куда ты? — удивилась Ада, перестав терзать портьеру.

— В оперу. Должны же там сегодня что-то давать, сезон ещё в разгаре!

Мысль эта пришла Орсо неожиданно: в самом деле, он не помнил, были ли у отца корреспонденты из Саттины, а в их списке, составленном в день похорон и знакомства с Адой, никто из местных не значился. Но время сейчас ещё зимнее, хотя с неба льёт, как летом, а значит, всё дворянское общество ещё в городе. С наступлением календарной весны театральный сезон закрывается, и все, у кого есть загородные дома, устремляются туда — переживать жаркое и пыльное саттинское лето вдали от города, где есть хоть какое-то укрытие от палящего северного солнца. Летом города среднего пояса, вроде Саттины и Кобальи, словно вымирают — пыльные смерчи носятся по пустым улицам, и жизнь возвращается на них только с закатом. Так рассказывал на уроках географии господин Манеро — выходец из Айсизи. Что-то с ним теперь?..

Орсо без труда раздобыл себе место на балкон на сегодняшний вечер — постановка «Верности и смерти» шла уже с осени, забитого зала ожидать не стоило, хотя благородная публика всё равно могла приехать. Заняться в городе всё равно больше нечем: Его Величество Джакомо запретил балы и приёмы на три месяца в знак траура по отцу. Опера была разрешена — этим и пользовались.

Театр уже наполнялся незнатными зрителями: галёрка гудела и шумела — там было излюбленное место встречи студентов, ходивших в оперу поглазеть в бинокли на молоденьких певиц. Разночинцы с семействами гнездились на ярусах, их жёны, одетые только в тёмное по случаю траура, строжились на детей, а дети в накрахмаленных рубашках и платицах заранее скучали — высидеть длинное представление тихо и не шевелясь было для них непростой задачей. Зная обыкновение светской публики непременно приезжать к самому началу представления, а то и опаздывать, Орсо пришёл чуть заранее, занял своё место и, подзвав театрального служителя, дал ему два ана:

— Расскажи мне, любезный, кто из господ будет входить в зал. Я здесь недавно, никого ещё не знаю...

Служитель с готовностью взялся называть появляющихся дворян по именам и даже по

своей инициативе давал о них ценные справки:

— Вот барон Марони с супругой, большие любители оперы! У них абонирована ложа вон там, справа... Вот братья Гатти — оба морские офицеры, капитан-лейтенант и... ох, простите старика, забыл звание. А вон там, у сцены, полковник Треппи с женой и сыном. У него ещё дочь, завидная невеста, — тут пожилой служитель лукаво и значительно покосился на Орсо, — но её почему-то сегодня нет.

— Он артиллерист? — наугад спросил Орсо. Полковник был в цивильном.

— Нет, господин, он полковник пограничной стражи. Очень дружил с генералом Писци, упокой Творец его душу в радости, — старик неожиданно истово сжал в ладони золотую звезду, которую носил на шее на ремешке.

— А генерал часто тут бывал? — случайным вопросом Орсо внезапно копнул золотую жилу! Теперь расспрашивать следовало осторожно, чтобы не вызвать подозрений. Смерть генерала Писци была, похоже, одним из пакостных звеньев в цепи заговора, но никаких подробностей пока не удалось узнать даже Аде...

— Да, случалось — частенько ездил с проверками по гарнизонам, на корабли заглядывал...

Корабли! — мысленно отметил Орсо. Это важно в свете того, что он надумал о возможном характере войны.

— А это кто? — В зал неторопливым твёрдым шагом вошёл пожилой господин — прямой, как палка, в строгом костюме, с тростью, но без шпаги.

— А не знаю, сударь мой, — поморщился служитель, — этот не из благородных... А вон госпожа Костици — вдова барона Костици, и дочери её, Рудена и Миннона.

— Какие диковинные имена! — поразился Орсо.

— Так баронесса девменка, её барон из-за границы привёз. Говорят, она будтобы даже не дворянка. Невой зовут...

Тут в зале начали одна за другой гаснуть люстры, и служитель растворился в темноте: начинался первый акт.

Сюжет «Верности и смерти» Орсо наизусть помнил с детства: история любви благородного разбойника и дворянской дочери, естественно, с трагическим финалом, не раз появлялась на сцене самых разных театров, Орсо с отцом видел несколько постановок в столице. Здесь опере не повезло: во всех отношениях выигрышная партия героини досталась юной белокурой и розовощёкой девице, которой для героини недоставало только одного — голоса. Каждое появление прелестницы на сцене вызывало бурю восторгов публики, но пела она откровенно слабо, и попытки взять сложные места партии «с налёту» делу не помогали. Опытный слух Орсо замечал все ошибки юной певицы; если это всё, на что она способна, через год-два её забудут...

Намного интереснее был герой: немолодой, заметно старше своего персонажа, певец был, по контрасту с героиней, обделён внешней красотой. Невысокий, полноватый, вероятно, лысеющий (на нём явно был парик), он обладал, однако, на удивление богатым и гибким голосом и, в отличие от партнёрши, легко справлялся со своей партией, причём пел её оригинальную версию. Об этой особенности оперы Орсо тоже слышал от отца: партия разбойника была написана для вполне определённого певца — хорошего друга композитора, и когда его не стало, никто не мог повторить её так, как она написана изначально. Пришлось автору сделать упрощённый вариант, доступный для всех... Удивительно, что этот чудесный голос делает в саттинской глуши!

Увлёкшись сюжетом и поразительным звучанием местного тенора, Орсо едва не забыл, зачем вообще сюда пришёл. В антракте следовало уже начинать знакомство с публикой! Правда, знакомых имён ему так и не назвали...

Личность полковника показалась ему самой любопытной — как из-за его связи с генералом Писци, так и по причине его собственного положения: пограничная стража почти наверняка причастна к заговору! Что ж, атакуем полковника.

Дождавшись, пока дородный Треппи выплывет из партера, поддерживая под руку такую же монументальную супругу, Орсо не спеша вышел им немного наперерез:

— Господин полковник, позвольте вас приветствовать... — Дальше полагалось представиться, но сделать это Орсо не успел: Треппи глянул на него из-под мохнатых бровей так, словно обратившийся к нему юноша был виновен в тягчайших преступлениях, а полковничиха, злобно, с треском сложив веер, басовито молвила:

— Вам и таким, как вы, следовало бы сейчас вести себя поскромнее — в такой-то момент! — И, удостоив Орсо презрительным взглядом, она уплыла вслед за супругом, всей своей массивной фигурой источая высшую степень недовольства.

Орсо остался стоять, где стоял, в полном недоумении. Неужели местное высшее общество решило таким образом сразу поставить его на место? Но почему?..

От раздумий его отвлекло деликатное покашливание сзади. Орсо обернулся, готовый отразить новую порцию оскорблений, но позади него стоял Треппи-младший, и выражение его лица было явственно виноватым:

— Прошу, сударь, не судить строго моих родителей — вы здесь, вероятно, недавно и не знаете наших здешних драм... Я Родольфо Треппи, — молодой человек протянул Орсо руку. — А злость мамы вы на свой счёт не принимайте — это всё из-за Сильвии... это моя сестра...

— Орсо Травенари, рад знакомству. А позвольте узнать, что случилось с вашей сестрой? Родольфо помрачнел:

— Она... пыталась убить себя из-за мужчины. Из её объяснений можно лишь понять, что он обманул её, но кто он и что совершил — мы не знаем. Поэтому мама на всякий случай подозревает всех мужчин... особенно молодых.

Часть 20, где авантюрист ищет подходы к даме

Утро следующего дня уже не поливало дождём, солнце светило прямо на кровать Орсо, но встать ему удалось не сразу. Вечер вышел какой-то неожиданно бурный — разговор с Родольфо, приглашение на партейку в карты от капитана первого ранга Лодовико Гатти, новый раунд ссоры с госпожой Треппи, отчего-то решившей, что Орсо её преследует, длинный и извилистый путь домой с учётом двух рюмок в компании студентов, возвращавшихся из оперы, внезапная драка на входе в университетский городок... А уже у самой гостиницы Орсо вдруг понял, что у него из кармана во всей этой суете пытались вытащить ключ, но что-то пошло не так, и воришка не стал повторять попытки. И на том спасибо!

На тумбочке у кровати стояли графин с чем-то мутно-жёлтым и стакан, рядом лежала записка от Ады: «Убежала по делам, никогда не мешай вино с ромом!» Непривычная к питию голова Орсо была с ней в целом согласна — виски давило и глаза не хотели смотреть на яркий свет, хотя ужасных симптомов тяжёлого похмелья, какие в изобилии описывались в романах, он не ощущал. Орсо осторожно понюхал содержимое графина: Ада ухитрилась и тут, вдали от родной кухни, соорудить лимонный компот — её любимое лекарство от всех бед. Компот уже почти остыл, но хуже от этого не стал: два стакана этого спасительного эликсира, проглоченных залпом, немного привели отчаянного гуляку в порядок. Пора была вставать и осмысливать итоги вчерашней разведки, лучше всего — с карандашом в руках, чтобы ничего не упустить.

В двух словах итоги эти сводились к тому, что Саттина особых опасностей от войны не ждёт, несмотря на провокации на сухопутной границе. Саттина верит, что доблестный андзольский флот защитит её от любой угрозы. Саттина гордится своими бравыми моряками и нежно любит свои корабли. И если заговор протянулся так далеко, что затронул командующего всей пограничной стражей, то какие-то корни должны быть здесь — сухопутная и морская границы встречаются в Саттине.

Орсо налил себе ещё компота, сел на подоконник, подперев щёку рукой, и задумался. Голова спрута (она же — тело) в столице: там бросают в тюрьму сторонников мирной политики покойного короля, и сделать это без воли Его свежего Величества нельзя — значит, он в деле (зачем, почему — другой вопрос). Щупальца спрута раскиданы шире: Писци убит в Ринзоре, пограничные провокации обнаружены в Саттине, самоходную боевую машину видели в Кобалье. Это же три главных порта Андзолы: Ринзора — коммерческая гавань, Саттина — военная база, Кобалья — приют морских контрабандистов, никак не желающий забыть о своём пиратском прошлом.

Единственный выход на пограничников здесь — этот нахохленный полковник! Но как к нему подступиться? Через сына? Похоже, они с отцом не очень-то ладят... По крайней мере, так показалось Орсо после беседы с Родольфо, из-за которой они оба пропустили второй акт оперы. В следующем антракте молодой Треппи жестоко за это поплатился. Кара была ужасна: родители, не стесняясь посторонних, долго и громко воспитывали отпрыска за неуважение к высокому искусству. Нет, тут Родольфо мало чем поможет. Вот если бы познакомиться с его сестрой... Судя по бурной ярости родителей, история неудавшейся самоубийцы получила огласку, и если полковник с супругой так давят на сына только за то, что он не поклонник оперы, нетрудно представить, каково приходится дочери... Вот... это

уже подобие мысли... её бы ещё немного развить...

В нетерпении Орсо вскочил на ноги и забегал по комнате, щёлкая пальцами не хуже Ады в попытках уцепить за хвост ускользающую идею. Имя, нужно имя! Кто обидел Сильвию? Кто может это знать, кто?!

Девушка влюблена, с возлюбленным у неё какие-то сложности и разногласия, куда, к кому она пойдёт изливать душу? В храм? Нет, только очень верующие и очень старые люди могут найти там утешение... Девушке этого мало! Подруги?.. Возможно! А кто они, как их зовут? Где-то же бедняжка познакомилась с этим сердцеедом — где? На приёме? На балу? Тогда бы все знали его имя. Такое не спрячешь — даже после одного танца с незнакомым мужчиной тебе все косточки перемоют! Где ещё может бывать молодая девушка?

Мысль всё ещё не родилась, но логика действий уже выстраивалась. Орсо решительно собрался (на сей раз прихватив пистолет) и выбежал искать след.

К вечеру он знал намного больше, чем ожидал найти, и такого неожиданного, что вести себя с этого момента нужно было очень осторожно. Каждый следующий шаг мог привести в ловушку, а он ведь просто частное лицо, авантюрист, и никакие могущественные знакомые его из неприятностей не вытащат...

Те же студенты, с которыми Орсо вчера так весело добирался из театра домой, с восторгом приняли предложение продолжить знакомство за обедом и потащили нового приятеля в какую-то насквозь продымленную харчевню, куда они обычно отправлялись «спрыснуть» разного рода удачи. За смешную сумму в пятнадцать анов Орсо в течение трёх часов слушал городские околосветские сплетни, и в том числе услышал ответ на свой вопрос. Юные девы Саттины, которым происхождение не позволяло бегать на танцульки с моряками, а отсутствие своих денег не давало развратиться с размахом, нашли себе доступное светское развлечение — оккультный клуб. Спиритические сеансы, гадания, магические обряды — словом, всё, что прямо запрещала церковь Творца, — было доступно там в проверенном кругу под водительством авторитетного духовидца и медиума по прозвищу... брат Родджио.

Пока Орсо переваривал удивительную новость, стараясь выражением лица не выдать своего замешательства, его новые друзья расписывали нравы и обычаи «девического общества» (опять общество! и опять преинтереснейшее!). Помимо руководителя, там бывали и другие мужчины, но крайне редко и только те, кого приводил сам «брат». В остальном же собрание было исключительно женским, и быть приглашённой в него означало войти в круг доверенных лиц здешнего общества девиц и молодых замужних женщин. Из девушек, которые не были замечены в посещении собраний клуба, студюозы называли только сестёр Костицци. Сильвия же Треппи бывала там в последние месяцы постоянно — это студенты знали от своих сестёр и подружек.

За столом говорили о чём-то ещё, Орсо кивал, делая вид, что слушает, но в голове его уже крутились возможные планы. В это общество ему уже нет никакой дороги, значит, и соваться туда, вызывая подозрения, нечего. Придётся идти к Сильвии — теперь у него есть что ей сказать! В конце концов, девушка страдает, а «дама в беде» — отличный мотив для авантюриста.

Когда он вернулся в гостиницу, Ада была ужа там — что-то стирала в медном тазу:

— А, дорогой воспитанник! Охота была удачной... я надеюсь?

— Откуда вы знаете об охоте? — привычно удивился Орсо.

— У тебя такой вид, будто ты выслеживал куличка, а поднял кабана, — улыбнулась

женщина, отряхивая руки от мыльной пены. Орсо взглянул, что она стирает, и обомлел: пена была бурой, а недостиженный рукав блузки опекунши пятнала кровь.

— Это что?..

— Я же говорила: убежала по делам, — Ада отбросила упавшую на лоб чёрную прядь и снова склонилась к тазу. — Да не переживай, это не моя! Если бы у меня было больше времени, я бы, конечно, не стала ничего от тебя скрывать. Но бежать надо было срочно...

— А... почему не отдать прачке? — спросил было Орсо, но тут же сам понял, почему. Ада понимающе кивнула:

— А ты думаешь, почему я учусь всё делать сама? Готовить, стирать, шить, чистить коня... И тебе советую, кстати! Мало ли как жизнь повернётся.

— И ужин сегодня тоже варим сами? — поддел опекуншу воспитанник.

— Ни в коем случае! Я старая усталая женщина, сегодня будешь кормить меня в лучшем заведении, которое сможешь найти, — в тон ответила Ада, отжимая рукав. — Ну вот, следы заметены, переодевайся и идём ужинать. Или, — она внимательно глянула на юношу, — сперва хочешь поделиться уловом?

— Я нашёл брата Родджио, — просто сказал Орсо. — Ваши сведения были верны: он тут охмуряет местных благородных девиц.

— План уже имеется? — Ада заправила в причёску выбившиеся пряди, раскрыла шкатулку с украшениями и взялась придирчиво выбирать жемчужные нитки, на взгляд Орсо, совершенно одинаковые.

— Как сказать... — Орсо задумчиво переложил пистолет из правого кармана в левый, подумал и вернул всё как было. — Я хочу подобраться к этому брату на расстояние удара в челюсть и вытрясти ещё хоть какие-то подробности: что они здесь устроили?

— Помочь? — Ада решительно закрыла шкатулку, так и не выбрав ожерелья.

— Нет, — твёрдо отказался Орсо. — Не стоит вам охотиться на такую мелкую дичь. Вот когда потянется вся сеть, тогда...

— То есть план в том, чтобы выследить крупную рыбу, а мне предложить поохотиться на рыбака? — Ада надела плащ, поправила шляпу. — Идея неплоха... Обсудим, когда вернёмся!

Орсо и сам осознавал, что в его замысле многовато авантюризма, но он честно продумал другие варианты и все их один за другим отверг. Здесь у него нет ни знакомств, ни помощников, ни связей — опереться не на кого, всё придётся делать одному, разве что Ада поможет советом... В этом Ада, конечно, не отказала, но она и сама разбиралась в ситуации не слишком хорошо — Орсо узнал, пожалуй, даже побольше.

Встретиться договорились у Адиных новых знакомцев: оказывается, с утра она убежала на помощь местным бродягам, ещё даже не зная толком, с чем ей придётся встретиться. Просто увидела на улице женщину, одетую в обноски: её потерянный вид говорил, что ей нужна помощь, а каменеющие лица прохожих, которые встречались с ней взглядом, — о том, что от них ей помощи не дожидаться... Ада выскочила на улицу — и сразу же впуталась в городскую политику.

В Саттине ещё с осени застряли пассажиры потерпевшего крушение судна с острова Ноли. Старенький полусгнивший шлюп возил туда и обратно островитян, желающих закупить в Андзоле сравнительно дешёвый алкоголь и лекарства — проще говоря, мелких спекулянтов. Прокормиться на острове и в самом деле было практически нечем, так что легальный (с Ноли у Андзолы была открытая граница) подвоз вполне качественных товаров

был довольно прибыльным делом. В очередной рейс судёнышко просто развалилось от старости на рейде торговой гавани Саттины, и спасшиеся с него люди — пассажиры и команда — оказались на берегу без денег, почти без вещей и, главное, без всякой надежды вернуться домой. Консул Ноли бесплатно даже пальцем не шевельнёт — у него здесь более важные интересы, чем благо сограждан! Саттинским властям тем более не было никакого дела до жертв кораблекрушения — спасибо и на том, что позволили остаться. Так они и прожили осень и зиму, обитая в старом пакгаузе и перебиваясь подёнными работами. Была надежда, что весной, после открытия навигации, с острова придёт другой корабль и бедолаги хотя бы дадут знать домой, что они живы! Но тут в преддверии войны комендант коммерческой гавани велел разобрать все ветхие здания в порту, и сарай, служивший приютом двум десяткам бездомных, разрушили, а его обитателей с помощью полиции выгнали на улицу. В стычке с полицейскими двое матросов были ранены, но ожидать помощи от саттинцев не приходилось...

Ада, в отличие от островитян, выглядела респектабельно, к тому же у неё были деньги, поэтому пострадавшие сразу же отправились в городскую больницу под андзольскими именами (главный врач не возражал, лишь бы полиция не пристала!), а к вечеру у островитян появился временный дом — четыре комнаты в доходном доме недалеко от гавани. Комнаты были сняты на три месяца — за это время уже либо придёт судно с Ноли, либо кто-нибудь пойдёт на остров из Саттины. Найти себе постоянную работу островитяне могли и сами, как только перестанут быть похожи на бродяг. Всё это заняло день, но принесло Аде (помимо расходов) новые контакты, которые могли пригодиться не сейчас, так после. Теперь же, после рассказа Орсо, Ада рассудила, что после ночного приключения, которое он себе наметил, идти прямо домой ему не следует — лучше сперва заглянуть к новым знакомым, а потом в надёжной компании добраться в гостиницу кружным путём. Орсо не понял, какой такой особенный риск ему предстоял, но спорить не стал: в приключениях Ада намного опытнее...

Ужин состоялся в ресторанчике «Сарган» и несколько затянулся — Орсо неосознанно старался отсрочить начало своего нового приключения. Ада никаких планов на ближайшее время не имела — сперва нужно дождаться известий от Зандара, с той стороны. Военные тучи сгущаются как-то уж слишком быстро... В ожидании саргана гриль Ада попросила принести все вечерние газеты и, едва развернув «Корону», показала воспитаннику набранный жирным заголовок: «Инспекция Саттинской эскадры: гавань посетит его высокопревосходительство министр флота».

— Инспекция! — хмыкнула Ада. — Самое время для инспекций: враг на пороге, на границах провокации, а наш добрый почти король изволит посылать министров через полстраны с инспекциями! — Она передала газету Орсо и принялась за следующую. Официанты смотрели на неё не без удивления: женщина читает газеты, да ещё в публичном месте... чудеса!

Другие новости были не лучше: министр полиции Айсизи обвиняет андзольских провокаторов в организации стачек на военных заводах, Девмен подтвердил свой нейтралитет в случае начала военных действий, из-за высылки айсизских артистов срывается будущий оперный сезон в столичном королевском театре... Всё это Ада просмотрела без особенного внимания, но над одной заметкой в «Курьере» нехорошо задумалась. Орсо перегнулся через стол:

— Что такое?

Ада молча показала в самый уголок подвала: в несколько строчек сообщалось, что король удовлетворил запрос военного министра на арест и последующую высылку всех подозрительных иностранцев без документов или с просроченными паспортами.

Теперь зиналам вход в Андзолу закрыт...

Орсо оторопело сел на своё место. Зандар не сможет вернуться? Но он же и так покинул страну через «норку»... Да, но теперь его законно могут арестовать, а если узнают, что он связан с Адой, всё может пойти ещё круче! Да и куда вышлешь зинала? Они почти везде вне закона...

— Это что же, Зандару теперь не вернуться?

— Да... боюсь, мы его теперь нескоро увидим, — печально кивнула Ада. — А если вышлют всех зиналов из Кобальи и Ринзоры — куда им идти? Там у них дом, они там десятками лет живут... А получить сейчас даже поддельные документы — почти невозможная вещь! Да и не согласятся они, упрямыцы.

Все другие новости Аду раздражали и приводил в неприятное изумление, но эта по-настоящему огорчила.

Зато разные «братья» теперь почувствуют себя куда как вольготно! — мрачно заметила она, отодвигая газеты.

Да, братья... Орсо снова вспомнил, куда и зачем сегодня собирается. Страшновато всё же соваться в пасть брата Родджио — а вдруг этот окажется половчее того, столичного, и откусит ретивому охотнику голову? Да нет, постесняется — война-то ещё не идёт, надо вести себя тихо, а то от вождя дамского «преинтереснейшего общества» все дамы разбегутся!

После ужина, уже в полной темноте, Орсо простился с Адой у крыльца ресторана и, посмотрев немного вслед экипажу, увозящему опекуншу на место встречи, зашагал к своей цели. На душе почему-то было беспокойно, точно в его план вкралась какая-то мелкая ошибка, которая непременно выйдет боком. Такие вот мелочи всегда вылезают боком... Но что же не так?

Ответа Орсо не нашёл, поэтому, коснувшись на всякий случай золотой звезды под воротником, отправился к Сильвии. Ночь снова обещала быть насквозь авантюрной.

Часть 21, где говорится о любви, винограде и бездне

С темнотой опять посыпал дождь, голые деревья тревожно зашумели, в свете редких фонарей шевелящиеся ветви отбрасывали неприятные нервные тени. Нет лучше погоды, чтобы залезть в чужой дом!

В целом задача это была нетрудная: заборами в Саттине пренебрегали, дом был ничем не огорожен, так что можно было просто пройти через палисадник и забраться по стене, увитой виноградом, к любому окну двухэтажного особняка. На практике же Орсо не уяснил себе одного: где живёт девушка. Он видел дом при свете дня, но все окна второго этажа были целомудренно задёрнуты шторами, а на первом располагались только гостиная и помещения для слуг. Возможно, ночью проще будет определиться, но если нет — предстоит обшарить весь дом, ползая по стенам, как белка!

Разговор с Сильвией Орсо себе никак пока что не представлял, предоставив всё на волю случая. Если это типичная дама в беде — можно услышать много жалоб на то, как сурова и несправедлива жизнь, если особа себе на уме — многого от неё не добьёшься, но вряд ли она станет покрывать оскорбителя. Если же она вправду влюблена... это вообще возможно? Орсо вспомнил брата Мауро, его манеры, его голос — можно в такого влюбиться? Конечно, болтают, что любовь зла, но не настолько же!

Шагая через засыпающий город и раздумывая о девушках, Орсо незаметно соскользнул мыслью на вопросы любви вообще. Тем для него была малознакомая, если не считать бесконечных баллад и романов, которыми окружён всякий грамотный человек в наши дни. Вспоминая старинные книги, в том числе те, что жили у отца в шкафах, Орсо вдруг понял, что за какие-то полвека отношение общества к этому вечнозелёному вопросу круто изменилось! По крайней мере, в идеале — в том самом идеале, о котором пишут в романах.

В прошлом веке книжные юные девы относились к любви как к некоторому дополнению долга: юная дева, если она стремится к идеалу, должна стать супругой и матерью, причём не просто нарожать милых крошек, скинуть на руки нянькам и удалиться в будуар вышивать цветочки — нет! Правильная юная дева (разумеется, аристократического рода) должна быть верной подругой мужа в его высоких и важных делах, полностью разделять его политические убеждения, не привязываться душой к домашнему уюту, каковой есть мелочная чепуха, и быть готовой в любую минуту помчаться вместе с ним на бой противу зла и во славу Творца. Потому что не может же идеальный будущий муж юной девы не иметь высоких устремлений во славу Творца! А когда очередная битва отшумит и устремлённые ввысь супруги ненадолго (увы...) вернутся под родную крышу, наступает короткая пора родить мужу сына (неприменно сына) и воспитать его в духе высокой морали и высоких целей, как наследника аристократического идеала. Он как бы изначально обречён тоже стать идеальным супругом другой идеальной юной деве. А родной кров, под которым героические супруги проводят в целом так мало времени, должен тем временем хранить кто-нибудь другой. В романах это обычно птица невысокого полёта, старая дева — сестра (иногда тётушка) мужа или жены, погружённая в заботы о родовом орлином гнезде, куда два высокоустремлённых орла возвращаются время от времени залечить раны от чужих клювов и выкормить юных орлят. Утешением же старой нелетающей хранительнице очага служат те самые романы о великих деяниях великих мужей и о преданной любви юных дев, ведь ей самой суждена совсем другая жизнь — чистое непорочное служение чужому идеалу...

Не сказать чтобы такое представление о супружестве было вовсе дурным или порочным — но где же здесь любовь мужчины и женщины? Этого Орсо не мог понять ни тогда, когда впервые открыл подобную книгу, ни впоследствии. Никаких тебе переживаний, томлений, ожиданий: герои как будто изначально предназначены друг другу, и поиск орла соответствующего полёта похож на решение головоломки. Когда все детальки собраны правильно — получается идеальный брак... но как у этих боевых идеальных птиц устроена душа, читатель так и не узнает.

Далее внезапно в традиции романа наступил перелом. Вдруг выяснилось, что душа-то у человека есть, и она желает праздника, игры и нежности, а не только кровавых битв. И величественную барку романа накренило на другой борт. Страницы книг для юных дев заполнили весёлые, легкомысленные, но совершенно безобидные юноши и чувствительные девы, которые, к ужасу старых боевых орлов, умели не только сладко смеяться, но и умильно плакать, изливая в слезах всю свою утончённую душу. Впрочем, душевно эти юные девы были довольно просты: их настроение колебалось, как маятник, между двумя положениями — радость и горе. То и другое должно быть страстно и всеохватно, а переход от одного состояния в другое внезапен, как летняя гроза. Ни о каких политических убеждениях здесь не шло и речи: политика, да и вообще внешние события в этот мир ярких чувствований не допускались. Изредка только далёкие отзвуки реального мира тревожили страстную идиллию, например, когда юный возлюбленный был вынужден отправиться на войну или по каким-то другим делам и оставить ненаглядную — а приведётся ли свидеться вновь... На этом месте маятник качается в сторону горя, барометр падает, показывая душевную бурю, слёзы обязаны хлынуть потоком. У юноши тоже.

Такие романы, в отличие от более ранних, могли иметь два исхода. В старой традиции орлы не гибли на своих боевых миссиях и всегда возвращались в гнездо с победой. В новом романе всё могло кончиться свадьбой (а всё дальнейшее читателю предлагалось додумать самому), а могло гибелью одного, а затем и второго из влюблённой пары. На смену орлам пришли голубки, умеющие или ворковать, или умирать под ударами судьбы. О голубином потомстве не говорилось ни слова — это всё после свадьбы, это нас ни в малейшей мере не волнует...

Здесь любовь присутствовала на каждой странице, но Орсо приводило в растерянность полное, упорное отрицание всего, что выходило за пределы крохотного мирка воркующей парочки. А где же настоящая жизнь? А её не нужно — нужно только ворковать и трогательно перебирать пёрышки на шейке возлюбленного. Впрочем, эпоха этих романов тоже подходила к концу, а ничего нового пока не родилось... Молодому человеку по-прежнему негде прочесть о реальных, не превыспренных чувствах. И главное — о том, как же вести себя с девами.

Орсо не был знатоком женской души и не обманывался на сей счёт. С молодыми девушками он из-за характера своей прежней жизни общался редко, поэтому даже встреча с девицами Тоцци его весьма смутила. Впрочем, лёгкий нрав Джулии и простодушие Серены восполнили его вопиющее неумение поддерживать светскую беседу... Но с незнакомой девушкой, которая его не ждёт и не имеет оснований ему верить, сладить будет непросто! Пусть считает его суровым преследователем зла, даже слегка маниакальным — это лучше всего, наверное. Тут вряд ли появится желание попробовать свои женские чары на борце за всё хорошее против всего плохого...

Когда Орсо оказался у дома Треппи, там, видимо, уже почти все спали. Из окон

светились только одно на первом этаже и три — на втором. В нижнем окне колыхался на фоне белой занавески силуэт в чепце и с полотенцем в руках — прислуга на кухне, как видно, домывала посуду после ужина. Орсо вздохнул, намечая путь наверх по заросшей плетями винограда стене: придётся начать с угла, там меньше всего вероятия попасться кому-то то глаза. Он ещё раз оглядел улицу — вроде никого, — и, прячась под ветвями платана, пробрался к дому. Подёргал плотно свитые виноградные плети — вроде крепкие, если что, сойдут за страховку... Подтянувшись на руках, он сел на карниз, идущий вдоль окон первого этажа, там встал на ноги и опасливо ухватился за виноград, нащупывая ногой выступающие из стены кирпичи. Эх, не мастер он ползать по стенам! Вот по деревьям — другое дело...

Добраться до верхнего карниза оказалось несложно, а подвывание морского ветра скрывало шум движения нахального ночного гостя. Орсо убедился, что снизу его по-прежнему никто не видит, и уселся на карнизе, как голубь. Вот и первое горящее окно: шторы плотные, ни единой щёлочки не видно, но... слышно! Почти прижавшись ухом к стеклу, Орсо различил внутри голоса. Похоже, это спальня хозяев, и они спорят на сон грядущий в типичном стиле оперных дуэтов:

— Я не могу не переживать! — скрипнул голос госпожи Треппи.

— Такова традиция, — весомо бухтел на контрапункте полковник.

— Не следует ставить традиции превыше блага ребёнка! — партия госпожи шла крещендо, набирая несколько истерические обороты.

— Он не ребёнок, дорогая, — супруг был непоколебим. — Он будущий офицер, и он отправится служить...

— Ты понимаешь, — дрожало контральто полковничихи, — что на носу война?! Что, если его убьют?

— Я не желаю это слушать! — громыхнул наконец хозяин, добравшись до кульминации. — Я не желаю это обсуждать! Я сказал — и точка! Точка! — Когда становилась несколько однообразной, к тому же акт оперы явно близился к концу, и Орсо торопливо перебрался к следующему светлому окну.

Там было тихо, но шторы чуть расходились внизу, у самого подоконника. Чтобы заглянуть в этот открывшийся уголок, Орсо пришлось едва ли не лечь на карниз. Небольшая часть комнаты — кусок стены и кровать — подсказали ему, что это обиталище Родольфо: на кровати валялись мятый берет и янтарная запонка, а стену занимала морская карта. Но хозяина внутри, кажется, не было. Вот ещё напасть! Как бы не встретиться с ним в неудачный момент...

До следующего окна надо было пробираться без помощи винограда — в этом простенке он почему-то не рос. Орсо встал в полный рост и, балансируя на узком картине и придерживаясь за стену, сделал несколько шагов. Кажется, получается... вперёд!

Одиннадцать шагов вдоль стены заставили его поволноваться — в двух местах кирпичи карниза выпали, и Орсо едва не ухнул вниз, не разобрав, куда ставит ногу. На помощь пришла водосточная труба: схватившись за неё, ночной разведчик удержал равновесие и перешагнул опасную пропасть шириной в пол-локтя. До нужного окна было буквально рукой подать; Орсо остановился, выровнял дыхание, чтобы не пыхтеть в окно, и, осторожно ощупывая ногой дорогу, сделал ещё три шага. Здесь он был в весьма рискованном положении: из окна падал свет, и снаружи его могли увидеть, особенно если бы он встал во весь рост на фоне занавески. Пришлось скрючиться под подоконником и пытаться

расслышать, что происходит внутри.

Внутри тоже ругались! На этот раз, судя по голосам, это был дуэт Родольфо и его сестры. Ну и ночка выдалась у семейства Треппи!

— ...в неприятности! — докончил, видимо, весьма пылкую фразу брат.

— Тебе не стоит беспокоиться об этом, — холодно ответил девичий голос. — Ты всё равно ничего в этом не смыслишь.

— Почему это я не смыслю?! Я вырву этому негодяю сердце и...

— Так иди и вырви, — женский голос звучал всё более ядовито. — Бросаться словами — невеликий труд. Впрочем, ты ещё мальчишка, тебе не понять...

— Я убью его! — в ярости зарычал Родольфо.

— Куда тебе!.. Это сила, которой ты и близко не видел! Иди спать, мне наскучил этот разговор, — тон сестры был так холоден, что Орсо обиделся за молодого Треппи, хотя его яростным угрозам тоже не очень-то верил.

Раздался какой-то шум, словно упала тяжёлая ткань, а вслед за этим хлопнула дверь.

Орсо перевёл дух: теперь шансов встретить Родольфо намного меньше. Но пора побеспокоить Сильвию, пока она не легла спать!

Он осторожно постучал в оконный переплёт; внутри звук должен быть вполне отчётливым.

На фоне штор сразу же обрисовалась тень: девушка подошла к окну. Штора качнулась, приоткрывая нижнюю часть окна, чуть слышно лязгнула щеколда, рама поехала вверх.

— Кто здесь? — Сильвия смотрела в темноту с тревогой, но без всякого страха. Не нужно было ни много времени, ни много света, чтобы рассмотреть её: по хитроумной задумке природы девушка была молодой изящной копией матери. Такой госпожа Треппи могла быть лет в пятнадцать: правильный овал лица, крупные светлые кудри надо лбом, довольно длинный, но тонкий нос, широкие светлые брови, бледные губы — лицо не слишком выразительное, но чистое. Орсо чуть выдвинулся из тени:

— Добрый вечер, моя госпожа. Простите, что явился таким нелепым образом...

— Вы от него? — Девушка сурово нахмурилась, поджав губы. — Если да, то передайте, что...

— Я не почтовый голубь, сударыня, и представляю здесь самого себя, — твёрдо сказал Орсо. Надо сразу брать дело в свои руки — не хватало ещё выслушивать женские капризы, стоя в полночь под дождём на стене чужого дома! — Вы позволите мне сказать хоть слово, или я зря трачу своё время, пытаясь вам помочь?

— Вы?! Помочь?! — В голосе обитательницы комнаты было примерно поровну удивления и возмущения, но победило всё же любопытство. — Кто вы такой и что вам до меня?

— Моя имя Орсо, пока этого достаточно, — ночной гость ухватился рукой за подоконник, чтобы Сильвии не пришлось в голову резко опустить раму. — Стоя здесь на фоне освещённого окна, я представляю собой неплохую мишень, а предлагать пустить меня внутрь не стану — вы наверняка против. Поэтому буду краток: я считаю, что ваш обидчик — да, эта история мне известна, — друг моего врага. Объединим усилия?

— З-зачем? — Сильвия немного отступила перед таким напором, но окно не закрыла. — Чего вы хотите?

— Помочь вам и себе, я же сказал. Здесь, по-видимому, недостаёт решительных мужчин, готовых сделать что-нибудь для защиты достоинства девушки. Скажите, кто этот

гад, и, если вы невинно пострадали, я его уничтожу.

— Уничто-ожите?.. — теперь девушка, видно, наконец задумалась над смыслом того, что ей говорили. — Я... верю, вы можете... никто ещё не влезал ночью ко мне в окно...

— Я не влез, — усмехнулся Орсо, — стою снаружи. Кто он?

— И я должна поверить вам — неизвестно кому? Доверить моё несчастье?..

— Не должны, — Орсо легко пожал плечами. — Если это всё, позвольте пожелать вам доброй ночи... — Он сделал вид, что готов прыгнуть прямо вниз, в темноту палисадника. Расчёт был верен: Сильвия порывисто протянула к нему руку:

— Не уходите!.. Я... это просто слишком неожиданно...

— Увы, — Орсо снова чуть придвинулся к девушке, — в наше время помощь со стороны — всегда неожиданность... Кто он?

— Брат... брат Родджио, — произнесла Сильвия, видимо, прежде, чем успела подумать. Зажала себе рот ладошкой, глаза её округлились. — О нет! Я... я подвергла вас опасности! Он убьёт вас!

— Пожалуйста, успокойтесь, сударыня, об этом вам сейчас не нужно волноваться. Что произошло?

— Зачем вам это? — Опять насторожилась, ну надо же, какая скромница! — Зачем копаться в том, что...

— Затем, что я немного знаю этого господина и ему подобных, и у них всегда есть конкретная цель. Они ничего не делают просто так — значит, и соблазнить вас его заставили некие вполне практические соображения.

— Вы, — Сильвия покачнулась, прижала ладонь ко лбу, — вы говорите... о моих чувствах! Вы так беспощадно...

— Он вас пощадил? — жёстко парировал Орсо. — Он думал о ваших чувствах? Сударыня, он думал о своей стратегии — полагаю, вы это теперь поняли не хуже меня. Что он сделал, говорите смело — это останется между нами, клянусь.

— Он... просил меня... просматривать документы отца, — медленно начала девушка; в свете, падавшем из окна, выражения её лица было не рассмотреть, но голос выдавал крайнее смущение. — Говорил, что отцу это не повредит. А потом он... попросил забрать одно письмо... заграничное... и принести ему... не насовсем! Он хотел просто снять копию!.. А я не смогла его достать, и тогда он... он...

Орсо слушал её лепет, и всё внутри него каменело, наливалось ледяной тяжестью и болью. Чего-то в этом роде следовало, конечно, ожидать, но вот так внезапно!.. Он изо всех сил вцепился в карниз заледеневшей рукой — от откровений Сильвии закружилась голова, и он запросто мог сорваться вниз. А ещё очень, очень хотелось дотянуться до неё с размаху ударить. Изо всех сил. Никогда прежде он не испытывал ничего подобного: гнев, отвращение и огромная, безнадежная усталость... И впервые за его недолгую жизнь тяжело заныло сердце.

Когда Орсо поднял голову и смог посмотреть на собеседницу, света оказалось достаточно, чтобы она отшатнулась в ужасе. Ощущая, что каждое слово весит будто камень со дна холодной реки, Орсо медленно произнёс:

— Вы должны сознаться во всём отцу.

— Нет, он меня убьёт!.. Я не могу!.. — Сильвия, содрогаясь, прижала ладони к щекам, потом новая мысль поразила её:

— Вы... расскажете ему?! Вы... ему...

— Я поклялся, что это останется между нами, — говорить было по-прежнему тяжело, но теперь Орсо поддерживала мысль, что надо спешить, очень, очень спешить. Только закончить с этой девкой — и скорее... — Поэтому полковнику всё расскажете вы.

— Я не могу... — Сильвия в приступе слабости присела на подоконник.

— Сможете, — тысяча бесов, как жутко звучит его голос! И как трудно не схватить эту светловолосую башку за косу и не разбить её о стену!.. Орсо почувствовал, как правая рука сжалась в кармане на холодной рукояти пистолета, и это его немного отрезвило. — Вы, возможно, осознаёте, что совершили государственную измену. Ваши шапши будут оплачены тысячами жизней, потому что война уже неизбежна. И ваш брат отправится в армию — так решил полковник.

— Откуда вы знаете?! Он вам сказал?!

— У меня свои источники. Завтра отец объявит Родольфо свою волю и, думаю, через пару дней он уедет. А вы помогли вооружить тех, кто будет желать ему смерти. Единственная надежда для вас не сесть в тюрьму за измену — это довериться отцу и уповать на его милосердие. И молиться Творцу, если вы на это способны. Доброй ночи.

И, не задумавшись о том, что под ногами — шесть футов высоты, Орсо разжал руку на карнизе и спрыгнул в ночь. Темнота приняла его неожиданно мягко — не на каменную отмостку, а на влажную землю. Не страшнее падения с коня... Не оборачиваясь, он зашагал напрямик через палисадник на улицу. Окно за спиной по-прежнему ярко светило — Сильвия так и стояла, примороженная его гневом, не в силах опустить раму. Но больше думать об этой дряни Орсо было совершенно ни к чему.

Часть 22, где едва не происходит человекоубийство

Адрес весёлых собраний весёлого брата Родджио он знал от Родольфо Треппи — удивительно полезная семья, просто прелесть, не была бы ещё так мерзка эта Сильвия... Да бесы с ней, с Сильвией, впереди серьёзное дело, возможно, битва и уж во всяком случае трудная работа.

Увеселения в городе запрещены, кабаки закрываются рано, но добрые граждане и не думают унывать: все ходят друг к другу в гости. Окна особняков горят, как в новогодние праздники, подъезжают и отъезжают экипажи, только звуки музыки не разносятся на полквартала — это всё же немного слишком, надо же знать приличия.

А вот и дом достойного брата... минутку, да он ли это? Ни огонька в окнах, ни одной кареты у ворот, темно, тихо, безлюдно... И фонари перед воротами не горят. Орсо замедлил шаг и в тусклом свете окон на противоположной стороне улицы присмотрелся к дорожке от ворот к крыльцу нужного дома. Дождь — как удачно! Как чётко видны следы по меньшей мере трёх пар ног, прошедших внутрь совсем недавно. Что ж, начав вечер с заглядывания в чужие окна, негоже стесняться забраться в дом врага. Отойдя за угол, в совершенно тёмный переулок, Орсо взобрался на кованую ограду, спрыгнул внутрь двора и, прижавшись к стене, чтобы не заметили из окон, осторожно двинулся к чёрному крыльцу.

Под окнами идти удобно — вода стекает с отмостки, а шаги почти не слышны. Если очень надо, можно подтянуться на руках, ухватившись за подоконник, и заглянуть в окно первого этажа... Может, уже пора заглянуть?.. Э, нет, только не сюда! Внутри разговаривают... интересно, будет ли слышно?

Слышно было неплохо: говорящие не таились, хотя и не шумели сверх меры. Красивый поставленный тенор (о Творец, да ведь это разбойник из «Верности и смерти!»), играя весёлыми интонациями, вещал:

— ...двадцати тысяч. Этого вполне достаточно для начала, а дальше само пойдёт. — Ещё и рассмеялся, довольный своей шуткой.

— В Саттинском округе сорок тысяч пехоты, — влез другой голос? не чарующий, обычный, даже несколько прокуренный. — Разумеется, это полный состав...

Тенор со вкусом рассмеялся снова:

— Это цифры на бумаге, друг мой! Состав мирного времени — всего около двадцати пяти тысяч, остальных надо понимать по мобилизации, а это долго, господа, до-олго...

Ну, весельчак, усмехнулся Орсо, похочешь ты у меня! Один уже дохотался.

— А флот? — не унимался прокуренный.

Ему ответил третий голос — резкий стальной, командный:

— Флот Его Величества заранее приведён в надлежащее состояние, об этом не извольте беспокоиться. Занимайтесь сухопутными делами, господа!

Морской офицер? О Творец, есть тут хоть один верный долгу и стране, кроме старого бедняги Треппи?! Орсо вновь пожалел полковника: совсем один против этих шакалов, и дочь — изменница...

— И сколько, по-вашему, понадобится времени на всё? — снова прокуренный.

— Два-три месяца, вряд ли больше, — ответил беспечный тенор. — А с нашими железными малышками, быть может, управимся до середины лета. Это вас устроит?

— Какую же долю вы приберегаете себе? — не унимался хриплый. Похоже, он-то с

тенором на ножах...

— О, мне в этом мире нужно так мало... — снова смеётся, звезда подмостков! — Я лишь хочу увидеть вас, дорогие друзья, на ваших престолах. Вам пойдут короны, поверьте моему слову!

— Я не для себя стараюсь, — отрубил командный. — Я всего лишь...

— Разумеется, разумеется, мой дорогой капитан! Все мы знаем, как преданно вы служите андзольской короне. Надеюсь, Его Величество оценит ваш вклад в победу и вы возглавите королевский флот!

— Министерское кресло удобнее, честно слово, — пробурчал хриплый. — На что вам этот флот...

— Господа, господа! — вмешался ещё кто-то, до тех пор молчавший. — Не следует делить шкуру неубитого медведя, призываю вас жить событиями дня сегодняшнего. Он ещё далеко не окончен...

Их там по меньшей мере четверо, понял Орсо. И ещё наверняка слуги... хотя слуг хозяин мог и отпустить. Неужели этот тенорок и есть брат Родджио? А может, всё-таки не он? Тогда кто же он, а кто «достойный брат»?..

Новый голос между тем продолжал:

— Нам нужно сохранять осторожность, хотя и кажется, что победа уже у нас в руках. Помните, господа, что *срабатать* должно повсюду, не только здесь. О победе можно уверенно говорить лишь тогда, когда карту мира украсят новые страны — герцогство Кобальское, княжество Ринзора — так вы, кажется, видели новый мир, мой дорогой лирический герой?

Это он, понял Орсо. Брат Родджио — это он.

Голос продолжал:

— Железные малышки, которые так вас радуют, — лишь мелкая деталь, не стоит возлагать на них слишком много надежд. Они годятся для запугивания солдат — бывших крестьян, и в этом их сила. Но настоящее наше оружие — в ваших руках, господа. Даруйте, милуйте, нечего дать — обещайте, но все блага мира должны падать из ваших рук. А как называется кресло, в котором вам угодно восседать, — трон или ещё как, — это, поверьте, неважно. Армия подойдёт завтра, вам пора уезжать, друзья мои. Скоро здесь будет слишком жарко для весны!

Разом скрипнули стулья. «Расходятся!» — понял Орсо. Если их не остановить сейчас... но как их остановишь? Впрочем, брат Родджио, похоже, уезжать не собирается, а выпроваживает только этих изменников. Может, дождаться, пока они уедут, и ворваться к нему?

Нет, нужно хоть глазком увидеть, кто они, те двое, кроме тенора. Без этого вся разведка впустую! Орсо, прижавшись спиной к стене, начал пробираться к углу дома, чтобы увидеть крыльцо — когда гости будут расходиться (видимо, пешком — карет-то здесь нет), есть шансы увидеть их лица.

До угла он добрался успешно, но дальше на пути его планов встало препятствие в виде куста бузины, растущего вплотную к углу. Придётся обходить... Юноша со всей возможной осторожностью ступил на влажную траву под кустом, шагнул раз, другой — и холодный водопад обрушился на него с веток! Он глухо вскрикнул, надеясь, что его не заметят, и прижался к кусту: мокро, холодно, зато увидеть его здесь вряд ли возможно...

Звякнула дверь, закрипело крыльцо под тяжёлыми шагами. Тени легли на мокрую

траву — на крыльце стояли люди. Разговор теперь шёл совсем тихо, и посчитать, сколько их там, не удаётся. Вот если бы успеть перебежать от куста бузины вон к той бочке... в её тени можно укрыться надёжно. Полтора десятка футов открытого пространства... Ну же, сейчас или никогда!

Орсо бросился вперёд, и над головой тут же что-то вспыхнуло, треща и шипя.

— Господа, мы не одни! — раздался тревожный голос. Орсо метнулся к бочке, рядом в траву ударила синяя молния. Оружие! Один из стоящих на крыльце держал в руке что-то дымящееся... о таком Ада не говорила... бес с ним, главное — не попал!

— Выходите, кто бы вы ни были! — скомандовал стрелявший. Теперь Орсо видел их всех: один в морской шинели, другой в мягком цивильном пальто, третий вообще только в сюртуке, четвёртый в дождевике, в руке шляпа... О, почему не видно лиц?!

Вооружённый сделал шаг вперёд, с крыльца, толстяк в пальто опасно вякнул:

— Может, не стоит, дорогой брат? Сколько их там?..

Брат — это ты, с неведомым оружием? Что ж, ты законная цель! Ты пришелец, враг, заговорщик!

Серебряная рукоять сама собой легла в руку Орсо: одно движение — и курок взведён, ещё одно — и длинный серебряный ствол упирается в лоб силуэту «брата». Огонь!

Грохнуло, с тонким звоном вылетело какое-то стекло, «брат Родджио» осел на траву, но ещё раньше, чем упасть, успел поднять своё оружие, и левый бок Орсо обжёг жидкий огонь. Он вцепился зубами в воротник плаща, в глазах потемнело, удушающий запах горелой плоти сводил с ума... Сквозь шум в ушах ухали вопли «Ловите его, ловите! Вот он!» На крыльце вроде бы появился свет — да, дверь в дом распахнута, и оранжевое пламя газового рожка озаряет лица изменников: капитан первого ранга Гатти, тенорок из театра и... помилуй Творец, эту рожу он видел на портретах, сто раз видел, но где?.. кто?.. Впрочем, сейчас это не главное, главное — «брат Родджио» лежит не двигаясь на траве, и в свете из двери видно, как растекается возле его головы бархатно блестящая лужа. С таким не живут. Сдох. Попал. Теперь — уходить.

Стоящие на крыльце всё не решались на действие, и Орсо собрался с силами, рванулся к забору, припомнив пример Зандара, оперся рукой о верхнюю перекладину кованого узора, рывок — и он наверху (только бы не пальнули...), ещё рывок — и под ногами мостовая на той стороне, теперь бежать, бежать отсюда, теперь он сам — законная цель.

Боли он почти не ощущал, только всё время не хватало воздуха, его хотелось пить, как воду, а его не было, а останавливаться нельзя... Заныло в правом подреберье, голова кружилась, всё труднее было сохранять равновесие, и только удивляло, что сзади не шумит погоня. Ни выстрела, ни полицейского свистка... или он просто их не слышит?

Тёмные проулки манили, как спасение. Пусть так, может, там удастся вдохнуть... только не садиться, потом не поднимешься опять на ноги, отдыхать надо стоя, как Порох... дышать, дышать... весь мир пахнет горелым мясом, ну где же воздух, ведь тут же море, там должно быть много воздуха...

Скрипнула неприметная дверь, изнутри дома — тёплый запах свечного воска и натёртого паркета:

— Сюда, скорее! — белая рука хватается его за плечо, втаскивает внутрь, в темноту. Свечной огонёк разгорается робко, словно нехотя, он в руке женщины. Бездонные глаза, тёмные на белом, и неожиданно твёрдая рука поддерживает его, прислонив к стене.

— Миннона? — всплывает в голове однажды слышанное имя. — В опере... сегодня...

— Садитесь вот сюда, на пуф, — Миннона поставила свечу на комод, помогла Орсо опуститься на что-то мягкое, белые руки расстегнули плащ. — Помилуй Творец, чем это вас?!

— Не знаю... врать не буду... Налейте воздуха, пожалуйста...

И всё погасло.

Он ещё приходил в себя в течение ночи, и ночь была бесконечной. Белые руки Минноны подносили ему чашку с холодным питьём, оно горчило, но после него было легче дышать, кто-то ходил рядом, далеко, как во сне, пропела сигнальная труба, а в голове кружились, сменяя друг друга, одни и те же мысли. «Я не одобряю человекоубийства» — говорил суровый голос Ады, а ему вторил покойный брат Родджио: «...все блага мира...» Где он слышал эти слова, когда? От Ады? Возможно... от брата Мауро? Нет, кажется, нет... Кого зовёт эта труба? И почему сигналы морские? Ах да, это же Саттина, здесь всё морское... Человекоубийство. Он убил человека. Но убийство сына Ада тоже бы не одобрила! Родджио стрелял первым... да, он стрелял голубой молнией... жаль, не было возможности подобрать эту штуковину, неплохой вышел бы трофей... *Все блага мира. А наше право...*

Годы, века проходили и исчезали в бледной мути, а из неё то там, то здесь выглядывали негодяйские рожи. Вот брат Мауро — первый на его пути поганец, вот капитан Гатти, вот ещё какая-то образина — вспомнить бы имя, но нет, мелькнуло и опять в дымке, и снова какие-то лоснящиеся ряхи, тощие физиономии, пышущие здоровьем хари, искажённые яростью рыла... *А наше право — звук пустой...* Нет, больше этого не будет, не здесь, не в этот раз, воздух, нужен воздух!..

Из очередного сна его буквально вырвали чужие грубые руки. Воняющий табачищем рукастый мужик тряс его за плечи, отчего по левой стороне тела разливалась боль:

— Встань! Встань, скотина! Ты кто такой?

Орсо постарался поднять голову и рассмотреть длиннорукого. Ничего особенного интересного, кроме одной детали: на нём чужой мундир. Айсизский морской десант. «Армия подойдёт завтра» — вот она, армия! Армия Айсизи. Айсизи напал на Андзолу — теперь это свершившийся факт.

— Чего тебе надо, дядя? — спросил Орсо непослушным языком.

— Марш за мной! В комендатуру!

Орсо шагнул вперёд, потом ещё раз и упал — очень уж сложно устоять на ногах, когда земля пляшет и прыгает. Снова опускалась бесконечная ночь, и на краю этой новой ночи слышался только новый голос, говоривший на айсизском диалекте:

— Этого тащите сами, да поживее!

Следующие дни (сколько их было?) Орсо не мог бы вспомнить, если бы не воздух. Кажется, его куда-то везли (кто? куда?), рядом колыхались, кашляли, ругались, сопели люди, лошадиные морды возникали из тумана и пропадали в туман, звонили колокола, бухали пушки, срывающиеся голоса орали какие-то команды, труба играла военные сигналы, что-то деревянное надрывно скрипело над самым ухом, и кругом было холодно, холодно... Зато можно было дышать.

Сознание то и дело отключалось, уберегая разум от осознания чего-то ужасного, какой-то тяжкой катастрофы, и хотелось бы понять наконец, что к чему, но холод и скрип, и вопли, и звон на далёкой колокольне, и больше не снилась тёплая кухня в доме на Звериной, потому что в мире не осталось ни капли тепла — только промозглый сырой липкий холод.

И вдруг — конец ему. Как по волшебству, холод ушёл, изгнанный запахом мокрой

шерсти и табака. Что-то неопишимо тёплое накрыло его чуть не с головой, отгоняя сырость. Впервые за неведомо сколько дней Орсо ощутил своё тело, до тех пор сведённое холодом. Ощутил боль в левом боку (о, там ещё есть чему болеть!), затёкшую левую руку, которую он судорожно сжимал на чём-то железном, ощутил саднящее горло — и, как кошка, тут же уснул в тепле.

Пробуждение было уже самым обычным, хотя слабость и озноб никуда не ушли. Орсо попытался поднять голову, движение отозвалось мутью в глазах и почему-то кашлем, и стало видно, что вокруг сумерки, на горизонте — подсвеченные золотым солнцем горы, а на него с тревогой смотрит кто-то знакомый. Совершенно точно знакомый, надо только вспомнить... ах да! Саттина! Виноград!

— Господин Треппи.

Родольфо торопливо кивнул:

— Это я. Хвала Творцу, вы, кажется, решили выжить невзирая ни на что... — Младший Треппи попытался улыбнуться, но получалось грустно. — Лежите пока, здесь опасно шевелиться — можно упасть с повозки.

— Куда мы едем? — Орсо всё же попытался оглядеться, но вокруг видел только какую-то муть.

— Это вы изволите ехать, сударь, а мы, грешные, идём своим ходом, — наконец рассмеялся Родольфо, но тут же стал серьёзен. — Боюсь, у меня нерадостные новости: мы с вами военнопленные. Вся эта колонна — захваченные в плен военные и гражданские, оказавшие сопротивление айсизскому десанту в Саттине.

— Так Саттина в самом деле?.. — Орсо похолодел.

— Увы. Я мог бы многое по этому поводу рассказать, но... право, не знаю, время ли сейчас... Как ваша рана?

— Н-не знаю... — Орсо попытался ощупать бок: тугая повязка — отлично, бывает хуже... — Вы-то целы?

— Да, тело в полном здравии, но... — Треппи тяжело вздохнул. — Нас взяли на abordаж, и иногда я начинаю завидовать тем, кто не пережил боя.

— Абордаж? Так была морская битва? — оживился Орсо. — Но я не слышал выстрелов...

— Битвы не было, — мрачно объяснил Родольфо. — Мы с несколькими добровольцами и полудюжиной гардемарин успели погрузиться на маленькую айсизскую шхуну — её оставили почти без охраны, — и попытались прорваться из порта. Город был не готов к нападению, и мы предположили, что в Ринзоре ещё ничего не знают. План был добраться туда или хотя бы встретить какой-нибудь наш военный корабль. — Он снова вздохнул. — Мы сделали глупость — не догадались погасить стояночные огни, они нас и выдали. Нас обстреляли и предложили сдаться, мы отказались, и...

— Так вот просто оказались? — поразился Орсо. — Понимая, что выхода нет?

— Знаете, мы... по крайней мере, я так разъярился от всего этого, что даже не помышлял ни о сдаче, ни о смерти. У меня это не умещалось в голове: наша Саттина — в руках этих бандитов?! Я не мог поверить... и сейчас до конца не могу... — Бравый Треппи повесил голову. — Нас взяли числом — на борт высадились, наверно, целая рота десантников. Ну а потом мы все оказались здесь, в колонне, и я увидел вас на телеге. Признаться, я надеялся, что вы успели покинуть город... Вас била лихорадка, и я укрыл вас своей шинелью.

— Спасибо... Но как же вы? Холод ведь собачий! Возьмите! — Орсо попытался стянуть с себя тёплую шинель, но Треппи его удержал:

— Не стоит. У меня есть шарф. — И с видом стоическим и гордым закутался в узкое гардемаринское кашне.

Часть 23, где не видят выхода и стремятся к дырке в заборе

Лагерь для пленных устроили уже на айсизской территории; Орсо довольно точно понял, где они находятся, увидев поутру озарённый восходом снежный пик Ореха-де-Гато — знаменитой горы в форме кошачьей головы. Значит, город, из которого доносится по утрам и вечерам тревожный колокольный звон, — это Селона. Плохо дело! Город крупный, военных здесь должно быть, как на собаке блох...

А в мире была весна, нежная, светлая, как всегда на севере, с жаркими днями и прохладными ночами, утопающими в запахе жасмина и пионов. Здесь, в долине между гор, было теплее, чем в Саттине, хотя дыхания моря уже не слышно. Днём упражнялись в мелодичных воплях пеночки и дрозды, ночью — первые соловьи, за оградой лагеря цвели и яростно пахли дикие гвоздики, а к вечеру откуда-то — может быть, из деревенских садиков — приносило ветром могучий, как морское течение, запах вербены. Если за стенами бараков ненадолго повисала тишина, бывал слышен грохот далёких горных обвалов — весной талые воды, текущие с вершин Ореха-де-Гато, подмывают осыпи, и путешествия по горам в это время полны неожиданных опасностей. Летучие мыши с наступлением сумерек носились над лагерем с тонким писком, и нередко часовой испуганно хватался за ружьё, когда перед самым лицом его хлопали чёрные бархатные крылья летучей бестии.

Лагерь с его неровной формой неправильной трапеции, с угрюмыми вышками часовых, серыми от времени бараками и щелястым забором из горбыля, с вечной вонью сточной канавы и унылой, одинаковой днём и ночью переключкой часовых казался нелепой грязной кляксой на зелени травянистого склона у берега звонкой речонки, прыгающей по круглым пёстрым камням. Величественная Ореха-де-Гато, залихватски украшенная шапкой низких облаков, смотрела вниз, на долину речки, на лагерь и далёкий город, как на что-то лишнее, временное и обречённое исчезнуть под напором приближающихся летних гроз.

Лагерь был выстроен на месте заброшенной усадьбы. Бараки для пленных в лучшие свои дни были овинами, казарма — конюшней, нынешняя солдатская кухня — сараем для телег и упряжи, дровяной сарай — телятником, и только сточная канава от века, с самого своего создания была сточной канавой, да вышки построили только-только, на живую.

Без малого две тысячи заключённых умещались на совсем небольшом утоптанном, как плац, пространстве, ютились по двести-триста человек в бараках, спали прямо на земляном полу, на жиденьком слое соломы. Пока стояла тёплая весна, с этим можно было мириться, но что если застрять здесь до осени?.. Умываться пленным приходилось из бочки, в которую собиралась с крыши кухни дождевая вода, а если дождя не было несколько дней, бочка показывала дно, и умывания приходилось откладывать до лучших времён. Вода для питья хранилась в другой бочке, поменьше, и только по настоянию врача, оказавшегося среди пленных, узникам лагеря позволили каждый день мыть и чистить эту бочку, иначе не миновать распространения заразы. Другого источника воды в границах лагеря не было. Солдаты-охранники жили лишь немногим лучше: у них была баня, для которой приходилось возить воду с реки. Служба же у них была воистину собачья: охранять пленных вдали и от славных боёв (если кто-то ищет подобным образом славы), и от возможности продвижения по службе (если оно кого-то манит), неделями не видеть ничего, кроме лагеря да деревеньки, хотя до города рукой подать, — но увольнительных охране не полагалось, да и

вообще казалось, что высокое начальство о лагере попросту забыло...

Особенных строгостей режима здесь не было: днём заключённые могли бродить где вздумается и делать что угодно, не разрешалось только подходить близко к забору. Но с закатом, когда над караулкой торжественно спускали красно-жёлтый айсизский флаг, всем полагалось уходить в бараки и не появляться снаружи до восхода. Конечно, всегда находились те, кому неймётся; ночью старались всё же не ходить — охрана могла и пальнуть, но днём кто-нибудь всё равно пытался заглянуть в щели между досками забора — желание естественное для тех, кто сидит взаперти. Если это замечали, охрана с понятным рвением запирала нарушителя до утра в дровяной сарай. Единственным минусом этого одиночного заключения (Орсо тоже побывал там однажды, просто из любопытства нарушив правила) было то, что обитателя сарая не кормили до утра; в остальном же, устроившись на поленице, можно было неплохо отоспаться, не боясь разбудить своим движением соседа и не страдая от чужого храпа. Даже если в сарай запирали несколько человек разом, там всё равно было удобнее, чем в общем бараке. К тому же там не было ни клопов, ни крыс...

Среди пленных царило уныние, порой переходящее в безнадёжность, и только мрачное озлобление на айсизцев как-то поддерживало моральный дух. Человек двадцать умерли уже в лагере от нелеченных ран и осложнений от них, их зарыли, словно собак, за оградой лагеря, ничем не отметив это мрачное место. Орсо понял, что ему ещё повезло: чем бы ни выстрелил в него «брат Родджио», воспаление быстро сошло на нет, а полковой хирург айсизцев наскоро и грубо заштопал разрез, положившись в остальном на волю Творца. Шрам был ужасный: кривой, глубоко вгрызшийся в мышцы, стянутый как попало. Шили, как старый ботинок сшивают дратвой. Сама рана уже зажила, но сам рубец ныл и тянул непрерывно — видно, задеты были глубокие слои мышц. Орсо осторожно разминал левую руку, чтобы неудачным резким движением не растревожить шов. Во всём остальном, как только отступила лихорадка, чувствовал он себя неплохо, только отошал и ослабел от голода — пока он валялся в лихорадке, его не кормили. Как-то раз ему удалось посмотреть на своё отражение в ведре с водой: обросший, небритый, худой, в грязной оборванной одежде, он смотрелся сильно старше своих лет и вообще как-то утратил благонадёжный облик. Разбойник, контрабандист, да и только! Впрочем, Родольфо тоже не был больше похож на юношу из хорошей семьи: модные аккуратно подстриженные бакенбарды и усики обросли и превратились в кудрявую густую бородищу, тоже прибавив владельцу лет. Теперь наследник Треппи всё время был похож на рассерженного терьера.

Хороший тёплый плащ, в котором Орсо был в день нападения на брата Родджио, у него, видимо, отобрали айсизцы, возможно, даже и присвоили... Но плащ было не так жаль, как пистолет! Без оружия он чувствовал себя непривычно и неудобно, словно... нет, не без одежды, как писали иногда в романах, а без зубов. Нечем укусить, когда придётся драться!

Мысли о драке не то чтобы посещали его — они попросту никуда не уходили. Надо было что-то предпринимать, но пока не родился ни один разумный план действий. Они довольно глубоко на айсизской территории, где теперь фронт и есть ли он — непонятно, под боком — город с солидным гарнизоном, а мимо него... куда? Эти невесёлые мысли он высказал Родольфо, предложив подумать, как быть дальше.

— А что мы можем? — горестно развёл руками саттинец. — Мы посреди чужой страны, без оружия, с пустыми карманами, кое-кто даже не одет и не обут, а кругом, как вы верно заметили, полно вражеских военных...

В сущности, Родольфо был прав. В первые же дни лагерной жизни стало ясно, что для

тех, кого угораздило попасть в руки айсизскому десанту, война закончилась, толком не начавшись. Кроме военных, оказавших какое-никакое сопротивление при захвате города, в лагерь попали и множество гражданских, которые по какой-то причине показались подозрительными. Здесь были человек тридцать рабочих из доков и с патронного завода, лавочники, студенты, почтмейстер, коновал, два присяжных поверенных и один адвокат, повар из приморского кабака, трое врачей, дворник, десяток бедняков без определённых занятий, приказчик с портового склада, двое деревенских возчиков, не вовремя пригнавших в город возы с сеном, школьный учитель словесности, владелец магазина готового платья, лакей из городской усадьбы барона Козимо и даже кларнетист из оркестра оперы — его инструмент в чехле айсизцы приняли за ружьё. Не зря же стрелки называют свои карабины «кларнетами»... У многих захваченных десантом было при себе оружие — в Андзоле это в порядке вещей, но айсизцы считали опасным и подозрительным всякого вооружённого человека, и, надо сказать, не зря. Во время быстрого, но всё же не мгновенного захвата города им пришлось поучаствовать в коротком бою с обитателями доходного дома на улице Старых доков. Из оружия у них были на пятерых три пистолета и охотничье ружьё, весь этот грозный арсенал был применён по марширующим на улице десантникам (без особого, впрочем, успеха), после чего дом бы буквально взят штурмом, парадное крыльцо взорвали гранатой, убив привратника, а из пяти бойцов одного положили на месте, а остальных, избив до потери сознания, забросили в точно такую же телегу, как та, что везла Орсо, и отправили в лагерь. Теперь эти нечаянные герои, у которых только-только начали сходиться на лицах и руках чёрные кровоподтёки, сами не могли точно объяснить, зачем сделали то, что сделали... «Уж такая меня злоба взяла», — туманно пояснил Орсо один из них, с трудом ворочая языком: айсизцы прикладом выбили ему три зуба.

Судя по разговорам пленных, «злоба взяла» не одного только жителя улицы Старых доков; озлобление, доходящее до ненависти, владело почти всеми обитателями лагеря. Первый испуг давно прошёл, стала ясная страшная правда: их город, их страна в руках врагов, и что стало причиной и поводом к войне — оставалось неясным. Какие-то смутные новости из столицы, смерть короля, потом ура-патриотические заявления министров в газетах, а потом внезапно получается, что саттинская эскадра была не готова отразить атаку! Как это вообще возможно?!

Этот вопрос Орсо постарался прояснить при первом удобном случае, расспросив нескольких матросов, найденных тут же в лагере. Матросы, в отчаянии ругаясь чёрными словами, рассказали, что за два дня до атаки экипажи неожиданно распустили в увольнительную, треть кораблей отправили на срочный текущий ремонт, а ещё примерно треть куда-то ушла. Куда? Они сами не знают, но команды на них были неполные. «Как будто какие-то изменники всё так устроили, чтобы взять нас тёпленькими!» — заключили моряки, страшно проклиная военного министра и всех придурков-адмиралов в придачу. Вспомнив, что на совещании у «брата Родджио» был один из братьев Гатти, Орсо был склонен согласиться с этим в высшей степени патриотическим выводом.

Вообще из разговоров с пленными удалось узнать немало подробностей о захвате Саттины, однако это не приближало Орсо к ответу на вопрос, как теперь быть. Нужны были новые данные, но где их взять? Никто из пленных ничего здравого не предлагал. Родольфо соглашался, что было бы полезно побольше узнать о положении дел, но мыслей, как это сделать, не имел. Орсо, однако, не отчаивался: как говаривала Ада, на войне всегда есть место подходящим случаям, вопрос только, для чего они подходят. Такой случай, как

показало дальнейшее, притаился и здесь.

Лагерь разместили поблизости от деревеньки по имени Бенедита-Сомбра-Собреда-делло-Нобле-Робле. Пройти почтенное селение из конца в конец можно было намного быстрее, чем произнести его название. Наблюдать за жизнью деревеньки было одним из немногих развлечений, доступных пленным. Деревня стояла ниже по склону пологого холма, ближе к реке, и заключённые каждый день, улучив момент и прикинув к щелям в заборе, старались рассмотреть и расслышать, как живётся местным. Айсизский язык похож на андзольский как диалект, понимать его можно без напряжения, особенно если немного привыкнуть.

Постепенно выяснилось, что в Сомбре, как её неуважительно сократили андзольцы, почти не осталось мужчин — всех забрали по призыву. Хозяйство вели женщины и дети, и дела у них шли кое-как, а тут ещё и повинность работать по лагерю. Готовить для заключённых, стирать обмундирование солдат, возить им воду для бани и корм для немногих лагерных лошадей — всё это тоже ложилось немалым грузом на плечи деревенских обитательниц. Вскоре, однако, в жизни Сомбры настали перемены: откуда-то со стороны Селоны в деревню пригнали сотни две женщин-пленных и разместили их в большом сарае. На них и свалили самую тяжёлую работу по обслуживанию лагеря. Только к самому лагерю подходить им не позволялось: солдаты забирали тюки стирального белья, тележки с сеном и бадьи с похлёбкой у самых ворот, а женщин прогоняли обратно.

Как видно было из постоянных наблюдений, местные жительницы жалели андзольских пленниц и, несмотря на собственную скудость, приносили им то не совсем ещё стоптанные башмаки, то старые платки — прикрыть головы от солнца, то щербатую посуду — в сарае не было никакой утвари, кроме двух котлов. Видимо, деревенские научили и как незаметно в сумерках подойти к лагерной ограде, чтобы охрана не видела. В одну из светлых весенних ночей не спящий от невесёлых дум Орсо со своего места в крайнем бараке, у стены, услышал за забором тихий, тревожный шум, отличный от шумов травы и птиц. Для работ по лагерю было уже поздно, охрана после отбоя не выходит наружу... Он бесшумно поднялся (опять заныл потревоженный бок), пригнувшись, выбрался к выходу. Дверей у барачков не было; чтобы выскользнуть наружу, надо было только дожидаться, чтобы охранник не смотрел именно на этот выход. Но охрана, видимо, не замечала ничего подозрительного, и Орсо, прячась в тених, придвинулся к забору. Нет, дыхание и шорох одежды о жёсткую траву с той стороны ему не почудились!

— Во имя Творца! Вы слышите? — окликнули его шёпотом.

— Слышу! — тихо отозвался Орсо, подбираясь поближе. В тридцати шагах торчал на часах солдат, но смотрел он сейчас куда-то в сторону ворот. Если повернётся... впрочем, в темноте может и не заметить, если не двигаться. Придётся, бес его возьми, сидеть тут под забором, пока луна не сядет! От напряжённой неудобной позы заныл шрам.

Женский шёпот с той стороны зашелестел ещё тише:

— Мы принесли вам газеты. Айсизские. Рассказывать слишком долго... помилуй Творец, всё очень плохо для нас! Вот, возьмите, — сквозь щель между досками просунулся сложенный в несколько раз газетный лист. Орсо осторожно, чтобы не порвать, вытянул его, сложил ещё пополам, спрятал под рубашку.

— Еды у нас нет, — продолжала неведомая женщина, — есть немного табака, но если солдаты заметят, что кто-то курит, они всё поймут, и мы не сможем больше прийти. Но всё равно возьмите, — остро пахнувший бумажный пакетик последовал за газетами.

Орсо мучительно хотелось взглянуть на этих женщин, убедиться, что это всё не сон, что кто-то свой, родной действительно есть снаружи. Ощупав пальцами доски и посадив заносу под ноготь, он тем не менее нашёл торчащий кусок коры на горбыле, потянул — кора отломилась, и в получившееся отверстие тут же заглянул любопытный женский глаз.

— Дайте на вас посмотреть, — шепнул Орсо, с той стороны отодвинулись, и, припав лицом к колючим доскам, он увидел в светлой весенней ночи шесть фигурок, жмущихся друг к другу в ночной прохладе. Одеты они были кое-как, обуты только две из шести.

За спиной Орсо, далеко, в стороне караулки, хлопнула дверь. Одна из женщин тревожно подняла голову:

— Сюда идут с фонарём! Прячьтесь, храни вас Творец!

Орсо хотел уже отскочить от забора и броситься в тень барака, но узнал этот голос...

— Миннона! Во имя Творца, это вы? Только одно слово: да?

— Да. Завтра! — шепнула высокая гибкая тень, и женщины скрылись в ночи.

Орсо замер, стараясь даже дышать потише; по лагерю шёл проверяющий с фонарём в руке. Прыгающий рыжий свет бросал длинные тени на забор, стоит тени скользнуть по живому... У конвойных приказ стрелять без разговоров.

Проверяющий отчего-то задержался на обходе. Прижавшись к забору, дрожа от сырости и ощущая, как раненый бок наливается тупой ноющей болью, Орсо неподвижно простоял не меньше часа, дожидаясь, пока жёлтый фонарь исчезнет из виду. Подождав ещё пару минут, он медленно, стараясь не производить ни звука, начал пробираться ко входу в барак. Завернув за дверь, он налетел на кого-то; сильная рука придержала его, давая опору:

— Я уже решил, что вас пора искать! — вполголоса сказал Родольфо.

— Боюсь, это бы не помогло, случись что... — вздохнул Орсо. — Я получил новости снаружи — утром расскажу, что и как!

Часть 24, где происходит тайное собрание у всех на виду

Хотя пленных на особенно одолевали запретами и днём можно было делать всё, что в голову взбредёт, собирать людей большими толпами Орсо счёт опасным. За прошедшие дни он запомнил в лицо около двухсот обитателей соседних бараков и днём, когда люди бесцельно бродили или лежали на солнце, потихоньку нашёл по одному человеку из каждого барака и созвал на короткий разговор около полудня в тени забора, но велел никого больше не приводить. С собой он пригласил только Родольфо — их и так часто видели вместе, — а прочих новых лагерных знакомых пока оставил в покое, их время ещё придёт.

Собравшимся он кратко пересказал новости, вычитанные за утро из газет: армия Айсизи успешно наступает на андзольские порты и побережье, но сухопутные войска королевства пока имеют преимущество, бои на линии Саттина — Арлето затянулись, у Андзолы лучше артиллерия и проще доставлять боеприпасы. Две армии вцепились друг другу в глотки, первые последствия войны уже сказываются: айсизские газеты стали тоньше, из них исчезла светская хроника, пропали анонсы концертов и представлений, а бумага понемногу становится всё хуже. Айсизи война дастся нелегко, да и Андзола скоро в полной мере ощутит удар по экономике...

Но самой важной новостью для пленников лагеря было то, что айсизская армия застряла под Кобальей. Кобальская эскадра непонятно где, и в обычных обстоятельствах республиканцы давно предприняли бы десант, однако береговые укрепления в Кобалье недавно перестроены, и новейшая дальнобойная артиллерия держит вражеский флот на почтительном расстоянии. Тогда адмирал Баллестерос, которому поручено захватить последний андзольский порт, решил с помощью корпуса генерала Рохаса блокировать Кобалью с суши. Как только артиллерия истощит боезапас, флот подойдёт поближе, расстреляет бесполезные укрепления и устроит высадку.

Слышать это андзольцам было приятно, но радоваться было особенно нечему: если сухопутная блокада удастся, скоро в городе кончатся не только боеприпасы, но и продовольствие, и тогда судьба Кобальи решена.

— Эх, — заметил один из матросов, захваченных айсизцами в городе во время увольнительной, — какую страну потеряли!

Ему тут же отвесили с разных сторон несколько затрещин:

— Что несёшь, балбес! Ничего ещё не потеряли! Поговори тут...

— Господа, — прервал перепалку Орсо, — новости, конечно, важны, но ещё важнее выводы, которые мы можем из них сделать. Как вы знаете, мы на айсизской территории, но граница совсем близко, она проходит вон там, — он показал рукой за спину, — по Кобальскому хребту. В это время года хребет опасен — лавины вы сами слышите чуть не каждый день. Однако дороги через него есть...

— Спасибо, сударь, за лекцию по географии, — усмехнулся пленный аптекарь, сидевший до сих пор с кислым выражением лица, — но на кой нам бес все эти сведения?

— Господа, — спокойно продолжал Орсо, — я прошу выслушать то, что я сейчас скажу, без шума и криков. Не нужно привлекать внимание наших охранников — нам следует всё обсудить тихо. Итак, я могу говорить?

— Давай, — подбодрил его давешний матрос, — толкуй, чего там.

— Исходя из обстановки, я предлагаю устроить побег из лагеря, забрать всё оружие, которое мы здесь найдём, пройти через Кобальский хребет и попытаться деблокировать Кобалью с юга, со стороны суши.

Шума действительно не было — все на минуту онемели. Потом кто-то всё же не совладал с собой, вскочил на ноги и крикнул было:

— Да вы... вы понимаете, что... — но крикуна тут же усадили на место и убедительно зажали ему рот. Собрание глухо гудело — всех переполняли чувства, но опасение потревожить охрану было сильнее. Потом поближе к Орсо подобрался пожилой человек в обносках — новой смотрелась только его мягкая шляпа с ярко блестящей на солнце пряжкой. Он положил на плечо юноши тяжёлую квадратную ладонь с вьёвшейся чёрной металлической грязью:

— У вас есть план?

— Есть, — признал Орсо. — Нас здесь около двух тысяч — без малого два пехотных батальона. Охраны всего двадцать шесть человек. Конечно, оружия у них немного, но на первое время пойдёт и это. Если атаковать всех одновременно, в худшем случае у нас уложат двадцать-двадцать пять человек, перезарядить оружие они не успеют. Мы выйдем отсюда, захватим наших женщин из деревни и пойдём в горы.

— Но там же обвалы! — вылез кто-то.

— Далеко в горы нам и не нужно — достаточно уйти с дороги на Селону. Мы скроемся в лесу и попробуем перебраться на нашу сторону. Если я правильно помню карту, на той стороне мы окажемся в густонаселённой местности — там наверняка все деревни заняты врагом, разбитым на небольшие отряды. Освободив эти деревни и, возможно, получив там помощь, мы нападём на генерала Рохаса. Вероятно также, что здесь мы получим поддержку кобальского гарнизона, если удастся передать им весточку. Да и другие наши регулярные силы могут быть поблизости. Со стороны гор на позиции Рохаса просто некому напасть — вряд ли они ожидают удара оттуда.

— Всё это прекрасно, — желчно произнёс тот же аптекарь, — но для этого нам не хватает сущей малости: перейти через горы, не попавшись вражеским патрулям, и добыть оружие.

— Как ни странно, об этом я тоже подумал, — огрызнулся Орсо. — Я рассчитываю на помощь контрабандистов-зиналов.

— Зиналов?! Помилуйте, им-то это зачем? — удивился кто-то.

— Ещё до нападения на Саттину я прочёл в какой-то нашей газетёнке, что зиналов вместе с прочими подозрительными лицами будут высылать из Андозлы. Да и помимо этого у меня, думаю, найдётся чем их увлечь...

Многие взглянули на него с подозрением. Но тот же пожилой человек с чёрными руками одобрил план:

— Если вы знаете, как с ними разговаривать, это может сработать! В Кобалье ведь они живут легально.

— Жили, — поправил Орсо. — Но каково их положение сейчас...

— А как же мы их найдём в этих горах? — допытывался какой-то молодой голос.

— Они сами нас найдут. Наверняка они уже знают всё о нашем лагере. Если мы уйдём отсюда, это не пропустят.

— Это надо немедленно рассказать нашим!.. — рванулся маленький жилистый солдат, у которого из одежды уцелели только брюки от мундира — ретивые десантники при аресте

сняли с него даже сапоги.

— Подождите, господа, ещё минуту внимания! — остановил его Орсо. — Чтобы план удался, есть два условия. Первое: командую отрядом я. Я уважаю ваш опыт, возраст, любые ваши достоинства, но командование беру на себя. Это не обычная войсковая операция, а партизанского опыта, я полагаю, нет и у кого. Кто не согласен — может после захвата лагеря идти куда пожелает, я не держу.

— Верно! — подержал его пожилой. — Кто не хочет драться — пусть сразу убирается.

— Меня зовут Орсо Травенари, мой нынешний загородный адрес — второй барак.

— А второе условие? — снова поторопил его молодой голос.

— Каждый из вас ночью тихо, без лишней суеты, расскажет всё, что мы сейчас обсуждали, в своём бараке, и утром я жду от вас известий, кто идёт с нами. Разделитесь на роты, определите, кто командиры. Мой заместитель по всем вопросам — господин Родольфо Треппи, — Орсо показал рукой на товарища.

— Сын полковника Треппи? — закивали солдаты. — Вы, значит, живы?

— Хвала Творцу, — склонил голову Родольфо. — Я полностью поддерживаю план господина Травенари.

— Командира Травенари, — мягко поправил пожилой с чёрными руками.

— У меня всё, господа, — Орсо поднялся с земли. — Жду вас завтра после завтрака здесь же, но не всех сразу. Подходите по одному, не создавайте толпы. Храни вас Творец.

Объяснить замысел побега соседям по бараку оказалось делом несложным и недолгим. Оспаривать командирские полномочия Орсо никто не пытался, а идея оказаться на свободе, хотя бы и ценой большого риска, воодушевила всех. А вот откровенного разговора с Родольфо, который мог коснуться и его семейных дел, Орсо немного опасался и сколько мог откладывал. Помимо самого разговора было ещё что-то, что его беспокоило, но прошло немало дней, прежде чем он осознал характер этого беспокойства. Он не знал, что во всей этой кутерьме стало с Адой. Конечно, можно уповать на то, что она бывала и не в таких переделках и наверняка сможет постоять за себя, но... Но Зандар тогда ещё, после зимней поездки, просил его присматривать за ней, а он не присмотрел... Почему он не пошёл на место встречи после выстрела на крыльце? Ах да, это было оговорено: нельзя наводить след на Аду. Его лица ночью никто не видел, значит, связать его с Адой будет непросто. Да, здесь он был прав, но что дальше? Что вообще могло с ней произойти? Может, ей удалось покинуть город до того, как он полностью перешёл в руки айсизцев? А если и нет, ведь она родственница короля! Пусть Джакомо Третий умер, но королева-то жива, а значит, статус Ады бесспорен! Нет, здесь слишком много неясного, и думать об этом больно и вдвойне обидно: не присмотрел. Молодой болван, бесы всё поберут!

Однако раньше нужно было выяснить всё между ним и Родольфо. Теперь, когда было решено вырваться на свободу, ждать больше было нельзя. После скудного обеда (за последнюю неделю рацион пленных уже уменьшился, дальше будет хуже) приятели укрылись от лишних глаз в тени дровяного сарая; здесь трава была не так вытоптана, как перед бараками, и можно было сидеть не в пыли. Охранник покосившись на них, но не увидев ничего опасного, зашагал дальше своей дорогой, и только когда его спина скрылась за караулкой, Орсо начал свои объяснения.

Изложить всё, что известно о природе нынешней войны и её источниках, было несложно, с этим Орсо справился быстро. Лавировать и следить за словами пришлось тогда,

когда речь зашла о брате Родджио; данное Сильвии слово не позволяло напрямую объяснить ее брату роль девицы в истории захвата Саттины и возможной гибели эскадры. Действовать с учётом этих сведений Орсо предстояло самому. Тем не менее, рассказать о собрании у «брата» и обо всём, что случилось потом, он мог без помех — если здесь и был нанесён какой-то ущерб чести, то только его собственной.

Известие о смерти «брата Родджио» молодого Треппи не особенно взволновало, зато рассказ об измене в рядах андзольской армии кое-что ему сказал:

— А ведь отец слышал такие разговоры! — Родольфо вскочил и в волнении зашагал туда-сюда перед сидящим Орсо. — Несколько раз упоминал дома, что в офицерском собрании обсуждали возможное предательство в командовании и его последствия... Но он не верил! Не мог поверить, сам бы такого себе вообразить не мог и в других был уверен неколебимо... Конечно, при старом короле такое трудно было и представить! А новый... многие могли увидеть повод для... а впрочем, всё равно это за гранью понимания! Не королю ведь мы служим — стране!

Это «мы» Орсо отметил: не получив ещё ни воинского чина, ни образования, Родольфо уже считал себя в рядах тех, кто служит. В этом есть логика и достоинство, нельзя не признать!

— Ладно, этот «брат» явный изменник, так сказать, изначальный, но Гатти!.. Если бы это рассказали не вы, я бы... да я бы... — Родольфо сжал кулаки, бессильный описать словами свой гнев.

— Думаю, — медленно произнёс Орсо, — в заговоре состояли оба Гатти, иначе трудно понять поведение эскадры. И даже их двоих было бы мало.

— Да сколько же там предателей! — взорвался Родольфо. — Каждый третий? Каждый второй?

— Достаточно всего десятка высших офицеров, чтобы разложить всю армию, — вздохнул Орсо. — А если с ними ещё и министр...

— Министр Пиппо? А ему-то зачем?

— А чтобы не опоздать к разделу пирога. Если в заговоре даже один-два министра, значит, для них дело идёт о будущей власти над раздробленными кусочками страны. Именно такой сценарий обсуждали эти изменники — герцогство Ринзорское, герцогство Кобальское...

— А они что, в герцоги собрались? Троны себе заказали? — рычал Треппи. — Да как у них хватило наглости...

— Нам с вами, друг мой, этого не понять — мы устроены иначе. Наша природа не приемлет измены, не позволяет замахиваться на чужое, жертвовать другими ради своей частной выгоды. И мы не ищем мелочной власти, не размениваем себя на эти крохи. Нам их не понять — и не надо! — Орсо тоже вскочил. — Чтобы повесить эту мразь, понимать их нет нужды.

— Верно, — Треппи решительно пожал руку приятеля. Но его боевой задор быстро уступил место тревожным размышлениям:

— Неужели отец тоже их жертва? Я ведь так и не знаю, где он, что с ним стало...

— А когда вы в последний раз виделись? — Из своих наблюдений через окно Орсо помнил, что вечером накануне нападения на Саттину Родольфо с отцом не говорил, но потом была целая ночь...

— Где-то после полуночи. Когда раздались выстрелы, отец проснулся, схватил оружие и

велел мне, если что, позаботиться о матери и сестре. Прошла, может быть, четверть часа, не больше, и мы увидели пожары в стороне гавани. Стало понятно, что это нападение, мама отдала мне свой пистолет и велела идти защищать город, а они с Сильвией, мол, сами знают, что им делать...

— Свой пистолет? — изумился Орсо. То, что дома у Ады полно оружия и она умеет с ним обращаться, его уже не удивляло, но другие женщины по-прежнему представлялись ему такими хрупкими цветочками, возможно, ядовитыми, но без шипов.

— Конечно! У отца в полку есть неписанная традиция: все жёны и дочери офицеров должны уметь обращаться с оружием. Ну вот, мама дала мне свой пистолет, я побежал к порту, по дороге встретил тот отряд гардемарин — там два моих приятеля были, Антонио и Лука. Они сказали, что ничего толком не поняли, а их офицер сорвал с себя эполеты, бросил служебное оружие и убежал вон из экипажа. Тоже, видно, изменник, — Родольфо сплюнул. — Но об отце я больше ничего не слышал. Мы напали на шхуну, да я рассказывал... Антонио убили во время перестрелки на борту, а Лука умер от раны уже по дороге... сюда. — Родольфо сел, обхватив руками колени, опустил голову и замолк. Орсо слышал его тяжёлое неровное дыхание и не трогал пока, давая приятелю прийти в себя.

Солнце неторопливо катилось по двору, тенистые задворки дровяного сарая постепенно заливало жарким белым светом, и молодые люди передвинулись к другой стене, хотя там уже было душно и мимо в отдалении постоянно кто-то проходил.

Родольфо поднял голову и смотрел теперь на суету охраны на плацу, но ясно было, что мысли его заняты предыдущим разговором. Его прежняя нерешительность и неуверенность в успехе ушли без следа: теперь он как сын офицера обдумывал предстоящие сражения. Орсо понял, что волей Творца он нашёл верного и стойкого товарища в тех странных и нелёгких делах, которые им предстояли.

— Скажите мне, если это не военная тайна, — задумчиво сказал молодой Треппи, — на что вы рассчитываете, чтобы убедить кобальских контрабандистов нам помочь?

— Во-первых, у нас с ними есть общие знакомые, и за свою помощь они раньше получали достойную награду...

— Но сейчас у нас нечем заплатить!

— А во-вторых, — невозмутимо продолжал Орсо, — среди них, как я уже говорил, есть немало зиналов, а у них имеются некоторые основания помогать лично мне.

— Ого! Невероятно! Вы нашли общий язык с зиналами?

— Я только следовал мудрым советам и примерам в этом вопросе. Моя опекунша — я о ней уже говорил — когда-то очень помогла зинальской общине Кобальи, а они не забывают таких услуг.

— Будем надеяться, будем надеяться... — покачал головой Родольфо. Видно было, что он бы рад разделить уверенность друга, но в зиналов особенно не верил.

А Орсо уже и позабыл о зиналах, контрабандистах, предстоящем походе, который ещё надо было обдумать и просчитать. Разговоры о Саттине напомнили ему, что сегодня ночью, если пойдёт Творец удачу, он увидит Миннону. Мысль о том, что там, снаружи, есть кто-то знакомый, кто-то, кто ищет встречи с ним, одновременно согревала и тревожила. Ведь если удастся захватить лагерь, на его, командира, плечи ляжет и забота о женщинах! Вести их с собой на войну — невозможно! Вполне вероятно, что некоторые из них, даже, быть может, двадцать-тридцать пожелают этого сами, но остальные, хрупкие, измученные пленом и каторжной работой, не готовые к таким испытаниям... как быть с ними?

Ответов он не нашёл, поэтому решил пока не изводить себя бесплодными размышлениями; пользуясь тем, что с гор прилетел пыльный ветерок и дышать стало легче (что-то у него всё же не так с дыханием с той самой ночи...), он устроился на хилой травке за сараем и проспал там до заката.

Часть 25, где играют с огнём по всем правилам

Казалось, ночь наступала невероятно медленно; едва дождавшись развода ночного караула, Орсо выскользнул из барака, держась вдоль стены, пригнувшись, чтобы не попасть случайно в луч фонаря, прокрался к забору. Ночь на этот раз была пасмурная, с просверками далёкой грозы, идущей где-то над горами. Орсо не знал, когда ждать Миннону, логика подсказывала, что вряд ли ей удастся прийти сразу после наступления темноты, но сидеть в бараке просто не было сил! Он сам удивлялся себе: он не мог представить, что когда-нибудь с таким невероятным нетерпением будет ждать появления женщины... Страсти, описанные в романах, казались ему чем-то невообразимо смешным, а теперь он сам похож на трепетного любовника, ожидающего свидания! Тьфу ты, стыдно как! О деле думать надо!

Дыхание грозы чувствовалось и в воздухе долины; птицы почти не подавали голоса, зато от речушки налетели комары, ещё по-весеннему мелкие, и безжалостно напали на полураздетого пленника. Отмахиваться от них следовало осторожно, и уж ни в коем случае нельзя было хлопками убивать кровопийц — охрана могла всё это заметить и, не утруждая себя проверкой, просто выстрелить в направлении звука, острастки ради. Иногда от комарья спасали резкие порывы ветра, долетающие с гор, но они были редки — предгрозовая тишь говорила, что к утру польёт и здесь, в долине. Эх, вот если бы гроза пришла на следующую ночь, когда предварительно намечен побег!.. Дорогу развезёт, конечно, зато темнота облегчит нападение на охрану, а с дороги всё равно вскоре придётся сойти... и шлёпать по холодной грязи в горы, при том, что половина пленных разута... Ох, не миновать после этого перехода сотен больных!

Задумавшись обо всём этом, Орсо не сразу различил по ту сторону забора знакомый шелест подола по низенькой молодой травке. И лишь когда снаружи чужие пальцы провели по шершавой доске, он приник глазом к давешней дырке. Во тьме женская фигурка едва виднелась, главным образом благодаря светлому платку на голове. Она, видно, не могла найти дыру — снаружи её почти не было заметно.

— Во имя Творца, Миннона! — шёпотом позвал Орсо. Девушка тут же скользнула к нему:

— Вы здесь? Простите! Я сглупила вчера, не назвала время, когда смогу прийти...

— У нас нечем отмерять время — ни у кого нет часов... Но это всё равно, главное — вы живы! — Орсо перевёл дыхание, стараясь успокоиться.

— Как ваша рана? Я боялась, что вы... что, словом... да нет, неважно!

— А, пустяки, я здоров. Но я обязан вам, вы спрятали меня...

— Если бы не я, вас бы, может быть, не нашли айсизцы, — грустно сказала девушка. — Первым делом они бросились обыскивать богатые дома...

— И всё же лучше так, чем если бы меня поймали... — Орсо вовремя прикусил язык, чтобы не назвать имён, — ...те, кто меня ловил.

— Я не поняла, кто это был?

— Предатели. Я нашёл гнездо заговорщиков и напал на них.

— Напали?! В одиночку?! Но почему вы... — она замаялась, — почему не позвали полицию или жандармов?

— Потому что среди предателей были военные. А вдруг жандармы тоже замешаны? Этого я не знал...

— Помилуй нас Творец! — Миннона помолчала, потом сказала уже более решительно:

— Я принесла вам кое-что, вот, попробуйте проташить в дыру, — между досками показалось что-то тёмное, завёрнутое в грубую ткань. Орсо ухватил пальцами кончик свёртка... знакомые очертания... во имя Творца, это же его пистолет!

— Миннона, вы... вы его сохранили! Тысячу раз вам обязан, это чудо, вы... о, простите, я что-то не то несу...

— Он выпал у вас из кармана там, на чёрной лестнице, — по голосу было слышно, что Миннона улыбается. — К счастью, я догадалась не класть его обратно, иначе его бы отобрали. А вот ещё какой-то мешочек, лежал вместе с ним, — в дырке появился кожаный тщательно перевязанный ещё дома мешочек с патронами. Орсо сам затянул его на совесть, а с тех пор ни раз не перезаряжал оружие... Там должно быть ещё тридцать четыре патрона, да четыре в барабане... весьма неплохо!

— Спасибо вам, — он спрятал мешочек в карман брюк; пистолет туда не влезал — придётся прикопать в бараке до побега... — Спасибо за всё. Теперь... Миннона, я должен сказать что-то важное и прошу передать это другим пленницам, кому сочтёте нужным. Только храните в секрете от местных!

— Я слушаю. — Орсо понял, что она прижалась лицом к забору.

— Завтра ночью мы бежим из лагеря. Когда освободимся, придём в деревню и заберём вас. Может быть, не стоит предупреждать всех, чтобы раньше времени не узнали солдаты, но если среди вас есть те, кому вы доверяете...

— Есть. Я поняла. Помогите вам Творец, мы будем готовы! — Она отпрянула от забора, и в дырку меж досками вдруг просунулась её узкая ладонь. — Дайте мне вашу руку!

— Я... да, конечно... — смущённый Орсо робко коснулся её пальцев.

— Нет, не так! Дайте! — девушка схватила его ладонь и сильно сжала. — Вот так. Теперь мне спокойно. Я верю, что всё удастся.

Орсо порадовался, что в темноте и через забор не видно, как он залился краской от от шеи до макушки...

— И ещё одно... — На этот раз, диво дивное, Миннона, кажется, сама была в смущении! — Во всей этой кутерьме я... я забыла спросить ваше имя.

— Меня зовут Орсо. И я болван — забыл сразу представиться даме...

— На войне как на войне, — утешила Миннона. — Мне пора, как бы не вышли солдаты. Храни вас Творец, берегите себя и скажите всем нашим: мы всё время думаем о вас. Вы наша защита.

Девичья рука исчезла в дыре, и едва заметный шорох одежды сказал Орсо, что Миннона отошла. Голова у него шла кругом; он сел прямо на землю, прислонясь спиной к занозистому забору и думать забыв о том, что его может увидеть часовой. Ну и ночь! Тяжесть пистолета в одной руке, ощущение тонких женских пальцев — в другой... а голова нужна ясная, думать-то кто будет? Творец?

И всё же в таком состоянии возвращаться нельзя, надо отдышаться, иначе Родольфо замучает расспросами, а что ему расскажешь?..

Уже после полуночи, когда в очередной раз сменились караулы и определённо похолодало, Орсо пробрался назад в барак, но уснуть не удалось. Стоило задремать — и вспоминалась то белая рука Минноны (он ещё тогда, на лестнице, понял, какая она сильная), то звук её дыхания совсем близко, то тревожные глаза там, в темноте чёрного хода... Определённо, спать придётся днём!

Историю своего знакомства с Минноной Орсо рассказывать приятелю не стал и даже имени девушки не упомянул. Объяснил только, что она передала ему оружие, а он рассказал о готовящемся побеге. Родольфо засомневался:

— Стоило ли? Женщины ведь... разболтают...

— Если хотят жить — не разболтают! Потом, эта девушка обещала говорить только с теми, кому можно доверять.

— Будем надеяться, — по своему обыкновению Родольфо сомневался во всём...

Утром действительно полил дождь, и обитатели барачных столкнулись с новым испытанием: крыши отставных сараев давно прохудились, и потоки воды сверху заливали соломенную подстилку. Пришлось собирать с пола солому и прятать в те углы барачных, где не очень лило. Орсо оставил замысел отоспаться днём и к полудню, определённого весьма приблизительно, уже ждал командиров своей новой армии там же, где вчера, на пригорке недалеко от дровяного сарая. Они пришли — по одному, по двое, подходили как бы невзначай — переброситься парой слов, посетовать на погоду и свою будущую грустную судьбу. Сражаться не отказался никто; даже слабые здоровьем рвались в бой и были готовы скорее умереть по дороге или в битве по ту сторону хребта, чем быть предоставленными сами себе. Выслушав доклады и пересчитав в уме своё войско, Орсо приказал сформировать восемнадцать рот и объединить их в два батальона; один он подчинил вчерашнему своему знакомому — рабочему по имени Марко Филиппи, а другой — сержанту пограничников по фамилии Нелло. Были распределены роли в предстоящем штурме лагеря; по замыслу Орсо в одном из барачных после отбоя нужно устроить пожар. Охрана выведет оттуда людей, вооружит их подручным инструментом и ведрами и прикажет тушить. В остальных бараках поднимется паника, кто-то из солдат непременно заглянет туда навести порядок, таким образом, часть людей будет снаружи и готова напасть на часовых, а часть должна будет схватить тех, кто войдёт к ним — солдаты ходят по двое, по трое, не больше. Местом поджога Орсо выбрал свой, второй барачный, поэтому в нём так важно было сохранить достаточно сухой соломы.

Помочь с поджогом вызвался Фабио, один из деревенских возчиков, — он умел разводить огонь без лупы и солнца. Для этого важного дела из мусора, валявшегося у дровяного сарая, были со всеми предосторожностями выкрадены несколько длинных сухих щепок, и всё утро Фабио осторожно полировал их краешком монокля, одолженного у адвоката из третьего барака. Палочки должны быть гладкими! Фабио оторвал кант от рукава своей рубахи, распустил его на нитки и соорудил что-то вроде лучковой пилы; пока солдаты не наблюдали за тем, что происходил в бараке, он испытал своё приспособление и убедился, что из-под вращающейся палочки через десять минут упорной работы появился дымок. Пока этого достаточно — получать открытый огонь сейчас нельзя!

День прошёл в нервном ожидании; дождь прекратился часа за два до заката, но успел так промочить землю, что даже вытоптаный лагерный двор раскис и превратился в грязь. Ужин для заключённых состоял на сей раз из кусков вчерашнего хлеба и ломтиков сухой, как подошва, говядины; жидкую похлёбку, которой потчевали по вечерам, сегодня почему-то не варили.

Солнце показалось из чернильных туч уже перед самым закатом, и Орсо счёл это счастливым знаком. Сейчас или никогда! Сдерживая бешеное волнение, он ушёл к себе в барачный, вынул из тайника пистолет, проверил, что заряжен весь барабан, и спрятал оружие за пазуху — сейчас много ходить уже не потребуется и нет опасности его случайно выронить.

Охрана спустила флаг, начался вечерний развод караулов, и Орсо дал сигнал Фабио: возчик пристроился на сухом месте в углу барака и начал понемногу крутить своё примитивное огниво, а десяток других заключённых встали вокруг, чтобы закрыть огонь от взглядов охраны. Пламя не должно увидеть раньше времени!

Родольфо и ещё несколько самых сильных и ловких (а главное, здоровых) бойцов спрятались по обе стороны двери, чтобы солдаты не потащили их тушить пожар. Матрос Аполлинаро принёс пучок идеально сухой соломы; остальная подстилка, способная гореть, уже была разложена в таких местах, чтобы пожар сложнее было потушить. Как это правильно сделать, объяснили рабочие-докеры — их обучали работе пожарных, потому что в цехах, где им доводилось работать, было полно горючих материалов. Орсо не раз предупредил всех, что многое может пойти не по плану по самым разным причинам, и тогда спасение только в одном: атака, атака, несмотря ни на что! Пусть стреляют, пусть даже кто-то погибнет, но отступать — смерть для всех: за попытку побега пленных расстреляют.

Караульные разошлись по своим постам, сменившиеся с вахты охранники, смеясь и переговариваясь, повалили на ужин. Орсо понимал, что слишком долгое ожидание вымотает бойцов, и лишнего тянуть не следует. Темнее, видимо, уже не будет — тучи опять закрыли небо. Пора!

— Фабио, поджигайте, как только будете готовы!

— Есть, командир, сделаем! — отозвался Фабио, всё быстрее и быстрее вращая палочку. Дело это, на первый взгляд нетрудное, отнимало много сил именно потому, что нельзя было останавливаться ни на мгновение. Днём Орсо нарочно проследил, сколько времени потребовалось, чтобы заставить соломенную труху задымиться, и помнил, что всё это происходит не быстро. Со своего места у входа в барак он слышал тяжёлое дыхание Фабио — нет, этот не остановится, хотя бы пришлось трудиться до утра!

— Готово! Горит! — раздался вдруг приглушённый вскрик.

— Теснее, встаньте теснее! — скомандовал кто-то из новоназначенных офицеров (Орсо ещё не всех помнил по именам и по голосу). — Поджигайте пучки... вот так, одновременно! Не поднимайте высоко, держите у земли... Отлично! Есть ещё? Давай сюда! Семь, восемь, девять... Достаточно! Бросайте!

Горящие связки соломы полетели в разные углы сарая. Орсо замер: вот сейчас решится, удастся ли его план. С полминуты ему казалось, что всё провалилось: огонь канул в вороха соломы и пропал. Но потом сразу из всех углов повалил густой дым, и вслед за ним выглянуло, словно любопытный зверёк, рыжее пламя.

— Разгорается! — радостно доложил кто-то.

— Хорошо! Пока не кидайте солому, а то задавите огонь... Эх, дыма сколько!

В бараке, несмотря на все его щели, становилось трудно дышать. Орсо тихо, но чётко скомандовал:

— Наружу! Поднимайте тревогу.

— Пожа-а-ар! — завопил молодой гардемарин Аньоло, выскакивая, как и полагалось по сценарию, на середину двора. — Помогите! Пожар!

— Аньес, Лигуэро, во второй барак! — загремел голос начальника лагеря. — Выводите людей!

— Ещё подкиньте, — хладнокровно скомандовал скрытый клубами дыма поджигатель.

В огонь полетели новые связки соломы, на сей раз уже сырые.

— Все наружу, — приказал Орсо. Сейчас люди могут уже задохнуться, нужно выходить

всем. — Где Фабио?

— Здесь я! — громадный возчик возник из темноты, таща за собой двух ослепших от дыма товарищей.

В проёме дверей показались два солдата:

— Все наружу! — сами того не ведая, они повторили приказ Орсо. — Ты, ты и ты (палец солдата указал в том числе на Орсо) — за баграми, а вы и вот вы — хватайте вёдра и таскайте воду! Остальные — во двор, живо, живо!

Пробегая мимо солдат, Орсо легонько толкнул плечом стоящего у входа Родольфо. Это был сигнал: молодой Треппи и ещё пятеро бойцов из засады разом навалились на солдат, зажимая им рты, и поволокли в клубках дыма за барак; там предполагалось связать их и оставить до лучших времён. Через минуту Орсо краем глаза увидел, как Родольфо, прячась в тенях, выворачивает обратно, держа в каждой руке по ружью.

В соседних бараках тем временем поднимался шум: пленные кричали, что их тоже надо вывести во двор, что огонь может перекинуться сюда, что они все погибнут... Солдаты, повинаясь приказу начальника лагеря, бросились туда наводить тишину и прекращать панику. Обратно не вышел ни один.

Орсо огляделся: жители второго барака уже все, кажется, выскочили на воздух. И всё же... Посылать других на такое дело нельзя, придётся самому!

— Фабио! Тебе — одно ружьё, ваша рота пусть берёт караулку! Те, кто без оружия, вперёд не лезут, помнишь?

— Помню! А ты, командир? — Фабио удивлённо остановился.

— Я проверю, не осталось ли кого в бараке.

Фабио кивнул, схватил у пробежавшего мимо пленного ведро с водой и вылил на Орсо, окатив его с головы до ног. Орсо благодарно кивнул, сорвал с себя рубашку, обмотал мокрой тканью нос и рот, сунул пистолет за пояс и нырнул в подсвеченную красными огнями глубину сарая.

Горела теперь уже вся солома, и большая часть её уже превратилась в чёрный лёгкий пепел, летавший по барраку. Орсо огляделся, позвал:

— Есть кто? Поднимите руки!

Что-то зашевелилось у самых его ног — прижимаясь к самой земле, крепко зажмурившись, полз пожилой сатинец — присяжный поверенный. Он всё сделал верно: у земли дыма меньше, только вот полз он не туда, куда нужно!

— Вставайте! — Орсо рывком поднял его на ноги, натянул ему на голову мокрую рубашку. — Бегите прямо туда, не сворачивайте, здесь ещё нет огня. Быстрее, просто прямо!

— Да... да, я сейчас... я... туда, да, да... — забормотал спасённый и в самом деле тяжело побежал в сторону двери. Даже если наткнётся на стену, это будет та стена, где дверь... Но нет ли здесь ещё кого?

Орсо огляделся. Без защиты дышать становилось тяжело, он начал кашлять. И это оказалось внезапно кстати: его окликнули из угла:

— Я здесь! Не могу выйти! Во имя Творца... не могу!

Орсо рванулся туда, откуда его звали. Молодой рабочий, по какой-то причине не выскочивший вовремя из сарая, оказался в ловушке: над ним горел узкий навес, когда-то служивший верхним трапом в овине, а ему приходилось подпирать его руками, иначе горящие доски обрушатся прямо ему на голову. Оценив эту сцену, Орсо придумал только один выход: выдернуть его вперёд, рывком, как можно быстрее, и надеяться, что пылающие

доски упадут позади.

— Дай руку! — Орсо протянул свою.

— Упадёт...

— Дай одну руку! По моей команде отпуская вторую и не сопротивляйся! Готов? Пошли!!

С этими словами Орсо изо всех сил рванул парня за руку вперёд; оба повалились на горячий пол, усыпанный тлеющей соломой, а позади с жутким шипением, рассыпая искры, обрушился навес. Грудь сдавило, сердце колотилось в горле; огромным усилием Орсо вскочил на ноги и поднял товарища:

— Опирайся на меня и шагай! Не останавливайся, иначе упадём оба! Понял?

— Понял... — сипло сказал тот и крепко ухватил Орсо за шею правой, здоровой рукой — левую он всё же успел обжечь.

Эти полтора десятка шагов были, вероятно, самым длинным путём, какой Орсо довелось пройти в его недолгой жизни. Каждый новый вдох был ужаснее предыдущего; под рёбрами разливалась режущая боль, ноги подкашивались, а на плече висел тяжёлый человек, который тоже не мог вдохнуть... Воздуха, налейте воздуха!

Какой-то короткий промежуток времени выпал из памяти Орсо, а вернуло его к действительности новое ведро холодной воды, вылитое на голову. Он судорожно, со всхлипом вдохнул и решился открыть один глаз.

В свете пожара видны были толпы выбежавших из бараков пленных... нет, уже не пленных! Теперь это бойцы его отряда, и они больше не заключённые!

Орсо встал (оказывается, он сидел на земле! Очень вовремя расселся!), проверил, на месте ли пистолет. Подскочил бравый Нелло:

— Караулка взята, солдат повязали, сейчас собираем оружие.

— Убитые есть?

— Трое, — Нелло помрачнел. — Раненых пятеро, но лёгкие.

— Хорошо. Где пленные? — Вот так-то, подумалось ему: теперь пленные — это айсизцы.

— Там, — Нелло показал рукой в сторону ворот. Орсо зашагал туда, стараясь не шататься, хотя в голове ещё шумело.

Пленные айсизцы стояли в кругу света от больших фонарей над воротами под охраной бойцов Нелло. Вид у солдат был не столько злой или яростный, сколько ошалелый. Перед Орсо бойцы расступились, и он подошёл вплотную к солдатам.

Начальник лагеря, красуясь свежим кровоподтёком на скуле, мрачно оглядел Орсо. Ну и вид у меня, подумалось юноше. Грязный мокрый, голый по пояс, волосы обгорели... прямо генерал, сразу видно! Отчего-то при этой мысли стало до того смешно, что он с трудом подавил улыбку. Но офицер воспринял его гримасу по-своему:

— Мы, кажется, не давали повода насмеяться над нами, сударь!

— Поверьте, я и в мыслях не имел смеяться над вами, — серьёзно уверил Орсо. — Здесь и без этого немало поводов для веселья. Хотя бы то, что мы теперь свободны и в честь такого праздника вам не будет причинено больше никакого вреда.

— Что вы намерены делать? Вы на чуждой территории, вам некуда идти! — мрачно сказал айсизец.

— Вас это больше ни в коей мере не должно беспокоить, господин офицер. Ваша роль в нашей истории, пожалуй, окончена. Вы будете заперты в кордегардии, утром вас, возможно,

освободят местные жители. Оружие мы забираем, ваших раненых вы сможете перевязать сами, засим позвольте откланяться, — Орсо повернулся к своим бойцам:

— Заприте всех в караулке, проверьте засовы на ставнях.

Сам он отошёл к той группе бойцов, которая разбирала и проверяла захваченные трофеи. Здесь на него налетел Родольфо, узнал, несмотря на грязь и копоть, — и внезапно крепко обнял, стиснув так, что на мгновение вышиб дух из груди.

— Живой! Болваны, зачем они тебя туда отпустили?!

— Меня не надо отпускать, я сам ушёл, — усмехнулся Орсо. — Живой, что мне сделается.

— У тебя ожог на лице, — сказал Родольфо, и только сейчас Орсо почувствовал, что правая щека и ухо действительно горят. Бесы его побери, больно всё-таки! Надо будет потом ещё промыть холодной водой...

— Пустяки, облезет — зарастёт!

— Железный ты, что ли? — искренне изумился молодой Треппи.

— Командовать надо...

— Сейчас бой закончился, командовать не надо! Иди отдышись и умойся, а мы к тебе с докладом придём, — Родольфо подтолкнул его к положенному вдоль стены караулки толстому бревну, на котором раньше отдыхали курили солдаты, сменяясь с вахты.

Орсо сел, стараясь не сгибать спину — снова становилось тяжело дышать. После двух почти бессонных ночей хотелось привалиться тут же под бревно и спать, спать сутки напролёт... С этим придётся подождать — впереди ещё ночной марш в сторону гор!

Что-то твёрдое упёрлось в бок: а пистолет-то и не пригодился! Орсо осторожно вынул оружие, откинул барабан и разрядил первую камеру. Ада права — с этим не шутят.

Всего в лагере удалось захватить тридцать одно ружьё, семнадцать пистолетов, небольшой запас пороха и готовых пуль, немного свинца и ружейного масла в бочонке. Припасов у солдат почти не было, но то, что нашлось, было кстати — когда теперь удастся поесть, никому не было известно. Оружие раздали тем, кто умел им пользоваться, запасли в солдатские фляжки воды, и Орсо отправил небольшой отряд в деревню с приказом тихо вывести женщин, по возможности не тревожа местных.

В час пополуночи было назначено выступление.

Часть 26, где внезапно происходит то, чего все ждали

Тишина леса — никогда не молчание, она не похожа на тишину запертой комнаты или другого замкнутого пространства. Тишина леса — это едва заметные звуки, скрадывающие друг друга, фон для торжественного покоя. Шум ветра в кронах дубов не похож ни на какой другой шум листвы; движение каждого отдельного листа слышно особо, а всё вместе напоминает далёкий грохот битвы. Древние языческие предки народов этого края не зря считали дуб деревом воинов... Падение листа, сорванного с ветки высоко над землёй, — тоже особый звук, лист дуба падает как лист бумаги, с лёгким свистом, а его прикосновение к земле похоже на удар медного гонга. Заросли цветущего дрока и низкорослого самшита по берегам ручьёв шумят тревожно и грозно, будто в них, пробираясь сквозь листву, постоянно маршируют маленькие армии.

Течение ручья в дубраве не утомительно равномерно — звук текущей воды то усиливается, то слабеет, как далёкая людская речь, и этот никогда не повторяющийся узор чередований плеска и грохота приводит человека в состояние, близкое к гипнотическому сну. Нет, не зря дубравы в древности считались местами, полными странной мистической силы.

Здесь горные дубы — вечнозелёные, здесь нет толстого слоя опада, как в более северных лесах, и отдельные упавшие листья, лежащие там и тут на серой земле, долго сохраняют свой терракотовый цвет. Всё остальное покрыто ярко-зелёным мхом: камни, выступающие повсюду из почвы, корни и стволы дубов, упавшие сучья и редкие пни. Если бы не эти покровы мха, бывшие пленные до крови разбили бы босые ноги в этих бесконечных дубравах. Моховые подушки, конечно, не скрывают следов, но идти по ним всё равно что по ковру в богатой гостиной. Далеко, над ветвями дубов, бушует солнце, но сюда его лучи падают только в редких просветах между листвой, как сияющие белые копья. Чуть отвернёшься от освещённого места — и повсюду серо-зелёный полумрак. Темнеет здесь рано, и ночи черны, и крошечные костры, которые решались разжигать бойцы, не разгоняли мрака уже в трёх шагах от огня.

Дубовые леса Кобальского хребта пустыньны — здесь всегда было мало дичи, а за столетия аристократических охот отсюда ушли последние олени и кабаны. Только мелкие птицы перекликаются высоко в кронах, а больше здесь никто не живёт. Иногда можно встретить обширную, как занавес, паучью сеть между двумя широко расставленными дубовыми стволами, и паук размером в мелкое яблоко сидит в ней, как древний барон в своём замке, но зверей здесь нет. Нет и рыбы в ручьях. Последние запасы, взятые с собой из лагеря, кончились накануне, и второй день отряд шёл голодным. Только вода ключей, мягкая, вкусная, слегка пахнувшая желудями, немного помогала жить. На маленьких прогалинах, залитых солнцем, бойцы на ходу срывали ароматные стебельки тимьяна и жевали, чтобы заглушить голод. И всё равно, даже шатаясь от голода, даже не зная, куда приведёт их путь без дороги, люди шли молча, созерцая пронизанное солнцем величие лесов. Здесь не страшно и умереть, если случится.

Последние дни и ночи измотали Орсо, а голодный марш по горам сильно подточил его уверенность в успехе похода. Но делать было нечего — он пообещал людям, что выведет их на родную территорию, и они идут куда он ведёт. Пришлось вырезать прочный посох — с

ним хватало сил шагать со скоростью отряда. Проводники, хоть немного знавшие горы, держали направление южнее Ореха-де-Гато — «кошачья голова» иногда виднелась в просвете между деревьями, сияя на солнце вечными снегами. Орсо обычно шёл в арьергарде, то и дело получая доклады от разведчиков, замыкавших отряд. Он боялся погони — в Селоне стояло много войск, и кого-то вполне могли отправить по следам, благо найти их было нетрудно. Охрана лагеря хорошо знала, сколько людей ушло и как они вооружены, — не знали только, куда и зачем они идут. Но если их догонят раньше, чем покажутся перевалы, это будет уже неважно... Дубравы просторны, как регулярный парк, здесь кавалерия вполне может догнать пеших и изрубить без помех.

Командир разведывательной группы Мартино — пожилой, но юркий бывший браконьер из Арлето — нагнал Орсо и тихонько доложил:

— Позади мы слышали сигналы трубы.

— Какие? — Орсо похолодел, но говорить старался спокойно, насколько возможно.

— «Общий сбор».

— Та-ак... — Орсо огляделся. Отряд поднимался по пологому склону, держась берега речушки, чтобы не разбредаться — в лесу достаточно было отойти шагов не пятьдесят, чтобы тебя потеряли из виду. Куда прятаться? Лес прозрачен, на том берегу — то же самое, добежать до скал — далековато, но там можно укрыться от кавалерии... Если не высовываться, не давать в себя стрелять, то...

— Передайте приказ по отряду: не растягиваться, двигаться вверх, на скалы. Авангард пусть разведает и покажет дорогу.

Мартино глянул вверх, на скальные зубцы, еле видные в просветы дубовых крон, с сомнением покачал головой — он-то понимал, как трудно будет успеть туда добраться, — но командиру ничего не сказал, кивнул и отбежал вперёд. Приказ передавали по цепочке, люди заспешили, заволновались; многие оглядывались назад, хотя до врага было ещё слишком далеко, чтобы что-то увидеть...

Орсо подозвал командира арьергарда:

— Возьмёте двадцать ружей, боеприпасов на десять выстрелов на каждого, будете прикрывать отход. Долго не засиживайтесь — если заставите их отвернуть, это уже отлично! Тогда снимайтесь и догоняйте нас, но не по этому берегу — перейдите на северный.

— Есть, — длинный смуглый матрос, командир арьергарда, отдал салют, поскольку в отличие от большинства беглецов был в берете.

Орсо оглядел тех, кто остаётся; двадцать человек, двадцать ружей, а это две трети всего серьёзного вооружения, которое есть у отряда... Но не оставить им ружья нельзя! На всех остальных что десять стволов, что тридцать — никакой разницы.

Новоиспечённый командир не обманывал ни себя, ни бойцов: вряд ли им удастся отступить. Всего вероятнее, они останутся здесь, под дубами, на зелёных моховых подушках. Они готовы — это видно ясно. На минуту стало мучительно стыдно, что он сам не может остаться тут с ними и дать бой. Он-то хороший стрелок, успел уже убедиться... Нельзя. Он вызвался командовать походом, и ему верят.

Он тоже отсалютовал остающимся:

— Храни вас Творец. Ждём вас к утру.

Остающиеся молча вскинули ружья. Они понимают — никого к утру не дождутся в скалах над истоком речушки... такова жизнь.

Орсо отвернулся и, опираясь на свою палку, полез вверх по склону вслед за отрядом.

Сигналов трубы пока не слышно — то ли слишком далеко, то ли ветер относит... Значит, у заслона будет время укрепиться, найти укрытие где-нибудь среди чёрных дубов.

Когда он поравнялся с основной частью отряда, его догнала Миннона:

— Что там? Погоня?

Орсо молча кивнул. Между ним и Минноной как-то сразу установились отношения без политеса: никаких «сударей» и «сударынь», никакой салонной вежливости. Да и смешно бы выглядели в лесу, в походе, церемонии между двумя оборванцами... Миннона была надёжным другом, настолько другом, что даже вечно подозрительный Родольфо ни разу не пошутил на этот счёт. С Родольфо девушка держалась не то чтобы более чопорно — скорее, более скованно. Впрочем, молодой Треппи ничем её не обижал, всегда был предупредителен и вежлив. У него как-то получалось быть любезным без робости, и Орсо втихомолку ему завидовал. Может, это оттого, что он рос вместе с сестрой?..

После побега они с Минноной так толком и не поговорили. Некогда было: сперва лихорадочный марш по ночным горам, потом короткие привалы — долго засиживаться на одном месте было опасно, отдыхали вполглаза, а когда кончились припасы, перестали даже разжигать много костров — складывали один длинный, чтобы давал жар, и по очереди грелись возле него. На привалах Орсо, страшно измотанный и ещё нездоровый после ранения, падал на любом свободном месте и засыпал глухим сном, а поднимался на рассвете от холода и от мысли, что пора двигаться дальше. Миннона и ещё одна смелая горожанка по имени Форина как-то сами собой оказались командирами женщин, и пленницы трудолюбиво помогали мужчинам всем, чем могли. Пока было что готовить и есть, они занимались приготовлением и распределением пищи, вели учёт немногочисленных лекарств, захваченных у охраны лагеря, лечили больных. Они же похоронили троих умерших от болезней и слабости — двух пожилых бойцов и одну чахоточную девушку...

Вопреки опасениям многих мужчин, женщины оказались стойкими и упорными, ни одна не жаловалась и не требовала специальной заботы о своей драгоценной особе. Впрочем, тех, кому забота была нужна, и так не оставляли. Двух старушек, неведомо как попавших в лагерь, на походе несли на спине самые сильные бойцы — по камням и переплетениям огромных корней они не смогли бы идти сами, а это замедляло и без того небыстрый марш отряда. Самых хрупких девушек Миннона определила на работу несложную, но требующую большого внимания: они вели учёт исправного оружия, пуль и пороха. Вести записи было нечем и не на чем, но девицы прекрасно всё запоминали и в любой момент готовы были доложить, как обстоит дело с боеприпасом.

Сейчас Миннона шла рядом, и, казалось бы, лучшего момента для разговора не придумаешь, но... Мысли Орсо были совсем о другом, а отвечать Минноне на вопрос, который она задала уже давно, надо было обстоятельно и честно.

Кто были те люди, с которыми он встретился в ночь атаки на город? Он уже говорил, что это предатели, но объяснять подробности на ходу слишком сложно. Пришлось бы сперва рассказать про «преинтереснейшее общество» в столице, про козни «брата Мауро», про убийство Сексто, про охоту на заговорщиков... А оттуда тянутся истории и про паровые «железные малышки», и про истинный смысл и назначение начавшейся войны, и про его странный приказ по отряду — по возможности не убивать рядовой состав айсизской армии, и про то, откуда у него такой диковинный пистолет... Орсо уже немало времени крутил в мыслях эту историю так и эдак, понимая, что её придётся рассказывать не раз и не два, пытаясь отсеять неважные подробности и оставить только самое необходимое... История-то

получалась, но Миннона спрашивала именно о том, что касалось его самого!

Что произошло с Минноной, Орсо уже выяснил из разговоров женщин. В ночь нападения на Саттину, пока Миннона возилась с ним, к ним в дом ворвались десантники — им показалось, что в окне они видели вооружённого человека. Мать Минноны, баронесса Нева, умерла на месте от разрыва сердца — не смогла перенести того, что у неё на пороге, в её доме какие-то грубые скоты допрашивают её дочерей. Что стало с Руденой, женщины не знали; Миннону схватили и заперли вместе с другими «подозрительными» горожанками в городской тюрьме; айсизцы считали, что она укрывала на чёрной лестнице раненого солдата гарнизона. Потом всех их погнали следом за пленными мужчинами, не давая, однако, встречаться с ними.

Всё это Орсо услышал в нескольких пересказах и достаточно точно запомнил. Непонятным оставалось одно: почему, по каким законам войны в плен увели женщин? Такого не бывало никогда со времён феодальных междоусобиц, но тогда в плен угоняли всех подряд, людей наравне с коровами и овцами — ведь это всё имущество. С тех пор лицо войны сильно изменилось, и международные договоры, которые подписывала и Айсизи, единодушно осудили нападение на гражданских, если они не оказали сопротивления с оружием в руках. Захватить парней, которые обстреляли десант из окна, логика договоров худо-бедно ещё позволяла, но женщин, вся вина которых только в том, что они были у себя дома... У этого должен быть смысл! Должна быть логика! И если она не очевидна с точки зрения родного мира... возможно, она принесена извне?

Как ни спешил отряд, группы бойцов всё же растянулись по лесу, и отстающих приходилось поторапливать. Скалы приблизились, деревья становились всё ниже и реже, а дорога — всё труднее: почти не стало мягкой земли, всё чаще попадались каменистые осыпи, которые следовало обходить — подниматься по ним опасно. Бойцы, шагавшие без обуви, быстро поняли, что дальше продвижение ещё замедлится... Но выхода не было: или добраться до скал, или встретиться с преследующим врагом там, где у него все преимущества.

Орсо, шагая в середине отряда, постоянно оглядывался, пытаясь оценить, сколько людей ещё отстаёт. На очередном каменном выступе он остановился, прислушиваясь. Нет, трубы ещё не слышно... впрочем, в горах это обманчивое чувство...

— Командир, — слева подошёл Нелло, — за нами следят.

— Солдаты? — Орсо кивнул вниз, в сторону долины.

— Нет, оттуда, — Нелло обвёл рукой скалы слева и впереди. — Кто-то идёт рядом с нами, но скрываясь.

— Много?

— Так не понять, но, кажется, немного. Прикажете поймать?

— Не думаю, чтобы они так просто дали себя поймать, — покачал головой Орсо, — а стрелять без нужды пока не хочется... Вот что! Пришлите ко мне Треппи и Пизони... знаете Пизони?

Нелло кивнул и убежал. Пизони был сержантом гарнизона Саттины, ему Орсо доверял полностью как знающему военному.

Родольфо и сержант подошли, когда основная часть отряда уже поднялась на каменистый гребень и в лесу оставались только группы замыкающих и дозорных. Орсо кратко объяснил суть дела, потом добавил:

— Я думаю, это местные контрабандисты или браконьеры, то есть именно те, кого мы

собирались искать. Что это не солдаты, я уверен.

Треппи согласно кивнул:

— Что ты хочешь сделать?

— Поговорить. Возможно, это наше спасение... Теперь вот что: Родольфо, ты остаёшься командовать, пока меня не будет. Наши планы тебе известны. Надеюсь, тебе недолго придётся тащить эту ношу... — Орсо улыбался, но Родольфо понял его намёк: может случиться, что его временное назначение станет постоянным...

— Теперь вы, Пизони. Я хочу, чтобы вы пошли со мной.

— Туда, к этим? — бесстрастно уточнил низенький крепкий сержант.

— Да. Возьмите пистолет... а, вижу, вы уже при оружии.

Пизони прикоснулся к рукоятки торчащего за поясом пистолета.

— Отлично. Идём сейчас, пока нас не догнали. Если эти... в скалах... услышат, что начинается бой, они могут разбежаться, и мы их больше не найдём.

— Слушаюсь, — спокойно сказал сержант.

— Всё, пора. Родольфо, следи за отстающими.

— Сделаю... Храни вас Творец!

Отходили от основного отряда медленно, нарочито неторопливо. Оружие держали на виду, но не наизготовку. Мелкие камешки гремели под ногами, выдавая их точное местоположение. Конечно, неизвестные, скрытые в скалах, могли и пальнуть, но смысла в этом нет. Видно же, что двое идут без враждебных намерений!

Пришлось отойти шагов на двести, когда из-за торчащего, как клык, рыжего камня высунулась голова в широкой шляпе, а рядом с ней — ствол ружья. Намёк прозрачен: хочешь говорить — говори, хочешь чего-нибудь другого — получишь пулю!

Орсо приглядывался к тому человеку, что оказался на виду. Из-под шляпы видно немного, но можно различить, что длинные и густые, тронутые сединой усы свисают до подбородка, а по плечам лежат длинные спутанные чёрные патлы. М-да, немного...

Человек в шляпе молчал, предоставляя говорить пришельцам. Делать нечего — рискнём!

— Иштан аодьон!* — Так, кажется, учил здороваться Зандар.

Шляпа дрогнула, человек рукой в перчатке сдвинул её на затылок, и стало видно загорелое суровое лицо, выразившее чрезвычайное удивление; ответил он, однако, как положено:

— Веляд ван**... — Дальше посыпались, как обвал, звонкие и шипучие зинальские слова, но Орсо покачал головой и сказал на андзольском:

— Я так быстро не понимаю! Ты знаешь языки?

Для зинала это значило: какие-нибудь языки, кроме их родного.

Человек вышел из-за камня, снял шляпу, представился:

— Варга. А ты? — Оказывается, он отлично говорил на андзольском, когда хотел!

— Орсо.

— А он? — Зинал кивнул на онемевшего от изумления Пизони.

— Как ваше имя? — шепнул Орсо.

— Урбано, — представился сержант, учтиво снимая берет.

— Кто сказал тебе нашу речь? — удивление Варги не проходило; он даже подошёл поближе, чтобы рассмотреть гостей.

Орсо поколебался мгновение, стоит ли называть Зандара. Нет, пока не стоит —

неизвестно, где он сейчас и что делает...

— Ада Анлих, — сказал он. Тоже правда...

Из-за камня появился тот, кто всё это время целился в пришельцев, — старый, совершенно седой дед, тоже с типичными зинальскими усами, белыми, как туман.

— Ты знаешь Аду, дитя? — проскрипел старикан.

— Я её сын.

Вторично за этот день сержант Урбано Пизони пришёл в полное изумление. Оба зинала одновременно, как по команде, опустились перед Орсо на одно колено и склонили головы.

* Помоги вам Творец

** И тебе

Часть 27, где приближается серьёзная драка

Самое уютное для человека после ощущения тепла — это запах дыма из очага. Запах мира, покоя и безопасности. После плена, лагеря, побега, постоянной готовности к безнадёжному бою просто сидеть у очага — это почти счастье. Даже если на этом очаге не готовится очень уж сытный ужин, одно то, что ты, считай, дома, лечит лучше любых припарок...

Выпрямиться в пещерке, где приютились зиналы, было сложно — потолок нависал низко, и Орсо уже раз ударился макушкой, по привычке резко встав на ноги. Зато сидеть было лучше некуда: устроившись на лиственничном лапнике, опираясь спиной о камень и вытянув ноги к огню, можно запросто уснуть и проспать неделю... Но вот спать-то как раз сейчас и нельзя — сначала надо решить всё важное, и Орсо постарался усесться прямо:

— Главная наша задача прежде, чем мы начнём любые операции, — это провиант. Без еды люди драться не смогут!

— С едой плохо, — вздохнул седоусый зинал по имени Боднар. — Наши запасы ты, господин, видел сам, на такую уйму людей это мало. А в деревнях на той стороне айсизцы всё разграбили...

— А сами айсизцы не устроили армейских магазинов?

— Проверять надо, — почесал в затылке Боднар. — Ты, господин, скажи, что надо там узнать, а мы пошлём ребят, они мигом всё разнюхают!

— Не зови ты меня господином, почтенный Боднар! Видит Творец, неудобно, разве над зиналами есть господа?

— Ты господин, потому так и зовём, — строго сказал старикан. — Воля твоя, а только обычай требует...

— Ну раз обычай... С обычаем не спорят, прости меня, — согласился Орсо, а про себя выругал недобрым словом упрямство зиналов и их стойкие обычаи. И без того сержант Пизони смотрит теперь на него как на скелет древнего дракона из музея, а что ему объяснишь? Он сам не понимает, отчего таким почтением прониклись к нему зиналы — разве что из уважения к Аде?.. А спрашивать неудобно — получится, что он сам не знает, что к чему, а вдруг зиналы перестанут ему доверять? Словом, глупое положение, и выхода не видно...

— Что нужно узнать? Во-первых, нет ли у айсизцев где-нибудь там складов, во-вторых, сколько в деревнях на той стороне людей и готовы ли они драться, если мы возьмём их с собой. В-третьих... в-третьих, не видел ли кто-нибудь в республиканской армии железных самоходных шпук с во-от такой трубой впереди...

— Это мы видели, господин, — с готовностью встрял Будай, младший сын Боднара. — Ползает, как гусеница, медленно, но очень тяжёлая, а из трубы вылетают... вроде пуль, но побольше. Где падают — там взрыв, как от гранаты.

— И эта штука в корпусе генерала Рохаса?!

— Да, господин. Но её редко выпускают — только в темноте. Сами айсизские солдаты её боятся.

— Спасибо, друг, это важно! — Орсо и подумать боялся о такой удаче: вот он, случай объяснить партизанской армии, что здесь происходит! Если увидят «железную малышку» воочию — поверят и всему остальному, что он может объяснить.

— Охраняют её крепко, чтобы не убежала, — объяснял теме временем Будай. — Она рычит, ревет, а не убегает — слушается.

— А чем её кормят, ты не знаешь?

— Не видел, — огорчился молодой зинал.

— Ну, и так достаточно сведений, спасибо тебе. Вот, — вновь обратился Орсо к старику, — что хорошо бы узнать.

— Узнаем, — пообещал Боднар.

— И ещё одно — чуть не забыл! — сообразил новоявленный командир. — Есть у вас связь с Кобальей?

— Редко, но есть, господин.

— Сколько там запасов — продержатся они ещё хотя бы пару декад?

— Месяц, а то и больше продержатся, — сказал Будай. — Если только диверсанты не испортят провиант. Там уже ловили дважды на складах каких-то крыс, накажи их Творец!

— Да, это беда... Но, думаю, если у нас хоть что-то получится, месяц им сидеть в осаде не придётся! Скажите, почтенные, а можно ли будет передать весточку в город, когда мы уже придём на ту сторону?

— Передать можно, — сказал Боднар. — А вот ответ получить — как повезёт...

— А ответ мы по-другому получим! — улыбнулся Орсо. — Без слов.

Зиналы, видно, поняли его замысел и тоже ухмыльнулись.

Кобальский губернатор Вернетти, получив приказ выставить зиналов из вверенного ему района, выполнять его отнюдь не поспешил, а глав зинальской общины в городе предупредил, что в столице на них за что-то взъелись. Но сам он, губернатор, никаких притеснений честным гражданам чинить не намерен, ему неприятности не нужны. Политика двора после войны наверняка ещё не раз изменится, а ему здесь жить. А если его и снимут с этой должности, то всё, что здесь приключится дальше, — уже не его проблемы!

Поскольку во время нападения на Кобалью губернатор был там, зиналы считали, что к заговору, вовлёкшему страну в войну, он мог быть не причастен. Да ему это было бы и ни к чему: главное, что заботило барона Вернетти, — это благосостояние города и, как следствие, его собственный доход, а на войне он бы много не заработал. Потому же он не слишком яростно боролся с контрабандистами, да и пограничная стража, в отличие от саттинской, здесь особенно не зверствовала. Губернатор предпочитал со всеми договариваться, поддерживая худой мир вместо доброй ссоры. Орсо понял теперь, почему Ада предложила Зандару отправляться через границу в Саттине, а возвращаться, если что, через Кобалью...

Конечно, не все зиналы в Кобалье были сплошь контрабандистами, но родовые связи поддерживали все, в том числе и мирно живущие в городе труженики. Зиналы традиционно занимались малопочтенными, но нужными в городе работами: коновалы, старьёвщики, владельцы похоронных контор, уличные музыканты — всё это были в основном зиналы. Их многие сторонились из-за обычаев и привычки держаться отчуждённо, но никто не мог бы обвинить их в лени и жуликоватости — зиналы были выше этого, высокомерные, гордые древними обычаями и уверенные, что Творец призревает их особо, как любимый, хотя и несчастный, народ...

Так же они вели себя и с отрядом Орсо — со всеми, кроме него самого. Его приняли как родственника, хотя будто бы более высокого рода. Отчего и почему это так — оставалось лишь догадываться...

Помощь отряду была уже весьма существенной: зиналы предложили разделить бойцов

на небольшие группы, по две-три сотни человек, и переводить их через перевал разными путями. Да, там есть разные пути! Да, они опасны, но камнепады редко спускаются на тропинки, только если очень уж не повезёт. Молитесь Творцу, чтобы явил свою милость, и вперёд, смело по кручам...

Местом сбора на андзольской стороне назначили урочище Буко де Тассо — там можно укрыть и вчетверо больший отряд, а как из него выбраться незаметно и не штурмуя лесистые склоны, знают только контрабандисты. Миновав урочище, партизаны сразу оказывались на дороге между деревнями Лонтана и Вичина, а уж что творится там, придётся выяснять на месте.

Орсо должен был выступать со вторым отрядом — на всякий случай: если первый отряд вляпается в неприятности, второй может попытаться его спасти. Поэтому именно второй отряд — по численности примерно пехотная рота — был снаряжен лучшим из имеющегося оружия. Зиналы поделились порохом — у них образовался небольшой запас, а стрельба для контрабандистов дело редкое и нежелательное...

Женщин распределили понемногу между всеми отрядами, кроме второго — ударного. На них Орсо возлагал определённые надежды: женщины могут пройти по деревням, не возбуждая никаких подозрений даже у встреченных айсизцев. Они уже сыграли важную роль в подготовке побега и могут очень помочь и в дальнейшем. Да и в боях-мужчинах присутствие женщин очень поднимает боевой дух. Это сейчас важно как никогда: в своём первом бою отряд должен показать всем, и особенно себе всё, на что он способен. Без веры в себя все эти операции можно было и не затевать — если у людей опустятся руки, за ними не пойдут и новые бойцы, а они нужны обязательно! Придётся поднять всю западную Андзолу, уже практически оставленную королевскими войсками. Новые силы в тылу врага — это очень неожиданно, а как правильно бороться с партизанами, никто толком не знает... Орсо достаточно перечитал книг, чтобы понимать, что подобная тактика в таких масштабах не применялась никем и никогда. Да и грамотные военные из числа бывших пленных это подтверждали.

Было и ещё одно соображение, которое одновременно беспокоило и обнадеживало партизанского командира. Никого из офицеров среднего и старшего уровня в лагере не было, а их наверняка тоже захватывали в Саттине. Логично предположить, что их содержат отдельно, но даже начальник лагеря под Сомброй этого не знал наверняка. Собрание офицерства в одном месте, да ещё с учётом доказанного предательства в рядах командования Орсо пугало! Что удумают эти лощёные аристократы, когда перед ними встанет серьёзный выбор: личная безопасность или верность присяге? Если считать, что подстрекатели войны есть в обеих странах, военные с двух сторон могут и договориться, а вот до чего именно... С другой же стороны, это обеспечивало почти полную уверенность в том, что среди бойцов отряда Орсо изменников нет. Похоже, «братья» типа Родджио просто не берут в расчёт тех, кто неродовит и не занимает видных постов... А уроки Ады говорят, что это большая, очень большая ошибка!

В пещеру заглянул вестовой — о да, теперь у Орсо есть вестовые, как у настоящего генерала...

— Командир, первая группа ушла.

— Спасибо, Полидоро. Второму отряду — готовиться к выступлению через два часа... сколько это будет?

Будай выглянул из пещеры, посмотрел в ясное небо:

— Час до полуночи.

— Значит, за час до полуночи. Иди передай приказ.

Полидоро исчез. Боднар подвинулся, освобождая место у очага:

— Поспи, господин, даже два часа отдыха тебе очень нужны.

— Спасибо, но мне надо... — начал Орсо, но старый зинал подвинул ему свёрнутое вчетверо потёртое меховое одеяло:

— Ты должен иметь ясную голову, господин. Они все надеются на тебя... и мы тоже.

Орсо вдруг как-то сразу понял, что никакие соображения долга не могут пересилить мечту просто лечь, вытянуться на тёплом и хоть немного побыть в тишине... Подтянув одеяло под голову, он уснул мгновенно, как кот перед камином.

Сквозь сосновые ветви проглядывало холодное предутреннее небо, стылая роса падала с высокой травы при каждом шаге по заросшей прогалине на дне Буко де Тассо. Здесь всю ночь было холодно, и солнце заглянет сюда ненадолго только после полудня, и всё же здесь придётся провести день в ожидании сбора отряда. Усталые после ночного перехода бойцы сидели прямо на земле, не обращая внимания на холодную росу, кое-кто засыпал сидя. Только часовые, моргая, как совы, неподвижно стояли на тщательно выбранных местах, не столько глядя по сторонам (много ли увидишь на дне лощины), сколько слушая, не донесётся ли с дороги шум движения.

Орсо устроился на пенке под сильно наклонённой ольхой и, прислушиваясь к шуму маленького лагеря, думал, как действовать дальше. Советоваться было не с кем — Родольфо идёт с пятым отрядом, сержант Пизони — с шестым, остальные солдаты и унтеры обычно не имеют никаких предложений — в этом командир уже убедился. В оценке полезности обычного военного опыта он был более прав, чем сам ожидал: такая война не была знакома никому. Как правильно действовать в условиях, когда мало оружия, совсем нет провианта, а противник численно превосходит их самое меньшее в двенадцать раз, не знал никто — такого опыта солдаты не имели. А ведь это не всё, чего у них нет! Лошади для кавалерии, артиллерия для поддержки атак, штыки для ближнего боя, гранаты для защиты позиций — всё это есть у айсизцев, и со всем этим как-то придётся иметь дело. Орсо грустно усмехнулся: когда он поделился сомнениями с Родольфо, тот своеобразно утешил: «Зато тебе не мешают знания о правильной стратегии».

Предложений у молодого командира было немного: нападать только превосходящим числом, использовать любое подручное оружие, как во времена старинных крестьянских восстаний, и независимо от исхода боя быстро уходить в леса.

На самом деле у него был и ещё некоторый расчёт, но делиться им казалось рискованно даже с самыми доверенными людьми. Нынешняя война Айсизи так же невыгодна, как и Андзоле: удержать захваченные территории республика не сможет, расходы уже сейчас несёт огромные, особенно на флот, а когда в этих условиях зашатается верховная власть — а она зашатается непременно... Президент в республике сидит в президентском кресле намного менее крепко, чем король на троне! Президента и сместить недолго, на этот счёт есть особые законные процедуры. Ну а что Джакомо Четвёртый для Андзолы не король, понятно уже и ежу. Кто готов сменить нынешнюю власть в обеих странах — ему, Орсо, уже тоже ясно, он их видел и слышал лично.

В таких условиях народ Айсизи многое теряет! Там уже давно аристократов потеснили от власти, титулы сохраняются только в семейных архивах, у бывших дворян нет никаких привилегий. Тот же генерал Рохас, как рассказали зиналы, происходит «из простых» —

горожанин, сын писемоводителя в какой-то заштатной дыре. Адмирал, осадивший Кобалью с моря, правда, «из старых» — аристократ, но службу начинал матросом. Если к власти подберутся изменники и их руководители — «братья», айсизские аристократы, возможно, и получают назад часть своей власти (хотя вряд ли так уж много), но буржуа и рабочие потеряют всё. Права, перспективы, деньги — всё это снова станет только «для тех, кому положено», «брат» Мауро сказал это открыто.

Элиты много не бывает, так за что же айсизский солдат должен воевать и ради чего айсизский рабочий должен гнуть горб в дополнительные смены? А за что фермер или арендатор должен платить втрое выросший продовольственный налог — ради того, чтобы снова посадить себе на шею дворянина? И ведь это не тот дворянин из древней истории, который строг, но справедлив, кто держит себя с крестьянами как отец с чадами, кто защищает крестьянина от посягательств соседей и дарит ему на свадьбу вышитую рубаху. Нет, патриархальные буколические времена не вернуться! Придёт клещ-кровопийца и, не спрашивая и не думая о законе, заберёт всё. У него один закон — «я хочу». Фермеров можно сколько угодно обзывать неграмотными скотами, но такие вот желудочные соображения они вполне понимают...

Ада говорила: правители не верят, что армия, которую они вооружили, способна повернуть оружие против них самих. Это единственное, во что они не могут поверить до конца, пока штык не упрётся им в горло. Значит, это единственный шанс и здесь, в Андзоле, и — да! — в Айсизи. Повернуть штыки в правильную сторону должны обе армии.

Вестовой, пригибаясь под низко стелющимися ветвями ольхи, пробрался к Орсо, по дороге всё же стряхнул себе за шиворот ливень росы с листьев и тихо взвыл. Орсо встал, ожидая доклада.

— Третий пост слышит на дороге свару, — доложил Полидоро, склонный к некоторым стилистическим парадоксам в речи. То ли от неграмотности, то ли нарочно, Орсо пока так и не разобрался.

— Точнее? — за такие доклады впредь надо бы взыскивать... да что возьмёшь с этого городского жулика!

— Айсизцы ругаются, а чего, почему — непонятно. Много их там, наверно, сотня.

— Откуда известно, что сотня?

— А там один командовал: «Сотня, стой!»

Началось в деревне утро, ругнулся про себя партизанский командир. Сотнями в республиканской армии считают лёгкую конницу и улан. Отчего-то прижилось это устарелое название, хотя в нынешнем кавалерийском эскадроне любого рода бойцов не сто. Вылететь из урочища да сразу на конный отряд — прямо ничего лучше не придумаешь...

— Они ещё там?

— Были там, когда я уходил, — пожал плечами Полидоро и почесал ногу о ногу.

— Веди! — Орсо отряхнул с волос накапавшую с ольхи росу (течёт холодное за шиворот, бррр), проверил, что пистолет никуда за ночь не делся, и полез под ветвями следом за вестовым к третьему посту. Вестовой явственно удивился — для чего командиру понадобилось самолично часовых проверять? Но на своё счастье, удивление удержал при себе, иначе Орсо, пожалуй, всё же дал бы по уху субординации ради.

Часть 28, где действуют тайно и говорят откровенно

— ...И где таких дерзких делают? Которые старших по званию учат... — голос был барственный, привыкший командовать, но слегка осипший на сыром утреннем холодке.

— Учить вас, гражданин капитан, мне ни к чему, но приказы положено выполнять, они у нас с вами одинаковые, — парировал молодой голос, низкий и звучный. И в самом деле дерзкий.

Свара действительно была что надо, из придорожной канавы всё слышно на славу! Манеры у айсизского офицерства изысканны дальше некуда: орут благим матом друг на друга посреди дороги и солдат не стесняются. Совсем дисциплина позабыта? Что ж, это Орсо на руку, путь чешут языками, а мы слушаем.

— Нет, ну ты посмотри, какая наглая сопля! Дай-ка, Хуан, я ему разок... — взвыл первый спорщик.

— Сто-ять! — рявкнул третий, настоящая полковая труба. — Покуда мы на задании, я вам, гражданин, не Хуан, а командир. Но и вы, мой мальчик, что-то зарываетесь, не рано ли?

— Выполнить приказ генерала? — уточнил молодой.

— Пшёл отсюда вон, зелень! Потом поговорим... — снова вступил осипший.

— Потом — это, простите, когда? Когда вас повесят за мародёрство? Так вам будет уже не до меня, гражда...

— Так, всё, с меня хватит, я тебя, сопляк, сейчас пополам разрежу! Нарублю, как вырезку на жаркое!

— Сто-ять, я кому сказал! — снова вмешался капитан. — Саблю в ножны, Абель, иначе и правда может случиться неприятность. Сотня, рысью марш! А вы, молодой человек, раз такой правильный, задумались бы, что сам генерал тоже нарушает приказ. Или вы не знали?

— Что-то слышал... — обманчиво невинно отвечал молодой, — но над нами командир генерал, а не шкуры из Главного штаба. Что он сказал — то для нас и приказ. Впрочем, меня предупреждали о нравах уланских офицеров...

— А тебя, зелень, не предупреждали, что такое девять шагов, а? Считать умеешь?! — капитана наконец взяло за живое.

— Мне прислать к вам моих друзей? Скажите только слово, я с радостью...

Видимо, к счастью для «зелени» уланы с топотом и звоном умчались по дороге. Орсо дождался окончания этого дурацкого диалога, маскируясь вместе с Полидоро под развесистыми ветвями туи в овраге, ниже уровня отсыпки дороги. Дорога-то хорошая, сделана на совесть, а по ней теперь суда-сюда айсизцы мечутся... Ну ничего, их радость уже на пороге, как говорят священники!

Когда стих топот уланских лошадей, тот же молодой голос, что спорил с кавалеристами, скомандовал:

— Рота, кру-гом! Марш!

— Куда мы, Хайме? — удивился другой голос, судя по всему, такой же «зелени».

— Надо проверить, что эти весельчаки учинили в деревне. Если есть хоть один труп — я этому Абелю совсем не завидую...

— Ты о себе думай, рыцарь в дырявых штанах, — буркнул второй, но не обидно. — Спросят с тебя, куда мотался полдня...

— А мы за сеном поехали, нет? Мы хорошие, сена привезём, ни у кого вопросов не

будет. А вот если мы, зная о выходках этого шакала, не посмотрим, что в деревне, тут может всякая ерунда получиться, а нам здесь, в этих деревеньках, стоять и стоять...

Раздался скрип телег — небольшой обоз ехал на север, а brave уланы понеслись на юг. С телегами — это фуражиры, понял Орсо. А командир у них в самом деле края не видит! Вряд ли он в звании выше лейтенантского, а рычит на капитана, как шавка на верблюда. Совсем мозгов нет... Впрочем, в республике такое может быть в порядке вещей, это в Андзоле капитан — уже без пяти минут личное дворянство, а бригадир — потомственное, и не могли на него даже поглядеть косо, враз окажешься старшим помощником младшего писаря в таких идиллических местах, куда и почта не каждый год доедет.

Орсо начал медленно подниматься с четверенек, чтобы выглянуть на дорогу.

— Куда вы, командир? — беззвучно спросил над ухом Полидоро.

— Хочу посмотреть на этих смельчаков. Что за войска, куда идут... да и разговоры про деревню мне не понравились. Что они там устроили?!

— Давайте я, командир, а? Опасно же.

— Жди тут, — строго приказал Орсо и осторожно, отводя от лица грязные мокрые лапы туи, высунулся над кромкой придорожного кювета.

Две телеги, запряжённые смирными обозными лошадками, мягко катились по отличной андзольской дороге, сопровождаемые тремся солдатами в красно-бурой республиканской пехотной форме. Остальные шагали впереди, свежие, бодрые, ещё не уставшие от пыли и жары; верхом были только двое — видимо, офицеры, впереди колонны. Орсо быстро пересчитал шеренги солдат: полсотни — это даже не рота... Смелый народ! Совсем не боятся местных жителей? Любопытно, почему.

Орсо размышлял. Дерзкий офицер командовал «кругом», значит, за сеном они изначально ехали на юг. Ближайшая отсюда деревня к югу — Вичина, она немаленькая — триста дворов, так говорил Боднар. Лонтана — как раз к северу, она поменьше, и оттуда ехали уланы. Кой бес они там могли делать? В конную разведку улан не посылают — для этого у Рохаса есть отдельные силы — лёгкая кавалерия. Да и что тут разведывать? Айсизцы считают, что Кобальская область захвачена и надёжно отрезана; по сути, чтобы блокировать Кобалью с суши, достаточно удерживать долину реки Сим в месте слияния с Поэной. Серьёзных крепостей там нет, захватываешь городок Каррело — и всё, Кобалья твоя...

В былые времена там, на узком клине в устье Сима кипели нешуточные битвы, когда олигархическая республика Кобалья бешено отстаивала свою независимость от воинственного тогда Девмена. Политическая карта была в те времена иной, верховья Поэны принадлежали Девмену, а не Айсизи, а сама Айсизи только ещё рождалась в постоянных междоусобьях и взаимной резне мелких князей и графов. Неужели кто-то хотел бы вернуть те времена?..

Орсо остановился в тени молодого тополя и ещё раз прислушался: фуражирский отряд никуда не свернул, тащился себе потихоньку на север; отставшие от него не появились, и вообще с юга было тихо. Орсо махнул рукой, подзывая Полидоро:

— Приказ для роты Саккони: пусть отправит разведчиков двумя группами в Лонтану. Задача — понять, что там натворили уланы, кто командует ими, а кто — фуражирами, какого полка эта рота и где стоит сам полк. Пусть назовутся крестьянами из Вичины или из Куэрчи, это большие деревни. Огнестрельного оружия не брать, только ножи, здесь у крестьян это обычное дело. Вернуться до заката сюда же, в урочище. Всё ясно?

— Так точно! — проявил вдруг выучку Полидоро и нырнул под туи. Орсо постоял ещё

немного, прислушиваясь, и полез следом.

Пятый и шестой отряды прошли перевал без происшествий, но до сбора всей партизанской армии оставалось ещё полсутки: быстрее через контрабандистские «норки» просочиться никак нельзя. Орсо отдал приказ всем отдыхать; те, кто уже успел отоспаться, занялись рыбалкой в речке, сбегавшей по урочищу. Рыба тут была так себе, несерьёзная: мелкая плотва, окуньки, пескарики, только одному рыбаку повезло вытянуть молодого линя. Откуда этот любитель стоячей воды попал в бурливую горную речушку — бес его знает, но день был для него неудачный и окончился в солдатском котле. Всюду на тщательно замаскированных кострах варили рыбный бульон, приправляя чем придётся — диким чесноком, кислицей, черноголовником, только бы отбить не в меру сильный запах. Удачливая Форина откопала где-то на склоне урочища заросли бедренца, корень тут же был поделен на мельчайшие частички (чтобы всем хватило) и брошен в котлы. Мелкая рыбёшка разваривалась в кашу, и в обычное время эту мешанину костей и чешуи выбросили бы собакам, но изголодавшиеся бойцы подьедали всё и, обжигаясь, отплёвываясь косточками, второпях запивая роскошный обед водой из ключа, благодарили Творца за спасение от голодной смерти. После такой трапезы уже и сражаться было веселее!

Командиру поднесли настоящую солдатскую миску, захваченную как трофей в лагере для пленных; в миске плавали две относительно целых плотвички и кусочек чеснока, а вот ложки не нашлось — приборы где-то потерялись в дороге, не пережив похода. Орсо поблагодарил и тут же поделился с Родольфо — пировать таким царским кушаньем в одиночку было бы некрасиво. Треппи сперва отнекивался, пытался убедить, что не голоден, но в конце концов сдался, и вдвоём молодые люди расправились с обедом в пять минут.

— Вина бы, — мечтательно произнёс Родольфо, растянувшись на траве под просохшим от росы кустом таволги и грустно добавил:

— Айсизцы в вине понимают как институтка в морских баталиях; вот захватим мы, допустим, обоз, а там вместо вина — вот это вот, что они изволят глушить...

— Я бы и от такого не отказался, — заметил Орсо. — Я вообще не любитель спиртного, но не запить рыбу белым... — и оба рассмеялись и над своим далеко не забавным положением.

Родольфо помолчал и обратился к вопросу, видимо, занимавшему его давно и прочно:

— Можно спросить командира, что он собирается делать дальше?

— Зависит от результатов разведки в Лонтане. Зиналы знают количество и расположение айсизцев только очень приблизительно, а их в разведку по разным причинам посылать нет смысла. Придётся выяснять своими силами, что у нас здесь творится.

— Ну, а потом? — Родольфо, опираясь на локоть, повернулся к Орсо; на рукаве остался зелёный отпечаток сочной травы.

— А потом спланируем набег на какой-нибудь не очень большой отряд, захватим оружие и снаряжение, а потом... сам догадаешься, я думаю.

— Нас быстро найдут и окружают, — грустно заметил Треппи. — Их тут двадцать четыре тысячи, если верить зиналам.

— Их *всего* двадцать четыре тысячи, в целом по области, — поправил Орсо. — И часть этих тысяч должна безвылазно сидеть в Каррело, иначе блокада тут же будет снята. В том-то и план, чтобы... — он огляделся убедиться, что поблизости нет лишних ушей, — чтобы зажать часть корпуса между нами и частями андзольской регулярной армии на юге.

— Это я понял, — досадливо отмахнулся Треппи, — я ведь тоже не телёнок,

представляю себе войну хотя бы по книжкам. Но ты чего-то недоговариваешь... Я понимаю — могут быть причины, особенно после такого невероятного предательства, но...

— Родольфо, послушай, — Орсо придвинулся поближе к товарищу и снова оглянулся, не торчит ли поблизости кто лишний. — У меня есть более конкретный план, но я не говорю о нём не из секретности. Просто... я не уверен, что он сработает, и не хочу смотреться смешным. Ты сын офицера, а я-то человек партикулярный, всё сочиняю на ходу в меру своего разума. Понимаешь, — Орсо помолчал, подбирая слова, — эх, ладно, скажу как есть! И даже не стану просить не смеяться над мной, наивным...

— Брось! — Родольфо рывком сел, схватил Орсо за плечи и хорошенько встряхнул. — Как я могу смеяться над тобой и за что! В жизни мне бы в голову не пришло... Ты охотился на предателей, одного даже убил, а другого заманил в ловушку, ты опытный боец с гадами такого размера, что на весь континент хватает...

— Выше бери, — тихо подсказал Орсо.

— Тем более. Перестань меня подозревать в глупостях, прошу! Я понимаю, что мне, наверно, нельзя доверять всё...

— Я бы тебе доверил всё, что знаю, если бы знал что-то ценное, — уверил Орсо; ему стало стыдно. В самом деле, Ада бы так себя не вела! Она видит людей насквозь и уж если кого-то считает за друга, то не держит от него секретов и не боится показаться смешной.

— Если у тебя есть план, давай его обсудим и доработаем, тогда не в пример больше шансов, что он сработает! Хватит всё тащить на себе, ты ж не ишак. Озадачивай других, пусть тоже мыслят!

— Что ж, начнём с тебя, — усмехнулся Орсо. — Смешно — так смешно, вместе повеселимся, а потом, глядишь, придумаем, как улучшить дело. Я хочу поднять восстание в Кобальской области, а потом и во всей Андзоле. А потом...

— В Айсизи? Я угадал? — от удивления Родольфо заговорил шёпотом.

— Да. Пусть те, кто дал людям в руки оружие и послал на бессмысленную смерть, испробуют на себе, что будет, когда эти штыки упрутся им в пузо! Вот чего я хочу. Можешь смеяться.

Родольфо молча пожал ему руку и смеяться отнюдь не стал. Наоборот, задумался о чём-то и с минуту молчал, а потом бесшабашно махнул рукой:

— А, всё равно! Ты прав — дольше это тянуться не может. Аристократом хорошо быть, когда твои две сотни подданных без тебя жить не могут, а сейчас...

— Мы не пропадём. Мы ведь не только аристократы, у нас кое-что и в голове имеется, — утешил Орсо. — Сейчас в самом деле уже не те времена, когда можно усидеть на одной родовой спеси, а что будет после — мы пока не знаем. Может, и нам найдётся место...

— Найдётся, — беспечно отмахнулся Родольфо, — вот возьму и женюсь на горожаночке! И кто мне что поперёк скажет...

Орсо мысленно перевёл дух: пока товарищ увидел лишь самый краешек горы будущих сложностей, которые поджидают впереди, когда «всё случится». Из объяснений Ады он понял, что в случае успеха его нынешних замыслов ничего не «случится», а только «начнётся», что события не закончатся прекращением войны и превращением Андзолы в республику (это и так очевидно, тут вариантов нет). Придётся ещё долгие и долгие годы перепахивать мир, пока можно будет сказать, получилось хоть что-то из задуманного или нет. Ада упоминала, что на трёх мирах это удалось, там не только победили звёздного врага

в одной войне, но и закрепили победу. Здесь начинается четвёртая война, и конец её где-то в тумане будущего.

Разведчики вернулись только перед закатом, когда в Буко де Тассо уже спустились восьмой и девятый отряды. Остался один, его ждали к ночи, а вместе с ним — тех зиналов, что собрались идти с «господином» Орсо. Боднар как глава общины благословил молодёжь на подвиг, и Орсо уже придумал, что им поручит.

Разведчики разнюхали всё подробно, на взгляд командира, местами даже излишне подробно. В городке Поллена стоит тринадцатая бригада корпуса генерала Рохаса, бригадира зовут Техеро, по свойству натуры он... (далее шло простодушное определение умственных качеств бригадира, которым кобальские крестьяне зря не разбрасываются). Обобрал дочиста все окрестные деревни, сжёг все до одного кабаки (зачем? Да бес его знает, он же...!), а городские трактиры обязал кормить его молодцов бесплатно, и за три дня в Поллене кончилась еда. Теперь сами айсизцы живут только подвозом продовольствия через Каррело, а провинция начинает голодать. Кое-кто сбежал от такого счастья в горы, но там по весне тоже голодно, да и некуда идти. Говорят (причём не только крестьяне, но и сами айсизцы), что генералу Рохасу в столице выдали приказ за малейшее неповиновение жечь деревни и выгонять людей в чистое поле, а если попробуют бунтовать — перебить всех до одного. Но генерал сказал, что этот приказ выродился в башке какого-то ... (ещё одно определение), он, генерал, выполнять эту дичь не будет и подчинённым не даст. Однако некоторым, вроде Техеро, эта мысль очень даже пришлась по нраву, и его brave кавалеристы разоряют окрестности в своё удовольствие. Особенно достаётся тем домам, из которых мужчины ушли в королевскую армию. Здесь, в Лонтане и Вичине, никто не квартирует, но в замке барона Джустино стоит второй артиллерийский полк той же бригады, и пушкари никого не грабят, ведут себя вежливо и даже, как рассказывают, кого-то повесили за мародёрство. А может, только собирались. Сам барон с домочадцами при приближении айсизцев сбежал неведомо куда, и крестьянам наплевать, где его носит.

В Лонтане же получилась некрасивая история: кавалеристы двадцать пятого полка, каналы, каких поискать, и любители «пошутить» над беззащитными людьми, ворвались туда ночью, потребовали вина (а кабак-то сожжён и вина не завозят), когда им вежливо отказали, потребовали «в искупление» каждому офицеру по девочке. На это выверились уже крестьяне, включая девочек, и айсизцы едва не получили кольями под рёбра. От такого обращения они пришли в совершенную ярость, начали хватать девушек прямо с сёдел, наступил полный хаос и безобразие, один из рядовых кавалеристов попытался остановить капитана Линареса, и тот рубанул не глядя саблей. Парень упал мёртвым, тут граждане офицеры сообразили, что дело вот-вот вывернется большой бедой для них, и полным ходом убрались по дороге на Поллену. А фуражиры подъехали чуть позже, эти как раз от артиллеристов, вели себя как люди, а командир, совсем зелёный лейтенант, пообещал поднять в Поллене скандал и добиться, чтобы Линаресу сняли если не голову, то хотя бы звание. Но крестьяне в такую благодать не очень-то поверили...

Орсо, не теряя времени, собрал совещание торных командиров:

— В деревнях айсизцев на постое нет, можно посылать туда отряды и вербовать новых бойцов, а главное — договариваться, чтобы нас кормили. Поднимать местных надо очень быстро — с целой бригадой мы здесь малыми силами не разберёмся! Те, кто не идёт с нами, пусть прячутся в леса, три-четыре декады продержатся и там, а оставаться в деревнях им опасно — эти малоумные в самом деле могут начать всё жечь и сравнивать с землёй.

Зиналов, как придут, пошлю в Кобалью, пусть передадут гарнизону, что нам нужна их поддержка. Место сбора — Лонтана, первая цель — Поллена. Нужны проводники из местных, иначе нам с кавалерией не справиться.

— А оружие, командир? — забеспокоился кто-то.

— На сбор бойцов из деревень я кладу двое суток, за это время уже имеющимися силами мы должны изловить несколько разъездов или фуражирских обозов. Какое-то оружие добудем, но главная наша задача сейчас — перерезать сообщение между замком и Полленой. Если артиллеристы подойдут на помощь, когда мы будем штурмовать город, нам наступит... ну, сами понимаете.

Часть 29, где начинаются поиски нужного языка

В Кобалье разбушевалось лето: гроза, накрывшая горы перед побегом из лагеря, была последней, а за ней установилась сушь. Жара и пыль, ночами налёты москитов, а днём беспощадное солнце — «кобальская житница» показала характер, и партизанская армия взвыла. Орсо приказал свежесобранному санитарному отряду охранять колодцы и следить за признаками болезней — погодка самая подходящая, чтобы подцепить заразу из тухлой воды... Люди болели, хворых собирали в карантин, пленные айсизцы из захваченных невероятно наглыми рейдами отрядов трудились, как пчёлки, доставляя чистую питьевую воду из горных рек.

Родольфо, назначенный начальником штаба, развернулся во всю ширь своих талантов: папина выучка даром не прошла! В штабном домике в Лонтане днём и ночью стояло гудение, словно из улья, туда-сюда носились курьеры и вестовые, десяток грамотных бойцов Родольфо отобрал в писари, и они работали от зари до зари как проклятые. Всё было посчитано, описано и подшито к делу — люди, кони, боезапас, ружья, две мортирки — улов удачный, но случайный, провиант, лекарства, даже полковые барабаны. Интенданты новоявленной армии Миннона и Форина бдительно следили, куда уходит каждая пачка бумаги, каждый тючок сена и каждая пара сапог.

Пополнить запасы партизанам удалось, и даже более того. Снабжали республиканскую армию неплохо — всё пригодилось, особенно в армии, где две трети бойцов без башмаков, а четверть ещё и без курток... Всем офицерам, которые умели ездить верхом, достались лошади; те, кто верхом не умел, учились по ходу дела, потому что времени на пешие прогулки не было. На месте, в Лонтане, сидели только штаб и санотряд, остальные силы кружили во всех направлениях по дорогам и роцам, вылавливая беззаботных противников. Бельмом на глазу торчал на востоке замок Джустино — его бы надо тоже прибрать к рукам, но brave артиллеристы засели там накрепко, и штурмовать их без осадных пушек можно, пока не надоест...

Орсо думал об организации своих сил. Возникли, как и обещалось, трудности, которые сложно было предвидеть заранее. Мечты командира Нелло о кавалерии пришлось жестоко разбить и подмести осколки: даже те несколько сотен бойцов, кто хорошо сидел в седле, выучки настоящих кавалеристов не имели, а значит, против опытного врага это была не кавалерия, а жертва. Зря погубить людей никому не хотелось. Всё, что могла позволить себе Освободительная армия (так, после долгих громогласных споров назвали собранные Орсо силы), — это конные разведчики, всё дело которых — тихо приезжать и быстро убежать. С артиллерией тоже вышло нехорошо. Каждую мортирку могли таскать на руках два человека, а если повесить на спину, как понягу, так даже и один. Но боезапаса к ним было на десять выстрелов, и те быстро кончились. Правда, мортирки сослужили немалую службу при захвате Куэрчи, где стоял (точнее, беззаботно спал) сорок второй пехотный батальон пресловутой тринадцатой бригады. С настоящими пушками отряду повезло (или не повезло...) встретиться пока лишь однажды: их в походном порядке под небольшой охраной везли на усиление в Поллену. Лихой Нелло напал на охранение, и тут малоопытные бойцы убедились, что артиллерия — вовсе не самый медленный род войск! Буквально пока атакующие подбегали на расстояние верного ружейного залпа, расчёты обрубали построения, развернули все три пушки прямо на дороге и дали по пехоте Нелло такой залп, что атака

едва не захлебнулась сама собой. Подвело пушкаррей только малое число охраны, иначе, возможно, экспедиция Нелло окончилась бы бесславно и очень быстро... Пушки были захвачены, боезапас к ним тоже кое-какой достался, однако опытных артиллерийских расчётов у Орсо не было. Положение было как у собаки из истории про коровью ногу: и бросить орудия жалко, и применить никак... Прикинул так и эдак, Орсо приказал пока разместить пушки на закрытой позиции на дороге к Лонтане: если вдруг так случится, что деревню нужно будет оборонять, один залп по дороге смогут сделать даже совсем неопытные канониры.

Без артиллерии было опасно, но выбирать пока что не приходилось. Конная разведка показала себя неплохо, намного лучше, чем можно было ожидать, пленных айсизцев накопилось уже почти шесть сотен, и Орсо ждал естественного в этом случае жеста со стороны бригадира Техеро. Если в окрестностях Поллены пропадают невесть куда отряды, что надо сделать? — правильно, послать отряд побольше, чтобы разыскать проклятых разбойников и... Дальше фантазия сама подскажет бригадиру, как действовать, главное поймать! Орсо ждал от разведчиков в Поллене известий о том, когда Техеро займётся охотой на «провокаторов», как называли их в штабе бригады.

Поллена оказалась неожиданной шкатулкой с секретом, и ключик от неё был теперь в руках Марко Филиппи. Орсо очень не хотелось отпускать на опасное дело такого замечательного командира батальона, но Марко убедил его, что идея того стоит. Первые же данные разведки показали, что в Поллене сохранились и работают бумажная и суконная фабрики: айсизцы, по сути, заперли там рабочих, заставив есть и спать прямо в цехах, и теперь фабрики снабжали своей продукцией противника. Марко предлагал устроить там восстание. Да, опасно, да, кончиться может плохо для горожан, но это увеличит шансы на успешный и, главное, быстрый захват города. А скорость в этом случае — условие сохранения жизней для жителей Поллены. Орсо подумал и согласился. Разве не этого он хотел, когда начинал эту свою четвёртую войну?

Марко ушёл один. От помощников от отказался: если он попадётся, то невелик урон для армии, а если не попадётся, в одиночку прятаться сподручнее. Орсо дал ему двое суток — больше никак нельзя: или Техеро начнёт облаву, и тогда надо как можно скорее идти на Поллену, или решит отсидеться, и тогда... всё равно надо срочно идти на Поллену. Потому что там Марко. «Сам себя перехитрил, как лисица из сказки!» — ругал себя Орсо наедине. Но на людях о возможной неудаче не говорил ни с кем.

Он научился молчать о важном, о том, что на самом деле тревожит и выедаёт душу беспокойством. Пугать бойцов размышлениями о возможных поражениях не стоит — пока они полны решимости, у них есть хоть какой-то козырь против самоуверенных, но расслабленных айсизцев. С Родольфо можно говорить обо всём, но осторожно — он всё понимает, но легко падает духом. Правда, он же и пытается найти ответы на неожиданные вопросы или хотя бы ищет способы их объехать. Миннона не боится никого и ничего, её не пугают ни рассказы о трудностях, ни сами трудности. Но искать ответы — это не для неё. Она просто принимает как должное всё, что с ней происходит, и стойко переносит любые подарки судьбы. Если бы от этих двоих взять их сильные стороны, вышел бы замечательный помощник командира во всех его делах и замыслах, и... на него можно было бы перевесить весь груз, который Орсо хорошо ли, плохо ли, но пока что тянет на себе. Нет уж, дорогой, взялся — вези, руководи, направляй, наставляй, утирай сопли, если понадобится, всегда имей наготове ответ на любую неожиданность. Пока ты это делаешь — тебе верят и за тобой

идут. А когда ты сам клубок противоречий и сомнений, когда страшно, и одиноко, и хочется к Аде на тёплую уютную кухню — мало ли чего хочется, держи себя в руках и не забудь сделать решительное лицо, когда идёшь на всякий случай проверять ночные караулы или изучать карту Кобальской провинции в штабной хибаре. Хоть бы Порох был рядом — всё-таки родная душа, сколько вместе пережили... А лучше бы Зандар... На этого свои заботы не перевесишь, но подставить плечо он умеет как никто. Любопытно узнать, если доведётся с ним встретиться, он тоже будет называть приятеля «господин»?.. Брр, только не это!

За эти дни Орсо близко познакомился с любимой головной болью командиров — он перестал спать, как положено. Постоянное ожидание неприятных известий, получив которые, нужно немедленно отдавать какие-то приказы и куда-нибудь лететь, отдыхать совсем не помогает. В обычной армии с этим всё же проще: у генералов есть старшие офицеры, у них — помощники и подчинённые, и на них можно свалить часть задач. На своих младших командиров Орсо пока не был готов перекладывать сколь-нибудь важные решения. Быть может, это его упущение, но лучше так, чем распутывать то, что подчинённые наворотили с перепугу или, наоборот, в горячечной решимости. Особенно если уже ничего не исправишь... Были уже случаи, когда очень самостоятельные и весьма самоуверенные бойцы и младшие офицеры, не рассчитав сил, ввязывались то в неравный бой, то в опасное преследование — плохо понимая, что одной храбростью жив не будешь, упорно лезли на рожон, за что и платили. Под Лонтаной уже образовалось солдатское кладбище, где из двух сотен свежих могил две трети приютили излишне храбрых.

Часы, когда никто ни с чем командира не тревожил, чаще выпадали сейчас почему-то днём, и Орсо взял привычку дремать днями, а ночью думать и планировать, иногда проводить совещания и, да, поверять посты. Ночью прохладно, часовые тоже люди, тоже устают от жары и так легко погружаются в дремоту в обнимку с ружьём... Не для всех ещё стала привычной мысль, что их могут убить в любой, совершенно любой момент. Не все пока понюхали пороху, не все побывали под обстрелом, живут в убеждении, что само как-нибудь пройдёт и минует... Ещё одна причина, почему Орсо боялся первого крупного боя. Все его бойцы — добровольцы; много кто после сражения за Поллену решит, что с него довольно острых ощущений, что он не хочет пулю в брюхо или осколок ядра в ногу, не хочет остаться без пальцев, неправильно повернувшись у пушки, или быть растоптанным лошадьми, упав по неопытности из седла. Саттинские гардемарины, солдаты гарнизона, пограничники — основа его армии, образец дисциплины (ну хотя бы какой-то), решительные и очень озлобленные на айсизцев за всё, что они сделали в родном городе. Остальные (особенно крестьяне) слишком несерьёзно относятся к делу... а то ли ещё будет!

Вот опять, ночь кончается, сейчас бы прилечь хоть на пару часов, так нет же, тащат кого-то, и непременно к командиру... Ах, нет, не к нему? Вот удача, пусть Родольфо разбирается, надо ловить момент и спать, пока дают...

Надежды были слишком прекрасны, чтобы сбыться, — добычу разведывательного отряда доставили всё же к Орсо. Трое молодых мужчин, растрёпанные, один в ярости, два других испуганы и не знают, как себя вести. Орсо отозвал командира разъезда:

— Кто такие?

— Тот, что громче всех кричит, назвался сыном барона Джустино, а другие — вроде как его слуги.

— Ясно, благодарю за службу! Часовым — развести этих по разным... придётся по разным домам, комнат у нас мало... Оружие отобрать...

— Уже отобрали! Охотничьи ружья и ножи.

— Молодцы! Свободны, идите спать.

Кавалеристы, счастливые, понеслись к речке умыться после рейда и действительно спать. Орсо с завистью поглядел им вслед и отправился сперва к тому из пленных, кто был на вид моложе всех.

Бруно служил грумом в замке барона, сейчас не понимал, где находится и за что его схватили. Почему-то он был убеждён, что его считают браконьером, призывал Творца в свидетели, что он был вместе с господином и сам даже не стрелял. Орать на него, чтобы привести в чувство, было бесполезно — бедняга втягивал голову в узкие плечи, но продолжал бормотать своё, как заклинание. Орсо выбрал другой путь; знаком приказал часовому выйти и сторожить снаружи, попросил воды, хлеба и сыра для пленного, когда все посторонние вышли, подвинул ему блюдо и кувшин:

— Поешь, у тебя руки дрожат. Это вода, не спиртное.

Бруно глянул испуганно, потянулся к еде, потом отдернул руку, спрятал под стол. Потом всё же решился — осторожно придвинул к себе блюдо, надломил лепёшку:

— Это всё... мне?

— Мало? — Орсо умело сыграл озабоченность. — Потом ещё найдём, если не хватит, ты ешь пока. Сегодня ещё не готовили, побудки не было.

— Побудки? — Бруно недоверчиво глядел на него, держал в одной руке кружку, в другой — кусок хлеба. — А... тут, что тюрьма?

Орсо рассмеялся — притворяться на этот раз не пришлось:

— Ну ты шутник! Какая же тюрьма? Военный лагерь — не видел, что ли, часовых?

— А... — в голове у Бруно, видно, опять всё повернулось, — а почему говорите по-нашему?

— А по-каковски нам ещё говорить? Мы же не айсизцы.

— А... а кто? — грум окончательно потерялся и хлопал глазами, как бычок.

— Мы андзольские добровольцы, — сказал Орсо. И ведь почти не соврал, совесть чиста... — Ополчение.

— О... а... а где айсизцы?

— А везде, где не мы. Война-то не кончилась ещё, вы что там, в лесу, совсем одичали?

Бруно потёр лоб той рукой, что с хлебом, нахмурился:

— Так вы наши, что ли?

— Ваши, ваши, — усмехнулся Орсо. — Ешь, пока дают. В армии клювом не щёлкают!

Грум вцепился крепкими жёлтыми зубами в лепёшку, другой рукой по-крестьянски ломал и крошил мягкий сыр, слеплял мелкие кусочки вместе и закидывал в рот. Такой способ поедания сыра привёл Орсо в недоумение, но справлялся пленный неплохо, ни к чему портить то, что работает...

Когда Бруно перекусил и возникла пауза, Орсо решительно отодвинул от него кувшин:

— Теперь слушай внимательно. Айсизцы тут всюду, ты сам видишь, замок ваш заняли, Кобалью штурмуют. Это ты знаешь?

— Знаю, как не знать, — кивнул Бруно. — Г-гады!

— Не кипятись, успеешь ещё. Мы добровольная армия, собираемся освободить Кобальскую область, а потом и всю Андзолу.

— А потом взять Тагирес? — глаза у грума загорелись — довольно неожиданно: ишь воинственный рыцарь!

— Да на кой нам бес Тагирес? — искренне удивился Орсо, тут и играть не понадобилось.

— А как же война до победы? Так же положено: победить, захватить столицу врага...

— До какой ещё победы, чудак? Нам-то что с этой победы? Мы дерёмся не до победы, а до свободы, понял? — И здесь врать не пришлось — всё так и есть, но какой будет эта свобода, небогатый стратегическим умом Бруно сейчас не поймёт, да и не надо ему. Пока, по крайней мере.

— Понял... — протянул Бруно таким голосом, что было ясно: ни беса он не понял.

— Ты вот лучше скажи, хозяин твой, как бишь его...

— Господин Альберико, — напомнил Бруно, и в голосе его слышался упрёк: как же, мол, так — забыл имя самого баронского сына.

— Он какой из себя?

— Ну... как какой? Он господин, — парень пожал плечами: видно было, что оценивать баронского сына ему непривычно и даже как-то непристойно. Однако простодушное любопытство и умелые расспросы принесли свой результат: за холопскими восхвалениями Бруно возник образ капризного и высокомерного юнца, привыкшего вытирать ноги о тех, кого он считал низшими, начиная со слуг. И крестьян, и горожан младший Джустино, как видно, в грош не ставил и жаждал точно такого отношения к себе, о каком говорил Родольфо: чтобы перед ним склонялись как перед отцом родным, строгим, но справедливым. Сам барон, как можно было понять из рассказов вичинских крестьян, умел себя так вести, его сын — пока нет...

Наевшегося и клюющего носом грума увели под охраной в шорный сарай. Орсо приказал не помещать его к айсизцам; кошачья драка там ни к чему — вою будет много, шерсти мало. Пусть думает, если умеет. Баронский сынок — тот поинтереснее, но с ним следует беседовать подготовившись!

Ещё из знакомства с членами «преинтереснейшего общества» в столице он вынес своеобразный опыт: чем более родовиты были аристократические дети, тем вежливее они обращались с неблагородными сословиями. Орсо в этом смысле представлял нечастое исключение. Сын графа Федерико Масканьи и в своём доме, и в грязных кабаках, где собирались посиделки «брата Мауро», никогда не вёл себя барственно ни с кем. Те же, кто происходил из семей не особенно знатных, не могли упустить случая подчеркнуть своё положение по отношению к «простым». За одно это словечко — «простые» — отец Орсо, человек вообще спокойный, частенько лез в ссору с собратьями-аристократами, и Ада таких выражений не терпела. Орсо часто думал, чем вызвана такая манера: тем ли, что незнатные мелкопоместные и служилые аристократы чувствуют себя не в своей тарелке в высших кругах и боятся, что их не сочтут достойными этих кругов? Но настоящей древней знати в Андзоле было совсем немного, большинство аристократов как раз и были потомками военных и чиновников, получивших титулы (и земли, если повезло) из королевских рук. Откуда эта спесь? И как с ней бороться? А ведь ему, именно ему, Орсо, придётся это преодолеть: если он хочет поднять страну из грязи, в которую её втоптали, кстати, те же самые служилые аристократы, надо уметь говорить с ними на таком языке, от которого не получится отмахнуться!

Часть 30, где рождаются и работают символы

Второй спутник господина Альберико оказался баронским ловчим по имени Модесто. Надо же, как роскошно живут провинциальные бароны — ладно грум, но собственные ловчие! Небось, и охотничьи собаки где-то имеются, и соколятня... Да и замок в нынешние времена — имущество дорогое, сложное в содержании. Даже королевская семья вынуждена была ещё в прошлом столетии раздарить свои замки придворным побогаче, иначе выходило сплошное разорение казне...

Модесто было лет тридцать пять, но молодого командира Освободительной армии он никак не обидел и ни вслух, ни иным образом не выказал презрения к юному возрасту или к неопытности. Командир — значит, командует как надо, не его дело возражать. Вообще Орсо понравилось его сдержанное достоинство без пренебрежения другими людьми. Он знал себе цену, но и прочих не обесценивал. Баронского сынка ловчий явно не любил, причём не за какие-то личные недостатки, а за беспредельное высокомерие. В бароне это свойство природы (видимо, наследственное) ещё как-то подкреплялось силой личности и умом, но сын в этом смысле пошёл не в папу. Скупые, но точные объяснения ловчего показали, что господин Альберико спесив, трусоват, но уверен, что весь мир должен склоняться перед ним просто потому, что он оказывает ему честь своим бытием. Рассказ Модесто подтверждал сведения Бруно, но Орсо больше заинтересовал сам ловчий. Низкопоклонства и раболепия в нём не было совершенно, да он и не считал себя слугой: в замке он не жил, снимал домик в соседней деревне и не стеснялся показывать барону, что настоящий знаток своего дела умеет себя ценить и не станет по-лакейски лизать чужую задницу. Работа у барона для Модесто была не оказанной ему высокой милостью, а просто работой, достойной его искусства. Из-за этого между ним и бароном, как понял Орсо, постоянно тлел скрытый конфликт, но старший Джустино любил охоту, поэтому ловчего не выгонял.

Когда айсизцы вошли в Кобальскую область, барон был в отъезде в Кобалье. Он послал в замок письмо, где приказал всем домочадцам собираться и уезжать, и даже распорядился, куда именно — в Поллену. Но письмо до замка не добралось — айсизцы оказались быстрее, чем баронский курьер. Быть может, он попросту испугался ехать туда, где уже были враги, выбросил пакет в канаву и укрылся где и как умел. Так и вышло, что баронский сын и те слуги, что жили при доме, не выполнили его приказа. Поняв, что даже в Поллену уже не успеть, молодой господин Альберико приказал слугам запереть все подвалы и кладовые, а сам с грумом и ловчим тайком выехал из замка в горы.

— А слуги? — уточнил Орсо.

— Остались там, — махнул рукой Модесто. — Сейчас там, говорят, целый полк на постое — все запасы изведут, а со слуг господина потом шкуру спустят...

— А что же слуги-то не разбежались?

— Боятся, — пожал плечами ловчий. — Айсизцы придут и уйдут, а бароны останутся!

— Но вам-то Альберико приказать не мог, зачем вы поехали с ним?

— Пожалел дурака, — коротко объяснил Модесто. — Будет метаться без толку — пристрелят ни за грош...

Ловчему командир Освободительной армии сразу предложил вступить в её ряды, и он согласился без рисовки и сомнений. Стрелок он был лучше многих, прекрасно знал местность от замка до самого Карррело, умел чертить планы и кроки, уверенно ездил

верхом. Орсо назначил его пока в конную разведку в батальон Нелло, а командиру разведывательного эскадрона поручил присмотреться к новому бойцу и, если он покажет себя хорошо, дать должность повыше.

Для следующего шага нужна помощь Минноны. Вот и настала пора для разговора — исключительно вовремя, после бессонной ночи, с перспективой сегодня же начинать атаку на город... Сам себе враг — затянул время, а когда припекло и нужна поддержка — сразу вспомнил, что Миннона ещё так и не узнала от него об истинном положении, в которое он вовлёл армию! Расплачивайся теперь головной болью, а поспать после такого напряжения не удастся — уже перейдён тот порог, когда усталое тело падает и засыпает на месте, теперь сам по себе не уснёшь — нервы растрёпаны, сбито всякое подобие ощущения времени, будешь шататься, как красноглазый бес из внешней тьмы, и выпрашивать у санитаров успокоительных капель, а то и вовсе глоток неразведённого рома...

Время у Минноны нашлось. Нашлось и терпение выслушать поневоле сбивчивый рассказ об истории «братьев», о записке кобальских зиналов, которые ещё зимой знали о невероятных железных машинах, о подозрения насчёт смерти старого короля, об охоте на «брата Родджио» и об измене среди офицеров Саттины... Орсо на ходу прикидывал, что стоит говорить Минноне, а что не стоит: не потому, что так уже сильно хотел что-то скрыть, но чтобы не усложнять для неё и без того перевернувшуюся вверх дном картину мира. Родольфо он рассказал всё, кроме своих личных дел; но Родольфо сам будет определять своё место в изменившемся мире, он мужчина, он обучен этому, что бы ни думала на сей счёт его семья. Миннона женщина, и сможет ли она сама найти свой путь, неясно, пока она не попробует. И это он, Орсо, выбивает у неё из-под ног привычную почву. Не только он, конечно, ведь не он расплодил изменников и позволил убить короля... но его вклад будет, если вдуматься, не меньшим. Просто то, что он делает, падает на другую чашу весов.

Рассказ занял четверть часа, и только раз на глазах Минноны блеснули слёзы. Но к концу изрядно путаной повести она была уже спокойна и собрана. Девменская гордость победила всё.

— Было бы хорошо узнать всё это раньше, — с мягком упрёком сказала она, когда Орсо умолк.

— Я не нашёл возможности... я виноват, а вы правы, простите меня, — Орсо опустил голову. — Но говорить о подобном второпях...

— Конечно... я не виню вас, не через дырку же в заборе рассказывать такие вещи, — улыбнулась Миннона и легко, мимолётно пожала ему руку. Нет, эта больше не заплачет. Орсо невольно вспомнилась королева Мария. Одна кровь, одна традиция. В старину девменские жёны редко проводили с мужьями больше нескольких дней подряд, и часто это были самые первые дни после свадьбы, а потом поход, месяцы ожидания и слишком часто — сразу похороны... Дети девменских дворян сплошь и рядом росли без отцов, но в окружении легенд о них. Как Миннона и Рудена, дочери погибшего в море барона.

— Вы поможете мне? — Орсо посмотрел ей в лицо: эта не будет лукавить и лгать. Вообще она первая (кроме Ады!) женщина в его взрослой жизни, которой он может смотреть прямо в глаза, не краснея и не тушуясь. Её взгляд спокоен и глубок, в нём всегда затаённая мысль, но угадать её невозможно...

— Вы хотите, чтобы народ Андзолы взялся за оружие и покарал предателей, — задумчиво произнесла Миннона. Но ведь вы понимаете, что на этом дело не остановится!

— Да, понимаю. Придётся изменить лицо всей Андзолы, да и не только. Сын короля

Джакомо или втравил нас в войну сознательно, или, скорее всего, дал это сделать силам, против которых не выступил ни он, ни его окружение.

— Скажите, вы же... вы не считаете, что он мог сам быть причастен к...

— К смерти Его величества? Нет, не считаю. Думаю, его использовали, а теперь, когда ему некуда деться, наверняка он вынужден поддерживать их планы.

— Но ведь пока что он наш король, — задумчиво сказала Миннона. — Разве мы не должны подчиниться? А то, что вы планируете, — это мятеж...

— Не мятеж, а рокош, — возразил Орсо. — Мы не рабы, мы служим короне и стране на определённых условиях. Король нарушил эти условия, отдав нас и страну в чужую волю, а эта воля руками таких, как «брат» Мауро, уничтожает андзольскую аристократию. Нас с вами. Если бы это делал хотя бы король своей волей, с ним было бы о чём говорить, но это...

— С этим я согласна, — строго кивнула Миннона. — Это против чести. — И, помолчав, добавила:

— Я помогу вам. Корону Андзолы не должны пятнать нечистые руки. Пусть лучше она ляжет на бархатную подушку в музее, как корона владык Айсизи, но останется чиста. Да упокоит Творец в радости душу Джакомо Третьего, — Миннона коснулась золочёной звёздочки, висящей на шее на шёлковом шнурке. И тут Орсо вспомнил кое-что. Вот что ему нужно будет сейчас, для того разговора, который придётся вести с этим баронским отпрыском!

— Миннона, — он снова посмотрел в строгое и решительное лицо девушки, — вам ещё кое-что нужно знать о нашем положении... — И, уловив взгляд Минноны, брошенный в сторону штабной хижины, добавил:

— Родольфо знает.

Пришёл черёд разговаривать с самим владельцем Альберико. Что это за птица, Орсо уже представлял, для этого и нужна была предварительная разведка: если всё пойдёт примерно так, как ему нужно, то ему (и не только ему) не раз ещё придётся вести подобные разговоры с аристократами всех мастей, и здесь ошибаться нежелательно...

На разговор он пригласил Миннону и Родольфо — пока что они были единственными аристократами во всей Освободительной армии (разве что кто-нибудь вступил в неё инкогнито... хотя вряд ли). Нелло пришлось объяснить, что перед баронским сыном нужно будет распустить хвост, а человека незнатного, хоть и высокого положения, он просто не примет в расчёт. Нелло согласился, что говорить ему с Альберико пока не о чем, и с явным облегчением унёсся заниматься делом; командная должность его не то чтобы тяготила — нет, он честно делал свою работу, но от официальных встреч и бесед старался держаться подальше. Командуя батальоном, в душе он оставался сержантом. Да и расшаркиваться с баронскими отпрысками его жизнь как-то не научила, лучше уж без него!

Альберико, хотя его накормили, дали умыться и даже немного вздремнуть, был разъярён и встрёпан, как бойцовый петух. На конвойных смотрел как на своих личных врагов, партизанских командиров пытался вообще не удостоить взглядом, но безуспешно: очень уж не ожидал увидеть здесь даму. Впрочем, из-за простого платья Минноны (её собственное, господское, не пережило лагеря) баронский сын тут же записал её в крестьянки, то есть, в его понимании, в прислугу, и, усевшись без приглашения, коротко кивнул в сторону девушки:

— Вина! Или что тут у вас пьют.

Орсо к такому повороту дела был готов и друзей заранее предупредил: баронское дитя

будет вредничать и капризничать — возможно, придётся отшлёпать. Жестом он показал конвою на задержанного — дюжие ребята рывком подняли Альберико на ноги, а Орсо подвинул Минноне стул.

— Пустите меня! Мужланы! Как вы смеете! Да знаете ли вы... — баронский сын кипел от возмущения и пытался вырваться из рук бойцов, но сложением и умением не вышел.

Орсо подождал, пока Альберико прервёт свои вопли, чтобы набрать воздуха, и тихо, не напрягая голоса, произнёс:

— Господин Джустино, вы задержаны патрулём Освободительной армии. Здесь война, и порядки действуют военные. Кому и что здесь позволено, решаю я. Я командир этой армии, моя фамилия Травенари. Это мой начальник штаба господин Треппи, а это главный интендант армии госпожа Костици.

Альберико захлопал глазами, не зная, что сказать. Орсо продолжал по-прежнему тихо:

— Если вы будете вести себя спокойно, вас отпустят, если нет — отправитесь обратно в сарай. Время у меня есть, разговор с вами совершенно не к спеху. Опустите, — кивнул он охранникам, и баронского сына снова поставили на пол. — Свободны! — Конвойные вышли, Альберико снова поискал, на что сесть, но не нашёл.

— Что вы... как вы... — снова забормотал он, но боевой настрой был уже потерян. — Вы на моей земле, и я требую...

— Вы ошиблись адресом — мы не на вашей земле. Деревня Лонтана никогда не была владением семьи Джустино. Но вот замок Джустино — это ваши земли, а вы оставили их врагу. Бросили вверенный вам замок и сбежали, даже не взорвав пороховые склады! — Орсо понемногу переходил на более угрожающий тон, хотя делать это было непросто — очень уж ярко менялись выражения на лице Альберико, и не улыбнуться этой смене погоды было непросто.

— Да как вы смеете! Кто вы вообще такие! — кричать баронский сын перестал, но возмущения в голосе не убавилось. — Проклятая чернь, бунтовщики! Отец быстро напомнит вам, где ваше...

— Вашему отцу ещё предстоит объясниться, где его носило, когда вся страна готовилась к войне, — грозно прервал его Родольфо. Голос у него был сильнее и ниже, чем у Орсо, и Альберико невольно отодвинулся подальше от этой новой угрозы. — Вы сами под подозрением в измене, вы это понимаете?

— Позвольте, позвольте, — мягко вступил Орсо, как бы приходя на помощь пленному. Тактике «злой жандарм и добрый жандарм» его обучал полковник Тоцци ещё для того, столичного дела. — Возможно, господин Альберико просто не осознал, кто перед ним. А когда осознает, то, несомненно, будет лучше ориентироваться в обстановке, не правда ли? — Родольфо величественно кивнул, и Орсо продолжил:

— Господин Треппи — сын полковника Треппи из пограничной стражи Саттины, госпожа Костици — дочь барона Костици.

— Ну хорошо, а вы-то кто такой? — взвился баронский сын. — Что-то я не припоминаю вашей фамилии среди благородных семейств Андзолы!

Собака ты надменная, подумал про себя Орсо и сразу переменял выражение лица с приветливого на суровое:

— Если бы вы не были пленным, мы с вами, любезнейший, прогулялись бы в этом чудесном лесу в компании двух надёжных друзей, — холодно заметил он. — Но у меня есть дела более срочные. Я сын Ады Анлих, внук Его величества Джакомо. Третьего. — Эте

небольшая пауза должна была показать тому, кто понимает, что нынешнего Джакомо Орсо за короля не держит.

Баронский сын замолчал. Тишина длилась так долго, что Миннона беспокойно глянула на друзей — не заболел ли внезапно господин пленный?

— А... я... вы... о-о, простите, простите мне мою... я же не знал... — полилось из баронского сына; Орсо сочувственно слушал это бульканье и кивал:

— Оставим это, у нас есть дела более срочные. Речь о вашем замке, господин Альберико.

— А... что?! Что с замком? — очнулся наследник.

Орсо картинно поднял брови:

— В каком смысле «что»? Он в руках врага! Почему вы, уходя, не взорвали пороховой погреб?

— У нас... нет... нет порохового... — вновь забулькал Альберико и растерянно огляделся: он никак не могу угадать, какого поведения ждут от него эти странные люди — аристократы в крестьянском платье, занятые каким-то большим и важным делом, намного более важным — представьте себе! — чем его, Альберико, судьба...

— Так вы были не готовы к войне? — холодно уточнил Родольфо; получилось очень грозно. Орсо подумалось, что, будь он на месте баронского сынка, он бы уже готов был удавиться со стыда! Альберико, видно, тоже ощутил укор совести:

— Это мой отец, он... он не думал...

— Ваш отец будет сам отвечать за свои действия... вернее, бездействие, — успокоил Орсо. — Сейчас речь о вас. Ваше положение крайне неприятно: вы аристократ, в отсутствие отца хозяин замка, и оставили его врагу...

— Я не оставлял врагу! — возопил доведённый до отчаяния наследник. — Я же не знал!..

— Как бы то ни было, — Орсо как бы с мягким упрёком покачал головой, — теперь там укрепленная позиция айсизцев. И что прикажете с этим делать?

— Я... я не знаю... — Альберико окончательно пал духом и смотрел на грозных пленителей, как школьник, забывший дома букварь, смотрит на грозного педеля.

— В отсутствие отца вы отвечаете за это положение перед страной. Вы владетель Джустино, вы андзольский аристократ. Если ваша честь вам дорога, у вас единственный путь...

Альберико задрожал, а Орсо мысленно поздравил себя: первый, на ком опробован новый язык, всё понял, осознал и готов.

— Взяться за оружие и отбить ваши земли у противника! Вместе с Освободительной армией.

Баронский сын с усилием сглотнул — воевать ему не хотелось. Ещё бы, а кому хочется? Но сомнения в нём ещё бродили остатки спеси тянули за язык:

— Но почему я должен... в эту вашу армию... Ведь есть королевское войско!

— Где же оно? — прищурился Родольфо. — Быть может, вы видели здесь регулярные андзольские части? На случай, если вам сие неизвестно, они блокированы в Кобалье, а Кобалья заперта ещё и с моря. Какой-нибудь месяц — и гавань падёт. А мы действуем свободно — нас не запрёшь и не блокируешь, мы повсюду! — Тут начальник штаба, полный оптимизма, несколько приукрасил обстановку, но Орсо это мысленно одобрил. Этот щенок барона не должен испытывать и тени сомнения в грозной силе армии!

— Итак, вы готовы? — обратился он к Альберико таким тоном, словно всё было уже решено и нужно было лишь формальное согласие.

— Я... ну... конечно, но...

— Да или нет, господин Джустино? — поторопила его Миннона. Это был последний удар под дых: сказать «нет, увольте!» при даме баронский отпрыск не смог.

— Я... го... готов, — выдохнул он и побледнел лицом, будто приготовится съесть живую крысу без соуса.

— Что ж, лучшего и желать нельзя, — обрадовался Орсо. — У вас есть военная подготовка?

— Э... н-нет...

— Жаль, — но это мелкое обстоятельство командира Освободительной армии не слишком опечалило. — После присяги вы будете зачислены в роту командира Саккони. Оружие у вас своё, этого пока достаточно.

Тут гордость баронского наследника снова взбрыкнула:

— Как это зачислен? Разве я не командую?!

Вы только что сказали, что не имеете военной подготовки, — полувопросительным тоном уточнил Родольфо. — Как же вы будете командовать?

— Но ведь я аристократ...

— Когда понадобятся королевские пажи, уверяю, мы об этом не забудем, — едко заметил Орсо. — А здесь нужны бойцы. Пока отдохните, вас проводят в казарму, позже принесёте присягу и получите снаряжение. — Орсо выглянул за дверь, вызвал конвойных:

— Проводить в казарму. — И, когда Альберико вышел, тихонько добавил одному из бойцов:

— И приглядите за ним пока, чтобы не дурил.

— Сделаем!

Когда в домике остались лишь трое командиров, Орсо заметил задумчиво:

— И вот, друзья, настал момент, о котором я забыл. Нам нужен текст присяги.

— И знамя, — добавила Миннона. — Налёты на разъезды можно проводить тайно, но когда мы пойдём на Поллену...

— Верно, про знамя я тоже забыл...

— Долго ли? — Родольфо пожал плечами. — Убрать с андзольского флага корону...

— Мы не только армия Андзолы. Мы больше. Флаги наших стран здесь не подойдут — совсем не тот смысл!

Родольфо задумался.

— Флаги наших стран использовать нельзя, но можно хотя бы известны цвета брать? Смотри: у всех стран флаги в два, иногда в три цвета — так положено, правила геральдики. Но мы-то хотим не флаг страны! Нам эти правила не писаны!

— Так-так! В чём идея?

— Нам нужен одноцветный флаг. Его точно ни с чем не перепутаешь, и видно будет издалека.

— Если цвет яркий, — уточнила Миннона.

— А зачем нам неяркий цвет? Белый нельзя, это карантинный знак... Чёрный — вот его плохо видно, жёлтый — как-то неоднозначно...

— Красный, — сказал Орсо. — Ада упоминала красный флаг. *Эти* — наши враги-пришельцы, я вам рассказывал, — его боятся.

— Назло традиции? — улыбнулась Миннона.

— И с тайным посланием тем, кто слишком много знает, — добавил Орсо. — Возможно, они ещё не поняли, что здесь их действия — уже не тайна, так пусть задумаются...

— Ну вот, половину проблемы решили, — Родольфо довольно потёр ладони. — А с присягой можно немного подождать, до обеда — уж точно.

Часть 31, где сталкиваются удачи и неудачи

Расчёт Орсо начинал оправдываться: бригадир Техеро, отчаянно осыпая подчинённых страшными проклятиями, рассылал повсюду летучие отряды с приказом изловить или уничтожить дерзких крестьян. В нападениях бригадир не видел никакой системы и предполагал, что крестьяне просто не оценили оказанной им великой милости: их разорили не всех и не полностью, а кое-кого даже и вообще не тронули! Что ж, они заплатят за это! От схваченного на дороге разъезда Орсо узнал, что «воздателям», как назвал своих карателей Техеро, надлежит жечь деревни без всякой жалости, а каждого, кто имеет при себе хотя бы нож, убивать на месте. Ножам кобальские крестьяне были вооружены всегда и повсюду, мальчики с трёх лет и девочки с пяти уже таскали крошечные ножики, называемые в народе «не трожь меня», — старинная традиция самозащиты не была забыта даже за триста лет в составе королевства... Так что приказ Техеро означал попросту «убивайте всех». Формально он всего лишь выполнял распоряжение Генерального штаба — не его вина, что прекрасодушный слабак Рохас не желает пачкать кровью белые перчатки!

Отряды карателей, больше похожие на банды разбойников, бросились прочёсывать окрестности Поллены, и Орсо понял, что пора выступать. Неплохо было бы всё же дожидаться какого-никакого ответа из Кобальи... но времени уже нет: начинать надо сейчас, и останавливаться уже нельзя. Если хоть где-то потерять время, Техеро доложил Рохасу, и основные силы корпуса подтянутся в Поллену за день-два, и получится, что не Орсо заманил их в капкан, а его заперли между Полленой, Кобальей и Каррело. Начальник штаба был с командиром согласен, его душа и так уже рвалась в бой, терпение истощилось, хотелось сделать что-нибудь настоящее, весомое, показать айсизцам, что почём на чужой земле!.. Покажем, пообещал Орсо и отдал приказ выступать следующей ночью. Нелло едко заметила, что, насколько ему известно, это уже третий приказ командира Травенари о ночном марше. Воевать днём, как все, не позволяет презрение к традициям?.. Пришлось напомнить, что ночью в летней Кобалье хоть как-то можно дышать и не окунать поминутно голову в бадью с холодной водой. Люди и лошади будут только рады ночному маршу! Но если командир батальона против, он может выступать днём, по жаре... Такого желания у Нелло не возникло, на том совещание и кончилось. А Орсо взял себе на заметку впредь не позволять обсуждать свои приказы даже очень хорошим парням.

Остаток дня он проспал — потом опять не дадут отдохнуть, что-нибудь да начнётся. Угадать здесь оказалось несложно — перед закатом его разбудил Полидоро и подал записку от командира эскадрона разведчиков. Орсо развернул бумажку, в прежней жизни бывшую наклейкой на пачку табака; в записке говорилось: «Боронский сын говорит знает как избавица от замку».

Командиру понадобилась целая минута, чтобы понять идею. Задачу «избавиться от замка» он вообще-то не ставил, но мысль, что опасность со стороны артиллеристов можно как-то уменьшить, безусловно, заслуживала внимания! Он послал за Альберико.

Младший Джустино явился, полный достоинства, и был явно переполнен гордостью за пришедшую к нему блистательную мысль. Дождавшись позволения говорить, он начал без предисловий:

— В замке стоит артиллерийский полк, и до Поллены ему совсем близко. Если оттуда придёт курьер, пушки смогут подойти им на помощь за несколько часов, верно?

— Да, от трёх до шести часов в зависимости от погоды, — кивнул Орсо.

— А если захватить замок заранее?

— Мы думали об этом, но на штурм у нас не хватит сил, а с артиллерией там можно неплохо обороняться...

— Штурм не нужен! — победно заявил баронский наследник. — В замок можно пройти подземным ходом!

— Будьте любезны, подробнее! — Орсо жестом послал вестового в штабную хижину за Родольфо — пусть тоже послушает.

— В замке есть подземный ход, — охотно объяснил Альберико. — Не очень длинный, до мельницы. Там меньше мили. Но он исправен! Я сам по нему проходил в последний раз месяца два назад, всё было в порядке.

Орсо усилием воли заставил себя не вскакивать с места. Ах, если бы это было правдой! Ах, только бы это было... Но пришлось придать лицу выражение сомнения:

— А как можно быть уверенными, что айсизцы уже не проведали про это?

— А кто бы им рассказал?

— Слуги, например.

— Слуги о ходе не знают, знал только камердинер отца, а он уехал с ним в Кобалью.

— И никому больше не рассказал? Стал бы он так хранить чужие тайны?

— Не чужие, а хозяйские! — Альберико смотрел на командира так, словно тот не понимал очевидных вещей. — Если бы Томазо болтал языком о чём не просят, отец давно бы его выгнал. А он уже двадцать лет служит беспорочно. Я в нём уверен.

Он уверен, и хоть трава не расти. Спесь аристократа превыше логики... Ну да ладно, если артиллеристы в самом деле не знают этого секрета, то появляется шанс...

Подошедший Родольфо выслушал сообщение о замковой тайне, почти не выдав бешеного волнения, только левая рука вцепилась в рукоять трофейной сабли так, что пальцы побелели.

— Послать разведку? — осведомился он старательно спокойным тоном.

— Нет времени. Посылать нужно сразу большие силы. — Орсо обернулся в баронскому наследнику:

— Насколько широкий ход?

— Два человека пройдут рядом.

— Отлично! Можете начертить, где он начинается и куда в замке выходит?

Альберико, брызгая чернилами с растрёпанного пера, принялся рисовать план, а Орсо вполголоса отдавал Родольфо инструкции:

— Отправь полк Микелино и для срочной связи придай им третий эскадрон. Если что пойдёт не так, хотя бы доскачут назад и доложат нам... Гранаты пусть берут все, какие у нас есть, я сам скажу Форине. Если захватят замок, там полно гранат, если нет — они нам уже не помогут...

— Всё так плохо?

Орсо пожал плечами: с другом можно не притворяться.

— С угрозой нападения артиллерии за спиной мы Поллену не возьмём. Они-то тоже знают про пушки и смогут протянуть время до их подхода. А из Кобальи — ничего!

Родольфо положил руку ему на плечо:

— Придут! Просто собирают силы. Зиналы же говорили, что легче передать сообщение туда, чем получить ответ.

— Я помню... — Орсо вдруг схватился за голову и тихо застонал. — Помилуй Творец, куда я вас втянул?!

— Тише! — Родольфо потряс его за плечи и кивнул на Альберико, сосредоточенно скрипевшего пером. — Брось! Никуда ты никого не втянул, мы сами пошли драться. И мы будем драться! — Молодой Треппи сжал кулаки. — И ещё посмотрим, кто тут хитрее всех!

Хитрее... Много бы Орсо дал сейчас за толику хитрости полковника Тоцци. Вот уж кто старый хитрый лис, его в ловушку не поймаешь... Ладно, чего нет — того нет, а есть серьёзная задача, если её правильно решить — многое станет проще! Надо пытаться — разве он когда-нибудь проходил мимо удачного шанса?

— Вот, — Альберико показал нацарапанный им план. Ход и правда был недлинный — начинался у мельницы за деревней, а вёл в винный погреб. Ну правильно, куда же ещё-то!

— А погреба не заперты? — уточнил Орсо.

— Конечно, заперты, я приказал всё запереть, — дёрнул плечом баронский сын. — Но замки там там не навесные, а врезные, и ключи есть внутри, прямо в подвале.

— А если дверь снаружи завалена?

— Выбьем, — уверенно заявил хрупкий наследник.

— Гранатами взорвут, — добавил Родольфо.

— Что ж, это план. — Орсо набросал на обрывке газеты приказ, отдал Родольфо. — Приписать рядового Джустино к ударному полку в должности проводника. Все свободны.

Альберико неторопливо, с достоинством удалился. Родольфо посмотрел ему вслед:

— Ты ему веришь?

— Вообще-то нет. Но в засаду он не приведёт — не того поля ягода. А если он попросту наврал про подземный ход, Микелино зря натопаётся, и всё. А этого потом повесим за обман.

— Ты серьёзно? — Изумление в глазах Родольфо было неподдельным. Не ожидал от тихого доброго приятеля?..

— Серьёзнее некуда. Мы тут не шутки шутим, пусть все выучат, наконец. А то у нас половина часовых дрыхнет на постах, я замучился их ночами будить! Совсем страха не имеют, кошкины дети...

— Ну... тогда будем надеяться, что наш мальчик не набрехал, — осторожно подытожил начальник штаба.

— Пусть служит, барон драный, — усмехнулся Орсо. — Сортовой аристократ, тоже мне... Жил бы он в столице — наверняка сидел бы в первых рядах «интереснейшего общества», слушал «брата» Мауро с разинутым ртом!

Ночь и следующий день прошли в торопливых сборах; вечером, в лёгких летних сумерках вся Освободительная армия числом уже в восемь тысяч бойцов, не считая дозоров, остающихся охранять дороги, двинулась на юг.

Жара уходила, отпускала пыльные долины и оливковые рощи из своих объятий. Когда солнце опустилось за горы, на стены глинобитных домиков, нагретые за день, выбежали гекконы и захлопали пастями, ловя вечерних мошек. Переливчатый свист гекконов-самочек наполнил воздух. В садах по сторонам дороги осыпались абрикосы — в этом году некому было их убирать, садоводы или вступили в Освободительную армию, или укрылись в горах. Падающие на землю перезрелые плоды поедали мелкие шустрые черепашки, иные сами величиной не больше абрикоса. Зелёные, серые, бурые ящерицы убирались с дороги, из-под

шагающих ног, оставляя в пыли волнистые следы. В последних солнечных лучах, брызнувших из-за кромки гор, пронёсся на закат стремительный канюк, мелькнуло белое брюхо, и самые зоркие успели разглядеть, что в его мощных лапах трепещет мышь. В рощицах по берегам ручьёв распевались краснохвостые соловьи — их звонкие песни, падающие, как хрустальные капельки, отчётливо неслись сквозь вечный шум старых кривых олив. Осро вдруг вспомнилось, что в столице соловьи другие — они не звенят, а свистят, неожиданно и резко, там никто не считает их вопли пением... От реки напозвала прохлада, уютно пахла дорожная пыль, фыркали лошади, то здесь, то там в марширующих колоннах затягивали песню, и всё было мирным, домашним, как будто не было настоящей опасности и все военные дела — словно игра, понарошку... Каким-то не своим, извне пришедшим чувством Орсо понял, что многие уже завтра поплатятся за это игривое, пустяшное настроение. И одним из них может быть он сам.

Откуда же это берётся? Что за картины виделись ему, когда они в гостинице беседовали с Адой? Что за мысли преследовали, когда он бежал по ночной Саттине после выстрела в брата Родджио? Его — и чужие, понятные — но не до конца, созвучные моменту — но не полностью, будто бы он должен всё это помнить, но откуда?.. Он никогда не бывал на войне, но знал, как выглядят залпы орудий, как шипит в воздухе ядро, летящее прямо в него, как грохочет и звенит, бросаясь в атаку, волна кирасир, как разом поднимается дымок над каре, только что сделавшим слитный залп... Сидя на своей смирной лошадке, которой не требовалось управление, чтобы спокойно топтать в колонне, он ощутил на руках жирную чёрную грязь — землю, перемешанную с кровью, почуял острую кислую вонь сгоревшего пороха, различил по содроганию земли далёкий, как прибой, гром барабанов, рассыпающих дробь сигнала «атака в галоп»...

Что это и откуда — время ли сейчас думать? Важно ли это перед первым боем — а ведь он может начаться намного раньше, чем ему кажется, если на колонну наткнётся не выловленный авангардом разъезд? И всё же это имеет какое-то значение — эх, почему он не спросил тогда у Ады? Постеснялся, что она примет это за выдумки? Ну вот теперь не у кого спросить, выпутывайся как знаешь!

Стемнело уже по-настоящему, из-за гор выкатилась лежащая на боку молодая луна, и командиры батальонов передали по колоннам приказ соблюдать тишину — больше никаких песен! Конные разведчики то и дело приносили новости о том, что совсем недавно по этой дороге проезжали айсизские части — отчётливо видны следы подков, и навоз ещё свежий... Мрачный Родольфо, ехавший в голове колонны, приотстал и дождался командира:

— Будем атаковать с марша? Ты уверен?

— Придётся! Следы, которые мы видим, — это от разосланных разъездов. До утра они где-нибудь на постое, значит, новостей от них Поллена не получит. Да, мы должны атаковать с марша, рано утром, и не останавливаться. Когда подойдут войска из Кобальи, мы не знаем, терять время и дожидаться их нельзя. Когда бы ни подошли, пусть тоже сразу атакуют, а что остаётся...

— Там опытные военные, они откажутся так делать, — покачал головой Родольфо. — Это не по правилам...

— А убивать нонкомбатантов — по правилам? Деревни жечь — это по правилам? А изменников плодить?!

— Да что ты на меня-то злишься, — растерялся начальник штаба. — Я тут при чём? Я с тобой согласен! Но выучка и привычка...

— Да плевал я, — махнул рукой Орсо. — Не захотят воевать без правил — пусть лучше тогда и не приходят. Ещё им сопли утирать и уговаривать есть кашку за маму, за папу? Пусть катятся к бесам со своими привычками!

— Разговор командиров прервал Полидоро — подскакал на своем мохнатой коняге и торопливо доложил, что прибыл курьер с севера. А следом за ним, не дожидаясь позволения и вообще не церемонясь, подъехал и соскочил с седла Будаи.

— Господин, — он поклонился Орсо и протянул ему большой красный конверт, замызганный по краям, помятый, но с целыми печатями. — Это из Кобальи, от генерала Мазины.

— Спасибо, друг. Полидоро, посвети!

В жёлтом луче фонаря Орсо, помогая себе зубами, торопливо оторвал угол конверта, вытянул лежащий внутри лист постовой бумаги, развернул, мельком убедившись, что внизу, по текстом, стоит генеральская подпись и прилепился красный оттиск личной печатки... Пробежал глазами несколько строчек, вздрогнул, вернулся к началу, перечитал ещё раз, медленнее, заставляя себя не торопиться и изучить каждое слово — не показалось ли... Молча отдал листок Родольфо, а сам бездумно сжал в пальцах конверт, с усилием разорвал пополам, потом ещё раз, потом ещё... Красные лепестки закружились в дорожной пыли, и тут же были втопты в неё тяжёлыми сапогами.

Родольфо знаком велел Полидоро поднести поближе фонарь, прочёл письмо, хмурясь и потирая пальцем лоб, вопросительно глянул на Орсо:

— Это что вообще значит? Они там совсем?..

— Если опустить оскорбления, — тихо пояснил Орсо, — это значит, что мы идём на бойню. И возвращаться уже поздно — позади дозоры, впереди Техеро, под боком этот проклятый замок... в на севере предатели.

Будаи стоял молча, ожидая приказов; Орсо повернулся к нему:

— Спасибо за весть. Ты свободен.

— Ты идёшь на бой, господин, — зинал упрямо склонил голову, — я тебе нужен.

— Я не могу тебе приказать. — О Творец, ещё и это! Пережить бы кобальские новости, так тут ещё и упрямый фанатик...

— Можешь, господин, — просиял Будаи. — Конечно, можешь! Мы твои!

— Езжай со мной, — устало сказал Орсо. — Для тебя будет задание, когда мы доберёмся до Поллены.

Колонны продолжали мерно шагать в ночи, замешательства стоящих на обочине командиров никто особенно не заметил. Кроме Минноны. Встревоженная всадница на гнедой кобыле выехала из темноты:

— Что-то случилось?

— Не знаю, как вы поняли, но... да... случилось, — смутился Родольфо. Орсо тем временем думал — сказать ей? Если бы она не приехала сама, он не стал бы её тревожить, но сейчас скрытничать значило обидеть. Он подъехал вплотную к лошади Минноны, так что его колено коснулось кобыльего бока, и сказал ровным спокойным голосом:

— Комендант гарнизона Кобальи генерал Мазина считает нас мятежниками и высылает войска, чтобы захватить нас, арестовать и предать военно-полевому суду.

— То есть вместо помощи... — Миннона помрачнела, нахмурилась.

— Именно так. Не знаю, кто такой этот Мазина — предатель или просто тупая скотина...

— Нам важен результат, — вздохнул Родольфо. — Мы в ловушке.

Часть 32, где говорится о совести, флажках и железках

Ночь была синяя, тёплая, соловьиная, в небе лежала на спинке луна, такая беззаботная, такая хрусткая, как дынная долька, хочешь — отломи... В синей темноте, среди пахучих трав, хотелось лечь на землю и остаться навсегда в этих зарослях низенькой белой полыни, чабреца, тысячелистника. И все заботы и решения, все битвы и восстания пройдут мимо, как мгновенный сон, а ночь и земля останутся вечно.

Орсо поборол желание лечь, поднялся на ноги с примятой травы, растёр между ладонями стебелёк горной мяты, вдохнул резкий запах, провёл языком по ладони — на губах остались холодок и горечь. Это отрезвило, прочистило голову. Верный Будаё стоял неподалёку, держа в поводу обоих коней — своего и «господского».

Армия неспешно двигалась по дороге, мимо уже тянулись последние роты арьергарда. Верхом Орсо легко догонит свою колонну, время есть. Правда, совсем немного времени — привести в порядок мысли, загнать поглубже горькое чувство вины за всех этих людей, которых он втравил в безумную смертельную авантюру, а отдельно за то, что ему доверилась Ада, а он не оправдал её ожиданий. Не смог повернуть маховик истории, не успел даже замедлить хоть немного его ход.

Отступать нельзя — он сам это твердил своим командирам с самого первого дня и всегда оказывался прав. Но ведь это не тактика, это даже не логика — это принцип разогнавшегося тяжёлого колеса: пока оно движется, оно не упадёт. Достаточно ли тяжело колесо Освободительной армии, чтобы прокатиться, не останавливаясь, по лишённой дисциплины и внятной цели бригаде Техеро? А даже если и да — что делать с Мaziной? Получить нож в спину от своих за попытку исправить их же ошибку! Банда предателей, банда сволочей... Почему-то обиднее всего было за Родольфо: в семье дура-предательница, да ещё и друг затащил в авантюру, которая может кончиться военно-полевым судом. И судьбы-то кто? Это же самые изменники! Орсо сжал виски ладонями, зажмурился; везде, везде капканы, и как среди них вертеться, когда не знаешь, кто из свой действительно свой... Нет, из дома, из столицы, всё это не казалось таким сложным.

Надо ехать. Будаё ни о чём не спросит, они вообще такие, зиналы, — лишнего не болтают, в душу не лезут, живут со своими тайнами и не требуют посвятить их в чужие. Господин сказал «подожди» — он будет ждать хоть год. На том же самом месте.

— Будаё, — позвал Орсо. Зинал оставил коней, неторопливо, но почтительно подошёл, снял шляпу:

— Господин?

— Почему вы называете меня господином? Расскажи мне, я не понимаю.

— Таков был уговор, — сказал Будаё. — Уговор народа с Творцом.

— О чём уговор? — Орсо потряс головой. Он вообще ещё на этом свете? Чт происходит?

— Только Он и Его потомки могут быть господами над нами, — с достоинством пояснил его собеседник. — Земные властители не могут нами повелевать — такую милость Он даровал нам, народу звёзд.

— Но я-то здесь при чём?!

— Ты сын Украшения Мира, господин, а значит, и Его родной сын. Ты сам сказал, и мы

поняли: это правда.

— А мой отец... — Орсо зажмурился. Спросил, называется! Стало понятнее? — Нет постой, я всё же не понимаю...

— Об этом я не могу знать ничего, господин, — Будаё склонил кудлатую голову. — Но мы помним, что не всегда Его сын от рождения знает свою дорогу. Так бывает.

— И всё же... Украшение Мира — ведь это жена Творца, так?

Будаё сунул руку за пазуху, осторожно вынул что-то плоское, завёрнутое в чистый платок, развернул и подал командиру. Маленькая икона, какую носят с собой истово верующие, а изображение такое же, как в храмах: вверх и в середине — Творец с чутким взглядом фиолетовых глаз, а вокруг...

Орсо всмотрелся, повернувшись к луне, поморгал, поднёс иконку к самым глазам... У Украшения Мира было лицо Ады.

Он молча отдал образок Будаё, запахнул куртку, сунул руки подмышки. Ему стало холодно. Холодно и очень, очень одиноко. От этого не спрячешься на тёплой кухне...

— Будаё, — собственный голос показался ему незнакомым. — Здесь что-то не то. Я не он...

— Всё то, — покачал головой зинал. — Мы сразу поняли — по Твоим словам, по Твоим замыслам, по тому, как Ты ведёшь себя с людьми. Мы видим. Мы давно ждали, господин, давно.

— Но я... я ничего не знаю, я не могу...

— Ты знаешь правду, господин. Ты говоришь о ней со всеми, но не все верят Тебе. Ты знаешь, чего хочет от нас Он, и стараешься дать нам это. Нам всем — и детям звёзд, и и прочим людям, и странам, и народам. Многие не верят, не принимают, не соглашаются — но правда остаётся правдой. Поэтому мы с Тобой.

— О чём ты говоришь, — горько вздохнул Орсо, — какая правда?..

— О том, для чего мы созданы. И о наших врагах. Помнишь, Ты говорил, те, что привезли сюда живые железяки, — они хотят сделать нас своей собственностью. Но мы не для этого! Мы Его создания, и у нас есть иной смысл...

Орсо уже не вслушивался в его слова, не понимал, а просто сел в траву, обнял руками колени и опустил голову. Звёзды... истина... разве это сейчас ему нужно? Если зиналы правы, он только что совершил в глазах Творца ужасное преступление — возгордившись, решив, что знает, как надо, повёл людей на смерть. Не за идеалы, нет! За своё представление об идеалах.

Что-то зашелестело рядом, но он не обернулся. Не хотелось ни на что смотреть. Запах табака, кожи, конского пота смешался с ароматом ночных полей — Будаё осторожно обхватил его за плечи, притянул к себе:

— Господин, позволь нам помочь. Ты не будешь один — мы с Тобой. Мы за Тебя, и так будет всегда. Мы не оставим ни Её, ни Тебя. И Ты не бросай нас, хорошо? Мы ждали так долго...

Времени прошло немало — стих ветер, умолкли птицы перед зарёй, воздух пропитался росой. Будаё не шевелился, пока Орсо не поднял мокрое от слёз лицо с его плеча. Зинал помог ему подняться на ноги, дал напиток из своей фляжки, надел шляпу:

— А за битву не тревожься, господин. Мы ещё не проиграли! Творец не оставит Тебя, а Ты — нас, так ведь? — И подвёл командиру Освободительной армии коня.

Конечно, их заметили давно — по поднятой на дороге пыли, по блеску оружия в лучах встающего солнца. Но укрепить город как следует за такое время всё равно не выйдет — так, приняли некоторые меры. Над городом вместе с дымом печных труб тоже поднималась белая пыль, клубами уходила в бледные утренние небеса.

— Баррикады, — пояснил хмурый Родольфо, указывая на эти пыльные облака. — Разрушили несколько домов и завалили проходы. За ними, скорее всего, артиллерия спрятана. Если у них есть.

— Лёгкая есть, нам говорили пленные, — вздохнул Орсо. — В узких улицах нам и лёгкой хватит!

Поллена была очень уж похожа на старые кварталы Ринзоры, и командующий Освободительной армией невольно поёжился, вспомнив свои зимние приключения. Впрочем, сейчас многое по-другому: это они в своей родной стране готовятся взять штурмом андзольский город, и кое-кто уже считает, что это измена... Верный Будай замер на своём коне слева от Орсо, в руке сабля, на лице удивительно мирное выражение — будто приехал с утреца рыбку поудить, а не рубиться насмерть. Телохранитель. Когда начнётся свалка, это будет, конечно, особенно полезно...

Кавалерия рассыпалась по выгоревшему лугу перед полленской заставой; за древними деревянными воротцами, знаменующими заставу, дымили фитили пушкарей. Первые полки пехоты, растянувшись в широкую дугу, шагали прямиком через дворы и огороды предместья, и перепуганные жители, затаившись, словно зверьки, рассматривали эту дикую армию в приоткрытые двери и чердачные окошки.

Орсо огляделся: почти все пехотные силы уже подтянулись, пора начинать, пока не подошли клятые кобальцы и не пришлось драться на два фронта... Неужели они в самом деле способны напасть на тех, кто сражается с захватчиками? Или сперва подождут, пока обессиленная Освободительная армия займёт Поллену?.. Он знаком отправил вперёд, к заставе, трубача, знаменосца и парламентёров. По правилам войны так и следовало — но бригадир Техеро правил не признаёт, может и наплевать на традиции и конвенции... Поехали только добровольцы.

И точно — наплевал, поганец! Как только с заставы разглядели подъезжающую группу, из-за ворот раздался выстрел. Ружейная пуля сорвала берет со знаменосца, он пригнулся, но знамя не опустил. Неторопливо развернувшись, группа двинулась назад. Орсо смотрел на них с завистью. Вот это воля. Спиной к этим... Но как же быстро одичали айсизцы, верится с трудом! Они ведь первыми носились с конвенциями, убеждали, что война должна быть введена в рамки международного права... Вот каково ваше право, подонки, — стрелять по переговорщикам! Не ко времени подумалось, что, если удастся победить, все эти конвенции и наказания за их нарушение надо будет пересмотреть.

Парламентёры ещё не добрались до первых рядов пехоты, когда Орсо отдал приказ вестовому, тот взмахнул флажком, и барабанная дробь обрушилась на солнечную долинку, усадьбы и огородики. Хватит игр в законы войны! Зверя учат палкой.

Передовые шли редкими рядами — к чему тесниться, облегчая работу артиллерии? Так не принято, волновался Нелло на военном совете, наступать надо сомкнутым строем, иначе что за удар получится! Орсо тогда промолчал, предоставил Родольфо объяснять, что это прекрасный способ остаться без пехоты... Нелло — настоящий отец-командир, он знает, как вести себя в бою, но как вести бой — этого у него нет. Вот сейчас и посмотрим, кто прав!

Ухнуло, просвистело, брызнула земля — первые ядра из-за ворот ударили в дорогу

прямо перед наступающими. Кого-то засыпало комьями земли, но раненых пока нет — артиллеристы скорее пытались припугнуть дерзких. Дорогу затянуло дымом, в плотных желтоватых клубках пехота, как учили сержанты, сдвинулась плотнее и бросилась вперёд — у пушек есть расстояние, ближе которого они бить не могут, и если подобраться поближе, остаётся только разделаться с расчётами...

Выстрелы, крики, треск дерева, разрывы гранат наполнили воздух. Дым от пальбы быстро скрывал городские окраины, а здесь ведь не поле боя — ветром его не сносит... Две заставы рухнули, но самое трудное начинается в городе. Орсо отчаянно хотелось тоже нестись туда, сквозь дым, на узкие улочки, стрелять, скакать, отмахиваться шпагой... Нельзя. И Родольфо рядом точно так же сдерживает коня, кусает губы, глядя вслед наступающим, ладонь на рукояти пистолета. Хотел командовать — вот тебе, стой и жди, пока твои бойцы насмерть рубятся в дыму!

Я не хотел, возражал сам себе Орсо. Мне пришлось! Не хотел? А как же твои планы там, в доме на Звериной? Казалось, стоит только начать — и всё само покатится... Вот, покатилося, успевай только уворачиваться. Ада предупреждала: война есть война, она в этом понимает.

Глаза слезились от едкого дыма, от пыли, поднятой бешено проскакавшим мимо эскадроном, от жары, от солнца... может, ещё от чего... И словно извне постучалась мысль, от которой совесть опять поёжилась: битва командира идёт не на поле боя, ты ведёшь её по-другому. С бандитами-«братьями», с чванливыми аристократами вроде Альберико, с предателями, со слабыми духом добровольцами, которые в любую минуту могут побежать с поля боя, просто потому что им надоело, с королями, министрами, газетами... Хочешь кому-нибудь это перепоручить? Совесть твоя нечиста? А рвануть в битву и там погибнуть через минуту, потому что боец ты неумелый, зато оставишь армию без командира, — это совесть не пятнает? Привёл людей сюда — теперь будь так добр помоги им победить! А заодно не дать отобрать у них победу.

— Командир, там, там! Смотрите! — вопль вестового отрезвил, вернул к действительности. Полидоро тыкал пальцем куда-то в город, привставая от восторга на стременах, махал сорванным с головы беретом:

— Вон он, вон там, чтоб всем видно! Поняли вы, гады, поняли?! Вот вам всем!

— Что? Что такое? — Родольфо приложил руку к глазам, глядя против солнца.

— Там вон, на трубе!

— На какой трубе, ты что, с ума съехал... А, нет, вижу, вижу теперь! Орсо, там!

— Труба отсюда была видна только одна — труба бумажной фабрики. Дым из неё сегодня не шёл, зато на самой трубе, выше плотного порохового облака трепыхался отчётливо видный красный флажок.

— Наши, — орал Полидоро, сжимая берет, — наши в городе!

— Это Марко? — полуютвердительно произнёс Треппи.

— Больше некому, — согласился Орсо. Часть дела сделана — теперь айсизцам будет чем заняться в городе, не заскучают...

Грохот выстрелов звучал уже на улицах, дважды, трижды повторялся эхом между глухими стенами. Треск барабанов, сигналы айсизской трубы, глухой шум рукопашной доносились уже не понятно откуда — в городе нелегко было понять, что происходит. Орсо тронул коня:

— Надо ближе, к воротам! Где курьеры, что там у них?!

— Не подстрелят? — Родольфо покосился на низенькие домики предместий, но не отстал ни на шаг.

— Да кому мы нужны... — усмехнулся Орсо, — мы с тобой не в шлемах с перьями и не в мантиях!

— И всё же, господин, — тихо заметил из-за плеча Будаи, — позволь мне проверить.

— Разрешаю! Спасибо.

Будаи с места послал коня вскачь, пропал в пыли, мелькнул на мгновение у сорванных ворот заставы и пропал. Штаб топтался на месте — ехать вперёд, не ехать? Или лучше не мешать?

Прошло, кажется, не более трёх минут, и вдруг зинал вылетел обратно, пригнувшись к шее коня и придерживая шляпу. Скакал он молча, и лишь подъехав к командиру, тихо объяснил:

— Железная штука! Ползёт по улице и ломает дома. Бойцы бегут от неё. — Говорить от старался спокойно, но Орсо видел, как его колотит дрожь.

— Правильно делают, что бегут, — они с ней ничего не сделают. — Орсо огляделся, обдумывая, как быть. — Родольфо, ты гранаты бросать умеешь?

— Умею... немного, — опешил Треппи.

— А две по очереди?

— Можно и так, но...

— Поедешь со мной, захвати две гранаты. Полидоро, быстро! — Вестовой понёсся за боеприпасами. — Будаи, покажешь мне, где эта штука.

— Да, господин, — склонил голову зинал, — но позволишь ли спросить...

— Долго, Будаи, надо спешить. Но поверь, зря жертвовать собой я не намерен!

Будая этот ответ полностью удовлетворил, и он с прежней невозмутимостью двинулся следом за командирами в город.

Тяжкий удар, грохот сыплющихся кирпичей, глухой звук падения стены, облако пыли... Там что-то движется, тяжело переваливается в дыму и пыли, и почему-то оттуда пахнет прачечной. Как странно! Но Будаи прав — это машина свирепствует там, впереди. Строит, если можно так сказать, баррикады из жилых домов. Люди не кричат — видимо, разбежались раньше... дай-то Творец!

Орсо понял вдруг, что, хотя ему до бесов страшно — от себя не скроешь, — но одновременно ужасно хочется увидеть наконец своими глазами это чудо техники. Какого же она размера, что так легко крушит стены? А если она такая огромная, что гранатами не пробить? Впрочем, вряд ли, этими гранатами можно пробить что угодно... Помогите нам Творец, других способов нет!

Будаи уверенно вёл командиров через пыльный ад, по остаткам улиц; среди обломков лежали тела людей и лошадей, покорёженные ружья, смятые айсизские флаги, на остатках баррикад, наспех наваленных противников, что-то догорало, и над всем этим хаосом летали поднятые горячим ветром серенькие листочки ежедневной газеты. Лязг и грохот доносились спереди уже весьма ясно — не ошибёшься.

— Она там, — показал, тем не менее, Будаи.

— Каков план, скажи, наконец! — нервно потребовал Родольфо.

План простой: ты прячешься в переулке или в подъезде — где найдёшь, только на улицу не высывайся. Мы выманиваем эту штуку в нужную улицу, она проезжает мимо тебя, и ты кидаешь гранаты. Сможешь?

— Смогу-то смогу, но с чего ты взял, что она поедет за тобой?

— Поедет! Как миленькая поедет, — усмехнулся Орсо, — я ей одну штучку покажу, ей понравится...

— Господин, — сурово молвил Будаё, — позволь мне её выманить! Это слишком опасно...

— Вот поэтому ты выгацишь меня у неё из-под носа, когда будет нужно, — объяснил Орсо. — У меня может не хватить времени или ловкости, а ты выдернешь меня на седло. Готов?

— Готов, господин, — склонил голову зинал. Видно было, однако, что ему план видится неоправданно опасным, и если бы он мог спорить...

В нужной улице, достаточно широкой, чтобы машина могла туда повернуть, Родольфо оставил коня на перекрёстке и скрылся в проёме какого-то дома, из которого взрывом вынесло дверь. Трудность задачи его состояла в том, чтобы не поджечь запальный шнур гранат слишком рано; Родольфо в гренадерском полку не служил и опыта не имел, приходилось рассчитывать только на природную ловкость и глазомер. Орсо тоже бросил коня на попечение Будаё и пешком, перескакивая мусор и остатки баррикады из телег и торговых лотков, пробрался к тому концу улицы, где скрежетало и грохотало. Расчёт его, в целом несложный, включал в себя только одно произвольное допущение: он считал (вслед за Адой), что машиной управляет человек. А раз так, то вряд ли столь важное дело доверили бы местному. Тем, кто прислал «железную малышку», проще было прислать и инженеров, которые её обслуживали, чем выдавать здешним жителям важные тайны.

Грохот приблизился; Орсо вынул из внутреннего кармана куртки тщательно свёрнутый красный флажок, расправил его и шагнул на перекрёсток. Он примерно понимал, что именно увидит, но зрелище машины всё равно впечатляло. Серая, как грозовая туча, железная громада высотой не ниже второго этажа, в своих металлических щитках похожая на всадника в броне. Брюхо почти скрыто под свесом брони, но видно, что она не катится на колёсах, как телега, а ползёт, словно гусеница. Сзади, за плоским круглым выступом на спине, торчит широкая низкая труба, из неё вверх толчками вырывается пар. Вот откуда запах прачечной — это попросту запах кипящего котла! Низкий страшный рокот заставляет дрожать стены и мостовую, железные когти перемалывают булыжник в мелкий щебень. Сколько же она весит?.. Спереди торчит орудие — ни с чем не спутаешь! Калибр, конечно, поменьше, чем у полевых пушек, но Орсо помнил рассказы Боднара про горящие снаряды, которые взрываются при попадании... И самое жуткое — на передних щитках, сходящихся под острым углом, слово нос корабля, следы крови и какие-то прилипшие частички... чего-то... лучше не задумываться!

— Эй, железка! — крикнул он, не уверенный, однако, что его слышно в этом громе. — Погляди-ка сюда!

Флажок вспыхнул на кобальском утреннем солнце, затрепыхался, как живой. Грохот прекратился — машина остановилась. Плоская наплёпка на спине с лязгом повернулась, и Орсо показалось, что изнутри на него смотрят.

— Что уставилась? Цып-цып-цып, иди ко мне! Хорошая девочка!

Передняя часть железяки вскинулась вверх, её грузное тело начало поворачиваться, а прямо в лицо Орсо уставился ствол орудия... ну всё, хватит, сработало, пора бежать! Он прыгнул за поваленную телегу, пригнулся — вовремя! Бабахнуло так, что заложило одно ухо, светящийся снаряд пронёсся меньше чем на фут правее него, ударил в мостовую — брызнул

фонтан мелких осколков. Орсо пробежал, пригнувшись, вперёд, метнулся вправо — сзади заскрипело по камням: поворачивает! Не хватает ей угла для выстрела! Ну, иди сюда, железка, иди, тупой паровой котёл! Куда там смотрит твой погонщик — давай, вперёд!

Под машиной затрещали обломки — она справилась наконец с разворотом и покатила по улице. А она быстрая! Что если он не успеет добежать до перекрёстка?.. Его мозги останутся там, на передних щитках... Помоги Творец, ну не так же! Зачем он вообще связался во всё это, бесы его побери! Ужас какой... скорее, скорее, сейчас она опять выстрелит...

Бахнуло, со зловещим свистом что-то сияющее пролетело над головой. Некуда прятаться — она и стены пробивает... А до двери, где сидит Родольфо, ещё так далеко — целых пять шагов!

Всё произошло одновременно: Орсо споткнулся о сломанную оглоблю и упал, рядом впился в мостовую снаряд, каменная крошка обожгла плечо и спину, слово осиный рой ужалил разом, сразу же сзади грохнуло раз, другой, третий — и обрушилась тишина. Кто-то вздёрнул Орсо на ноги:

— Господин, посмотри на меня! Ты меня слышишь, господин?

Будай тряс его за плечи, Орсо мотал головой, как оглушённая лошадь, перед глазами всё качалось, а сзади послышался вдруг тяжкий металлический скрип и следом восторженный вопль Треппи:

— Держу! Я его держу! Поймал!

Мир перестал качаться и крениться, он увидел, как товарищ волочёт какого-то человека в айсизской форме, заломив ему руки за спину, а из переулка, рассыпая эхо от грохота подков, скачет Полидоро с курьерским флажком:

— Командир, командир! Срочные новости из Вичины: со стороны замка идёт артиллерийский полк!

Часть 33, где Творец милостив, а правду применяют по назначению

К полудню Орсо окончательно сорвал голос, пытаясь навести хотя бы подобие порядка в армии. Ибо в городе образовался хаос, который одними грамотными приказами было не поправить, а подходящие айсизские силы неминуемо должны его увеличить, хотя куда уж дальше...

Часть войск, стоявших в городе, в самом деле завязла в боях с восставшими рабочими, но теперь развязать этот узел было крайне трудно. Проклятая железка развалила дома на тех улицах, по которым можно было подвести три замечательных пушки в тыл пехоте, осаждающей заводской район. Противник-то не знает, что у Освободительной армии плохо с грамотными артиллеристами! А когда тебе в спину смотрят три жерла, отчаянная решимость куда-то улетучивается и уступает место размышлениям, нельзя ли как-нибудь культурно убраться с места действия. Впрочем, убраться айсизцам некуда: что-что, а выходы из города партизаны перекрыли наглухо. На бумажной фабрике случился пожар, и часть сил восставших была отвлечена на борьбу с огнём; на подмогу Марко Филиппи отправился его батальон, и на пепелище складского корпуса начался упорный бой.

Всю кавалерию Орсо из города убрал: наскоро посоветовавшись с начальником штаба, он отправил кавалеристов на перехват подходящей от замка колонны. История с неудачной атакой Нелло не должна повториться: у конницы теперь был более грамотный план нападения, и всё же успех его вовсе не безусловен. По сообщению дозорных из Вичины, артиллеристы идут ускоренным маршем, а мгновенно развернуть и изготовить к бою орудия в таких условиях не смогут даже лучшие айсизские части. Успеют ли кавалеристы раньше, чем орудийные расчёты распрягут лошадей, установят орудия в боевое положение и смогут их зарядить, зависит в первую очередь от того, есть ли у отдельного айсизского полка конная разведка...

Чтобы осмысленно действовать дальше, пока в городе ещё идёт бой, Орсо нужно было допросить пленного, выскочившего из «железной малышки». Он прекрасно говорил по-айсизски, правда, в основном изрыгал непристойности, требовал чего-то, кричал, что он важная шишка. Последнее заявление Орсо обнадёжило: вот важная шишка-то ему и нужна! Что толку от мелкой сошки. А крупная фигура — это же просто отлично! Его непритворная радость немного обескуражила пленного, и следовало воспользоваться моментом, пока он вновь не впал в бессмысленную ярость. Но заняться этим сразу опять помешали внешние обстоятельства, на диво нелепые.

Полидоро, отправленный из временного штаба (разгромленной книжной лавки) с приказом к отряду пехоты под командой Серджио Анкелоти, вернулся с фингалом под глазом и доложил, что Анкелоти осыпал его ужасной бранью, ударил и ещё попытался дать пинка под зад, но этого ему вестовой уже не позволил. Командир отряда заявил, что он и его ребята до смерти устали заниматься ерундой и отправляются по домам, потому что командиры у них бездарные, клятая Поллена им ни на кой бес не нужна и вообще они уже пожалели, что ввязались в эту историю. Орсо выслушал, спокойно кивая, намочил носовой платок холодной водой из пожарной бочки и велел вестовому приложить к лицу хотя бы это, пока не найдётся лёд, а к мятежному отряду отправил роту бравого Саккони с приказом арестовать бунтарей, отобрать оружие и запереть куда-нибудь вплоть до окончания боя, а

командира посадить под арест отдельно. Полидоро, вытаращив глаза, следил за этой сценой:

— И что им будет?

— Трибунал им будет, — зловеще, как умел только он, пообещал Родольфо.

— Ой... — побледнел вестовой. — Из-за меня?..

— Из-за измены в решительный момент, — поправил Орсо. — Им здесь что, прогулка?!

Пожалели они... Ещё не так пожалеют, мерзавцы!

Орсо пытался сохранять спокойный и решительный вид, но первые новости о грубом нарушении дисциплины его встревожили. Моральный дух Освободительной армии могла бы спасти только уверенная победа при Поллене, но этот чёртов артиллерийский полк!.. И ещё кобальцы добавили тревоги. Все это знают, все понимают, что победить здесь по меньшей мере весьма непросто... И это ещё пока неизвестно, что творится в других отрядах! Нет, с сопротивлением айсизцев нужно кончать, а для этого... где, наконец, этот проклятый пленный?

Человек, управлявший «железной малышкой», был на вид совершенно обычным воякой, без видимых знаков прищельца неведомо откуда. Низенький, тощий, чернявый, с перевязанной головой (рассёк лоб о край металлического лаза, когда Родольфо вытягивал его наружу), шипит от злобы, как кот, пойманный за поеданием чужих сливок. Орсо уже знал, что повелителя железки зовут непонятным, никому не ведомым именем Джамбатиста, а вот фамилия у него удивительно обычная андзольская — Пирелли. При всём этом на андзольском он говорил с ошибками, а по-айсизски — правильно. Родольфо заранее рассказал, что внутри машины был ещё один — рослый и толстый, но его убило при штурме железки. В машине был маленький торчащий внутрь окуляр, чтобы видеть, как в подзорную трубу, всё, что творится снаружи. При взрыве гранаты этот самый окуляр...

— Хватит, не нужно подробностей, — Орсо передёрнуло. В самом деле, теперь уже неважно, главное, что пленный только один.

Пирелли усадили на стул посреди рабочего кабинета владельца лавочки. К стулу на всякий случай привязали — Родольфо уже на своём опыте убедился, что драться пленник весьма горазд.

— Джамбатиста Пирелли, — Орсо заглянул в бумажку, где было записано имя, — верно?

— А ты кто такой, мальчишка? Отпусти меня немедленно, иначе...

— Иначе что? Обидитесь и не будете разговаривать? Ужасная потеря. Моя фамилия Травенари, я командующий Освободительной армией, сейчас мы занимаемся прекращением войны на территории западной Андзолы и северо-восточного Айсизи.

— Какого?.. — Здесь Пирелли произнёс непонятное слово — ни в андзольском, ни в айсизском языках Орсо такого не знал. — Какой страны вы армия, чтоб вам провалиться?

— Мы международные силы, — улыбнулся Орсо. — Наш флаг вы, кажется, уже видели. Если нет — вот он, извольте. — Он приподнял нижний край красного полотнища, чьё древко было прислонено к стене в углу кабинета. Пирелли вытаращил глаза:

— Что?.. И здесь?! Да чтоб вас... — из него вновь посыпались наполовину непонятные проклятия, и замолкать он не собирался. Орсо несколько растерялся, а Родольфо встал со своего места, подошёл поближе к пленному и ласково положил широкую сильную ладонь ему на плечо:

— И не только здесь, друг мой. Не только.

Пирелли увял. Он ещё что-то бубнил себе под нос, но кричать и сыпать бранью больше

не пытался. Когда он поднял голову и посмотрел на Орсо, взгляд у него был совершенно больной:

— Что вам надо от меня? Показательно казнить?

— Нам надо знать наличный состав ваших — ваших, Пирелли, не перепутайте! — сил здесь, в этом мире. Кто, где, в каком количестве, с каким снаряжением, чем заняты. Это ведь несложно? А мы гарантируем вам жизнь, в том числе защиту от ваших поделщиков. Мы уже имели с ними дело, они не жалеют своих...

— Да помилуйте, откуда же мне всё это знать? — покачал головой пленный. — Я ведь не стратег операции.

— Но разве вы не большая шишка? Я не поверю, что машину вроде вашей доверили простым мелким исполнителям...

— Мы инженеры. И техники. И всё, клянусь вам!

Это уже много! Рассказывайте всё, не стесняйтесь. Если расскажете что-то, что нам уже известно, ничего страшного — повторим.

И из Пирелли посыпалось... Он и его приятели действительно пришли из другого мира — очень похож на здешний, просто на удивление! Там они состояли членами какой-то довольно агрессивной партии, которая по окончании тамошней мировой войны собиралась захватить в стране всю возможную власть. Однако это оказалось непросто — настроения большей части жителей были не на их стороне. Пирелли и несколько его знакомых, молодые, энергичные и слишком уверенные в собственной безнаказанности, участвовали в самых настоящих погромах: жгли редакции враждебных газет, нападали на дома политических лидеров противной стороны, избивали на улицах членов их семей... Во время одного из таких нападений они попали в руки возмущённой толпы — жителей квартала, где они разграбили типографию. Их едва не повесили тут же на фонаре, но помощь пришла с неожиданной стороны — за них вступился какой-то иностранец. Пользуясь замешательством пленителей, он вытащил пятерых погромщиков и объяснил им, что возвращаться к своим лидерам для них сейчас крайне опасно — под давлением дипломатов соседних стран самые активные участники террора будут выданы правосудию, а их партия ещё слишком слаба, чтобы их защитить. Но у него, представителя крупной международной структуры, есть для них более интересное предложение...

Так они оказались в чужом мире, по техническому развитию сильно отставшего от их родного. Из дома они вывезли несколько образцов тамошней военной техники — там она считалась устаревшей, а здесь превосходила самые смелые инженерные мечты... Три боевых паровика, один такой же, но морской и хитроумное устройство для передачи сообщений на большие расстояния — правда, уже не паровое, для его работы нужны особые машины, которые пришлось строить прямо здесь. Зато теперь агенты «международной структуры» могут мгновенно обмениваться новостями через полконтинента!

Эта новость Орсо опечалила, но не сильно. Пусть себе обмениваются, армии-то посылать таким способом они явно не могут. В остальном же рассказанное пленным хорошо укладывалось в то, что объясняла Ада. Заодно проступили и очертания таинственной политической силы, которая противостоит их семье...

— А красный флаг? — спросил он. — Вы уже видели его раньше?

— А как же, — скривился Пирелли. — Это же флаг тех самых... ну, которых мы...

Ах вот оно что! Ну, голубчик, мысленно возрадовался Орсо, вот это ты мне ценную новость подарил! По реакции на красный флажок, значит, можно отличать тех, кто *знает*.

— Где остальные паровики?

— Один хотели использовать в наступлении на Анздолу, но там что-то не срослось, — угрюмо отвечал пленный. — А где второй, я не знаю. Морской паровик должен быть в Чамборас, но его прячут — он курьерский, не военный.

— Тогда у меня всё, больше вопросов нет... — пожал плечами Орсо.

— Погодите-ка! — вдруг сообразил Родольфо. — Скажитеа, Пирелли, боезапас для вашего орудия делается здесь или вы его привезли с собой?

— Привезли.

— Вторая прекрасная новость! — обрадовался начальник штаба. — Разлучить паровик с его загадочными ядрами — и он уже вполовину не так опасен!

Пленного увели, и Орсо, присев за стол, наскоро начал набрасывать план того, что нужно сказать бойцам. Это срочно, тянуть дальше некуда...

— Ты доволен? — осведомился Родольфо, глядя на его старания.

— Вполне, — кивнул Орсо, не отрываясь от дела. — Иномировая сволочь столковалась с нашей, доморощенной, — теперь у нас есть свидетельства и улики. Пока я тут занимаюсь агитацией, можно тебя озадачить? Подбери людей для посольства к генералу Рохасу!

Спешить действительно было куда: неумолимо надвигающиеся артиллеристы, увидев над городом красный флаг на трубе, могут выбрать позиции и начать обстрел с часу на час. Самые удобные места для установки орудий Орсо заранее приказал украсить засадами, но это в лучшем случае оттянет начало атаки...

Однако милость Творца, видимо, сегодня проливалась особенно щедро. Не успело облако пыли, поднятое маршем артиллеристов, показаться за хуторами на дороге, как примчался новый вестовой:

— Командир, у них наш флаг! Сам видел!

— Не понял... — Орсо выбежал на улицу, взлетел по приставной лестнице на крышу, схватил поданную вестовым подзорную трубу. Держать её неподвижно было непросто, картинка прыгала и дрожала, но красный клочок, огнём сияющий на солнце, был ясно различим.

— Курьера к ним, срочно!

Сам же командир понёсся вниз — разыскивать начальника штаба. Сейчас самое время подготовить мизансцену для чудного спектакля.

Руководство айсизскими силами в городе давно утратило единство — эту важную цель бойцы Орсо выполнили прекрасно. Боем на фабрике, обороной южных кварталов и защитой восточной заставы занимались три разных командира, и все их попытки снестись друг с другом более-менее успешно сводились на нет — гонцов ловили на подходе. Самые крупные силы сейчас застряли в фабричном районе — туда и направился верхом Орсо в сопровождении Будая, Нелло и шести бойцов эскорта. Родольфо на всякий случай остался в штабе — обстановка сегодня менялась удивительно быстро, успевай только отвечать... Другой отряд парламентёров был отправлен на юг города, но самому Орсо казалось важнее присутствовать на фабрике.

Подняв жёлтый флаг переговоров, маленький отряд приблизился на расстояние больше ружейного выстрела, и вестовой протрубил в рожок. Сейчас Орсо и противник находились в разных концах длинной, совершенно прямой улицы, почти не заваленной обломками; видимо, боя здесь не было.

Фабричные стены служили защитникам укреплением, но пожар сильно повредил их, и в двух местах айсизцы в пыльных терракторных мундирах уже просачивались внутрь. Впрочем, там их ждали — эхо от стен носило по фабричному двору слитные залпы, к сожалению, слишком редкие, чтобы остановить атаку... Помимо флага на трубе здесь развеялся и второй, поменьше и пониже, на крыше здания конторы. Стена вокруг него была все выщерблена пулями — видно, штурмующие не раз пытались сбить знамя, упорно переводя боезапас.

От группы атакующих, укрытых в полуразрушенном доме, отделились трое — пехотный капитан со шпагой наголо и два солдата эскорта. Орсо кивнул своим, и они медленным шагом поехали вперед. Примерно на середине улицы, шагах в двадцати друг от друга, парламентёры остановились.

Орсо назвал, айсизский офицер поморщился, но последовал его примеру. По всему видно, потратив полдня на отражение атаки каких-то голодранцев, доблестные военные всё ещё не испытывали к противникам достаточного уважения. Зря, очень зря...

— Буду краток: город вы потеряли, отбить его не удастся. Кроме того, вы лишились вашего паровика, а с севера подходит наш артиллерийский полк. Если потребуется, он сроев всю Поллену, но вам отсюда не уйти иначе как сдавшись. У вас есть, — Орсо глянул на солнце, — полчаса, в полдень вы должны сложить оружие или будете уничтожены до последнего солдата. Поскольку международные соглашения о неприкосновенности парламентёров вы уже нарушили сегодня утром, никакого доверия вашим словам мы не имеем. Только сдача.

Капитан угрюмо усмехнулся:

— По данным нашей разведки, у вас нет артиллерии.

— По данным *нашей* разведки, — в том ему произнёс Орсо, — ваша разведка в последние дни намного менее эффективна, чем раньше. Мы захватили не меньше двадцати ваших разъездов. Поэтому, боюсь, у вас устаревшие сведения. Это у *вас* больше нет артиллерии.

— Если это шутка, — нахмурился айсизец, — то я её не понял. Потрудитесь объяснить!

— Извольте. Артиллерийский полк, стоявший в замке Джустино, вы потеряли. Замок пал, а все орудия теперь наши. И они уже подошли к Поллене. Я отдал приказ через час начать обстрел города, если до этого момента вы не сложите оружие.

Загорелое лицо капитана посерело под слоем пыли, а сопровождавшие его солдаты, забыв о дисциплине, возмущённо заговорили. Но свирепый взгляд командира заставил их умолкнуть.

— Мы должны получить приказ от бригадира Техеро, — кисло заметил он.

— Где же он? — Орсо вопросительно поднял брови. Вопрос, где бригадир, его самого занимал чрезвычайно — по нормам международного права тот был военным преступником, и расстрелять его было бы вполне согласно закону... если только не получится извлечь из него какую-то другую пользу.

Капитан, судя по всему, понял, что голоштаные бродяги знают больше, чем ему бы хотелось, и задумался.

— Сдавайтесь, капитан, — повторил Орсо. — Вам будет сохранена жизнь и вы сможете отступить через Каррело на свою территорию.

— Каррело ещё наш, — мрачно заметил капитан.

— Так вы ещё туда и не дошли, — Орсо изобразил самое невинное выражение, на какое

был способен. Айсизец медленно приходил в бешенство:

— Вы забываете, что это не все силы генерала Рохаса! Вы сами в ловушке!..

Орсо стало вдруг жаль честного офицера.

— Гражданин капитан, мы можем поговорить наедине? — Орсо кивнул Будаю, отдал ему пистолет (свой, подаренный Адой, впрочем, оставил при себе, благо он не заметен в кармане) и подошёл к айсизцу. — У меня есть сведения стратегического характера, которые вас как офицера среднего звена, возможно, заинтересуют и скажут вам больше, чем солдатам.

Капитан нахмурился, но, видя, что мальчишка-командир разоружился, сделал несколько шагов в его сторону. Орсо не стал настаивать, чтобы и он оставил шпагу и пистолеты: если айсизец решит его убить, Будай пристрелит мерзавца без разговоров!

— Я здесь не волей случая, — тихо сказал Орсо. — Я имею проверенные сведения, что политические силы, толкнувшие Айсизи к войне с Андзоллой, одновременно подстегнули Андзоллу к войне с вами. Они действуют на обеих сторонах. В вашем корпусе находились двое людей, распорядившихся железным паровиком. Они взяты в плен и рассказали то, что подтверждает мои данные. Но получил я их ещё раньше, в нашей столице и в Саттине.

Капитан пожевал губами, искоса глянул на Орсо:

— Паровик не подчинялся нам, а только личным приказам бригадира Техеро...

— Вот именно. Простите за прямоту, но по некоторым признакам я считаю, что бригадир состоит в военном заговоре. Вы ведь знаете, что он прямо нарушил не только приказ генерала не чинить обид местному населению, но тем самым и международное военное право. То, что проделали сегодня ваши часовые на заставе, подтверждает, что моральное разложение из верхов командования дошло уже до низших чинов. Такая практика ведения войны нам с вами не свойственна, не так ли?

— Нам с вами? — недоверие капитана то росло, то уменьшалось.

— Некоторые андзольские военные чины — высшие чины, заметьте, — тоже состоят в заговоре. Причём в том же самом. Я лично был свидетелем переговоров его участников. Я же разговаривал со свидетелями пограничной провокации наших войск недалеко от Саттины, а свидетелей этих пытались заставить замолчать...

— Да кто вы такой, наконец?! — шёпотом, чтобы не донеслось до ушей солдат, взорвался капитан.

— Я внук покойного короля Джакомо. Не по крови, сами понимаете, но по статусу.

— От его приёмной дочери? — проявил понятливость айсизец.

— Верно. У нас свои методы разведки, и в другое время я не стал бы говорить о них с вами, но... — Орсо обвёл рукой полуразрушенный город, — мне здесь бойня не нужна. Я не желаю гибели айсизским солдатам. Да и вам, если на то пошло. Коль скоро я узнал, что в головах у наших правителей с обеих сторон, доверия к ним у меня больше нет. Решайте свою судьбу, капитан, решайте сами. Это всё, что я могу вам предложить, а через полчаса вступит в действие логика войны, и это я уже не остановлю.

Капитан помолчал, глядя почему-то в небо, прислушался к тому, что творилось на фабрике: там на время настала тишина — обе стороны ждали, чем окончатся переговоры. Орсо не торопил его: обрушив на голову нормального человека такие откровения, трудно ожидать, что он сразу поверит...

Наконец айсизец со вздохом протянул Орсо свою шпагу:

— Я принимаю ваше предложение.

Орсо отвёл его руку:

— Офицерское оружие сохраните, оно ваше. И... я надеюсь, вы сможете предпринять то, что в ваших силах, чтобы спасти армию Айсизи... и престиж страны.

Молча отдав салют, капитан развернулся и деревянным шагом вернулся к своим. Они тихо ушли, и спустя несколько минут барабаны сыграли прекращение атаки.

Орсо вернулся к парламентёрам, но вместо того чтобы лихо взлететь в седло, схватился за лошадиную шею и нервно рассмеялся. Будай с беспокойством глянул на господина, Орсо отмахнулся:

— Всё в порядке... кем я только не был за это время... теперь ещё и представитель тайной королевской разведки... ох, прости меня Творец... ох, аукнется мне это... извините... Едем, пора!

Часть 34, где пахнет гарью и розой

Руки у цирюльника Пради были как у скрипача — ловкие, узкие, с длинными пальцами. И этими руками он всплескивал, как чувствительная дама:

— Ну зачем, зачем же себя уродовать? Ведь лицо-то у вас загорелое, а если сбрить бороду начисто — будет белое пятно... И к тому же, вы ведь полководец! Вам приличествует борода — это так... внушительно!

Полководец! Орсо едва не захихикал вслух, но с Пради согласился:

— Хорошо, но... если можно, сделайте её как-нибудь... поаккуратнее, что ли...

— Непременно, господин командующий, непременно! Военная мода — моя специальность, поверьте!

Пришлось довериться искусству Пради. За лето Орсо загорел и выгорел настолько, что волосы были светлее лица. Саттинцы с их морским загаром смотрелись светлее... Расставшись с давней, ещё с лагеря, мечтой избавиться от надоевшей бородищи, господин командующий отдался на волю цирюльника, обдумывая, какие ещё неотложные дела этого длинного-длинного дня нужно сделать обязательно самому.

Выходило немного: провести трибунал по делу Анкелоти, составить письмо генералу Рохасу и проследить, что город хоть как-то готов к встрече с кобальскими войсками. А, ещё наградить Микелино и этого сопляка Альберико! Взяли замок без потерь в людях, а пушки... ну что ж, пушки — дело наживное, три орудия из двадцати четырёх нечего и жалеть.

Колонна пленных уже ушла на юг, и теперь задачей серьёзно разросшегося штаба было опередить их и взять под контроль Каррело. Возможно, по итогам переговоров с Рохасом дастся обойтись без штурма... Очень бы хотелось! Каррело — это вам не Поллена, это была крепость ещё до того, как образовалось Андзольское королевство.

Приведя себя в порядок (ванна и чистая одежда — такое счастье, поверить невозможно!), Орсо отправился разыскивать Родольфо, а столкнулся неожиданно с Фориной. Платье и руки её были ещё перепачканы копотью, но круглое загорелое лицо светилось от радости:

— Господин командующий, мы нашли казну бригады! Там немало — сейчас подсчитываем точно...

— Прекрасная новость, — улыбнулся Орсо. Вот о деньгах-то он и не подумал! А ведь армию надо снабжать, нужны фураж, провиант, боезапас, новые лошади, нужно обновить снаряжение...

— Господин командующий, — сияла интендант, — из части денег можно было бы выплатить бойцам жалование. Это очень поднимет боевой дух...

— Чудесная мысль, поручаю это вам, — быстро согласился Орсо. Вот ведь у кого голова работает как надо! А ещё говорят, женщины не смыслят в военном деле... Благодарение Творцу, что привёл встретиться в этой Фориной, это же чудо что такое.

Окрылённая Форина убежала, Орсо заглянул в штаб, нашёл там полтора десятка писарей (видимо, считают казну), но не обнаружил Родольфо. Быть может, после своих подвигов он просто спит? Его можно понять — денёк тоже выдался горячий.

Но начальник штаба не спал — его голос, приглушённый полуприкрытой дверью, донёсся из помещения, занятого интендантством.

— На каждое такое орудие нужно по восемь лошадей — видите, четыре пары, —

объяснял Родольфо кому-то премудрости военной логистики. — А вот на эти — они полегче — достаточно шести, то есть трёх пар.

— А, так это количество пар указано! — обрадовался голос Минноны. — Я понимаю... спасибо...

— Э... не за что... — чему это там смутился бравый Треппи? Почти непроизвольно, раньше, чем успел подумать, Орсо шагнул к двери и осторожно заглянул.

Тёмный локон Минноны, касающийся руки Родольфо, которой он что-то писал, и в самом деле был серьёзной причиной для смущения. А тихое дыхание девушки почти у самого уха мужчины и быстрые взгляды, которая она бросала на него, сидящего рядом, то и дело отвлекаясь от бумаг, вообще могут с ума свести...

Орсо бесшумно отступил назад. Артиллерия в надёжных руках. И госпожа Костицци, видимо, тоже. Дева битв из девменских сказаний очень подходит отчаянно храброму сыну офицера, благослови их Творец.

Отчего-то стало грустно. Конечно, если бы он сам поменьше думал о войне и побольше — о девушке, возможно, всё было бы по-другому... Ну а кто будет о войне думать? Только он держит в голове весь план — и то, что пересказывал товарищу, и то, о чём пока не говорил — очень уж это неотчётливо и неопределённо. Тактиков уйма — стратегов не хватает, как говорил полковник Тоцци. Вот и думай о стратегии, а девушки пусть считают пушки... в надёжной компании...

Нежданная сцена сбила с мысли. Что же он собирался делать... ах да, письмо Рохасу. Орсо присел на подоконник прямо тут же, в штабном домике, взял со стола первую попавшуюся книгу в твёрдом переплёте, положил на неё первый попавшийся чистый листок бумаги и за три минуты набросал письмо, над которым перед тем думал не меньше двух часов. Отдал переписать и вышел на воздух.

В кругу бойцов, сидящих на лафетах привезённых орудий, выступал Альберико — один из героев дня. Его заворожённо слушали, а Микелино, бросая редкие реплики, неизменно снижал уровень патетической восторженности рассказчика.

— Пройдя подземным ходом, мы оказались в святой святых замка... — повествовал баронский наследник.

— В винном подвале.

— В святой святых, друзья! Ибо это было самое сердце старого здания...

— Ну, ясное дело — бочки там были с вином...

— Командир, при чём тут бочки? — возмущался Альберико. — Снаружи нас могли поджидать все наличные силы врага...

— Три спящих караульных, — невозмутимо добавил Микелино.

— Потому что был день! А днём караульные беспечны.

— Да пьяные они были. Из святой святых вылезли и заснули.

Альберико сокрушённо махнул рукой, но продолжал:

— Отважно, как львы, мы ворвались на первый этаж...

— И напугали горничную до визга.

— И поднялась тревога! Отовсюду на нас бежали враги...

— Человек десять, а то и двенадцать.

— ...И мы вступили в бой, чтобы проложить себе дорогу во двор и овладеть замком!

— Чтобы ворота запереть изнутри, пока полк снаружи на плацу марширует.

Орсо подозревал, что операция в замке в исполнении Микелино выглядит слишком

просто и легко и так же не соответствует реальности, как и рассказ Альберико; но слушать байки сейчас настроения не было — он махнул рукой на героические подвиги и ушёл думать.

Прошло уже часа три с того времени, как последний айсизский солдат покинул Поллену. Бойцы Освободительной армии отдыхали, обедали, наскоро чинили снаряжение, полленцы подсчитывали потери от бесчинств противника и последовавшего боя. Дать им ещё пару часов — и нужно собрать армию для серьёзного разговора. Это даже поважнее Рохаса. Люди должны понимать, почему они не расходятся по домам прямо сейчас. Они должны знать, какие планы у командования. А с другой стороны, если у кого-то не хватит запала идти дальше и бороться до конца, для них сейчас единственная возможность уйти. Чтобы не было больше дезертиров вроде Анкелоти.

Чтобы всё это объяснить, надо будет говорить о паровике, на который не посмотрел ещё только ленивый; о заговоре, о внешней силе. О необходимости поднять Айсизи на восстание. О том, что... так, здесь нужен Марко!

Филиппи нашёлся на фабрике — даже когда всё закончилось, он так и не ушёл, его бойцы помогали разбирать завалы и устранять последствия пожара. Здесь же наравне с мужчинами работали перемазанные в пыли и копоти женщины и дети, даже совсем малыши, лет пяти-шести. Орсо в удивлении глядел на это зрелище; подошедший Марко объяснил:

— Это семьи рабочих. В последние недели ведь работники фабрики жили прямо здесь, домой их не пускали...

Орсо пожал ему руку:

— Вы нас спасли.

Марко покачал головой:

— Мы и вы — одно. Я-то хорошо понимаю, что к чему... Будете говорить с горожанами?

— О чём? — растерялся Орсо.

— О восстании. Здесь вас, думаю, хорошо поймут.

— А... может быть, лучше вам?

Но Марко твёрдо глядел в глаза командиру:

— Вы должны сами как командующий сказать всё то, что я уже говорил им как боец. Поллена живёт не сама по себе, все промышленные города Кобальи, да и других провинций связаны друг с другом. Понимаете мысль?

Орсо кивнул. В целом-то Марко был прав: промышленность страны — единый организм, одно не может без другого. И если этот организм разом ощутит себя одним целым... этого боятся заговорщики, этого боялись приятели Пирелли в том, неведомом мире, откуда они бежали, сверкая пятками. И «братья» боятся этого. Что ж, правильно боятся!

Внезапно им овладел какой-то боевой порыв:

— Да, надо поговорить с людьми! Где народ с суконной фабрики?

— Да здесь же. Утром, как увидели, что вы идёте, перебили охрану и пришли к нам — тут отбиваться проще. Тут и укрепились.

— Тогда... я собираюсь кое-что сказать бойцам... может, собрать всех вместе?

Марко подумал, медленно кивнул:

— На похороны придут все. Не будет никаких «мы» и «вы».

Духота и пыль висели над городом, солнце заливало жгучим яростным светом развалины, дым, красные флаги, наскоро выкопанные могилы, останки паровика... Священники с процессией служек обходили погибших из обеих армий — сейчас они мирно лежали рядом на площади перед собором. Городские дети тащили туда охапки цветов, сорванных по предместьям, цветы тоже были покрыты пылью и гарью. Чувствительная Форина промокала глаза кончиком головного платка, горожанки рыдали, мэр Поллены, опираясь на костыль, печально следил за подготовкой к церемонии. Поняв, что город пытаются освободить свои, андзольцы, мэр ушёл из-под надзора военного коменданта захватчиков, пробрался на фабрику и, не умея стрелять, заряжал оружие для бойцов Марко. Сломанная нога его выглядела как боевое ранение, но мэр раздражённо объяснял каждому, кто спрашивал, что попросту неудачно упал с баррикады. Ему, впрочем, не особенно верили — считали, что скромничает.

Настоятель собора прочёл краткую молитву, тела погрузили на телеги и повезли хоронить. Орсо ехал следом за погребальной процессией на своей измученной кобыле, за ним следовали старшие офицеры. Горожане, несмотря на печальную обстановку, бурно обсуждали наличный командный состав Освободительной армии.

— Гляди, совсем молоденький у них главный...

— А тощий — страх!

— Мальчишек каких-то прислали, помоги им Творец!

— Да никто их не прислал, это морской десант из Саттины...

— Болтай больше! Вон же наши, вичинские, из деревни, какой там десант.

— А тот вон, здоровенный, говорят, из знатных.

— Врут, поди. Обычный парень из городских...

— А девки у них зачем?

— Это не девки, а офицеры, чего говорите-то. Девки — скажут тоже...

— Какие же офицеры, когда девки!

— А тот вон, справа, ни дать ни взять контрабандист! Ишь зыркает!

— Помилуй Творец, да это зинал...

— Матушка, да вы что, разве можно на человека этакое наговоривать!

Освободительная армия выстроилась шеренгами вдоль дороги, офицеры салютовали процессии разномастными клинками, у кого какие были. Смотрелось это странно, но почему-то величественно. Никогда ещё мир не видел ни такой армии, ни такой войны. Орсо подумал мельком, что уже лет через двадцать свидетели будут рассказывать совсем не о том, что видят сейчас, в эту минуту. Недаром же говорят «врёт, как очевидец»...

Священники провожали мёртвых в могилу, солнце катилось с небес за Кобальский хребет, в выжженных травах кричали перепела, Миннона совсем не по-офицерски держалась за руку Родольфо, Орсо хотелось двух вещей — выпить холодной, чтобы зубы ломило, свежей воды и спать... Но это потом, а сейчас — то самое подходящее время, чтобы сказать положенное. Чтобы потом не говорили «я не знал», «не ожидал», «не рассчитывал» и «вообще ни при чём». Пусть знают. А если врагам донесут — пусть враги тоже знают.

Красивой речи у него не вышло — устал очень. Где-то наверняка запутался, повторился, сказал не очень понятно — да и бес с ними, не до риторических красот. В наш мир — наш! не чей-то! — пришла чужая сила, она полна ненависти, она хочет погубить нас нашими же руками. Мир, такой, каким он был до сих пор, не устоит; нам придётся создавать новый. Вот прямо здесь, сейчас, на этих пыльных полях, на развалинах, без сапог и со старыми ружьями,

по десять выстрелов на ствол. Мы уже со многим справились, пора идти дальше, а кто не хочет... Творец им судья, пусть уходят сейчас. Вольно, разойтись.

Не дожидаясь, пока толпа горожан и ряды бойцов действительно разойдутся, Орсо тронул кобылу и поехал в город. В голове тонко звенело, слипались глаза — то ли две бессонных ночи опять виноваты, то ли перегрелся на кобальском солнышке... Ему казалось, что стоит только добраться до постели — и можно будет уснуть, но сон не шёл. Под веки будто насыпали песка, а стоило задремать — выплывал из крошечной мути передок «железной малышки», заляпанный кровью.

Промаявшись какое-то время, он поднялся, мельком глянул в окно — ах ты, уже сумерки. Кончается денёк. И воздух, снова не хватает воздуха!

Заглянул Будаи:

— Господин, Ты не спишь?

— Нет, — Орсо сел на табурет у стола, подпер голову руками, — не спится. Душно...

Голова разболелась не на шутку. К болезням Орсо не привык, как с этим бороться — не знал...

Будаи вышел на минуту, вернулся с кувшином вина и ломтями хлеба на глиняном блюде:

— Горячая еда ещё не готова, господин, поешь пока что есть.

— Спасибо, не хочется... Потом, может быть.

Будаи покачал головой, но спорить с сыном Творца не стал, вышел. Орсо снова лёг, закрыл глаза ладонями — кажется, так меньше жгло...

Видно, он всё же задремал, потому что проснулся вдруг от незнакомого запаха. Первое чувство было тревогой: что опять, где?! Темно, тихо, уже давно не жарко — наоборот, из окна тянет ночным холодком. Но запах не оттуда. Тихое дыхание рядом, еле слышный шорох ткани, ещё тише — живое дыхание. Он повернул голову:

— Кто здесь?

— Вадё*, — ответила шёпотом темнота. Еле видна в сумерках — светлый овал лица, тёмные волосы облаком по плечам, белая рука осторожно берёт его за запястье, пальцы тверды и прохладны.

Орсо приподнялся, опираясь на локоть, с удивлением рассматривая нежданную гостью.

— Вы кто?

— Илли, — в голосе слышна улыбка. Белая рука осторожно касается его волос, скользит по щеке на шею...

— Что... что вы, зачем?.. — Он растерялся, ощущая нечто неведомое: воспитание твердило, что незнакомая девушка в его комнате — верный знак будущих неприятностей, но... здесь не дом, не мир, вообще непонятно что — всё куда-то катится, рушится, и кто знает — быть может, здесь, посреди обломков старого, только так и бывает? И так не хочется, чтобы исчезала эта прохладная рука, приносящая исцеление больной голове...

Тёмная извитая прядь упала ему прямо в ладонь, пахло розой — это запах любят зинальи, их любимый аромат. Роза — символ Надежды мира, на иконах белокурая жена Творца часто держит в белых пальцах розу.

Девушка потянула завязки на воротнике, повела плечами — белая рубашка, вышитая розами, сползла, открывая грудь. Белые руки притягивали его голову туда, ближе, и вот теперь оттолкнуть эти руки — уже верх невежества, незаслуженная обида для этой тихой, чудной, пахнущей розами...

— Тебя зовут Илли? — Он сел, притянул её к себе, усадил рядом, осторожно коснулся щекой белого плеча.

— Ие**, — кивнула она, прохладная рука легла ему на затылок, другая подхватила белую прохладную грудь, подтолкнула поближе к его обветренным губам.

Нет правил, нет закона, нет морали, нет долга, обязанностей, обычаев, только прохладное тело невесты откуда пришедшей Илли, пахнущее розой, тяжёлые кудри, рассыпанные по спине, горьковатые прохладные губы, и только жаль, что в темноте не видно цвета её глаз...

Кажется, он пытался ещё что-то объяснить насчёт того, что не знает точно, как правильно, и вообще... Она только выдохнула: «Эс йен***», — и улыбнулась, и ждала сколько потребуется, и сама, как оказалось, тоже не знала, как правильно... Но здесь, на краю старого мира, и знать было не нужно — всё приходило само.

Хохот в несколько глоток и разудалая песенка разбудили командующего, солнце поливало уже через окно жарким лучом, по белой занавеске прыгали весёлые тени. Будаи поставил на стол, в точности как вчера, запотелый кувшин и деревянный поднос с нарезанным хлебом. Орсо прислушался к себе. Голова не болела, ушла резь в глазах, и не ныли больше колени после целого дня в седле, и еле слышный запах розы задержался на волосах...

— Будаи, — спросил он без предисловий, — какие у неё глаза?

— Как сосновая кора, — не удивился зинал.

Орсо провёл ладонями по лицу сверху вниз, от лба к надоевшей бороде:

— Когда мы победим... ты поможешь её разыскать?

Будаи глянул сурово, сжал губы, словно в сомнениях, но потом молча кивнул и налил сыну Творца свежей простокваши в глиняную чашку.

* Я тут (зинал.).

** Ага (зинал.)

*** Я тоже (зинал.).

Часть 35, где приходят упрямые союзники и непрощенные мысли

— Даже не знаю, какой предложить тост, — мрачно пожаловался Рохас. Орсо взял серебряный кубок, заменявший в походе бокалы, полюбовался бликами в золотой глубине:

— За мир? Мы с вами знаем: никто не ценит мир так высоко, как военные...

— Что вы понимаете в мире, юноша, — буркнул генерал, но за мир выпил. Он вовсе не показался Орсо тупым солдафоном, как о нём частенько отзывались подчинённые, в том числе пленные из его корпуса. Они просто не бывали в генеральской шкуре, а командующему Освободительной армией уже довелось её примерить, и он Рохаса понимал. Генералу в самом деле трудно было пойти на соглашение, и не только из-за бешеной айсизской гордости — с этим он справлялся великолепно. Нет, его язвило другое — это Орсо тоже отлично видел. Его, боевого генерала, всю жизнь отдавшего служению республике, обвели вокруг пальца, подло обманули — и кто? Свои же! Проклятый парламент, проклятые министры, будь они все прокляты бесам на радость... И трижды проклятый канцлер бросил таких вот верных, преданных, умелых в жертву дикарским планам неведомых пришельцев. Свобода республики, купленная в революцию двумя миллионами жизней, для них пустой звук!..

Как и предполагал Орсо, генералу было с чем сопоставить принесённые переговорщиками новости. Не мог высший офицер республики, член Военного совета, не видеть неких признаков грядущей измены, но не мог и опознать их наверняка. В точности как старший Треппи, отец Родольфо: слышал, видел, понимал, но... этого было слишком мало! А когда чаша переполнилась и серый морской десант уже маршировал по Саттине, для андзольцев стало поздно. А для айсизцев?

Генерал понимал всё. И возможность бунта в войсках, а особенно на флоте, и забастовки на заводах, которые в любую минуту рискуют перейти во всеобщую стачку, и волнения в крупных городах. Республика — унитарное государство, не в пример Андзольскому королевству, где отдельные провинции ещё не забыли, что не так давно на их гербах были свои короны. Республика гниёт с головы, и пришельцы-заговорщики для неё опаснее, чем для соседей. Рохас зло посмеивался над устарелыми королевствами и над их архаичными обычаями, но спасти республику намного, намного труднее!

Осторожно примостившись на хлипком раскладном стуле в походном шатре, Орсо следил за метаниями Рохаса. Худой, поджарый седоватый генерал, без бороды, но при роскошных усах, как подобало бравому кавалеристу, шагал из угла в угол, бормоча порой неразборчивые проклятия неведомым Орсо людям. Он принял условия, вежливо предложенные Освободительной армией: зажатый с одной стороны освобождённой Полленой, а с другой — восставшей Кобальей, он мог сделать единственный разумный шаг — отойти к Каррело и, забрав оттуда айсизский гарнизон, отступить на юг, на территорию республики. Взамен Рохас требовал только одного: гарантий, что Освободительная армия и примкнувшие к ней регулярные андзольские силы в Кобалье не перейдут границу. Иначе, мрачно пообещал генерал, ярость республики будет неукротима!

С одной стороны, Орсо не рвался переносить войну на чужую землю: войдя в пределы Айсизи, они сами стали бы оккупантами. С другой, оставлять республику как она есть, не разбив там заговорщиков, — верный путь к продолжению войны при том что в ближайшее

время Андзола будет занята совсем другим и обороняться не сможет... Пусть в Айсизи сами граждане разбираются со своими провокаторами и изменниками, лишь бы разбирались! Можно ли доверить эту деликатную проблему Рохасу... кто знает. Военные — не лучшие люди для решения политических задач.

Другое дело, если этим займётся сам айсизский народ. Надежда на пленных солдат, которые теперь возвращаются домой, конечно, есть, но что с ними будет, когда они придут домой?.. К примеру, лейтенант Хайме Моралес, тот самый, из артполка, который поехал спасать деревню Лонтана, долго спорил с Орсо по поводу видения будущего. Истинный республиканец, он был совершенно уверен, что подданные королевства, давно не сражавшиеся за свободу, попросту ничего в свободе не понимают! Орсо, конечно, не заявил ему напрямую, что у него представления об общественных процессах не местные, но пришлось дать гордому айсизцу понять, что планы у него шире, чем просто выгнать захватчиков... На этом месте лейтенант слегка его зауважал, задумался и в конце концов признал, что у Андзолы, пожалуй, ещё есть шансы стать нормальной страной... Моралес собрал сотни две добровольцев, которые решили и дома не успокаиваться, пока не остановят это безумие, и двинулся на юг с оружием. Из пленных его добровольцы таким образом превратились в союзников и обещали поднять красный флажок, когда вернутся домой. Моралесу Орсо был искренне благодарен, но ему у себя в Айсизи придётся начинать всё на пустом месте! Традиции такого рода у них просто нет — республика со дня своего основания не терпела крупных военных поражений и не знает, как выбираться из подобного позора Давай, сын Творца, думай, как разгрести эту кучу задач, ты у нас умный, ты всё это начал!

Ещё до переговоров с генералом Рохасом Орсо обсуждал на совещании штаба возможности продолжить борьбу за пределами Андзолы. Посылать в Айсизи подданных королевства — дурная идея: их тут же, и не без оснований, примут за шпионов. Вменяемый план был один — уговорить кого-то из граждан республики заняться агитацией дома. Марко беседовал с солдатами из числа тех, кого мобилизовали для войны уже после обязательной конскрипционной службы. Они хотели вернуться по домам и забыть всё это поскорее, как жуткий сон... И вот если бы они, вернувшись, просто изложили всё, что узнали: и про паровики, и про провокаторов, и про единый заговор в обеих странах... Шум поднимется неизбежно, но как управлять потом настроениями жителей? Одного шума недостаточно.. Впрочем, Марко собирался продолжить агитацию — среди мобилизованных были во множестве грамотные горожане: рабочие с заводов, не связанных напрямую с военной промышленностью, разночинцы, студенты... Не может же им всем быть безразлична судьба Айсизи, которую их деды сделали первой свободной страной континента! Завоевания республики в опасности — это понять нетрудно.

Орсо план одобрил — всё равно другого не было. У Освободительной армии были свои задачи, чисто военные: Кобалья была пока единственной провинцией, свободной от захватчиков, но бои шли и в Саттине, и в Ринзоре, и в Джеризу, третья армия маршала Рамона, ломая слабую оборону, шла напрямиком на столицу! Здесь ещё драться и драться, пока военная машина Айсизи, помощи ей Творец, приостановит свой размах...

Самого же Орсо беспокоило ещё одно. После бесконечных разговоров, допросов, доносов, просмотра множества документов ему так и не удалось ничего узнать о судьбе Ады. Оставалась ли она всё ещё в Андзоле, захватили ли её в плен и увезли в Айсизи, бежала ли она куда-нибудь? Никаких новостей. Будаи дал поручение всем знакомым зиналам искать

любые сведения об Украшении мира, светлой супруге Творца, но и у них пока не было просвета. С горя Орсо однажды вечером напился как следует, чтобы хоть немного сбросить этот груз. Не помогло — тяжкие мысли никуда не ушли, а с утра было так мерзко и в голове, и на душе, что больше он вообще не прикасался к бутылке. Только Будаи мог хоть немного понять его переживания, но в душе зинала жила непобедимая уверенность: Украшение мира сможет спастись, а сын Творца всегда найдёт выход из любого положения. Хотелось бы Орсо самому иметь хоть каплю такой веры... Но всё, что он может, — это полагаться на волю Творца, делая то, что удаётся. В храмах больших городов и в крошечных часовенках он почти против воли искал глазами образы Творца и Его светлых жён, но ни одна из них больше не была похожа на...

Большим усилием воли ему удалось вернуться в сегодняшний день.

— Скажите, генерал, если это не военная тайна... впрочем, думаю, уже нет... Где же всё-таки кобальская эскадра?

Рохас поднял седые брови:

— Вы в самом деле не знаете? Ещё в самом начале войны она ушла атаковать Чамборас. Какая удача, верно? — для воюющей Айсизи это, конечно, была большая удача, но слова генерала прозвучали неожиданно горько.

— Спасибо. Я не знал.

— Это неудивительно, если и в вашем, и в нашем штабе измена.

Генерал неожиданно почти отеческим жестом положил руку на плечо собеседнику:

— Нам следует делать всё, что в наших силах, — таковы правила войны. Будем надеяться на... лучшее.

Уповать вслух на волю Творца для военного было, видимо, не вполне прилично.

В городке Аспера, милях в двадцати от расположения основных сил айсизцев, где Орсо разговаривал с Рохасом, собралось уже больше двадцати тысяч самого разного вооружённого народу — бойцы Освободительной армии, сильно пополнившейся добровольцами, полки Кобальского гарнизона, асперская городская милиция... Город был забит военными, цены росли день ото дня, кормить войска было уже тудуновато, а Орсо всё ещё не знал, куда, с кем и для какой цели сейчас двигаться. Генерал со своим штабом уже отбыл в Каррело, следом за ними были отправлены два батальона Освободительной армии, чтобы занять оставленную айсизцами крепость, но следовало переходить к новому этапу войны, а штаб здесь ничем помочь командующему не мог.

Не то чтобы это было не дело штаба — наоборот, на штабных совещаниях как раз и должны намечаться дальнейшие стратегические шаги, но старшие офицеры не имели никакой инициативы. Орсо очень рассчитывал на помощь Родольфо, но младший Треппи тоже оказался не в числе стратегов. На уровне оперативной тактики он был хорош — все задуманные им операции, кроме одной, прошли вполне успешно (в одну вмешалась погода, но это случается, и никто начальника штаба не упрекал). А дальше, господин командующий, думай сам.

Думай, решай, приходи на помощь, давай советы, отвечай за последствия, если твоим советам следовали неправильно... Нет, армия по-прежнему не знала, что зиналы произвели его в чин сына Творца, но отношение проявляла точно такое же. Армия ждала всемогущества и всезнания, а ещё желательно всеблагости — чтобы всем было хорошо и удобно жить. Даже Родольфо чем дальше, тем больше слепо доверялся его решениям. Переносить это было

очень тяжело!

Единственным, кроме Орсо, стратегом оказался Марко Филиппи. Его талант, правда, был обращён в основном в сторону политической борьбы, но как же это помогало в планировании! Он умел смотреть на два шага дальше, чем старшие офицеры, оценивать последствия каждого шага, понимал, как устроено общество и чего от него можно ожидать, а чего не следует... И было в нём ещё одно свойство, которое Орсо оценил на штабных совещаниях. Для Марко не было «приемлемых потерь», «расчётной убыли численности войск», «допустимого уровня разрушений». Освобождаемый город должен уцелеть не потому, что пригодится как опорная база, а потому, что там живут четырнадцать тысяч двести человек. И они не обязаны любить обстрел своих домов, даже если это «ради их же блага».

Марко же уговорил трибунал не приговаривать несостоявшегося дезертира Анкелоти к расстрелу. После победы в Поллене, когда радость и так была омрачена большими потерями, когда погибли десятки горожан, а треть города лежала в руинах, дополнительный суровый приговор был бы ударом по моральному духу войск. Орсо был согласен с Марко — ему тоже вовсе не хотелось начинать командование с расстрелов... Анкелоти был с позором вышвырнут из армии, а его роту приняла под командование Стелла Зенобио.

Это для разболтанных бойцов Анкелоти был удар под дых! Подчиняться женщине?! Да лучше расстрел! Да, мстительно подтвердил Орсо, для многих из вас расстрел проще, чем дисциплина. Но вы не ушли, когда вам предлагали, — значит, согласны продолжать службу. В чём вопросы? Нет вопросов? Разойтись!

Стеллу тоже нашёл Марко. В бою за Поллену ей уже довелось покомандовать, правда, не на улицах, а в госпитале — доктор Сарто назначил её начальником санитарного отделения. И это было самое дельно организованное отделение во всей армии. Да, Стелла страшно ругала нерадивых сестёр милосердия, при необходимости ставила на место не в меру буйных санитаров, упорно требовала от интендантов вовремя снабдить отделение бинтами, простынями, негашёной известью, мылом, чистой водой в положенном количестве. Порученные Стелле больные не ждали лишней минуты на перевязках, не оставались по недосмотру без обеда, но и сами, сбежав без ведома врачей из госпиталя «в увольнительную», получали по возвращении такой втык от суровой начальницы, что потом пару дней вели себя тихо, как воспитанницы пансиона благородных девиц. За запрет курить в госпитальной палатке, на котором Стелла настаивала каждодневно, её сперва поругивали, а потом привыкли: когда нельзя открыть полог, например, во время операций, работать в жару в непрокуренном шатре стало не в пример легче...

На предложение вступить в командование стрелковой ротой Стелла согласилась буднично, без лишних переживаний, и сразу же навела в рядах доверенного ей подразделения такой же строгий порядок, как среди санитаров. Те, кто слишком громко возмущался «бабьими причудами», уже к вечеру дружной компанией чистили репу и лук на полковой кухне, а наиболее дерзкие были отправлены на «лёгкую работу» — убирать госпиталь после операций. Оттуда возвращались тихие, неразговорчивые, курили тайком от начальства и шёпотом делились впечатлениями с товарищами, которые в «живорезке» ещё не побывали. Но бунтов больше не последовало. Любовь к порядку у Стеллы распространялась в обе стороны: довольствие и отпуска подчинённые получали строго вовремя и без путаницы, припахать их к чужой работе «за так» больше никому не удавалось, и буквально за четыре дня «мамаша-командир» стала в роте родной и любимой...

Если высшие офицеры-интенданты ещё как-то укладывались в представления об армейских порядках, то женщина-ротный командир привела в смущение не только посторонних, но и самих бойцов Освободительной армии. Когда на штабном совещании кто-то пошутил, что при таких делах скоро женщины будут командовать армиями, Орсо без улыбки предложил шутнику подобрать кандидаток на эту роль, а то все кругом тактики, а стратегов вечно не хватает... Шутники увяли, поняв, что у командующего свои причуды и новых странных идей ему лучше не подавать. Хватало уже и того, что в Освободительной армии не было чинов и званий — только должности. Объяснение Орсо дал простое. Во-первых, чины присваиваются государством, а их армия не служит ни короне, ни парламенту, никакой другой верховной власти. А во-вторых, офицерские звания предполагают образование, а в некоторых странах — ещё и благородное происхождение:

— Ну и где мы наберём столько аристократов, чтобы дать им под команду наши полки и батальоны?

Для бойцов, впрочем, система должностей была понятнее и проще, чем пирамида званий. Сложности появились только тогда, когда на переговорах с регулярными силами — сперва айсизскими, потом родными андзольскими — возник вопрос, кто кому равен по статусу. Даже с Орсо как с командующим офицеры сначала не хотели разговаривать. Генерал Рохас, впрочем, скоро махнул рукой на эти мелочи, поняв, что худой дочерна загорелый мальчик в пыльном берете — стратег не хуже него, старательного исполнителя чужих приказов, а то и лучше. Рохасу нужно было выпутаться из гнусной истории, куда его вовлекли власть имущие, и он был готов обсуждать выходы из неё хоть с бесами. А вот командир кобальского отряда, прибывшего в Поллену уже после боя, к этому был не готов!

Капитан Ласкари приехал на юг диктовать свои условия, пусть даже не вполне законно. Всё же происшедшее в Кобалье нельзя было считать ни чем иным как мятежом, что в военное время каралось трибуналом. Однако и выполнять приказ генерала Мазины кобальцы посчитали неправильным. Партизаны — это хорошо, это просто здорово! За что же их арестовывать? Пусть сражаются, освобождают родную страну, а регулярная армия потом с их помощью выгонит захватчиков вон!

План был хорош, но... письмо командующего Освободительной армией предполагало другое отношение. Гарнизону Кобальи предлагалось *присоединиться* к добровольцам и под их руководством действовать дальше. Мазина, дочитав до этого места, взорвался фонтанами ярости, орал на подчинённых, на проклятых бунтовщиков (в которых сразу превратились храбрые партизаны), на скверного зинала, который привёз эту дерзкую писульку, и вообще был страшен в гневе. С ним не спорили, пока он орал, но когда наутро выяснилось, что генерал приказывает найти и арестовать главарей бунта, привезти в Кобалью и предать показательному суду, гарнизон тихо, молча восстал.

Приказы генерала с этого момента просто не выполнялись. Его покинули все, до последнего вестового, даже денщик, собрав нехитрые вещички, ушёл из генеральских покоев в казарму. Вопли Мазины уже никого не беспокоили: мятежный гарнизон выбрал нового командира, и тот распорядился принять другую тактику. Защищать порт и город Кобалью было поручено флотским экипажам, оказавшимся на берегу, а все наличные сухопутные силы должны были наступать на юг, сметая войска Рохаса, пробиваться на соединение с добровольцами и принять их под командование. Первые два пункта плана были блестяще выполнены — а с третьим случилась заминка: Освободительная армия не собиралась подчиняться никому.

Почему это никак не возможно, Орсо полчаса объяснял капитану Ласкари — терпеливо, спокойно, но повышая голоса, хотя рядом кипел, как чайник, Родольфо и вполголоса ругался Нелло. Ласкари бегал по штабной хибаре, призывал Творца в свидетели творящегося безобразия, требовал подчиняться закону, плевался, бил кулаком по столу — без всякого толка. «Партизаны» стояли на своём. Когда капитан выдохся и заявил, что им остаётся только в самом деле выполнить приказ Мазины и арестовать мятежников, Орсо с улыбкой напомнил ему, что они сами мятежники.

— Не следует взывать к закону, когда сам его нарушил. Тем более не стоит считать себя исполнителями закона, вами же нарушенного, — в этом нет логики.

— Вас попросту не должно быть, — утирая пот со лба, прохрипел Ласкари. — Я вас арестую, это же уму непостижимо...

— Зря вы угрожаете, — по-прежнему дружелюбно объяснил Орсо. — Пока мы сидим здесь с вами и беседуем, мои агитаторы разговаривают с вашими солдатами. Мазина — изменник, это вы и сами уже поняли, его приятель субадмирал Радагони тоже. Какой из этого вывод? Солдаты теперь не очень-то верят офицерам. Как, вы думаете, я набрал столько людей под наше знамя? Приказами?

Орсо уселся напротив капитана, подпер голову руками и посмотрел Ласкари в глаза добрым всепонимающим взглядом:

— Уймите свои страсти, капитан, иначе неясно, кто в итоге окажется под арестом.

Ласкари вскочил, потрясая кулаками:

— Да вы... да знаете ли вы...

— Сядьте, прошу вас. Вы можете служить народу Андзолы, но мы не будем служить короне Андзолы. Видите — противоречие может разрешиться только в нашу пользу. Давайте объединим силы — все от этого только выиграют.

— Это мы посмотрим! — прорычал Ласкари и вылетел из домика. Эскорт бегом понёсся за ним, изрыгающим на ходу новые проклятия; и только добравшись до пустыря возле бывшей третьей заставы, капитан понял, где и в чём оказался прав этот тощий столичный шкет. Дле трети, не меньше, из кобальского отряда нацепили на рукава красные ленточки.

— Измена! — хрипел капитан, схватившись за саблю. — Подлые изменники, вы все... я вас...

Унтер-офицеры эскорта тихо и весомо положили руки ему на плечи:

— Господин капитан, не надо шуметь. Возвращайтесь в Кобалью, если не хотите с нами. Но нам больше нельзя под коронные знамёна, такое дело... Корону-то военные предали. А эти, — один из сопровождающих кивнул на гудящий город, — нас из задницы тащат. От позора спасти хотят. Ну что, — он протянул руку к клинку, который всё ещё судорожно сжимал Ласкари, — сдадите сабельку или... с нами?

— Провалитесь вы в бездну, — буркнул капитан. — Как я без вас вернусь, с ума вы, что ли, сошли?.. Олухи. Болваны. Кретины! Оставить вас на милость этого сопляка?! Да никогда! Да чтобы он... да я... да вы... — Он помолчал, не в силах выразить словами обуревавшие его чувства. Потом сунул саблю в ножны. — Конто! Подготовить приказ на размещение отряда, ротным — расставить караулы! И разыщите мне квартиру в городе, я не собака, чтобы бегать к ним в штаб на совещания с этого пустыря.

Часть 36, где говорят о коронах и конях

Поставив локти на стол, Орсо бездумно рассматривал карту. Потёртая на сгибах, местами прорванная слишком острыми карандашами, украшенная с одного угла каким-то подозрительными пятнами, бедняжка, вся истрепалась... Сейчас он ощущал себя в точности как эта карта. А ведь всего месяц прошёл с начала всего этого безумия, с той ночи, когда две тысячи оборванцев бежали из лагеря Бенедита-Сомбра-Собрета-де-Чего-то-там. С тех пор как он принял окончательное решение повернуть мир в более правильное положение...

Война в Джеризу обещала быть совсем не такой, как в Кобалье. Вот она, Кобалья, на карте — почти равнобедренный треугольник, острым концом обращённый к югу. В этом остром конце — Каррело, а почти строго на север — Кобальская гавань. Джеризу очертаниями на карте напоминала башмачок: «носок» смотрит на юго-запад, в сторону Айсизи, «каблучок» повернут к столице Андзолы, а почти посередине, там, где у башмачка бывает пряжка, протянулась с юга на север Поэна, мечта поэтов всего континента, река-кормилица, серебряное диво, древний Путь благовоний... Однажды, в то зимнее путешествие, Поэна уже спасла их с Зандаром, надёжно отделив от погони: они успели на последний паром до Джеризу, а преследователи — нет. Теперь перейти Поэну значит объявить войну своим собственным заговорщикам, засевшим где-то в столице. А какие силы их там поддерживают — кто знает! Впрочем... есть один человек, который о политических делах в стране знает всё и почти наверняка... вот только разыскать бы его...

Но что делать в Джеризу? Кобалья была отрезана от остальной страны, договариваться о взаимодействии пришлось лишь с одним андзольским гарнизоном, и то договориться толком не удалось. А здесь айсизцам всё же оказывают сопротивление, и, хотя многие гарнизоны были не готовы к стремительно начавшейся войне, но дерутся отчаянно, наступление противника замедлилось... Понять бы ещё, кто из командующих здешними силами связан с заговором! А быть может, и никто — сами заговорщики, как видно из сагтинских событий, в сражениях стараются не участвовать, сделали подлость — и устранились, разгребают пусть... как там говорил «брат» Мауро? Чернь? Вот к этой черни и надо идти, больше не к кому. А честные, храбрые офицеры вроде капитана Ласкари в это время будут пытаться его арестовать и предать военно-полевому суду. Отличная перспектива, все в восторге.

Эх, сын Творца, разве у тебя нет под рукой какого-нибудь чудесного выхода? Или хотя бы редкой удачи, которая для тебя не так уж редка... Орсо поднялся из-за стола, прошёлся по штабной палатке. Конечно, есть. Это поможет, вывернет ситуацию наизнанку, полетят виноватые головы, засияет свет новой эпохи, всё такое... Вот только его, Орсо Травенари, мальчишку из предместий столицы, намного раньше этого прекрасного времени попросту убьют. Не потому, что «такова жизнь», не по законам войны, а потому что как выразительное знамя борьбы он будет нужен, а как живой человек со своими интересами — нет. И кто именно станет его убивать — свои, чужие, пришельцы, — совершенно неважно, итог один. Ему будет всё равно. Разве что свои не постесняются поставить памятник с патетической эпитафией и благодарностями. А вот убивать свои будут, пожалуй, даже более жестоко, чем враги. Нет более сильной ненависти, чем ненависть того, кто тебе обязан.

Орсо порадовался, что ему дали подумать хоть немного в одиночестве. В последнее время остаться одному хоть на полчаса удавалось редко — тяжела доля командующего, не обросшего толпой дармоедов-адъютантов... Да и друзей не выставишь за порог, если

Родольфо пришёл поделиться планами, Миннона — поболтать, Марко — посоветоваться, Будаи — убедиться, что господин не решил удрать один к бесам от всего этого. Нет, дорогие, я не удеру. Взятся — тяни, убьют — умри, но война Ады должна быть выиграна. Даже если ни его, ни Ады ко времени победы не останется на этом свете.

Надо было идти делать дело: позвать вестового, назначить штабное совещание, изложить план, выслушать бурные возражения и бешеные восторги, дать всем пошуметь и согласиться, потому что другого плана ни у кого нет. Но так хочется ещё хоть пять минут, ну хоть минутку побыть самим собой. Не командующим, не сыном Творца, не символом, не знаменем — собой. В последний раз он был собой наедине с Илли, а перед этим — только с Адой. Он сел на складной табурет, закрыл лицо ладонями, отгораживаясь от всего внешнего. Расстрел — это, наверно, больно, но довольно быстро. Задохнуться — намного хуже, как попробовал тогда, после убийства «брата» Родджио — навсегда запомнил... До сих пор иногда возвращается ощущение удушья и что-то болит внутри, за грудиной, без всяких причин...

Ладно, хватит себя жалеть! Разнылся, полководец... Орсо пружинисто вскочил на ноги, рванул полог шатра — часовой у входа аж подпрыгнул от неожиданности.

— Полидоро!

Вестовой выбежал откуда-то со стороны кухни, на ходу вытирая губы рукавом. Прикормился у поварихи, кот корчёмный...

— На два часа назначаю штабное совещание, присутствуют все командиры батальонов, полков и отдельных эскадронов. Писарей не нужно, а карту замени, эта вся продралась.

— Есть! — Полидоро умчался. Орсо натянул куртку, надел перевязь со шпагой, проверил, на месте ли любимый пистолетик. Вид надо иметь бодрый и деловой — штаб мгновенно заражается настроением командующего!

Предсказать реакцию офицеров было нетрудно — знал он их всех уже как облупленных...

— Вот так их! — искренне довольный Родольфо. Он, как всегда, видит только меньшую часть проблемы. — Сразу снимает все вопросы, а кто не с нами — тот изменник и предатель!

— Это очень опасно, — рассудительная Миннона.

— Так нельзя! — суровый Марко. — Приносить вас в жертву? Хуже не придумаешь! Нужен другой путь.

— А мы не позволим никаких жертв! — решительный Нелло. — Если всё сделать быстро, противник не успеет ничем ответить!

— Может сработать, но... что если принц Джакомо получит поддержку иностранных держав? — осторожный Микелино. — Тогда мы просто не успеем...

— Риск есть, — Орсо поднялся из-за стола, чтобы видеть всех офицеров. — Но без этого шага риск ещё больше! Мы не знаем сейчас, чем занят принц, может ли он действовать свободно... А ждать больше нельзя — осадив столицу, Рамон нам блокирует все инициативы. Нам нужна поддержка всей нашей армии, без исключения. А кто на словах будет согласен, а на деле начнёт хитрить — тот враг.

Марко коснулся его руки, привлекая внимание:

— Не спешите, командир. Если есть другие способы, нужно использовать их, на это у нас время есть.

— Другие способы ещё менее надёжны, — вздохнул Орсо. — Если бы можно было рассчитывать на поддержку всего населения, тогда мы просто сделали бы революцию. Но сейчас, когда страна разделена на части наступающим противником, нам такую силу не собрать. И всё равно ведь нужна фигура, олицетворяющая революцию. Как Гонсалес в Айсизи, когда у них всё началось. Без Гонсалеса как знамени все эти неорганизованные бунты кончились бы ничем, вы ведь не хуже меня знаете...

— Командир, но... я не знаю... Я не могу. Вас убьют. — Марко покачал головой. — Разве так можно? Во что выродится наша борьба, если мы будем отдавать судьбе своих товарищей?

— Я не смогу вас переубедить, друг мой, — тихо сказал Орсо, наклоняясь к нему. Остальные шумно обсуждали, как будет работать новый замечательный план командующего, и всё равно бы ничего не заметили. — Но мы потом с вами поговорим, и я расскажу, что нужно будет сделать, чтобы не доиграться до катастрофы. Вы согласны?

Филиппи задумался, потом мрачно кивнул:

— Я сделаю всё, чтобы вас вытащить, поверьте. Видите ли... а впрочем, в самом деле поговорим после. Ведь, как я понимаю, план принят?

— Принят, — Орсо ободряюще улыбнулся, собрав всю свою убедительность. Чем дальше, тем труднее давалось ему даже мелкое лукавство, не говоря уже о серьёзной лжи. Да, военная необходимость, да, тактика, но — трудно лгать в глаза тем, кто верит даже не тебе — в тебя. А ободрить их нужно, чтобы не свернули с пути. Добровольцы. Какие всё-таки отличные ребята.

— У меня есть для всех поручения, и это срочно! Все другие дела подождут. Вот здесь, — Орсо подвинул на середину стола пачку разномастных листков, — указания для всех направлений. Начинаем сейчас же. Текст обращения я уже набросал, — поверх карты лёг ещё один листочек, — поправьте, если хотите, стиль, а вас, Марко, я попрошу проверить содержательную часть, вы знаток агитации. Все свободны, а мы с вами, Марко, давайте прямо сейчас и посмотрим нашу листовку.

Офицеры вышли, оживлённо обсуждая ближайшее будущее. Марко остался сидеть за столом, печально глядя на командующего. Орсо сел напротив, придвинул ему листок. Филиппи покачал головой, отодвинул бумажку обратно:

— Я верю, что вы всё изложили как нужно. Но скажите мне, командир... Орсо, мальчик мой, неужели вы вправду этого хотите?

— Хочу? Разумеется, нет, — при мысли о своих желаниях Орсо криво усмехнулся. — Я хочу спасти то дело, которое начал без достаточной подготовки. Вам я могу сказать откровенно: я просто не ждал, что всё начнётся так скоро, думал, что у нас есть хотя бы полгода, ну хотя бы месяца три...

— Что значит «думал»? — удивился Марко. — Разве вы не говорили, что всё решили в лагере?

— Решил действительно в лагере, — согласился Орсо. — Потому что дальше тянуть не было смысла. Но о том, что над нами нависла такая угроза, я знал давно.

— Откуда? — Марко подался вперёд и даже охрип от волнения.

— От Ады. Мой отец тоже знал, они действовали вместе. И королева знает.

— Королева?.. — машинально повторил Филиппи.

— Она помогала Аде чем могла. Дала ей положение, связи, деньги, чтобы начать борьбу.

— Борьбу против... королевской власти?

— Её величество Мария, думаю, раньше нас поняла, что её сын не будет хорошим королём. Особенно во времена, когда короли перестают быть нужны. Ведь революция в Айсизи не первая...

— Первая успешная, — согласился Марко.

— И этого уже не отменить. Век королей прошёл, Её величество — последняя из этого века. Принц Джакомо уже ничего не смог бы сделать, даже если бы хотел. А по-старому жить не вышло бы, вы понимаете.

— Понимаю... — Марко задумался, помолчал. — Но теперь вы хотите зацепиться именно за эту связь? Почему?

— А что ещё у меня есть? Со всех остальных сторон, как ни посмотри, я фигура бессмысленная. Аристократ — но не слишком родовит, не нищий — но и не баснословно богат, чем ещё мне поразить воображение? Только родством. Надеть корону я бы не смог, но действовать от имени и в интересах королевской семьи — моей семьи! — могу по закону.

— А Джакомо? Что если он выйдет на сцену в самый неподходящий момент?

— Один подходящий момент он уже пропустил — надо было бы сразу возглавить сопротивление захватчикам, и за это ему бы многое простили. Если он появится сейчас — его тут же спросят: «А где вы, Ваше высочество, были, когда простые труженики и солдаты грудью защищали страну от врага? И почему треть ваших высших офицеров — банда предателей?»

— А если он попросту не захочет на это отвечать, что тогда?

— А тогда, — пожал плечами Орсо, — с ним никто не захочет говорить. Вы не задумывались, почему король Девмена не высказался ни за, ни против Андзолы в начавшемся противостоянии?

— Потому что Джакомо — его племянник...

— Именно. А я — нет.

На лице Марко суровая печаль впервые сменилась чем-то похожим на восхищение:

— Ну вы и хитрец! Вот это да... Не ожидал от вас, честное слово!

— Вы думали, я простодушный мальчик-рантье? — улыбнулся Орсо. — Знаете, пока есть те, кто так думает, у меня остаётся надежда на успех!

И Марко наконец улыбнулся в ответ.

— Спасибо вам за помощь, — искренне сказал Орсо, — но все эти соображения не отменяют того, что я буду не нужен новой власти. Даже если революция состоится. Как член королевской семьи я для революции помеха, а как революционер буду помехой, если победят прокоролевские силы. Престол-то не мой ни по каким законам. А основывать новую династию сейчас, в наше время... смешно, не правда ли?

— И что же вы будете делать, мальчик мой? Вы ведь не из тех, кто легко сдаётся, верно?

— Уйду к зиналам, — произнёс Орсо очень серьёзным тоном. — Они меня вроде за своего держат.

— Кстати, я так и не понял, почему...

— Ада однажды очень выручила кобальских зиналов, они ей благодарны, а я по их понятиям сын Ады.

Марко посмотрел ему в глаза внимательно и строго; Орсо больше не мог хитрить, хотя бы и с ним:

— Я расскажу вам, но прошу вас помнить: это то, что говорят зиналы, а вовсе не то, на

чём настаиваю я.

Марко кивнул, и Орсо продолжал:

— Они считают меня сыном Творца, пришедшим освободить мир от тьмы.

Марко онемел. Современный городской житель, человек образованный и светский, он совершенно не привык думать о подобных материях...

— И поэтому... когда вы говорите, что ваш отец...

— Я имел в виду моего отца Гаэтано Травенари, но — да, он тоже в деле. Вместе с Адой.

Марко помолчал, привыкая к диковинной мысли, что беседует с сыном сверхъестественной силы. Потом не без усилий вернулся к теме разговора:

— Вы... вы хотели о чём-то меня попросить, верно? Сделать что-то, чтобы ваша... скажем прямо, ваша жертва была не напрасной.

— Если я не всё довести до конца, переверните, пожалуйста, эту клятую Андзолу вверх дном, чтобы встала как положено передовой стране в современном мире.

Марко молча кивнул, встал с жалобно скрипнувшего табурета и вдруг обнял своего командира — огромный, широкий, сильный, как медведь, — и Орсо услышал у самого уха его шёпот:

— Я им вас не отдам. Обещаю.

Городок Вастале кипел бурной жизнью: айсизцы временно отброшены, в город вошли какие-то невиданные войска, офицеры у них сплошь весёлые загорелые парни и даже девки, командующий — душка и очаровашка, его заместитель — тоже такая прелесть, просто ах!.. В лучших домах города открывались двери для приёма почётных гостей, первые лица наперебой зазывали господ офицеров оказать честь, в мэрии готовились к небольшому, скромному — война всё же — балу... Казалось, ещё немного — и вся эта дикость кончится, унесётся куда-то, подобно грозовой туче, и снова настанут блаженные спокойные времена. Даже те, кто до войны почитал свою жизнь пустой и никчёмной, свет — бессмысленным, а людей — невыносимыми, позабыли свои невзгоды и всю надеялись, надеялись страстно: если сделать вид, что всё как всегда, то зло уйдёт. Ведь не может же это быть надолго, помилуй нас Творец!

Орсо пришлось побывать в нескольких аристократических домах: принятый к исполнению план требовал представлять со всей возможной торжественностью. Его странный статус — член королевской семьи, но не принц, — приводил местных аристократов в некое недоумение, но усвоенная почтительность заставляла понимающе закатывать глаза: ах, ну как же, как же, мы понимаем... Откуда ни возьмись закружились хороводом девушки одна другой прекраснее, и пришлось срочно соображать, где он забыл свои манеры. Родольфо тоже купался во всеобщем внимании и чувствовал себя в этом положении куда привычнее товарища. А вот остальные офицеры вастальскую публику просто эпатировали! И бывший сержант, а ныне командир кавалерийского корпуса Нелло, славящийся отсутствием манер, и бывший докер, а теперь командующий всеми пехотными силами Марко в статусе, равном генеральскому, и бывший фермер Микелино — трудно даже определить, кто из них был для здешнего высшего света ужаснее. Но больше всего подорвала общественные устои Миннона: в мужском платье, в шляпе с предлинным пером, в офицерском шарфе она была воплощением чего-то небесного, вроде Славы мира, и сердца молодых людей забывали биться при взгляде на эту неприступную деву битв. Самым

чувствительным Родольфо, однако, быстро показал, что боевая орлица уже нашла себе подходящее гнездо. Девы, впрочем, тоже не остались равнодушны к женскому божеству войны: кто-то — от ревности, а кто-то — от тайной, в самой глубине души, зависти...

Фантастическая, невообразимая армия, едва расположившись на постой в городе, развила кипучую деятельность. Воззвание командующего, внука покойного короля, к народу Андзолы с призывом встать под его знамёна на защиту родины от внешних врагов и внутренней измены разошлось с невероятной быстротой: на третий день его перепечатывали газеты всей провинции, а через неделю, по расчётам Марко, оно должно было попасть даже на крайний восток страны и уж, во всяком случае, в столицу. Теперь следовало не терять темпа и новыми силами дожимать врага, выгоняя его из южной Андзолы, а тем временем основной, проверенный костяк армии должен нацелиться на столицу — скорее всего, изменники ещё там.

Пополнения шли — здесь Орсо оказался прав. Его положение придавало легитимность любым призывам к вооружённому народу — и армия могла с чистой совестью последовать за ним. Многим этого хотелось! Командиры высшего звена, встретившись с неожиданным нападением, вели себя как потерянные дети или, ещё хуже, впрямую показали, что осведомлены об измене в верхах и не считают нужным что-то с этим делать. Кое-где регулярные части уже вербовали в будущие вооружённые силы независимых герцогств и королевств... Страна была на грани распада: то, что не удавалось айсизцам, легко довершили бы свои же, идейные союзники «братьев»-пришельцев.

Орсо очень рассчитывал на то, что вокруг него поднимется шум и суета; это расстроит планы врага и даст союзникам время. Не надо забывать и об айсизцах, которые отправились домой наводить справедливость: они ещё не знают, с чем встретятся там, а парламент, поражённый изменой, ещё хуже, чем изменивший король!

Прямо под Вастале он встретился с командирами нескольких отдельных андзольских корпусов и бригад, оставшихся без верховного руководства, и совместно они выработали генеральный план освобождения страны. К каждому из высших офицеров приходилось присматриваться — это вам не крестьяне, не солдаты, эти вполне могут сами оказаться предателями... Но от всех не застрахуешься, а что его самого предадут не раньше, там позже, Орсо уже не волновало. Куда сильнее тревожило, что и здесь, в Джеризу, он не могу найти ни малейших следов Ады. Да что же такое?! Ну не могла же она просто дать себя истребить, это же Ада... Хотелось думать, что она благополучно выбралась из Саттины и, как обычно, занимается каким-то своими удивительными делами, дающими неожиданные плоды. Потому что при мысли, что её, быть может, больше нет, все желания, стремления, даже соображения долга исчезали — оставалось лишь ощущение великой вселенской пустоты, где всё бессмысленно и ненужно...

Однажды Полидоро нашёл его уже поздно вечером, когда солнце почти укрылось где-то за айсизской границей, оставив вместо себя старенькую обкусанную луну. От разговоров и совещаний Орсо к концу дня ощущал себя выжатым, как губка, и совершенно без сил еле дотащился до постели на новой квартире, радуясь, что его комнаты на первом этаже не нужно каждый раз одолевать лестницу. Но вестовой сиял, словно его надраили с песком:

— Командир, мы вам такое нашли! Ух... пойдёмте, командир Родольфо просит!

Первую мысль — новости об Аде — Орсо тут же отбросил: их проще сообщить прямо здесь, вести его куда не надо. С трудом снова поднявшись на ноги, она накинул на плечи куртку и вышел вслед за Полидоро, который продолжал восторженно трещать.

На маленькой площади перед мэрией было уже почти темно, и возившиеся там люди светили себе факелами. Там ещё с утра разбирали всевозможные трофеи, оставленные торопливо отступившими республиканцами. Навстречу Орсо выбежал донельзя довольный Родольфо:

— Смотри, какая красота! Мы решили всем штабом, что это для тебя — ты из нас лучший кавалерист, ты оценишь. Эй, Джианни, давай сюда!

Звонкий перестук копыт по мостовой, тревожное фыркание, короткий возмущённый храп... Орсо отодвинул Родольфо, не глядя уже ни на что по сторонам, отвёл руку, держащую повод, и молча обнял за шею сердитого, всем недовольного Пороха.

Жеребец длинно и шумно выдохнул в самое ухо хозяину: ну что же ты, где тебя носило? Я скучал, между прочим! Вечно ты меня бросишь и где-то шляешься, а я тут как хочешь, да? Орсо счастливо принимал эти молчаливые упрёки и только гладил без конца бархатистую шкуру, машинально выбирал из плохо расчёсанной гривы соломинки и семена «собачки».

Кто-то вложил ему в руку яблоко; он протянул коню раскрытую ладонь с угощением, замшевые губы деликатно раскрылись, и яблоко захрустело на крепких зубах жеребца.

— Где вы его нашли?

— Командир, осторожнее, он злощый! — запоздало предупредил Джианни. — Чуть меня, зверюга, не затоптал...

— Он не злой, он просто скучал, — улыбнулся Орсо. — Но откуда он здесь?

— Отбили у арьергарда — ну, у тех, кто не сдались, — охотно объяснил Родольфо. — Там ещё была удивительная лошадь — пегая кобыла, очень красивая! Но её айсизцы успели увести...

Рука Орсо на шее коня замерла.

— Пегая кобыла-иноходец?

— Да при чём тут кобыла, во имя Творца!

— Родольфо, — Орсо оставил коня, повернулся наконец с другу. — У нас есть пленные из этого полка? Я хочу их допросить сейчас же.

— Ночью? — удивился Треппи. — Ну... хорошо, я распоряжусь...

— Да, ночью. Прямо сейчас. Отведу коня и вернусь. Спасибо, это... ценный подарок. Очень ценный.

Часть 37, где рассуждают о высшей власти и цене победы

Казалось бы, всё идёт неплохо: с новыми силами, которые присоединились к Освободительной армии, поход на город Джеризу уже не представлялся таким рискованным — возможно, удалось бы даже обойтись без генерального сражения. Снабжение армии налажилось, бойцам даже выплачивали жалованье, правда, не особенно регулярно, но это людей не слишком огорчало. К тому же здесь, в отличие от Кобальи, было где тратить деньги: городов в Джеризу было намного больше, и в каждом было на что спустить честно заработанное. Азартные игры в расположении армии Родольфо строго запретил, но в городках бойцы всё равно ухитрялись просаживать последний паул в «семёрочку» и в «девяносто девять». Но морального духа это не подрывало — каждый ощущал, что идёт к великой значимой цели, что главная битва ещё впереди, а вот когда победим... тогда...

Военные дела Орсо не слишком беспокоили — теперь он в самом деле был скорее знаменем войны, чем её полководцем. Тревожило другое: найти след Ады удалось лишь раз, и то он оборвался на пегой кобыле. Любопытно, что и Порох, и Сова, если верить пленным, были захвачены в качестве военной добычи не в Саттине — там здешние айсизские части даже не были, — а на южной границе с провинцией Ринзора. Удалось установить, что произошло это самое позднее два месяца назад — иначе говоря, со времени штурма Саттины к тому моменту прошло уже не меньше двух декад. Оставалось предположить, что Ада уехала из Саттины ещё до её захвата и увезла лошадей. Это обнадеживало... но не слишком.

Орсо хватался как за соломинку за мысль, что если бы Ада погибла, её тело непременно опознали бы, и это не осталось бы неизвестным андзольским властям. Смерть приёмной дочери короля — событие, по важности сравнимое с гибелью принца или, самое меньшее, министра. Но таких новостей не было! А значит, если Ада жива, то найдётся, а если в плену, то выберется — здесь Будаи, пожалуй, прав, надеясь на её удивительные умения.

С такими мыслями жить было немного легче, бремя сына Творца пока вроде бы не слишком давило, да и перспектива расплатиться за свою политическую наглость пока отступила, и Орсо занимался тем, в чём понимал больше всего: в создании основ для перемен в стране. За последние декады он хорошо выучился говорить с людьми — честно, доверительно, ясно, они это чувствовали. Орсо доводилось читать в газетах речи андзольских министров и депутатов айсизского парламента, но большинство их были построены как корпус корабля — обтекаемо. Ему обтекать было практически нечего — он пока что мог называть вещи своими именами: измену — изменой, свободу — свободой... Находилось и с кем поговорить о могуществе соединённой силы производителей — всё, о чём говорила Ада, уже давно в его памяти уложилось и утряслось в стройную схему, да так, что иногда удивлялся даже Марко, умелый агитатор. От него Орсо не делал тайны из своих познаний, наоборот — пересказал всё, что помнил, и с теми же примерами, какие приводила ему Ада. Марко слушал, видимо, находя в этом изложении подкрепление каким-то своим идеям и опыту:

— Откуда вы это знаете? Ведь в школе, простите, этому не учат...

— Меня учила госпожа Анлих, а откуда знает она... — Орсо нахмурился, подумал, но решил не разводить секретов, тем более, что Ада ему не запрещала рассказывать о ней...

— Она сама пришла из другого, более технологически совершенного мира, который, как

и наш, проходил эпоху общественных потрясений из-за того, что прежняя власть уже не могла управлять по-старому, а люди, жившие под этой властью, уже не согласны были её терпеть.

— Как у нас... — кивнул Марко. — Но... если она тоже пришелец...

— Почему она за нас? — улыбнулся Орсо. — Потому что она и там, у себя дома, была на стороне рабочих. Это они построили великий мир — тогда, когда трудились ради собственного блага, а не для пользы королей и парламентов. Но... — он вспомнил вдруг и ещё кое-что из адиных рассказов, — были миры, которые не справились с этой борьбой. Истопив силы в попытках освободиться, они разрушились. Иногда так случалось потому, что на помощь старому миру приходили такие же пришельцы извне, как у нас.

— Но почему же разрушились? — Филиппи был озадачен. — Разве там не могли просто вернуться к власти прежние правители?

— Им просто не над чем было властвовать — в попытках избавиться от тружеников они просто уничтожали их и всё ими сделанное. А без труда и знаний мир погибал.

— Если я расскажу это товарищам... — Марко замялся.

— От меня можно не скрывать — я давно понял, что у вас есть организация, — кивнул Орсо. — А почему бы не рассказать?

— Могут не поверить. Скажут: почему мы должны опираться на чужую историю?

И на это в объяснениях Ады был ответ:

— Потому что чужой истории не бывает. Люди всех миров — единый народ, и те, пришельцы, — тоже из этого народа. Как бы они ни пытались забраться на троны высших сил, им это пока не удалось...

И здесь перед глазами Орсо вновь замелькали короткие, но отчётливые видения, будто одной этой фразой он развязал какой-то узел воспоминаний.

Парадный зал, сверкающий золотом, яркие источники света (непонятно, что они такое, но намного ярче свечей), по стенам — невероятных размеров картины, а может, фрески, изображающие незнакомые сюжеты. Толпа мужчин, стоящих в непонятном, но строгом порядке: одни одеты в золотые громоздкие мантии и высокие шапки, другие — в чёрном, в сравнении с золочёными — очень скромные и с непокрытыми головами. В дальнем конце зала на возвышении, застеленном багровым ковром, — невысокий белоснежный трон с бархатными подушками, а прямо над ним на стене — громадная картина: в середине композиции молодой мужчина в старомодных одеяниях, по сторонам от него ещё какие-то люди, их жесты подчёркнуто театральны, но понять их, по всей вероятности, можно лишь зная сюжет. Но вот лицо центрального персонажа... Орсо казалось, что по некоторым признакам: аккуратная бородка, открытый, но грозный взгляд — он похож на Творца с икон, только глаза не фиолетовые.

Невысокий толстый дед с окладистой белой бородой, в белом одеянии, явственно расшитом жемчугом и серебром, всходит на возвышение, под слаженное пение множества голосов его усаживают, но он встаёт, его усаживают снова... И Творец — или кто-то похожий на него — взирает на всё это, кажется, с печалью.

«Трон высших сил» — припомнились его же собственные слова. Неужто эти парадные люди считали, что сажают на трон высшее существо? И разве Творец стал бы освящать это своим присутствием? Нелепо...

Тряхнув головой, Орсо, как обычно, отогнал видение торжественных золочёных бородачей и вернулся к разговору.

— Не поймите неправильно, Марко, я вовсе не пытаюсь читать вам мораль, а тем более проповедовать! Но рано или поздно, когда мы столкнёмся с этими нашими врагами лицом к лицу, они непременно заговорят о своём праве повелевать и нашей обязанности подчиняться. Но это ложь! Мы им ничем не обязаны. Нет у них никаких природных прав на верховную власть. Но на другое они не согласны...

Марко медленно кивнул:

— Мы уже слышали эти разговоры о тех, кто рождён править. Аристократы в Айсизи, которые слишком упрямо твердили об этом, уже поплатились...

— Со всем уважением, — покачал головой Орсо, — они поплатились не за это. А за то, что разрушили ту древнюю традицию отношений, в которой их только и могли признавать аристократами. Аристократ не только волен, но и должен: своим подданным, своей семье, королю, всему рыцарству как общественной силе... Односторонних обязательств в этом случае не бывает. А если аристократ не согласен нести свои обязательства и выполнять свой долг, то и ему никто ничем не обязан! В этом ключе в крестьянских войнах крестьяне были правы, а рыцари — нет. То же самое сделали и мы с вами, отвергнув служение королю, и гарнизон Кобальи, и отряд Моралеса...

— И Рохас, — добавил Марко.

— Да, и весь сдавшийся айсизский корпус. Можно быть рождённым для власти, но эту власть надо принять и нести честно. Об этом, в общем-то, я и поспорил с «братом» Мауро: он считал своих сторонников огнём, а остальных людей — топливом для него...

— Наслышан, — усы Марко зашевелились в одобрительной усмешке.

— Ну вот. Когда будете говорить со своей организацией, напомните вот об этом. Остальное уже не так важно.

Разведка, отправленная к Джеризу, принесла странные новости: командующий пятой армией маршал республики Касерес соглашался отступить и оставить город, как только будут переданы в руки правосудия дерзкие преступники-андзольцы, совершившие преднамеренное политическое убийство.

— Какое ещё убийство, что он несёт? — пытался выяснить командующий, но разведчики подробностей сообщить не могли. Оказывается, Касерес уже две декады ведёт переговоры с окружённой Джеризу, но мэр и губернатор ничего внятного ему не отвечают.

— Немедленно туда! — Орсо приказал собрать в сопровождение небольшой конный отряд и почти без отдыха поспешил на место событий. Армия обычным порядком двигалась вслед.

Маршал встретил его без удивления и весьма вежливо. В его ставке в крошечном селении под Джеризу царило деловое оживление, хотя вести, приходившие из соседних округ, не могли радовать айсизских командиров. Республиканцев теснили повсюду, и окружить сейчас армию Касереса не составило бы труда... Однако ни единого признака паники в штабе Орсо не обнаружил. Эти люди знали, что делают; ему тоже очень хотелось бы это знать!

По-андзольски Касерес говорил плохо, но прилично понимал, поэтому разговор шёл странный: оба командующих без всякого неудобства говорили на родных языках, а вот писарь-протоколист просто с ума сходил от необходимости это как-то записать...

— Мы требуем только одного: осуществления правосудия в отношении убийц, — говорил Касерес чётко, короткими фразами, как гвозди забивал. — Мы знаем, что

произошло. Мы знаем, кто виновен. Мы не можем только покарать преступников. Это не наша юрисдикция. Власти провинции делают вид, что ничего не знают. Это ложь! Особенно непростительная сейчас, когда мы... — он впервые замешкался, подбирая слова, — втянуты в бессмысленную войну. Покончите с преступниками — и мы уйдём. Это не наша война. У меня всё.

Закончив свою речь, Касерес повернулся к собеседнику боком, как птица, и искоса поглядел на него, будто решая — клюнуть, не клюнуть... Его крупный крючковатый нос как раз и напоминал орлиный клюв, а вот торчащие вокруг лысой макушки короткие седые волоски напоминали скорее о стервятнике.

— Господин маршал, прошу вас, ещё раз с самого начала, — попросил Орсо. — Я в Джеризу недавно, а гражданские власти мне не отчитываются... пока... — закончил он с ноткой угрозы.

Айсизский орёл покосился на него одобрительно; прошёлся туда-сюда по комнате и начал такими же короткими фразами излагать суть дела.

Ещё в конце весны в Джеризу по частному делу приехал некто Биеско — депутат айсизского парламента от демократической партии. Здешний издательский дом «Мадзаро и сыновья» готовил к печати его книгу по политической экономии, и автора пригласили поработать с рукописью на месте, не тратя время на переписку. Парламент в это время уже ушёл на каникулы, депутаты на время были предоставлены сами себе. Через неделю после приезда Биеско был найден мёртвым на дороге из Джеризу в Занью — на нём не было живого места. Полицейские медики насчитали тридцать одну ножевую рану, из которых смертельной была только одна... Они же пришли к выводу, что в момент смерти депутат не оказывал никакого сопротивления — возможно, был чем-то одурманен. На несчастный случай это было никак не похоже! Однако расследование, начатое было весьма бодро, быстро увяло — на третий день после убийства была объявлена война.

— И вы считаете, что власти Джеризу сознательно препятствуют правосудию? — уточнил Орсо. — Но почему?

— Потому что преступники всем известны, — кивает клювастая голова, — но до сих пор на свободе.

— Известны? Кто они?

— Племянник мэра Саротто, его приятель Скиччи и ещё один, заезжий из столицы. Имени я не знаю, только кличку: брат Джованни.

Орсо, быстро записывавший карандашом имена, выронил карандаш. Брат Джованни. Манфредо Армини, внук барона Армини. Они ведь пили вместе на первом собрании «преинтереснейшего общества», когда Орсо пришлось чуть не на себе волочь перебравшего Матео домой... Правда, на том собрании, где разоблачили «брата» Мауро, брата Джованни не было.

Внутри поднималась волна жгучего гнева. Подлец Мауро! Толкнул-таки парня на злодейство. И только ли его одного!..

— Я знаю настоящее имя третьего убийцы... — почти неожиданно для себя тихо произнёс Орсо. — Если это действительно он.

Касерес уставился на него в изумлении:

— Знаете имя?..

— Я одно время работал на политическую разведку Андзолы. Недолго, — скривился Орсо. Врать не хотелось, но и рассказывать этому орлу историю, которая ранила его самого,

не хотелось ещё больше.

Касерес моргнул. Пригладил свои «перья» вокруг лысины, кашлянул в кулак:

— Ну... тогда это всё. Я требую от городских властей осуществить правосудие. Разве я не прав, скажите?

— Правы, господин маршал. Несомненно, правы. Но у вас ничего не выйдет... — Орёл помрачнел, надулся гордыней. — А у меня выйдет, — закончил Орсо. У меня есть... инструменты принуждения. Но, — он прямо взглянул в глаза айсизцу, — как только приговор будет приведён в исполнение, вы сразу же отдадите приказ отвести войска и покинете территорию Андзолы. Вам будет предоставлен коридор для вывода армии.

— Я согласен, — церемонно поклонился маршал.

— Тогда у меня ещё только один вопрос. Почему вы убеждены, что это именно политическое убийство?

— Потому, — Касерес поднял указательный палец, — что в тот же день в Тагирес были убиты ещё два депутата от демократов — Фалья и Карденас. Строго одновременно! Понимаете?

— Да. Понимаю, — кивнул Орсо, — хотя и не удивлён. Это лишнее доказательство, что заговор очень разветвлённый.

— Нельзя не согласиться, — по-птичьи кивнул маршал. — Я... осведомлён о заговоре из ваших газет.

Вот так вот, мрачно порадовался Орсо. Теперь об этом можно писать в газетах — молодец, сын Творца, разворошил муравейник. Теперь смотри, что ещё оттуда ползет, пора бы уже и ползть! Но если эти убийства — дело рук заговорщиков, то эти самые депутаты, видно, непростые персонажи...

Распрощавшись с маршалом, Орсо велел эскорту двигаться к городу, а к Марко Филиппи послал курьера с запиской: что известно о политической позиции и конкретной работе депутатов айсизского парламента Биеско, Карденаса и Фальи. Да и вообще всей партии демократов. Надо же как-то связать всё в один гобелен, раз уж такие нитки наружу полезли.

Аугусто Скиччи нашёлся быстро и просто: подобно герою плутовского романа, он решил укрыться от возможных неприятностей в борделе. Не учёл только, что в романах противники героя поглупее, чем военная полиция... Он не запирался, но основную вину валил на Армини и на племянник мэра, который как раз за день до объявления войны очень удачно уехал... в Девмен. Ладно, этот не скроется, девменские власти политическое убежище уголовникам не дают.

Оставался Армини. Смешливый, курносый, кудрявый, как барашек. Совсем безобидный на вид. У него была ещё какой-то едва заметная особенность речи — то ли лёгкая шепелявость, то ли привычка произносить согласные мягче, чем они есть... Орсо потребовал принести ему в самовольно занятый кабинет мэра лучшие карандаши, какие найдут, и стопку бумаги, сел за стол, очень похожий на отцовский, и закрыл глаза. Уроки отца вспоминались не подряд, урывками, но схему человеческой головы с пропорциями он помнил наизусть. Представил себе эту схему как бы парящей в воздухе сеткой полупрозрачных линий и, мысленно поворачивая туда и сюда, начал лепить на неё формы лица «брата Джованни». Приходилось всё время сравнивать свои воспоминания с получающимся наброском, но дело пошло на лад. Художественной ценности рисунок,

конечно, не представлял, но портретное сходство появлялось!

Полидоро явился на вызов и тут же снова отправился в ставку с двумя листками бумаги: на одной был рисунок, на другой — приказ Модесто разыскать изображённого там человека в Джеризу, где бы он ни был, и доставить в тюрьму. Раз гражданские власти не знают убийц, их найдёт военная полиция.

Возвращаясь в свою ставку, Орсо совершенно растерял своё боевое настроение. Казалось бы, радоваться надо — осада Джеризу снята, провинция, считай, свободна, можно планировать поход на столицу, ещё совсем немного — и война окончится... Отчего же тогда так погано на душе?

Манфредо. Дурак «брат Джованни». Лопоухий, в сущности, парень, моложе самого Орсо, начал с посиделок в весёлой компании, а теперь обвинён в преднамеренном убийстве. Причём организатора, возможно, поймать не удастся, а он, Манфредо, попадётся непременно, потому что щенок. И цена освобождения Джеризу — его голова на пике. Не осудить его, если он виновен, господин командующий Освободительной армией не даст, иначе грош цена его слову. А сколько ещё «братьев» из «преинтереснейшего общества» чудят сейчас по стране? Кто из них что ещё успел сотворить такого, что просто так не сотрёшь и не забудешь?..

Хотелось выпить, но Орсо уже понял, что ему это проверенное средство от всех забот не помогает...

Часть 38, где всё кончается

У Альберико в освобождённом городе нашлись какие-то родственники, и, сменяясь с вахт, он пропадал теперь у них в гостях. Орсо подумывал тут его и оставить, но может выйти обидно! Всё же кое-что для армии он сделал, и награду ему вручили недаром. Обычный балованный мальчишка, он сам едва таким не стал...

Возвращался баронский сын обычно под утро, и легко было догадаться, что после родственников он находил куда ещё можно пойти скоротать ночь. Пусть его развлекается, пока есть время и возможность. Джеризу ведь кое-чем обязана Освободительной армии — Касерес ушёл, как только увидел Скиччи в кандалах. Репутация командующего окрепла ещё больше... врагам есть за что зацепиться, если захотят!

Вечером, уже в сумерках, Альберико неожиданно попросил через адъютанта (пришлось завести, иначе никакого порядка не будет) уделить ему несколько минут для разговора. Орсо уделил; в прошлый раз Альберико сильно выручил армию, обижаться на него за то, что барчук и сноб, уже глупо...

— Господин Травенари, я знаю, что вы разыскиваете вашу... мать, — начал баронский сын, как всегда, без предисловий. — Мой родственник говорит, что знает человека, который разговаривал с Адой Анлих ещё до того, как Касерес подошёл к городу и блокировал его.

Орсо замер, радуясь, что именно в это мгновение повернулся к Альберико боком; очень не хотелось бы, чтобы Джустино-младший видел сейчас выражение его лица. Но голос не подвёл:

— Где разговаривал?

— На севере Джеризу, там есть такой городишко Лострес. — Тон у Альберико был беззаботный, а у Орсо глухо бухнуло сердце. Лострес — вблизи границы с Ринзорой. Как он и вычислил.

Спокойно, надо выдохнуть, теперь — ровный вдох... и говорить тоже ровно, разговор деловой, только спокойно, не пори горячку, сын Творца!

— И кто этот человек? Ему можно верить?

— Не знаю, — Альберико развёл руками. — Я только передаю то, что узнал.

— Но хотя бы его имя вам известно? — Орсо взял себя в руки: если это просто заброшенная наживка, то ничего полезного на вопрос об имени ему не скажут.

— Какой-то зинал — Сандер или Сандар...

Орсо разучился дышать. Одумался, только когда заныло привычно в груди. Заставил себя вдохнуть и выдохнуть несколько раз, Альберико это заметил:

— Вы нездоровы, командир? Может быть, я не вовремя?

— Всё в порядке, простите. Душно, — Орсо подошёл к окну, с усилием поднял раму. На время совещаний окна держали закрытыми, но сейчас здесь не говорят ничего важного — просто так, беседуют о личном... Да, не только ему душно — гроза собирается.

— Я могу увидеть этого зинала? — Помоги мне Творец, если он здесь... он ведь уезжал прямо в Айсизи, а вернуться тем же путём не смог бы — всё, как предупредила Ада...

— Конечно, когда прикажете! Я попрошу моего родственника вызвать его сюда, в расположение армии... если это не нарушает никаких порядков...

— Отнюдь! Будьте так любезны, вызовите. — Спокойно, спокойно, ещё ничего не случилось. Пока ничего не произошло, спокойно, пороть горячку ни к чему...

— Я немедленно пошлю за ним. — Альберико встал, взял в руки шляпу. — Правда, это несколько поздно — уже будет комендантский час...

— Ничего, я предупрежу часовых.

Альберико вышел. Орсо без сил опустился на табурет и закрыл глаза. С Зандаром всё будет проще. Намного проще.

Была уже плотная ненастная ночь, когда Альберико постучался в дверь домика, где обитал командующий. Будаи открыл — баронский наследник шагнул внутрь, зацепил косяк широким плащом, с него полетели дождевые брызги. За ним в комнату шагнула высокая фигура в знакомой шляпе, с полей тоже капало, на пороге сразу образовалась лужица. Альберико выглянул за дверь:

— Ну что же вы, доктор! Входите! Мы вас ждём.

Высокий человек стянул перчатки очень характерным движением, и Орсо почти поверил... и шагнул бы вперёд, если бы ему в грудь не смотрели два ствола в руках Альберико. Он резко оглянулся — Будаи оседал по стене, хватаясь обеими руками за узкий клинок, вошедший до половины в грудь. Высокий незнакомец выдернул шпагу, отряхнул, алые бусинки изогнутой линией упали с клинка на некрашенные половицы.

Третий вошедший закрыл за собой дверь и стоял теперь на пороге, таращась на свет и кривя круглое толстоносое лицо.

Усилив воли Орсо не позволил себе броситься к Будаю:

— Что это значит, господа?

Высокий снял шляпу — нет, раньше Орсо его не видел. Ростом не ниже Зандара, седоватый, породистый, яркие синие глаза холодны и пронзительны.

— Дайте ему плащ, господин барон, — голос высокого бархатен и глубок, услышишь — не забудешь. Такой же проникающий в сознание голос, такие же богатые интонации Орсо уже где-то слышал, но тот голос был ниже... Где же, где?.. Это важно, вспомни, вспомни же!

— Буду краток, — сказал высокий. — Вам не стоит поднимать шум — если мы не вернёмся, Зандар из Кобальи умрет ещё до полуночи. Избежать этого печального исхода вы можете очень просто: отдайте оружие, наденьте плащ и идите с нами.

— Не выйдет, — улыбнулся Орсо, — вас остановит первый же патруль.

— Выйдет, — Альберико вдруг оскалился, став похож на злую лисицу, — я передал часовым инструкции от командира Микелино. И я знаю пароли на сегодняшнюю ночь.

— Быстро, — поторопил высокий. — Оружие сюда.

Орсо вынул из ножен шпагу, положил на стол.

— И ваш чудесный пистолет, — высокий выразительно посмотрел на его карман.

Когда пистолет тоже оказался на столе, высокий приставил к горлу Орсо кончик шпаги:

— Не думайте, что глупой смертью вы что-то выиграете. Умрёте вы — умрёт Зандар. Всё ясно?

Альберико отложил пистолеты, скрутил ему руки за спиной, засунул в рот кончик шейного платка, туго завязал. Потом набросил на пленника плащ, сорвал шляпу с третьего гостя, надел на Орсо:

— Он готов.

— Чудесно, — высокий отвёл свой клинок от горла командующего и вдруг почти неуловимым движением вонзил его в шею круглолицего. Тот упал без единого звука, и на лице навсегда замерло выражение испуга и удивления.

Они вышли в проливной дождь и, вопреки слабым надеждам Орсо, прошли через улочку, охраняемую только одним патрулём, без всяких препятствий. Караульному Альберико назвался и сказал пароль, а Орсо в эту минуту был прижат могучим плечом высокого к глухой стене.

За поворотом их ждала карета, куда Орсо впихнули быстро и умело. Внутри дожидался ещё один участник похищения — видимо, охранник, потому что он сразу сел рядом с Орсо и прижал ему локоть так, что нельзя было пошевелиться. С другой стороны оказался высокий синеглазый похититель. Экипаж тронулся и загремел по мостовой; на заставах Джустино называл пароли, и им без помех давали дорогу.

Только когда грохот под колёсами сменился тихим шелестом луж, Альберико вынул изо рта Орсо кляп:

— Не думал, что увижу своими глазами, как этот выскочка получит сполна за все свои фокусы!

— Не спешите, барон, ещё не всё сделано, — мягко остановил его синеглазый.

— Кто вы? — спросил Орсо. — Джустино я знаю... хотя не могу понять...

— Не можешь? Холоп! — неожиданно взвизгнул Альберико. — Предатель! Изменник! Кому ты решил продать наше сословие? Черни? Этим плохо одетым, с гнилыми зубами? Где твоя дворянская честь?.. А впрочем, ты слишком низкороден, чтобы понимать, что это такое!

— Успокойтесь, барон, ну что вы, право, — вновь вмешался синеглазый убийца. — Травенари — довольно древний род, здесь вы несправедливы. А что до черни... видите ли, у наших врагов есть опасная привычка доверять людям.

— Вы так и не ответили, кто вы сами такой, — повторил Орсо уже более жёстко. — Баронского сына я знаю... теперь уже достаточно хорошо. — Баронский сын зашипел что-то, но спорить больше не стал.

— Я брат Бьянко, — просто сказал убийца. — Вы нам настолько надоели, что мне пришлось бросить более важные дела и заняться вами лично.

— А этот, третий, которого вы убили? Он-то как здесь замешан?

— А, — бархатно рассмеялся брат Бьянко, — это доктор Мурьес. Этот получил по заслугам — ведь это он сдал Зандара, Аду и вас...

— Где Ада? — прервал его Орсо.

— Пока не знаю, — вздохнул «брат», — но надеюсь вскоре узнать. Вам не нужно об этом беспокоиться, думайте лучше о себе.

— И как я могу подумать о себе? У вас есть какое-то предложение?

— Приедем — расскажу, здесь неподходящее место, — пожал плечами синеглазый. И Орсо вспомнил, где слышал такой же чарующий голос. В Саттине, в гостиной брата Родджио.

Ехали недолго и, как показалось Орсо, лишнего не петляли. Поворотов было немного, и под конец колёса снова зашумели по брусчатке — просёлок привёл к какому-то жилью. Орсо на сей раз завязали не рот, а глаза и уже в таком виде провели внутрь. По звукам шагов и голосов он предположил, что это довольно просторное здание, скорее всего, каменное. С него сорвали плащ, куртку, чужую шляпу; в одной рубашке он сразу начал мёрзнуть. Придерживая его за связанные руки, синеглазый потащил пленника вниз по ступенькам — судя по всему, в подвал. Только там, при свете бледненькой масляной лампы, его освободили от повязки, и одновременно чьи-то ловкие руки распутали верёвку на его запястьях, а вместо неё надели наручники с тяжёлыми механическими замками.

— Ну вот, — приветливо улыбнулся брат Бьянко, садясь на резной деревянный стул перед массивным столом. Орсо усадили на табурет (ох и любят на юге эту мебель) с другой стороны стола, а двое охранников встали справа и слева от двери. — Теперь я отвечу на некоторые ваши вопросы и, — синеглазый усмехнулся, — жду взамен ответов от вас.

— Я хочу увидеть Зандара, — сказал Орсо как можно твёрже.

— Его здесь нет, — пожал плечами Бьянко. — Я бы тоже очень, очень хотел его увидеть. Чтобы повесить. Но, — он вздохнул, — это, как видно, дело будущего. Давайте вернёмся к делам настоящего. Мне от вас нужно только одно, и это очень просто.

Орсо даже не потребовалось изображать нетерпеливое удивление.

— Я хочу знать, — медленно, чётко произнёс Бьянко, — какова Его воля в твоём отношении, мальчик.

— Что?.. — Вот этого Орсо не ждал совершенно! Он серьёзно? Или это опять какой-то подлый план?

— Какова Его воля? Зачем Он послал тебя сюда? — повторил Бьянко.

— Он?..

— Не притворяйся, — убийца, видно, не на шутку злился, потому что в голосе прорезался грозный рык. — Ты ведь Его сын, не так ли?

Орсо пожал плечами:

— Ваши слова, не мои.

— Ну что ж, — притворно опечалился Бьянко, — раз по-хорошему не получилось, пойдём проверенным путём...

Охранники вздёрнули Орсо на ноги и поволокли через маленькую дверцу в соседнее помещение — пониже, пошире и ещё холоднее, чем прежнее. Следом Бьянко внёс лампу.

Здесь мебели было достаточно — несколько стульев, широкая скамья, два стола — один посреди комнаты, другой — скромненько в углу, и глубокая деревянная бадья, полная воды.

— Вот здесь и поговорим, — мягко заметил Бьянко, усаживаясь на стул.

Те же два охранника снова встали у дверей. За маленьким столом возился с какими-то звякающими инструментами невысокий человек в тёмном, в свете лампы, стоявшей рядом, что-то зловеще отблёскивало. Орсо передёрнуло. На палача похож...

Его усадили на один из стульев, Бьянко подвинулся к столу:

— Я не знаю, малыш, зачем тебе всё это. Мы могли бы просто и коротко поговорить по делу — это ведь нетрудно, правда? Всего один ответ...

— И дальше? — спросил Орсо вдруг пересохшим языком. — Будете обещать свободу?

— Увы, малыш, — Бьянко с очень натуральным сожалением покачал головой, — свободы я обещать не могу. Но ты бы умер быстро и безболезненно. Мы не можем позволить тебе творить с этим миром всё, что взбредёт в голову. Но для тебя ведь смерть — не конец, не так ли? Ты вернёшься снова и продолжишь свои пакости, как обычно. Мы согласны и на это! — Бьянко протянул к нему руки, будто собираясь обнять. — Только не здесь и не сейчас, договорились? Ну, так как же?

На миг Орсо невыносимо захотелось кивнуть — просто кивнуть, и тогда... да, тогда он отправится куда-то, куда должны попадать все люди после смерти, и там посмотрит в глаза Творцу. Он простит, конечно. Он простит любую вину, если ты полон раскаяния... Но ведь цель не в этом?

Зачем же он согласился на этот путь, если сейчас готов от него отказаться? Испугался? Раньше надо было бояться! Вспомнилось, как молча, неестественно тихо съехал по стене

мёртвый Будай. Он верил безоглядно. И Ада верит. И Илли...

От последней мысли сердце скрутило такой болью, что он не сумел подавить стон. Бьянко понял это по-своему:

— Что, дружок, оценил перспективу? Поговорим?

Видение Илли мелькнуло и ушло. А кровавое пятно на стене — там, где шпага пробила Будая насквозь, — стояло перед глазами ярко и отчётливо.

— Если хотите узнать волю Творца, — просипел Орсо, — сходите в церковь. Проповедь послушайте. Там всё расскажут понятными словами...

— Ясно, — Бьянко с видимым огорчением на лице обернулся к человеку, копавшемуся в углу. — Можно начинать?

Тот подошёл, жёстко взял Орсо за подбородок, заглянул ему в глаза, положил пальцы на шею у ключицы:

— Можно.

«Он что, врач?» — с отвращением подумал Орсо, но больше ни о чём подумать не успел — его схватили за шиворот, сорвали с табурета и макнули головой в бадью.

Паника поднялась волной; исчезли гордость, упрямство, сознание долга — всё смяло накатившим ужасом близкой мучительной смерти. Кровь стучала в ушах, как паровой молот, судорожно раскрытые глаза разъедало водой, и единственное, на что хватало воли, — запрещать себе делать вдох, изо всех сил сжать зубы... Но в нос вода всё же попала, где-то в желудке родилась вдруг резкая острая боль, и тело скрутило судорогой.

Когда его вынули из бадьи, он ещё некоторое время не мог понять, где верх, где низ, — сидел на полу, дрожал и со всхлипами втягивал в себя воздух. Обрато он выходил с кашлем, глаза слезились. В намокшей рубашке сразу стало холодно, хотя лицо ощутимо горело.

В круге света, где глаза хоть что-то различали, появился «брат Бьянко»:

— Не передумал? Одно слово — и разойдёмся, как культурные люди...

— Не верю я вам, — прошептал Орсо, — вам всем. И Он не верит.

Бьянко ухмыльнулся:

— Продолжим?

На этот раз всё случилось так быстро, что Орсо не успел задержать дыхание и произвольно вдохнул воду. Его тут же рванули назад, охранник положил его животом себе на колени, резко надавил на спину раз, другой. Орсо затошнило, из горла полилась вода, а следом вывернуло желудок. Тяжело и нудно заболела голова, заныли рёбра. Человек в тёмном подошёл снова, положил холодные пальцы ему на шею:

— Всё в порядке, сердце здоровое.

— Чудесно, — раздался откуда-то издалека бархатный голос Бьянко. — Вернёмся к нашему разговору...

Остаток фразы Орсо уже не услышал — его голова вновь оказалась под водой.

Ада, прости. Я сказал, что буду тебе помогать, и я буду, но если я не успею — не сердись, пожалуйста... мама, не сердись, я старался... Скажи Илли... ах, нет, ты её не знаешь... нет, нет, нельзя, нельзя её называть! Только не Илли! Будай уже умер из-за меня, но только не она, пожалуйста, защити её, Творец, только не она...

Этот Бьянко — удивительный глупец. Ну как я могу знать, чего хочет Он? Чего хотят люди нашего мира, я хоть как-то знаю, но Его воля... Глупости, какая разница? Важно, что Ада далеко и он её не достанет.

Воздух. Холод. Мерзкие пальцы на горле. Вода. Воздух. Холод. Будая им уже не достать. Он свободен, он ушёл к Творцу и, конечно, расскажет ему, как тут всё получилось... И Он меня простит. Наверное...

Воздух. Холод. Бьют по щекам, лицо горит, тянет страшная боль под рёбрами. Там, куда попал тогда «брат Родджио». Один не добил — второй уж точно справится. Орсо услышал собственный стон.

— Вы меня слышите? Отвечайте! — опять бьют по щекам и воняет чем-то невыразимо мерзким. Он открыл глаза, попытался всмотреться — всё расплывалось, но в круге света можно было различить лицо врача:

— Скажите что-нибудь.

— Помоги тебе Творец, — сказал Орсо.

Врач растеряно обернулся в «брату Бьянко»:

— Он что, фанатик?

— Нет, — мягко пропел убийца. — Он хуже...

Теперь Орсо видел его самого — ласковая улыбка, выражение искреннего сочувствия на лице:

— Не передумал, малыш? Ведь это так просто...

— Ваши... слова... не мои... — Орсо сам не понял, что имел в виду, но в голове уже мутилось, трудно в таких обстоятельствах полностью отвечать за то, что несёшь...

Его снова потащили к бадье, и гибель сомкнулась над головой. Шум в ушах, жжение в груди, боль по всему телу, только не вдыхать снова, только не это, нельзя, это смерть. Нельзя. Ада. Зандар. Я не буду, честно. Я не могу. Вы знаете, я...

Должно быть, с ним случился короткий обморок, потому что он не помнил, как оказался лежащим на той самой широкой скамье.

Дышать было мучительно — при каждом вдохе по рёбра била резкая боль, а вдоха не хватало, чтобы перестало мутиться в голове. По вискам в уши текло что-то холодное, противно сползали медленные капельки. Озабоченный голос врача выплыл откуда-то сбоку:

— Перестарались! Больше нельзя, иначе... — прозвучало какое-то незнакомое слово.

— А вы куда смотрели?! — мрачный Бьянко возник над Орсо размытой тенью. — Что теперь делать?

— Есть одно средство, — кисло протянул врач, — но как будем отчитываться? У меня всего две... — вновь незнакомое слово. Так врач тоже пришелец! Неужели из этих... вроде Пирелли, которые избивали семьи активистов?

— Давайте, — голос Бьянко впервые прозвучал нервно и тревожно. — Мне надо, чтобы он жил!

— Что ж, — врач подвинул к скамье низенький стульчик, уселся, не отрывая взгляда от лица Орсо. Левую руку выше локтя что-то больно передавило, а в локтевой сгиб вдруг вонзилась другая боль, мгновенная и острая. Он невольно рванулся, пытаясь освободить руку, но движение получилось очень слабым.

Звуки Орсо слышал, но словно бы через подушку. Ему было холодно; по лицу снова стекали какие-то капельки — это уже не вода, но намного противнее. Дышать было по-прежнему трудно, но уже не так сильно и хотелось — он будто замерзал в снегу, постепенно теряя все ощущения. В книгах писали, что на морозе сперва очень больно, а потом будто засыпаешь.

Голоса уходили всё дальше, оставался только холод, но он уже не страшен...

— Вы что сделали? Он же кончается, губы синие! — тихо орал где-то у горизонта Бьянко.

— Ничего, сейчас... — бормотал врач.

Орсо собрал оставшиеся силы и постарался встретиться взглядом с «братом Бьянко»:

— Как ваше... настоящее имя?

— Хольгер, — убийца совершенно не ожидал вопроса.

— Не хотите... примириться с ним... Хольгер? — прошептал Орсо и потерял сознание.

Сон кончился неожиданно: с него сорвали тёплое одеяло, рывком поставили на ноги. Руки у Орсо были по-прежнему скованы наручниками, но мурашки в пальцах больше не кололись — кровообращение восстановилось. Ноги подкашивались, и те же двое охранников почти волоком потащили его куда-то в незнакомую дверь. Из окошка под потолком сочился серенький свет — оказывается, уже утро. Без одеяла вновь стало мучительно холодно, кружилась голова, подступала тошнота, но если его сейчас выведут на воздух, станет легче, сразу же станет намного легче! Воздух, воздух, как всегда...

В свете пасмурного дня двор усадьбы, куда его вчера привезли, оказался совсем маленьким: живая изгородь из самшита, кованая решётка калиточки, пасторальный пейзаж вокруг... «Брат Бьянко» стоял посреди двора, засунув ладони за ремень:

— Сюда его, к стене. Глаза завяжите!

Орсо подтащили к белой каменной стене, накинули на лицо грязный платок, затянули узел на затылке. С завязанными глазами держать равновесие стало невозможно — он пошатнулся, его прислонили к холодному камню, влажному от росы. Голос Бьянко раздался сзади:

— Встань ровно, ты, отродье! И передай Ему, что мы придём за ним! Однажды мы придём.

Орсо всё не мог уверенно отделить сна от яви, и только холодный воздух утра немного вернул его к реальности. Всё сбылось, как он предполагал: он не успел. Ничего толком не сделал, лишь по мелочи: там подтолкнуть, здесь поддержать... И Альберико. Нельзя подозревать всех. А надо было. Быть может, он тоже из здешнего «преинтереснейшего общества»? А может быть, этот «брат» его обработал прямо в Джеризу. Он обаятелен, когда хочет, а в Альберико заговорила гордость аристократа... Как в Манфредо... Но их-то за что?!

Что ж, предаваться сожалениям несколько поздно. Остаётся надеяться, что Марко сделает всё, что собирался, и тогда этим вот — «братьям», всякому политическому отребью родного мира — не достанется ни Андзола, ни вся земля. Так просто её уже не взять. Прости, Ада, он старался, честно.

Лязгнуло — звук взводимых затворов трёх или четырёх ружей. Внутри снова рванулась паника — всё, теперь точно всё?! А потом вспомнилась мерцающее в мягком свете звёздное дерево в маленьком храме в столице — то самое, где он оставил отцовскую звезду. Пусть бы Миннона или Джулия тоже повесили его звёздочку, это ведь нетрудно, правда?

— Эй, ты! — хрипло сказал Бьянко. А голос у него за ночь перестал быть чарующим... — Зачем Он всё-таки послал тебя? Ну что ты теряешь, ты ведь всё равно не выполнил Его приказ! Чего теперь стоят твои поручения?

— Скоро узнаешь, Хольгер, — сказал Орсо. Слитный звук скидываемых ружей, свист клинка, которым кто-то (Бьянко?) подал сигнал. Четыре сухих щелчка.

Зандар. Будаи. Илли. Ада.

Часть 39, где говорят на родном языке и нарушают устав

*Ты сокрушен, о сокрушитель!
Ты, победитель, побежден!
Бессчетных жизней повелитель
Молить о жизни принужден!
Как пережить позор всесветный?
Ты веришь ли надежде тщетной
Иль только смертью утрашен?
Но — пасть царем иль снести паденье.
Твой выбор смел до отвращения!*

Выбираться из плена повторяющихся строк так тяжело, а сил так мало... Холод, всюду холод, он гнался за ним от Ринзоры до самой Саттины, он едва не убил его по дороге в Сомбра-Сомбрета, и вот он здесь, чтобы добить. Он выползает из скованной первым ледком Поэны, струится из бадьи с водой, растекается туманом над деревенским двориком, лезет в горло и хватается за сердце, а тёплая печь осталась там, далеко, в доме на Звериной...

Но кто-то всё же отогнал его, смирил ледяной ужас, и он уполз куда-то под рёбра. На смену ему пришли боль и огонь. В холоде можно было раствориться, вмёрзнуть понемногу в вечный космический лёд, а боль и огонь вынести нельзя — остаётся считать секунды бесконечной муки в звёздном огне.

Жгучая тупая боль разливалась по телу от колен до самых нижних рёбер, острая, как спица, сверлила висок, пульсировала в правом плече. Он не мог понять, закрыты его глаза или нет, видит ли он что-нибудь или просто кругом темнота. Океан боли качался и шумел в ушах, и из тёмных волн выныривал иногда огромный, как скала, пришелец-врач с блестящими зловещими шукувинами в руках. Язык сгорел и присох к зубам, всё тело было неподъёмно тяжёлым, и только жидкий огонь мог удержать его на бурлящей поверхности звезды.

А потом лёгкие прохладные пальчики Илли снова коснулись его лба, как тогда, в той жизни, которая так быстро окончилась, и ласковая прохлада её руки прогоняла боль и огонь, и можно было дышать. Немного жаль, конечно, что та жизнь прошла, что он навсегда ушёл оттуда, из мира, где жили друзья, но Илли там, и перед ней ещё много времени, тёплого и, может быть, всё-таки мирного.

Ему хотелось позвать её по имени, дотянуться рукой, но это невозможно — он уже слишком далеко... Только память о прохладных пальцах и запах розы можно забрать с собой, туда, в тёмное пламя. Вот уже и совсем не жжётся.

Он пришёл в себя, пытаясь назвать её имя. Хотелось позвать, вернуть, но язык не слушался, горло ссохлось и больше не могло издать ни звука. Перед глазами бродили тени, на краю поля зрения, кажется, танцевал яркий огонёк. А может, солнечный зайчик. Отзвуки боли ещё шатались где-то, невнятно обещая вернуться, но ещё не сейчас, потом, позже. А здесь, рядом, звучали голоса, но различить их и понять, что они говорят, никак не удавалось. Всё равно что пытаться разобрать слова в щебете птиц.

Сильная горячая рука приподняла ему голову, к губам прикоснулся край кружки,

запахло водой. Но пить он не смог — губы не слушались, язык распух и не двигался. Тогда вода начала литься между зубов буквально по капле — так получалось лучше. Прохладная вода освежала лицо и шею, смягчала разорванные губы, она была уже не страшная, не пахла холодом и ужасом, так вполне можно было жить...

Зрение тоже вернулось после очередного пробуждения; был ясный вечер, в занавешенное простынёй окно били рыжие тёплые потоки света. Что-то большое зашевелилось рядом — к нему наклонился Марко:

— Ну, как вы, командир? Узнаёте меня?

Орсо хотел кивнуть — сил не хватило, а сказать тоже ничего не вышло — язык не слушался. Впрочем, остального тела он тоже не ощущал, но это почему-то не тревожило.

Родилось множество вопросов, но заговорить не удавалось — будто он попросту забыл, как это делается. Он не отрывал от Марко взгляда, надеясь, что тот поймёт, что его волнует.

— Мы их нашли. Не успели далеко уйти, мерзавцы... Модесто их вычислил. Золотой человек, право! Но... мы думали, что опоздали, а Стелла сказала: «Рано хороните, дайте мне!» Пришлось поверить, и вот... как видите...

Орсо слушал его и заново привыкал к той жизни, которую считал уже невозвратимой. Модесто, Марко, Стелла. Они настоящие, они здесь, живые, это не сон. Не сон ведь? Он ведь не проснётся снова в сыром подвале под руками проклятого пришельца?!

Паника снова перехватила горло, накатило удушье, хотелось закричать изо всех сил, но сил этих не было... Взметнулась чёрная тень, грохнула дверь, мир покачнулся и едва не перевернулся... да нет, точно перевернулся бы, если бы не твёрдые руки Стеллы. Черенком ложки она разжала ему зубы, капнула на язык что-то невыносимо горько-травянистое, он закашлялся было, но тут его накрыла тёплая шинель Родольфо и можно было спать...

Страх проснуться и понять, что всё происходящее — сон, ещё преследовал Орсо, он боялся спать ночами и четыре дня не мог говорить. От приступов ужаса помогала только опийная настойка. Хотелось покрепче зацепиться за эту реальность, раз уж она не сон, вспомнить всё, что ему положено помнить, вернуться назад, в свой мир, который ещё вовсе не потерян. У него перебивали все знакомые — старшие офицеры, товарищи по лагерю, непременный Полидоро... Выяснить обстановку понемногу удалось.

Они стояли в Джеризу, Освободительная армия ещё приросла и включала теперь почти восемьдесят тысяч бойцов, не считая вспомогательных сил. Армия била копытом и ждала генерального наступления — на столицу. В последний бой.

То, что командующий пропал, заметили среди ночи, когда прискакал срочный гонец из Заньи. Тогда-то всё и обнаружилось: и два трупа, и исчезновение Орсо и Альберико, и то, что караульные без всяких подозрений проводили курьерскую карету... К счастью, Модесто уже вернулся из города, он сам взялся найти следы и нашёл-таки — дождь, конечно, уничтожил немалую их часть, но не всё. К рассвету два эскадрона очень злых добровольцев уже ворвались в деревеньку, покинутую жителями месяц назад по случаю айсизского наступления; гражданские ещё не успели туда вернуться, и никому не было ведомо, что там творится...

Дальше дело решали минуты. Всё могло сложиться совершенно иначе, не будь у Модесто хорошего коня, у Стеллы толкового заместителя, а у Марко умения воспользоваться странным пистолетом командующего... Впрочем, «брата Бьянко» командир батальона убил попросту, голыми руками. Кто это видел — не особенно хотел это вспоминать! Альберико был доставлен обратно в Джеризу и тем же утром повешен по приговору трибунала, где

председательствовал Родольфо. Родственники попытались было протестовать — мы, мол, всё же на андзольской земле, здесь законы! — но военные юристы им отсоветовали. Обстановка теперь не та.

Словом, жизнь показывала, что командующему пора бы окончательно возвращаться в мир живых и приниматься за неоконченные дела. Грядёт последняя битва, Рамон это уже понял и готовится, а тут в Освободительной армии едва не случилась смена власти...

По иронии судьбы все три пулевых ранения Орсо оказались не только не смертельными, но и не особенно опасными, а четвёртый стрелок по неведомой причине просто не попал с пятнадцати шагов. Через неделю Стелла разрешила пациенту вставать, хотя ещё до этого на временной квартире, где его поселили, с утра до ночи шли штабные совещания. Армия маршала Рамона представляла собой серьёзное препятствие, и уговорить её сдать не удавалось. Усилиями разведки установили, что сам маршал был в числе активных участников заговора, и теперь разгром Освободительной армии был для него необходимым условием собственного спасения. Впрочем, и давать генеральное сражение в чистом поле он был вовсе не обязан — куда как интереснее было успеть всё же взять столицу. Защищали её изо всех сил — маршал уже попробовал ворваться туда с налёту силами двух корпусов и получил отпор; теперь самое время двинуться туда всей армией, а это ни много ни мало сто сорок тысяч. Ослабленные силы гарнизона с одной стороны и банда вчерашних крестьян с другой — не помеха хорошо обученным войскам, не правда ли?

Армия готовилась, штаб спорил, Орсо думал. Взять Рамона за горло, надеясь только на тактические схемы, нечего и мечтать: он опытнее, у него артиллерия и знающие инженеры... Вынудить его к сдаче нечем — это гад высокого полёта, заговорщик с самого начала, к тому же где-то у него ещё одна «железная малышка» — если её использовать с умом, она по-прежнему эффективна. Мятеж в армии сейчас не получится — учитывая предыдущий опыт, Рамон наверняка уже повесил всех неблагонадёжных. Столкнуться с ним в лоб значило попусту положить множество людей с неизвестным исходом.

Зайдём с другой стороны: если он возьмёт столицу, то что будет там делать? Ведь если предыдущие схемы Орсо верны, победа Айсизи над Андзолой, равно как и победа Андзоль над Айсизи, заговорщикам не нужна! Им нужно расколоть обе страны и вызвать обвал экономики. Значит, у Рамона есть в руках что-то для достижения этой цели. Он в верхушке заговора, он получает прямую выгоду от его успеха... что же это может быть? Орсо вызвал Полидоро и велел принести самые свежие столичные газеты, какие только удастся найти.

За время войны газеты сильно отощали и потеряли в качестве бумаги — жёлто-серые листочки с весьма невнятным содержанием, только страницы частных объявлений по-прежнему на месте. Ничего удивительного — это ведь основная статья дохода... Ну а что у нас кроме объявлений? Министр флота заявил... генеральное казначейство сообщает... Его Высочество посетил... Иностранные послы выразили поддержку... молодцы какие... Ринзорский торговый флот... Его Высочество прибыл... Любопытно, что его до сих пор не именуют Величеством, хотя в военное время это бы, пожалуй, не сочли излишне поспешным... Так, сбор пожертвований... лагерь для военнопленных — ух ты, а у нас есть военнопленные! Надо же, а война-то идёт почти на равных. Министр финансов опять что-то там заявил... Его Высочество планирует посетить гарнизоны... с восторгом встречен в войсках... Какого же беса он не воспользовался этим восторгом?! Почему всю работу за него должны делать восемнадцатилетний школяр и его приятели-крестьяне?

Начиная с середины лета в газетах перестали появляться заявления разных

высокопоставленных лиц и давались только сводки с театра военных действий: противник там-то, потеряно то-то, захвачено то-то... И Его Высочество исчез с газетных страниц. Убрался к себе в резиденцию и там напивался, что ли?. Или... вестовой, срочно Модесто в штаб!

Задачу разведчик понял, но успех видел крайне сомнительным, о чём честно и предупредил. Орсо согласился: успех не гарантирован, но, если всё получится, решающее сражение будет иметь смысл.

— Позволю себе спросить, — уточнил Модесто, — если первая часть задачи будет выполнена, кто займётся второй? Нужно, чтобы всё было убедительно...

— Я займусь, — сказал Орсо.

— Командир, это самоубийство! — разведчик помрачнел. — Простите, что лезу не в своё дело, но вы только что...

— Вот именно, — командующий нахально усмехнулся, — и слухи о том, что я только вылез из могилы, наверняка уже достигли гражданина маршала. Меня в этой сцене не ждут.

— Но... вы же не будете один?

— Конечно, буду! Иначе всё от начала до конца вызовет подозрения! Да и потом, он ведь спесив сверх всякой меры. Если этого не учесть, разговор не состоится! А я попробую применить уловку, которую использовал «брат Бьянко», — идея-то неплоха, даже я купился...

Модесто покачал головой, всем своим мрачным видом показывая, что ему затея продолжает казаться безумным риском; но спорить с командующим, вернувшимся с того света, не стал — видно, что напугать его уже нечем...

Дело было и вправду не из простых. Да что там — пожалуй, из всех задумок Орсо, какие ему до сих пор приходили в голову, эта была самой опасной! И для него лично, и по последствиям для всех причастных. Но коль скоро Творец попустил ему вернуться из мёртвых и удача ему по-прежнему сопутствует, можно и рискнуть, а если не повезёт — ну, всё станет как было, только без него, что и так могло произойти уже не раз.

Всё-таки, когда он в лагере под Вастале думал, кто же попытается его убить: свои, враги или пришельцы, — он не предположил, что все три стороны объединят усилия... Альберико ведь можно было считать своим! Мелкая погань, драный аристократ, прогадил собственный замок, потом чужими руками вернул его, а напоследок решил избавиться от благодетеля, который его, паршивца, пожалел и не дал Родольфо его сразу повесить. Нет, Ада права: верить людям надо, но прав и полковниц Тоцци: верить надо людям, а не всякому сброду...

Для удачной операции требовалось много деталей: новые пароли для караулов в лагере Рамона, подходящее время, точное знание, куда идти... Ночь на этот раз была ясная, никакая гроза не помогала опытному авантюристу. В айсизском пехотном мундире, взятом у пленного, в плаще и смешном форменном берете с козырьком Орсо шагал к лагерю, левой рукой придерживая шпагу, а правой волоча за локоть шатающегося айсизца, тоже из пленных. Подбирал он его по росту и фигуре: выше него самого на пол-ладони, немного шире в плечах, с намечающимся животиком, с невыразительной полоской усов... Вроде похож, в темноте сойдёт!

Лауданум пришлось украсть у Стеллы — объяснять ей, зачем и для чего, он не решился. Да и чем меньше народу знает, что он творит, тем на сей раз лучше... Несколько опоенный айсизец шагал следом покорно, но немного неровно, шатаясь и всё время наступая в лужи.

Орсо вполголоса ворчал на него по-айсизски, стараясь держать направление на деревянные воротца, где в свете костра мерно шагали туда-сюда часовые.

— Джеризу и Республика!

— Смерть изменникам, — часовой взял на караул, отодвинул скрипучую калитку, кивнул на качающегося спутника Орсо:

— Нажрался, паскуда?

— Ну ты, полегче, — беззлобно заворчал Орсо, помогая айсизцу не упасть в полную воды грязную колею. — Сержант Республики всё же.

— Совести у него нет, — сплюнул второй караульный. — Сам насосался, как клоп, а товарищам ни беса...

Орсо воровато оглянулся, на миг остановил бессовестного товарища, пошарил во внутреннем кармане его форменной куртки и сунул караульному плоскую фляжку:

— Только чтоб никому, а то вечно сделаешь доброе дело, а потом сам же и виноват...

— Ни-ни, мы никому! — разулыбался часовой.

Ночная жизнь военного лагеря шла своим чередом: маршал был уверен, что вражеская столица уже у него в руках, и вселил эту уверенность в своих подчинённых. У них, правда, уверенность переплавилась в некоторую беззаботность. Часовые там и сям дремали, не ожидая никаких неприятностей; ружья у палаток были составлены в козлы кое-как, а то и вовсе валялись на земле. С лафетов четырёх орудий были сняты колёса, хвосты их увязли в сырой земле, и привести пушки в боевую готовность в разумный срок, случись нападение, не смог бы никакой самый расторопный расчёт. Расчёты, впрочем, тоже радовались жизни как умели: какая-то компания, отгородившись лафетами от офицерских палаток, резалась в «семёрочку». Кости с глухим стукотком прыгали по крышке зарядного ящика. Орсо и его шатающегося спутника brave артиллеристы приняли за унтер-офицеров и неумело попытались скрыть своё противное уставу занятие, но Орсо сделал вид, что не заметил их развлечений. Ему и в самом деле было не до чужих уставов: палатка, куда они шли, была уже видна.

Здесь начинался самый трудный этап операции: проникнуть в хорошо охраняемый шатёр буквально на виду у двух десятков часовых — дело почти безнадежное, а нужно ведь ещё затащить с собой полусонного пленника... Ну... помоги Творец, другой возможности всё равно нет!

Орсо ровным шагом подошёл к часовому, стоящему у самого входа, отдал салют:

— Капрал Моралес, сто пятый стрелковый полк. Доставил этого, — он тряхнул за плечо едва стоящего на ногах спутника, — по приказу полковника Мороньо.

— Куда? — вылупился на него часовой.

— Сюда, — Орсо кивнул на желанную палатку.

— Что за бес?.. Я ничего не знаю! Надо спросить командира охранной роты, нам не велено... — растерялся бедолага-караульный.

— Ну вот, — расстроился Орсо, — а мне что делать? Так тут и торчать, что ли? Где-то у них путаница вышла, а мы с тобой, выходит, крайние?

— А чего он такой... квёлый у тебя? — в часовом вдруг проснулись подозрения, он принялся.

— Да чего-чего... Не знаешь, что ли, чего бывает? Выпивши он, — страшным шёпотом объяснил Орсо. — А доставить велено немедленно, вот и не знаю, прилично или нет...

— Если приказ — твоё дело маленькое, доставил — молодец, а в каком виде — не твоя

забота, — решил оказать моральную поддержку айсизец. — Слушай-ка, как тебя там...

— Моралес.

— Ага, Моралес, ты постой с ним тут, я мигом, одна нога здесь, другая там, найду ротного, а то взгреет нас обоих, да и этому, — он кивнул на молчаливого спутника Орсо, — тоже перепадёт.

Орсо скривился:

— Ну... ладно, бес с ним, давай, только недолго! Мне обратно надо, Мороньо зверь, башку мне оторвёт!

— Да я мигом! — и часовой, нимало не задумываясь, совершил акт измены присяге, а именно оставил пост с оружием в руках.

Бегать он будет и в самом деле недолго, это было ясно. Орсо огляделся: в бледных отсветах костров по земле и по стенам палатки качались тени, прямо сейчас на них никто не смотрел — пожалуй, две-три минуты в запасе есть... Разговор, таким образом, придётся вести в другом месте! Ну да ладно, главное, было бы с кем разговаривать...

Орсо втолкнул айсизца в палатку и шагнул следом. Неяркий ночник скупо освещал её просторную внутренность: три походных койки, письменный стол, комод, стоячая вешалка для плащей... С одной из коек вскинулся пожилой полный мужичок в исподнем, Орсо прыжком подлетел к койке, зажал мужичку рот одеялом:

— Ти-хо! Без воплей, а не то... — перед глазами нового пленного блеснул широкий нож, оставшийся в наследство от Будая.

На другой койке зашевелились, раздался невнятный спросонья голос:

— Позвольте, что вам нужно? Ночь ведь...

Орсо, не выпуская пожилого, обернулся: да, ошибки быть не может — это он. Помятый, опухший, будто после долгого запоя, волосы всклокочены, усы торчат в разные стороны, но физиономия знакомая, не промахнёшься.

— Ваше Высочество, прошу вас быстро одеться, возьмите плащ и берет у этого вот, что стоит... лежит у порога.

Надо отдать принцу должное: собираться он начал без промедления.

— Кто вы такой?

— Патриот, — бросил Орсо по-андзольски. — Быстрее, во имя Творца, сейчас вернётся охрана!

Принц кое-как собрался, отобрал у айсизца плащ. Орсо кивнул на пожилого:

— Помогите связать его, шум нам не нужен.

Джакомо подержал мужичка, пока Орсо вязал ему руки ремнём.

— Вы готовы, Ваше Высочество? Держитесь за меня и шатайтесь, точно вы пьяны. Сможете?

— Думаю... думаю, да...

Таща принца за локоть, Орсо вывел его из палатки. Часовой ещё не вернулся, но с минуты на минуту может подняться тревога.

Тем же уверенным шагом, беспощадно волоча за собой Джакомо, он отправился к другому выходу из лагеря. Возвращаться придётся по большой дуге, но так меньше риск, что его узнают.

Уже прошла полночь, караулы сменились, пароли тоже, и вскоре парочка айсизцев в просторных плащах пропала из глаз караульных. За поворотом дороги, в тени прозрачной буковой рощи, их ждал тесный грязный экипаж: Урбано Пизони на козлах, Модесто и

Полидоро — внутри.

Когда с принцем снова заговорили на андзольском, он несколько успокоился:

— Господа, я благодарен вам, что вытащили меня из лап этого сумасшедшего врага, но... что вы хотите делать дальше? Ведь в столицу не пробраться!

— В столицу вам пока нельзя, Ваше Высочество, — объяснил Орсо. — Там враги.

И ведь ни слова неправды!

— Тогда куда же мы едем?

— К друзьям. К андзольским патриотам.

И вновь всё правда. Разве Освободительная армия не верна Андзоле и её народу?

Часть 40, где лестница и история закручиваются спиралью (начало)

Ядро ударилось в землю шагах в двадцати, фонтан жёлтой земли поднялся к грязному дымному небу, и мгновение спустя мокрые жирные комья посыпались сверху на головы Орсо и тех, кто ещё держался рядом. В десятый, наверное, раз за этот день он порадовался, что не взял в бой Пороха. Он прекрасен, но не обстрелян, а давешняя кобыла, выдавшая всё на свете ещё под Полленой, стояла под огнём неподвижно, как памятник. Родольфо поднял подзорную трубу, попытался оглядеть дымный горизонт, но ничего не увидел:

— Убираться отсюда надо, вот что. Всё равно нас в дыму не увидят.

— Нас не увидят, а флаг увидят, — упрямо возразила Миннона. Яркий на фоне туч флажок в самом деле был поднят немного выше стелющихся по земле кубов дыма.

— Дадим ещё минут десять, если не появятся — уходим, — распорядился Орсо и отобрал у Родольфо трубу. Но смотрел он не вперёд, на временные укрепления, где скрывались всё ещё опасные батареи Рамона, а вправо, на юг. Там дорога, затейливо убегавшая в низкие холмы, ещё не была затянута дымом, и если в ближайшие минуты на ней всё же появятся заплутавшие колонны генерала Буколо, есть ещё шанс отодвинуть Рамона с дороги и соединиться с гарнизоном столицы. Обидно, бес его возьми, проиграть последнее сражение, когда всё уже почти наладилось!

Нет, Буколо где-то застрял. Даже если появится в ближайшее время, момент для вмешательства, считай, уже упущен. Винить его, в общем-то, не в чем — внезапные дожди испортили много планов. Но так не хочется зря положить кавалерию Освободительной армии! Они будут налетать на укрепившиеся каре айсизцев, пока им не дадут приказа прекратить атаки, а они нужны, чтобы к пушкам без помех подошли гренадеры. А гренадерам нужна подпорка из стрелков, а где те стрелки, один Творец знает...

Пополнению штаба грамотными офицерами Орсо поначалу радовался: наконец-то есть люди, которые знают, как правильно воевать, не нужны больше его любительские малограмотные схемы! В действительности всё оказалось вовсе не так радужно... Опытные офицеры, конечно, знали, как положено воевать, но свои предложения на штабных совещаниях каждый раз начинали с «мы должны». Орсо это настораживало: кому мы что должны? Здесь не театр, никто не ждёт соблюдения правил! А хуже всего то, что и айсизские генералы учены этим же тактическим приёмам: они тоже «должны», потому что так принято.

Орсо не считал себя грамотным полководцем. Пока под его командованием были несколько сотен бойцов, он мог опираться на свежеизобретённые партизанские хитрости. Когда масштаб войны вырос и театром военных действий стала вся страна, оставалось надеяться на знатоков, а знатоки столкнулись с совершенно равным противником. Пока Освободительную армию считали толпой сброда и не принимали всерьёз, было намного легче... После боёв за Вастале, Ачилле и Занью притворяться толпой крестьян уже не выходило; айсизцы поняли, что спустя рукава с Освободительной армией не справишься, и стали серьёзны как никогда раньше. Если бы Касерес не ушёл после невообразимо странных переговоров об убийцах... Выиграть у него шансов не было почти никаких, а Рамон ещё опаснее, потому что угроза существует для него лично. Если он не ворвётся в столицу Андзолы, ему будут одинаково опасны и враги, и свои! Поэтому отдавать ему город ни в

коем случае нельзя, а отбить его без полков Буколо не выйдет.

Так и выходило, что принимать стратегические решения снова вынужден Орсо, сопляк из предместий, а генералы даже выполнить эти решения способны не всегда!

Снова свит ядра, снова брызги размокшей земли. Атаки кавалерии вот-вот прекратятся сами из-за погоды: дождь и не думает стихать, земля плывёт, кони вязнут... Мало Орсо видел в своей жизни зрелищ страшнее, чем увязшая в грязи кавалерия, которую добивает вражеская пехота! Надо что-то решать... Нелло погубит весь корпус, он ведь неостановим, будет нападать, пока сам способен усидеть в седле! К бесам этого Буколо, надо срочно ломать ход сражения!

Орсо дёрнул за рукав сигнальщика; совсем юный мальчишка, оцепенев от ужаса, следил за кривым полётом ядра.

— Прекратить атаки, всем отступить! — Парень ошалело оглянулся: похоже, команды до него попросту не доходили.

— Давай же, не зевай, ну что ты как улитка под соусом...

Родольфо подъехал с другой стороны, рывкнул сигнальщику в ухо:

— Смирррно!

Труба очнулась наконец, по низким холмам запрыгали повторяемые другими трубачами короткие сигнальные фразы.

Начальник штаба наклонился к Орсо и удивлённым шёпотом спросил:

— Ты что задумал? Есть какой-то план?

— Есть, — Орсо невесело усмехнулся. — Раз предыдущий план никто не способен выполнить, предложим новый, попроще. Где носит наши подкрепления, выяснять поздно, а при таких тучах скоро начнёт темнеть... Полидоро, курьеров!

Перемазанные жёлтой грязью курьеры подлетали и уносились обратно, в дым и слякоть. Орсо был уже по самый берет заляпан грязными брызгами, кобыла из соловой стала пегой...

Войска под красными флажками задвигались, потекли по холмам. Айсизские батареи смолкли; противника в пределах досягаемости нет, образовалась передышка.

Слетевшимся на холм встревоженным генералам Орсо объяснял новые задачи:

— Артиллерию нашу во что бы то ни стало надо двигать вперёд. Хоть на шаг, хоть на полшага, но вперёд, иначе отстанут, зазор получится...

— Ну, по такой земле они недалеко пройдут, — подкрутил ус кавалерист Трубиано.

— Да наплевать. Пусть эти видят, что мы выдвигаем орудия. Стрелять мы сейчас один бес не можем... Вам, Трубиано, и вам, Нелло, следует, соединив силы, отрезать их каре друг от друга: стоят — и пусть стоят. Под пушки только не лезьте. Флориан, Палетто, ваша задача — перекрыть Ринзорский тракт и дорогу на юг.

— С юга же должен подойти Буколо, — вспомнил кто-то.

— Подойдёт — молодец, пригодится.

— Но постойте, господин командующий, — пехотный генерал Палетто, плотный, тучный, хмурил кустистые брови. — Разве мы не предполагали, что по южной дороге Рамон должен будет отступить, когда поймёт, что город ему не взять?

Опять «должен»! Ничего он нам не должен, когда же вы поймёте...

— Это было утром, — жёстко напомнил Орсо. — С тех пор кое-что изменилось, как видите. Вы сможете ориентироваться без карты? Тогда посмотрите вон туда, — он обернулся и показал себе за правое плечо, туда, где за земляными валами притаились айсизские батареи. Плечо заныло от резкого движения. Прав бы доктор Сарто, рано ему в

седло да под дождь, а что делать?

— Сейчас Рамон стоит так, чтобы держать оборону от нас. Вся его артиллерия повёрнута к нам и отработала неплохо. Да, да, Жилар, у них отличные канониры, потому вы их и не взяли с налёту.

Орсо огляделся ещё раз: нет, помощь не подошла...

— Пока что Рамон считал нас более крупной угрозой, чем городской гарнизон. Там ему всё известно: кто, где, сколько и на что способны. Если бы мы отступили, он сразу же развернулся бы на столицу и, скорее всего, к утру — самое позднее — вошёл бы в неё, как нож в масло. При этом, если бы что-то пошло не так, у него оставалась бы дорога на юг, куда можно удрать. Дорогу мы перекрываем. Пехоту сейчас нам кавалеристы отрежут от пушек. Пушки стоят в грязи. Что надо сделать Рамону, чтобы теперь повернуть на столицу?

— Обойти нас, — предположил бесцеремонный Нелло, искренне не понимающий, что такое риторический вопрос. На него Орсо не сердился — бес с ними, с манерами!

— Я тоже так думаю. А обойти нас, когда мы не единая линия, а расположены вперемешку с его частями, — это уже сложная геометрия, да и погода против него. Чтобы развернуть орудия, например, ему потребуется участок Ринзорского тракта — он не размок, на нём можно маневрировать тяжёлыми подводами.

— И этот участок мы сейчас прекроем... — дошло до Палетто.

— Верно. Он будет прижат к столице. Если хочет войти в неё — добро пожаловать, но пушки опоздают, а кавалерия утонет. Если хочет отступить — доброго пути, но тракты перекрыты. — Орсо помолчал, убеждаясь, что никто его не поправит. Ну что ж, вам же хуже. — Я бы на месте Рамона уже заряжал два пистолета.

Почему два? — удивился непосредственный Нелло.

А вдруг от волнения из одного промажет, — без улыбки объяснил Орсо и чихнул. От этого сразу заныли все свежие раны, и он вдруг почувствовал, что смертельно, невероятно устал.

Нет, его никто не поправит. Они не видят ошибок в плане, даже если ошибки там просто кишат. Вот и пусть выполняют, а ему уже поздно бояться ответственности: ошибкой больше, ошибкой меньше... Деблокировать столицу — и достаточно, покомандовал, на всю жизнь хватит. Пусть дальше сами. Марко говорит, будет революция. Вот и пусть революция решает все остальные проблемы.

Орсо отпустил генералов, огляделся: подчинённых рядом нет, кроме верного Полидоро, и тот глядит во все глаза на перемещения армий. Орсо лёг на шею кобылы — так было немного легче; голова что-то кружится сильнее обычного — на погоду, что ли? И пообедать бы уже пора, а то скоро ужин, а они ещё, считай, не завтракали... Да ещё и ночь не спал, и предыдущий день.

Разговор с принцем вышел куда проще, чем опасался Орсо. Как он предполагал, Джакомо втянули в заговор, не объяснив толком, какую роль в нём отводят. Когда же он уяснил, что будет просто удобной затычкой для трона, символом чужих идей, всякая решимость его покинула, и он ударился в запой. Тогда, поняв, что деятельного сотрудничества от него не дожидаться, его бывшие друзья просто передали его, мало что соображающего, маршалу Рамону. Тот прямо и цинично объяснил, на что ему андзольский принц: когда Джакомо заявит, что маршал вовсе не сторонник войны и принёс Андзоле на своих штыках законного правителя, ему откроют ворота столицы, а дальше принцу уже и не

нужно ничего делать — всё сделают за него. Слишком поздно он понял, что «ничего не нужно» может означать «и принц не нужен тоже».

Поэтому с ответом Рамону от тянул, сколько мог, и даже не читал ни одной бумажки из тех, что приносили ему на подпись. Ясно было, однако, что таким способом дело не поправишь: подписи и печати без затей подделают, а он, Джакомо, потеряет последнюю надежду на гарантии собственной безопасности.

Поэтому благодарность его за спасение была совершенно искренней. Вот только как ему теперь жить?

— Я могу разрешить ваши трудности, *дорогой дядюшка*, — успокоил его Орсо. — Подишите отречение от престола, и больше от вас никто ничего не потребует.

— И можно будет тихо и без церемоний меня «убрать», как выражаются эти, из другого мира? — криво усмехнулся принц.

— Мне это не нужно. Я буду гарантом вашей жизни — и процветания, насколько это будет возможно. Вы откажетесь от прав на корону, но останетесь особой королевской крови. И моим родственником, что немаловажно. Я позабочусь, чтобы вы могли уехать в Девмен, ко двору своего дяди короля Матя, и жили там в подобающем почёте.

Джакомо недоверчиво взглянул на *дорогого племянника*:

— Вы хотите, чтобы я отрёкся в вашу пользу? Но это незаконно, это не признают...

— Нет, что вы, — Орсо искренне рассмеялся. — Корона мне не нужна. От неё сейчас одна головная боль... Я лишь хочу, чтобы у Андзолы не было пути назад, к статусу королевства.

— И... чем же она станет? — Принц почти испуганно смотрел на командующего.

— Республикой, конечно. А какой тут возможен выбор? Вон Айсизи неплохо справляется...

— Айсизи — агрессор! — разъярился принц. — Они напали на нас...

— Ваше Высочество, мне жаль вас огорчать, но первая провокация на границе, ставшая поводом к конфликту, была устроена андзольской стороной. — Орсо печально вздохнул — совершенно искренне. — Я это знаю от свидетелей. Если бы не это, я бы и сам мог поверить, что Айсизи агрессор. Нет, нас стравили, как собак над костью, хотя это было непросто...

— Мой отец не допустил бы этого, — мрачно заметил принц.

И поэтому ты не стал расследовать причины его смерти, вдруг обозлился Орсо. Сейчас-то он жалеет отца... И мать, наверно, жалеет, а ведь она ещё жива, ей предстоит ей иметь дело со всей этой нелепой и грязной историей. Если только они с Адой не придумают, как её оградить...

— А вы хитры, — неожиданно холодно сказал вдруг Джакомо. — Поэтому-то Ада не хотела знакомить меня с вами?

— Просто не успела. Не ищите всюду двойного дна, иногда люди делают что-то просто чтобы сберечь других от боли.

Принц насупился, замолчал. Орсо выдержал подобающую паузу, потом вернулся к теме:

— Вы согласны отречься? Тогда это нужно сделать сегодня же, сейчас же: дата должна стоять нынешняя, никак не позже.

— Почему? — удивился принц.

— Потому что этим же утром Рамон начнёт наступление, и мы не знаем куда он пойдёт: на нас или на столицу. Вы — его козырь, а теперь, когда он этот козырь потерял, тянуть время ему больше нельзя.

— И что даёт моё отречение именно сейчас? — Джакомо вновь исполнился подозрительности.

Вашу свободу от любых обязательств и любых упрёков. Вы всегда можете сказать, что приняли такое решение, чтобы обезоружить врага — вашего и страны. И это правда.

— Давайте вашу бумажку, — вздохнул принц. — Там всё сказано верно?

— Прочтите, вот всё, что там есть, — Орсо придвинул принцу заранее заготовленный лист. — И напишите, пожалуйста, ниже своим почерком дату и время.

— Время-то зачем? — Принц криво начеркал заковыристый вензель. Руки у него дрожали: если не начать немедленно лечить, сопьётся самое большое через год...

— Битва сегодня, помните? Важно, чтобы документ был подписан раньше её начала.

Джакомо дописал время и вернул бумагу Орсо; похоже было, что он в самом деле скинул с себя неприятный груз.

— Но вы-то что хотите на этом получить? Если это, конечно, не тайна.

— От вас? Ни в коей мере. — Орсо забрал документ, аккуратно посыпал песком, стряхнул его, скатал бумагу в трубочку. — С той минуты, которая указан на этой бумаге, я получаю права военного диктатора Андзолы. Благодарю вас, Ваше Высочество. Попробуйте поспать — у вас была сложная ночь.

В столицу въезжали утром — парадно, при развёрнутых знамёнах, с оркестром и барабанщиками. Отдельным полкам регулярной андзольской армии, участвовавшим в боях, Орсо разрешил идти по собственными полковыми знамёнами. Угрюмая, настороженная столица не сразу признала вошедшую в город грязную и усталую толпу дружественной силой. Но всё же признала: несколько захваченных у Рамона штандартов были брошены к подножию памятника Трём девам. Обнявшиеся мраморные красотки, символизирующие объединённые Андзолью, Ринзору и Джеризу, приняли подношение милостиво — страна устояла, война окончена, чего же больше?

Орсо проехал в голове войсковой колонны до самого Кончилле, и там пришлось просить помощи у Полидоро, чтобы спуститься с седла. Раны воспалились на погоду и две скверно проведённых ночи, насморк тоже не добавлял бодрости; надо поспать хотя бы пару часов, а потом уже все объяснения, совещания, ругань, споры и обвинения во всех грехах...

На завитой, как спираль морской раковины, лестнице дворца его ждал полковник Тоцци. Старый волк замер, не зная, как себя вести; Орсо первым подошёл, осторожно обнял, стараясь не потревожить больное плечо.

— Я рад, что вы живы, — без предисловий сказал Тоцци. — И госпожа Анлих тоже.

— Она здесь?!

— Да, и уже давно, — полковник был явно удивлён. — Вы не получили её писем?

Орсо только покачал головой; пошатнулся, оперся о низенькую белоснежную балюстраду. На этих перилах два года назад Её Величество Мария поставила свою подпись под завещанием Гаэтано Травенари, в котором он передавал своего единственного сына под опеку Ады в случае своей преждевременной кончины.

— Она ждёт вас во дворце, в правом крыле. В зале с фонтаном. — Полковник с сомнением рассматривал новоявленного диктатора. — Она с Её Величеством. Вас проводить?

— Нет, не беспокойтесь... спасибо, я дойду. — Орсо отцепился от перил, встал прямо. — Очень заметно, да?

— Мне — да, но у меня намётанный глаз, — вздохнул полковник. — Вы ещё молоды, но загонять себя слишком уж беспощадно всё же не стоит...

— Я не нарочно, поверьте, — бледно улыбнулся Орсо и побрёл вверх по лестнице. Спинай он чувствовал внимательный взгляд Тоции, пока не повернул дважды на изгибах раковины.

Может быть, он напрасно не взял с собой сопровождающих... Нет, с Адой он хочет увидеться один на один. Свита ещё успеет ему надоесть.

Часть 40, где лестница и история закручиваются спиралью (окончание)

Дворец был почти пуст; изредка в переходах и проходных залах мелькали какие-то люди — не то слуги, не то редкие обитатели. Будто бы с окончанием королевской истории Андзолы благодать монаршей власти покинула Кончилле...

Зал с фонтаном был хитроумно перегорожен дюжиной колонн, изображавших пальмовые стволы с капителями-листьями. Фонтан молчал — хитроумно устроенные в подвалах наносы сейчас не работали. Тёмное платье Ады Орсо заметил на боковой лестнице, такой же спиральной, как и главная. Обогнув две колонны, он выбежал к лестнице и остановился. Ада стояла на третьей снизу ступеньке, а на пятой, чуть выше неё, высокий человек в праздничном светлом костюме держал у её головы пистолет.

— Господин диктатор, рад вас видеть лично, — насмешливо произнёс он.

— Беги, малыш, — выдохнула Ада. — Беги отсюда, скорее.

— Не спешите, — усмехнулся незнакомец. — Вы ведь не захотите оставить госпожу Анлих в моих грязных лапах? Вы уже пожертвовали жизнью ради вашего приятеля, но там вас обманули, а здесь... как видите, всё взаправду.

— Вы кто? — устало спросил Орсо. Вот тебе и спираль... Вот тебе и приехал домой!

— Зовите меня брат Порпорино, — осклабился тот. — Разговор у меня краткий — временем я, увы, не располагаю, а не то непременно продолжил бы беседу с вами в стиле брата Бьянко... Сдайтесь мне, и она, — ствол пистолета небрежно качнулся, — уцелеет. По крайней мере, сейчас.

— Не надо, сын, уходи, — по-прежнему тихо попросила Ада. Она была бледна, как мраморная статуя на площади, только неизменные гранаты в ушах горели, как далёкие звёзды.

— А может, она и права... — вслух задумался «брат Порпорино». — Вы больше не нуждаетесь в опеке, не так ли? Вы сын Творца и можете поступать как возжелаете...

Орсо неторопливо шагнул к лестнице. Снял шпагу, положил на мозаичный пол. Следом отправился его любимый пистолет.

Это всё.

— Верю, — великодушно согласился «брат Порпорино». — Нож в сапоге вам здесь не поможет. Будьте так добры, ещё шаг вправо от колонны, иначе мне не удобно стрелять.

Краем глаза Орсо заметил выше него на лестнице движение; еле слышный шелест платья привлек и внимание врага. Тот покосился за спину, но головы не повернул — всецело был сосредоточен на своих жертвах. Впрочем, беспокоиться ему было не о чем: Орсо видел, кто стоит на лестничной площадке. Её Величество Мария: в сером траурном платье, в простой шали, покрывающей белоснежные волосы, с опущенной головой. «Брату Порпорино» она не опасна, он это понял.

Вот и кончились все его трудности и опасения: как теперь быть со страной, с пришельцами, с изменниками... Он закончил свою работу, больше сын Творца здесь не нужен. Пусть бы только оправдались надежды Марко на революцию. Тогда всё не зря.

— Орсо, родной, уходи, — шёпотом умоляла Ада. — Уходи, малыш, не слушай его...

— Ещё ближе, пожалуйста, — издевательски вежливо прозвучал голос «брата». Рука с пистолетом немного дрогнула — всё же тяжело долго стоять вот так неподвижно...

Впрочем, расстояние между ним и Адой достаточно велико, чтобы она успела схватить его руку, но достаточно мало, чтобы выстрел всё равно нашёл цель.

Орсо шагнул ближе... вспышка оранжевого огня ударила, казалось, прямо в глаза, грохот раскатился по пустому дворцу, десятки раз подряд повторённый эхом. «Брат Порпорино» выпустил пистолет и растянулся на ступеньке, словно тряпичная кукла. Ада брезгливо отступила, и тело покатилося вниз по лестнице. Орсо, как во сне, смотрел за спину Ады; королева неторопливо опустила свой пистолет, из дула ещё поднимался дымок. Женщины Балатара не стареют.

Ада, кажется, тоже что-то поняла, обернулась — и начала оседать на белый мрамор. Орсо бросился к ней и успел подхватить, чтобы не ушиблась о холодные ступеньки. Королева медленно, как на похоронах, спускалась вниз, бесшумно и торжественно. Орсо поднял неожиданно лёгкую Аду на руки (раны снова заныли, но хоть ноги держат) и сделал два шага навстречу Марии. Она молча прижала к груди его голову, стоя на ступеньку выше.

— Я же говорила — Он нас уже благословил, — раздался её молодой переливчатый голос. — Благословил нашей дочкой и тобой, малыш.

Для деловых встреч Орсо нашёл себе дом недалеко от площади Трёх дев — не всех, кто жаждал с ним увидеться, стоило пускать в Кончилле. Да и, в конце концов, это не его жилище — неприлично... На первом этаже устроились канцелярия диктатора и охрана — на охране настоял Тоцци. На втором обитали сам Орсо, Ада, Зандар и бездомная Миннона Родольфо, у которого тоже не было столичного жилья, пока некуда было привезти невесту...

Орсо тщательно проследил, чтобы посторонние люди не имели доступа в дом дальше приёмной. Охрана, писаря, курьеры — все были свои, из Освободительной армии. Саму же армию пришлось распустить — её задача выполнена, война окончена, и теперь в распоряжении диктатора регулярные силы Андзолы. Там ещё непочатый край работы, но армия — это его, диктатора, инструмент. А пока что надо решить все дела с возможными союзниками.

Старый полковник сообщил полезные вещи: несмотря на отречение Джакомо и его показательный отъезд в Девмен, роялисты в Андзоле остались, и в изрядном количестве. Противостоять им сейчас мог только диктатор, зато поддержку они в состоянии найти в самых разных местах. Да хоть у тех же пришельцев — их ведь под корень пока не извели, бегают где-то, плетут коварные планы. Не из одних же «братьев» они состоят. Ловить пришельцев надо, но это дело не одного дня и даже, быть может, не одного года... Пока в дом на площади собирались приглашённые для разговора самим диктатором, с чёрного хода к нему провели «брата Джованни».

Кроме Орсо, при разговоре присутствовал Матео; во-первых, они с Манфредо были неплохо знакомы, во-вторых, старому приятелю Орсо поручил возглавить особый трибунал по пришельцам. Матео изумился, но спорить не стал: кто хотел служить стране? Вот тебе и повод.

Удивить арестованного диктатору удалось: встретить сразу двух бывших соучастников «преинтереснейшего общества» в качестве вершителей своей судьбы он был не готов! Но положение оценил, пожалуй, верно — строить из себя высокородного аристократа было несколько поздно. Вид у Манфредо был больной, синяки под глазами и дрожащие руки остались на память о декаде в джеризской тюрьме. Возвращаться туда ему совершенно явно не хотелось.

— Армини, — неприятным голосом начал Орсо, — вы зря пропустили то собрание, когда «брат» Мауро сознался в убийстве одного из общества и ещё в некоторых своих крайне достойных деяниях. Услышь вы его тогда, возможно, ваша судьба была бы попроще... Не знаю, какой бес вас дёрнул опозорить своё аристократическое достоинство и связаться с уголовщиной, но дело сделано, и в итоге я вас продал.

Армини вздрогнул, дёрнул головой:

— К-кому?

— Маршалу Касересу.

— Но... он же сдался!

— Нет, Армини, он не сдался — он выполнил свою часть соглашения. Если вам в тюрьму не приносили газет, перескажу на словах: вы участник политического заказного убийства, и условие освобождения Джеризу — ваша показательная казнь.

При этих словах вздрогнул уже Матео; «Брат Джованни» это не заметил — он был всецело занят собой.

— Вы... это незаконно...

— Да что вы! А давайте спросим знатока закона — господина Квалоти?

Матео сглотнул, прокашлялся:

— Ну... вообще-то... — Он косо глянул на Орсо, и тот незаметно для арестованного подмигнул ему; Матео немного успокоился:

— При доказанном участии в преднамеренном убийстве с особой жестокостью, совершённом по предварительному сговору, каждый из участников может быть приговорён к смертной казни — это преступление из числа особо тяжких и оскорбляющих нравственность. Но при этом, — Матео придвинул к себе блокнот со своими записями по делу, — дело каждого участника преступления рассматривается особо, и приговоры могут быть разными.

— Иными словами, — Орсо кивком поблагодарил правоведа, — если будет доказано, что вы не главный участник убийства...

— И как... — у Манфредо окончательно сел голос — поверил, наконец, что два бывших приятеля готовы приговорить его к виселице! — Как я могу... это... д-доказать?

— Сдайте убежище Саротто. Скиччи уже казнён, а вот ваш главарь...

Манфредо помотал головой:

— Я... я не знаю!

— Жаль, — Орсо поднялся из-за стола. — Конвой! Можно уводить.

Армини рванулся следом:

— Подожди! Подожди же, Орсо, но я...

Орсо обернулся, словно вдруг вспомнил о его существовании:

— Можете ещё что-нибудь предложить?

Матео пошевелился на стуле:

— Сотрудничество с трибуналом могло бы...

— С трибуналом?! — Армини подскочил. — Но... это же не военное преступление, это же... почему трибунал?!

— Это не тот трибунал, — усмехнулся диктатор. — Вы что-то можете ему предложить, мэтр Квалоти?

Матео, внезапно произведённый в новый ранг, снова заглянул в записки:

— Особый трибунал по делам организации заговора может ходатайствовать об замене

смертного приговора перед гражданским судом, если виновный даст согласие на сотрудничество.

— И что... что я могу?..

— Вы знакомы с «братьями» и их сообщниками в Андзоле, — объяснил Орсо внушительно, как несмышлёнышу. — Сдайте их — и будете жить. А если ваше содействие будет особенно успешным, вам и тюремный срок можно будет сократить... Хотите попробовать?

Манфредо кивнул, облизывая губы.

— Подпишите вот здесь, — Матео придвинул ему заполненный бланк, уже с печатью диктатора, поставил рядом чернильницу с торчащим из неё пером. — И приступим завтра же. Думайте, что вы можете сообщить следствию.

Когда Армини увели, Орсо провёл руками по лицу, опустился на скамью, где только что сидел арестованный, и посмотрел на Матео так виновато, будто намеренно ударил безоружного:

— Видишь, каким гадом я научился быть... Чтобы пугать и мучить, мне не нужны палачи, я сам умею. Не жалеешь... что согласился во всё это нырнуть?

Матео сел рядом:

— Нет. Может, ещё пожалею, но не сейчас. Только... чтобы нам с тобой и вправду не стать гадами, давай иногда проверять друг друга: что мы делаем, как и во имя чего. Не подменяем ли благо страны... чем-нибудь неподобающим.

— Разумно, — восемнадцатилетний диктатор слабо улыбнулся и пожал руку девятнадцатилетнему главе особого трибунала.

С собравшимися по приглашению диктатора сторонниками революции разговор тоже вышел недолгим. Марко, знавший о нём заранее, согласился, что тема важна и что именно в этом он обещал поддержку тогда ещё командиру Освободительной армии. Многие были с ним согласны, но ещё больше понимали создавшееся положение по-своему.

Один такой активист деловито объяснял своё видение ситуации:

— Сейчас, когда на смену монархии пришла всего лишь другая форма единоличной власти, наша работа актуальна как никогда. Мы должны подготовить приход настоящей, подлинно демократической республики!

Оратор был в целом прав, и Орсо с ним не спорил. Тем более что говорить очевидное ума не надо. Но его заботило другое. Дождавшись, пока активист закончит речь, он взял слово — без дальнейшего политеса:

— Господа, я разделяю ваше убеждение, что стране нужна демократия. Но будем честны сами с собой: демократию нужно вырастить и подготовить. А в условиях, когда стране угрожает мятежи роялистов, очень мало кого будет интересовать вопрос устройства справедливого общества. Меня — будет, это знают те из ваших сотоварищей, которые прошли вместе со мной путь Освободительной армии. Ваши идеи оказали большую поддержку делу спасения Андзолы, я это помню. Поэтому поставлю прямой вопрос: что *вы* собираетесь делать с роялистами?

Собравшиеся переглянулись:

— Мы? Но... почему мы?

Орсо пожал плечами:

— Потому что в ваших выступлениях явно прозвучала мысль о моём довольно скором и

неизбежном свержении. Потому что вы изначально нацелены на захват и удержание политической власти. — Он поднял руки, предупреждая раздавшиеся возмущённые крики. — Это вполне логично. Но дело в том, что превращением Андзолы из королевства в республику занимались не вы. Это сделали я и моя Освободительная армия. Меня, кстати, за это расстреляли. Как всё происходило, вам может рассказать в подробностях господин Филиппи, боевой командир и непосредственный участник событий.

Марко кивнул, отвечая на вопросительные взгляды собравшихся.

— Проще говоря, — закончил диктатор, — сейчас вы слишком разрозненны и неорганизованы, чтобы удержать страну. Чтобы вы смогли это сделать, ваш политический вес должен существенно вырасти. Я предлагаю вам помощь в этом!

— Зачем? — выкрикнула миниатюрная девушка с трогательными кудряшками. Орсо уже рассказали, что она в столице недавно, а в войну организовала стачку докеров в Саттине, отказавшихся бункеровать вражеский флот.

— Да помилуйте, потому что вы нужны! И демократическая республика нужна! Но у всех свои задачи. Я могу удержать страну от гражданской войны, вы — нет.

— Ваши амбиции, однако... — начал приезжий агитатор из Ринзоры.

— Мои амбиции? — Орсо обиделся не на шутку. — Вы моих амбиций ещё и близко не видели! Вы не знаете, чего я хочу! Но хочу я этого не от Андзолы, вообще не от этой политической ситуации! — Он вдруг заметил, что кричит на гостей, и постарался взять себя в руки. — Я оказываю вам услугу, потому что мне тоже интересна цельная и сильная страна, где республика не будет такой же хромоногой, как в Айсизи. От вас я хочу взамен только одного: не плетите против меня заговоры.

Он прошёлся по просторному кабинету; активисты сидели всюду, где можно, — на скамьях, на стульях, на подоконниках...

— Многие из вас, — продолжал он уже спокойной, — наверняка думают, что сначала нужно дать мне расправиться с врагами, а потом скovyрнуть меня из диктаторского кресла, воспользовавшись тем, что война с роялистами меня ослабит. Забудьте об этом. Возможно, вы знаете, что я пользуюсь опытом других миров — там это уже проходили! Я не враг вам — но и себе не враг тоже. Ещё раз принести себя в жертву чужим интересам я не намерен.

Марко поднялся, попросил слова:

— Как вы видите ближайшие события в стране? В частности, наше с вами взаимодействие?

— Очень просто: агитируйте народ, издавайте газеты, развивайте связи с товарищами по убеждениям в других странах. Я обеспечу вам свободу политической деятельности в обмен на вашу лояльность. Организуйте коммунальные советы, как в Айсизи, или ещё какие-нибудь демократические органы на местах, пробуйте, изучайте опыт. Придумайте работающую политическую систему для страны. В конце концов, помогите в Айе революцию устроить — чем не цель! Но мне под руку не лезьте: исчезну я — стране конец.

Поднялся шум, споры; махали друг на друга руками, хватили за воротник, хлопали по плечам, трясли кулаками... Орсо отошёл к окну, где стояли Марко и его нынешний заместитель, женщина по имени Карина:

— Вот об этом я и говорил тогда, под Вастале... Вы сможете мне помочь?

Марко тяжело вздохнул:

— Пока я жив, я помогу... Если... если вы останетесь таким, каким были тогда, под Вастале.

В ответ Орсо процитировал то, что частенько вспоминала по этому поводу Ада:

Владыки! вам венец и трон

Дает Закон — а не природа;

Стоите выше вы народа,

Но вечный выше вас Закон.

— Вы мне обещали защиту, Марко, и она мне по-прежнему нужна, — он грустно улыбнулся и пожал руку старого бойца. — Но теперь она нужна не только мне. Вы можете создать силу, которая спасёт всех нас, если те — пришельцы — решатся повторить атаку.

— Я помню, — Марко вздохнул. — Не держите на меня зла, если я уйду раньше, чем смогу вам по-настоящему помочь.

— А вы не забывайте, что всё-таки сын Творца, — на этот раз улыбка у диктатора вышла хулиганской.

Когда диктаторская резиденция опустела, рядом с Орсо в служебных комнатах остался только Зандар. Пристально посмотрев на диктатора, он вынул из-за пазухи фляжку, отвинтил крышку, налил полную и протянул товарищу:

— Глотни, а то смотреть на тебя противно.

Орсо послушно опрокинул в рот водку, чихнул:

— Никак не привыкну... А ты?

— А я на службе, — усмехнулся в усы зинал. — Тебя трезвый-то с трудом может охранять...

Орсо помолчал, что-то обдумывая:

— Послушай, Зандар, — начал он как-то осторожно и нерешительно, — ты не мог бы... словом... быть может, ты сможешь мне найти одну девушку... она жила в Кобалье... Она зиналя, её зовут Илли.

Больше книг на сайте - Knigoed.net